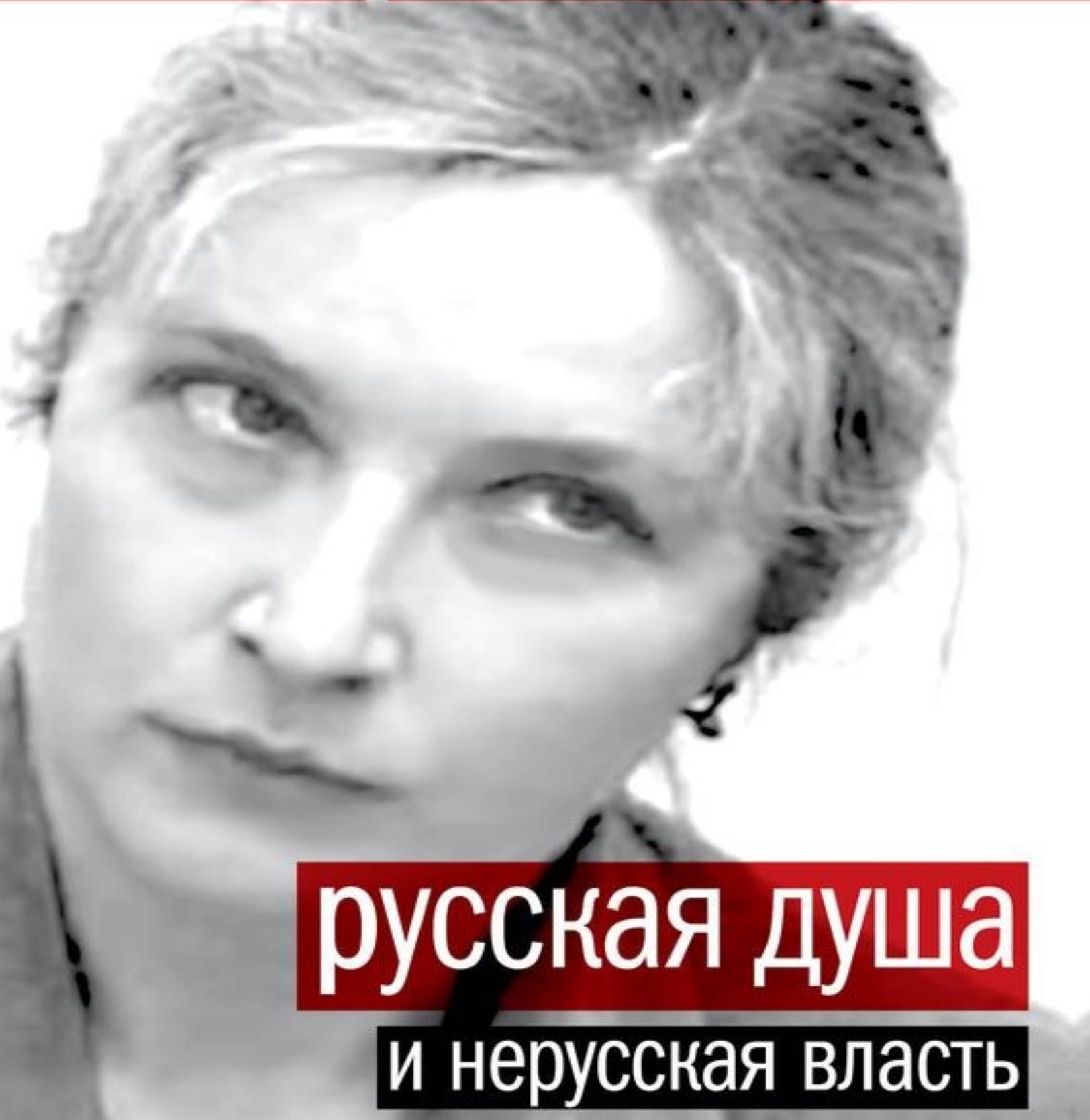

Татьяна

МИРОНОВА

русская душа

и нерусская власть

Отчего расслабление духа и воли в русских людях, сумятица в головах, смятение в душах?.. Впервые, пожалуй, столь доказательно и четко в этой книге даются ответы на самые злободневные вопросы: как противостоять насилию власть имущих, их стремлению исказить исконные представления русских о своем долге перед народом и Россией, как покончить с тотальным чужебесием.

Грязные политтехнологии навязывают нам новых идолов, заставляя любить врагов Отечества. Битва за Россию невозможна без возрождения нашего национального воинского духа, утверждает автор, доктор филологических наук, известный публицист Татьяна Миронова, — без него не защитить Державу, не сохранить русский народ от гибели.

- [Татьяна Леонидовна Миронова](#)
 - [Часть I. Русская душа](#)
 - [Глава I. Русская мысль и русский язык](#)
 - [Глава II. Черные мифы о русском народе](#)
 - [Глава III. Свои и чужие в русской картине мира](#)
 - [Глава IV. Русская душа — сплав язычества и христианства](#)
 - [Глава V. Христианство — основа непобедимости русского духа](#)
 - [Глава VI. Как истребляют воинский дух православия](#)
 - [Часть II. Нерусская власть](#)
 - [Глава I. Диагноз — «электорат»: технологии демократических выборов](#)
 - [Глава II. Кризисы и страхи: технологии управления государством](#)
 - [Глава III. Культ без личности — технологии насаждения президентов](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-
-

Татьяна Леонидовна Миронова

Русская душа и нерусская власть

Глава I. Русская мысль и русский язык

Что отличает народы друг от друга в физическом смысле — изучает антропология. Философы, историки, лингвисты, психологи задаются вопросом, что представляет собой дух народа и чем отличаются народы друг от друга духовно. Так что же входит в понятие «природный русак», «истый англичанин», «настоящий немец», «истинный француз»? Характер, привычки, убеждения, обычаи и представления создают особенные свойства каждого народа, они зримы и ощутимы, причем эти особенные свойства задаются человеку его родным языком. Именно в языке на протяжении тысяч лет сохраняются архетипы этнического мышления и поведения, которые и отличают народы друг от друга. Именно язык предоставляет возможность обнаружить и раскрыть первообраз слова, и задан он как вечная ценность, которая множится в течение времени в новых и новых словах с тем же корнем.

Посмотрите, как развивается, плодоносит архетип мысли в слове рука. Изначально рука значит хватающая, держащая. Затем это слово приобретает высокое значение — властная сила. Из этих двух значений проистекают — руководить, поручаться (брать под свою власть). Так рука превращается из понятия о физическом органе в символ власти и силы.

Не только мысль каждого народа направляется словом его родного языка, но и образ жизни народа, его видение мира и своей роли в нем зависят от слова. Но что самое опасное: через язык возможно ослабление народов, когда человеку навязываются представления и обычаи, образ мысли и видение мира, отличающиеся от тех, что заданы его родным языком. Осознание национальных архетипов мышления и поведения психологи называют душевной гигиеной, укорененностью человека в своем прошлом, наследственным свойством его природы. Душевная гигиена необходима сегодня русским как никогда, ибо разум наш всячески пытаются замутить. Поскольку изменить архетипы мышления, сломать их практически невозможно, так как они даны в родном языке, в его корневом запасе, то их пытаются именно замутить. Человек с помутненным разумом — душевнобольной, — вот то состояние, к которому неуклонно ведут наш народ. Поэтому перед русским народом стоит задача очистить от мути свои исконные представления — архетипы национального мышления или, проще говоря, русский разум.

//- Архетипы русского мышления — //

Архетип подсознания — популярный сегодня в науке термин, и это не случайно. Человеческая цивилизация зашла в тупик, увлекшись идеями прогресса и борьбы с предрассудками, отвергая традицию и духовность. Человечество заболело невиданными доселе болезнями: отказом от деторождения и создания семьи, эпидемией психических заболеваний, самоубийств, повальной одержимостью пороками, которые ведут личность и народ к самоуничтожению вопреки инстинкту выживания, который свойственен всему живому. Превращение человечества в управляемую, безнациональную биомассу, в биороботов осуществляется методами нейролингвистического программирования (НЛП), то есть, как выражаются специалисты, «переписыванием текстов человеческих душ».

В поисках выхода из этого тупика современная философия, психология, социология обратились к изучению защитных механизмов сознания человека и обнаружили, что наше сознание исконно контролировалось подсознанием. В человеческом подсознании заложены инстинкты и рефлексы, заставляющие нас действовать разумно — в соответствии с задачей продолжения рода, с целью выживания своего народа, и с замыслом Творца о каждом отдельном

человеке и о народах в целом.

В русском языке это противопоставление сознания и подсознания соответствует двум дополняющим друг друга понятиям — уми разум. Ум — категория сознания, благое для человека свойство. Но ум не является для русских признаком сугубо положительным, добрым, ведь недаром говорят «на ум взбрело», «с умом жить — мучиться», «от ума сходят с ума», «с умом подумаем, а без ума сделаем». А вот разум в представлении русских — безусловно положительное качество. Если ум может завести человека в беду, то разум — никогда. Недаром русские пословицы гласят: «ум без разума — беда», «ум разумом крепок», «разум не велит — ума не спрашивайся», «ум разуму подспорье», «ум за разум заходит» (это когда ум подавляет разум), «где ума не хватит, спроси разума»... Эти вековые начала народной мудрости свидетельствуют, что разум обитает не в человеческом мозгу, разум — это свойство души. А душа и есть кладезь подсознательного.

Архетип подсознания или архетип мышления — термин, введенный Карлом Густавом Юнгом [\[1\]](#). Мы употребляем его в силу выразительности и точности формулировки: архетип, то есть «древнейший тип», — исконно заложенная в человеческой душе модель и образец инстинктивного поведения под влиянием врожденных, по наследству передающихся импульсов. Психологи говорят, что архетипы мышления — это пра-мысли, пра-образы мыслей. А мысль невозможна без слова, она неразрывна со словом, она облечена в слово. Значит, без языка действие архетипов мышления невозможно. Именно в языке следует искать и формы выражения таких архетипов для защиты от нейролингвистического программирования.

Мысль действительно облечена в слово, но и само слово несет в себе мысль. Именно слово, являющееся выразителем исконно заложенной в него мысли, определяет образ мышления и поведения большинства человечества. Как это происходит? Психолог К.Г. Юнг говорил о подобных случаях, что мысли словно «всплывают» в голове человека. Однако «всплывание» мысли должно осуществляться из каких-то глубин. Психологи метафорически именуют их «глубинами подсознания», «наследием жизни предков», лингвисты же до сих пор спорят о языковых источниках «всплывания мыслей».

На этот счет существует несколько гипотез. Одна из них утверждает, что «элементарные мысли», «пра-мысли» хранятся в корнях языка. Такова высказанная академиком Н.И. Толстым идея о выделении семантического ядра — исходного значения слова. Причем, как полагают лингвисты В.И. Абаев, О.Н. Трубачев, Д.Н. Шмелев, память об исконном значении корня слова хранится даже в словах, уже утративших всякую связь со своим корневым прародителем.

Определяя исходные значения корней праязыка, мы будем говорить о пра-индоевропейском языке, из которого возрос праславянский язык — предок русского, — исконные смыслы слов праязыка существуют как генетически врожденное наследие предков, которое пусть и безотчетно, но надежно сохраняется в глубинах подсознания человека.

Вот индоевропейский корень **pn-* несет в себе «элементарную мысль»: он обозначает «нечто новое, неизвестное, непознанное». Исконное значение этого корня установлено замечательным русским лингвистом Н. Д. Андреевым — это «обозначение перемен в окружающем мире», корень **pn* существует во всех индоевропейских языках. В русском языке такой корень присутствует не только в прилагательном новый (ср. латинское *novus*, греческое *neo*, английское *new* и т. д.), но ту же «элементарную мысль» о новом и неизвестном, о переменных и постоянном движении хранят в себе другие слова русского языка, в которых мы даже не подозреваем родства с прилагательным новый. Но такое исконное родство в них присутствует: *но* — союз, вводящий новую информацию, грамматический знак перемен, ныне — «теперь», буквально означает — «в новый день», *ну* — утвердительная частица, требующая от собеседника получения новой информации, *ну* — команда, даваемая лошади ездоком, сигнал к

началу путешествия, то есть к получению новых впечатлений. Так что «элементарная мысль», которая содержится в древнем корне *nw-, сохраняющемся во множестве слов русского языка, определяет действия человека на получение новых знаний, новых впечатлений, новых известий, нацеленность на ожидание перемен.

Сколько таких пра-мыслей было в древнейшем языке человечества — неизвестно. Достоверно установлены 203 корня пра-индоевропейского языка и описаны их исконные значения. Это великое открытие, равнозначное в науке открытию периодической системы элементов Д.И. Менделеева, сделано лингвистом Н.Д. Андреевым, и он же показал, как из крохотного зернышка-корня, состоявшего всего из двух звуков в нашем пра-языке, произрастали, словно ветвистое дерево с мощным стволом, производные слова со множеством значений.

Установленные Н.Д. Андреевым 203 корня пра-индоевропейского языка с их реконструированными исходными значениями, породившими смыслы слов в современных языках, на сегодняшний день с достоверностью могут быть приняты как материальное — языковое воплощение архетипов мышления индоевропейских народов, что психологи называют коллективным бессознательным, свойственным этим народам, а антропологи — расовым типом поведения. Вот один из примеров расового типа поведения, определяемого языком.

Индоевропейское понятие муж, мужчина *xp-(греч. andros) исконно означало идущий впереди. Мужчина, по смыслу своего именованья в индоевропейских языках, должен был быть вождём, ведущим — для семьи, для рода, обязан был направлять, продвигать свое дело, проводить свои идеи, искать и прокладывать путь в любом полезном направлении. В русском языке это понятие сохранилось в предлоге над, который говорит о превосходстве и предводительстве. Одновременно мужчина является носителем ума и мысли благодаря смыслу другого своего индоевропейского именованья *mp-, сохранившегося, например, в русском слове муж и в английском man. То есть архетипы мышления, хранящиеся в языковых корнях, диктуют мужчине установку, что он является ведущим и думающим, заботящимся обо всех в роду и семье.

Понятие жена в индоевропейском языке означает рождающая, предназначенная для продолжения рода. Задача женщины согласно именованию — рождение детей. Архетипы мышления не закладывают в нее программы вождя или мыслителя. Жизнь женщины, согласно языковым представлениям индоевропейцев, оправдывается рождением детей.

Архетипы мышления, «элементарные мысли» хранящиеся в словах муж и жена, действуют независимо от нашего желания, мы подчиняемся им как инстинктам, эти инстинкты укоренены в поговорках, к примеру, муж — голова, жена — душа. Но врожденные языковые инстинкты входят в конфликт с меняющимся под влиянием внешних воздействий общественным статусом мужа и жены, мужчины и женщины в современной европейской цивилизации. Жена уравнивается в правах и предназначении с мужем, а тот перестает выполнять функции ведущего, главенствующего в семье и обществе. Результатом такого конфликта является высокая смертность мужчин, прежде всего в странах, где их роль наиболее принижена.

Почему сегодня в России так беспрецедентно много вымирает мужчин? Число умерших или погибших русских мужчин трудоспособного возраста, по данным Госкомстата, превышает число умерших и погибших женщин в четыре раза. Повторяю: в четыре раза больше гибнет в России мужиков по сравнению с женщинами, и войны как будто нет, и мор повальных болезней вроде бы не косит население, а вот мрут! Объяснить мор пытаются разными причинами: пьянством, наркоманией, высокой смертностью в дорожных авариях, сердечной недостаточностью, которая избирательно предпочитает именно молодых мужчин... Но эти объяснения не касаются главного: почему русские мужики не хотят жить? Почему спиваются, травятся наркотиками, бьются на дорогах, почему у них не выдерживает сердце?

Доктор медицинских наук Игорь Гундаров дал на этот вопрос наиболее исчерпывающий

ответ: «Эпидемия сверхсмертности в России является результатом навязывания исторически и культурно чуждых для нас духовных ценностей. Тип мышления, всячески внедряемый в сознание русского человека, противоречит его нравственно-эмоциональному генотипу, и вымирание нации является специфической реакцией отторжения на чужую духовность». Я бы сформулировала еще жестче: те задачи, которые ставит перед народом его язык, а именно язык, повторяю, направляет мысль человека в национальное русло, в условиях чужой духовной экспансии, невыполнимы. Человек отказывается от бессмысленной жизни, он интуитивно отказывается жить, не желая быть овощем на человеческой грядке.

Что происходит ныне в России с русским народом? Русские женщины еще кое-как выполняют свое предназначение, они рожают, пусть всего по одному, по двое, но производят на свет детей, и тем держатся за жизнь. Но вот русские мужчины в своей собственной стране, в своих собственных семьях перестали быть идущими впереди. Мужчина сегодня не может сам определять будущее — будущее тех, за кого он отвечает, будущее тех, кто вручен ему судьбой как идущему впереди. Взять хотя бы самую малую матрицу общества — семью. Прокормить ее мужчины в большинстве не могут. По последним данным Госкомстата, зарплату ниже прожиточного минимума получают сегодня в стране семнадцать процентов населения — 24 миллиона человек. А рядом с голодными семьями русских мужиков, не имеющих возможности прокормить своих детей, жируют, пируют, процветают, роскошествуют, упиваются баснословными богатствами чужие и чуждые для русской земли. А в целом получается при такой массовой нищете средняя зарплата в России 37 тысяч рублей! Но ведь и на такую зарплату крышу над головой в России не купишь ни в десять, ни в двадцать лет. Так что не может русский мужик быть идущим впереди своей семьи.

А где русскому мужчине быть идущим впереди в делах на благо своего Отечества, если промышленность загублена, сельское хозяйство деградировало, а землю распродают иностранцам. Законы писаны так, чтобы губить страну, а не созидать ее могущество. Русские же губить и разрушать свое не способны: тот, кто призван вести вперед — обязан вести к добру! Где же русскому мужику послужить Родине, чтобы оправдать свое имя идущего впереди? Негде!

И во власть, чтобы попытаться свергнуть скотство жизни, русскому мужчине вовек не пробиться. Там очередь из других, немужской ориентации, особых пролазных, хищнических способностей и нерусской хватки.

Что остается? Умирать. Не дорожа жизнью, просаживать ее в пьяном угаре, в наркотическом полусне, в бесплодных мечтаниях.

Всякий раз в истории, когда русским, идущим впереди, пресекали мирные пути созидания, они выходили на дорогу воинской битвы. Почувствовать себя воином, идущим впереди обездоленного, осиротелого, оскорбленного народа — вот единственно возможный спасительный путь для русского мужика. Этот берегающий нацию опыт подсказывает нам, к примеру, сербский язык, в котором жена именует мужа — воино.

Глава семьи, женатый мужчина, по-сербски воин. Сербь, находившиеся под турецким владычеством пятьсот лет, знают, что выстоять поработенному игом народу можно только тогда, когда его мужчины, мужи поголовно становятся воинами.

Вот и русским женщинам сегодня остается одно — следовать примеру сербских жен. Наши мужья, чтобы не потерять смысл своего существования, должны стать воинами. Это их единственная возможность выбрать путь идущего впереди. Иного пути спасти себя, свою семью, свой род, свой народ, свою Родину история не предоставляет.

Исходное значение слова мать — огромная, обширная, основная в жизни, и отсюда древнейший архетип матери, понятный человеку с рождения: мать — опора всего сущего (ср. однокоренные слова матерый, материк, матица), мать — корень всех человеческих начинаний и творческих устремлений, основа всяческого начала и конца. Привязанность к матери как к основе нашей жизни неизменно заставляет каждого возвращаться к родному очагу, напитываться здесь новыми силами и новыми вдохновениями.

Своеобразие русского национального сознания состоит в том, что архетип матери у русского человека напрямую соотносится не только с привязанностью к родившей его женщине, а равно и с любовью к родной земле, которая имеет отчетливые черты материнства.

«От земли взят, землей кормлюсь, в землю пойду» — так издревле говорили русские. «Земля еси и в землю пойдеш», — в лад исконному поверью вторит богослужебный чин. Это и есть понятие Родины. Ибо все мы рождены и живем в физическом, телесном смысле именно землей, в ней лежит прах наших предков, из которого вырастает все, чем кормятся новые поколения, и сами эти поколения в свое время тоже станут прахом и почвой для потомков. Земля и впрямь рождает нас и носит на себе и потому она — Родина, и потому она — Мать. «Добра мать до своих детей, а земля до всех людей». «Как ни добер кто, а все не добрей Матери Сырой Земли: всяк приючает семью до гробовой доски, а земля приючает и мертвого». «Нужна рыбе вода, птице вольная ширь поднебесная, а человеку нет ничего нужнее, как Мать Сыра Земля, — умрет, и то в нее уйдет».

Но не всякая земля — мать родная, та, где человек родился, ибо в ней лежат его деды и прадеды. Земля — это икона предков. И потому издревле перед лицом земли родной человек не мог солгать, и говорили в старину: «Не моги солгать — земля слышит!» И потому человек не смел выругаться черным словом, ведь по поверью, у того, кто ругается матом, земля три года под ногами горит. А еще русские твердо верили, что земля не принимает в себя после смерти тех, кто знается с нечистой силой, такие скитаются тенями среди живых, наводя страх и ужас, вот отчего колдуну в могилу вгоняли осиновый кол — чтоб не шастал по земле, раз она его не принимает, да не пугал добрых людей.

Клятвы перед лицом земли донесла до нас языковая память, то были обеты, слышимые поколениями предков: «В земле деды-прадеды лежат, из земли всякое слово слышат!» Считалось, что тяжких грешников земля ни на себе, ни в себе не держит, они проваливаются «сквозь землю», и потому в подтверждение добросовестности говорилось «да провалиться мне на этом месте!». В древности клялись: «Не роди Мать Сыра Земля!», что равносильно молитве-оберегу «Не дай Бог!». И еще сохранялась в народе клятва «Пусть прикроет меня Мать Сыра Земля навеки!», так говорили, принося обеты, осеняя себя правой рукой крестным знаменем, а в левой держа ком земли. Братающиеся на жизнь и на смерть не только менялись крестами-тельниками, а вручали друг другу горсть земли. Поверье было, если собрать на семи утренних зорьках по горсти земли с могил добрых людей, то эта земля оборонит от бед и напастей.

Язычество дремучее! — вздохнет кто-то, но ведь сохраняется же в русском православии та же древность — и землю с могил святых Божиих носят православные как святыню, и в гроб почившего после отпевания кладут горсть освященной земли.

Да и вот это поверье всякому знакомо: кто не захватит с собой в чужедальний путь горсть родной земли — тот не увидит больше Родины. Отправляющийся в дальний путь потому и брал с собой горсточку родной земли, завязанную в тряпицу, что это частица мощей его прародителей, зримое благословение его народа. Вот что стоит за ныне еще здравствующим обычаем.

Сколько русских поговорок, основанных на особом понимании Земли Матери, карающей и милующей, заботливой и суровой, водится в нашем быту: «сквозь землю бы провалился», «земли под собой не взвидел», «да как его еще земля носит», «хоть из-под земли достань, легче в землю

лечь»... Это впечатано в нашу генетическую память, это нерушимый архетип нашего национального сознания: земля — Мать, земля — Родина, земля — Икона предков, земля — Кормилица, земля — Целительница.

Именно кормилица и целительница! За что русский человек не уставал благодарить землю. Кто не почитает землю-кормилицу, тому она, по народному убеждению, не даст хлеба, не то что досыта, а и впроголодь. Кто сыновним поклоном не преклонится Матери Сырой Земле, выходя впервые по весне в поле, не пухом легким ляжет она на гроб того, а камнем тяжким. Мучимые лихоманками, выходили раньше в поле, клали поклоны на четыре стороны, приговаривали: «Прости, Мать Сыра Земля!» В болезни, при смерти в дальней сторонке, на чужбине человек стремится к одному — вернуться на Родину.

Именно инстинктом-архетипом можно объяснить, казалось бы, столь нерациональное завещание умирающих вдали от России — быть похороненными на родной земле и там упокоиться.

Многое из поверий уже утрачено, мы почти не осознаем, что родная земля — икона наших предков и многотысячелетняя толща останков благочестивых родов. Не осознаем этого настолько, что на старых погостах, скашивая их бульдозерами, строят сегодня развлекательные центры и гипермаркеты. Мы не думаем о том, что нас из земли может кто-то услышать, и потому, не стыдясь, сквернословим, лжем, подличаем. А главное — мы стали воспринимать землю как окружающую нас среду. Да, именно так — окружающую нас. А мы, стало быть, ныне живущие, — пуп земли. Каких только пакостей не претерпела от нас родная земля, мы вырубаем леса, поворачиваем реки, иссушаем болота, убиваем все живое на родной земле, не думая уже, что Она живая, что Она — святыня. Мы считаем ее только источником ресурсов, доходов и прибылей. Добрый сын так с матерью не поступает.

А ведь земля — Мать. В архетипах нашего русского мышления искони и навеки записано: Земля — Мать. Охватит, обступит человека горе, надсмеется злосчастье над его душой, задавит несправедливость или тоска, и кидается тогда горемыка ничком на землю, обхватывает ее, родимую, руками, припадает к родной земле, как в детстве к груди родной матери, выплачет свое горе, вырывает все, что на душе, и легче становится. А почему к земле приникает человек — кто ж знает? Да только сердце подспудно ведает старое поверье «Держись за землю, трава обманет!». Держись за землю! За землю держись! Но если Земля — Мать, а это в тайниках нашей души, в архетипах мышления живет несомненно, то мы — ее дети, сыновья и дочери. Материнство земли заложило в нас животный инстинкт Ее защищать, заботиться о Ней как о Матери. Я повторяю — животный инстинкт. Все русские, родившиеся на русской земле, — по зову предков неприменные защитники Родины, Матери Земли. Такая убежденность на протяжении веков хранила Россию и русских от внешних нашествий. Какой бы пришлый ни явился на нашу землю, под какой личиной бы ни скрывался чужак, его намерения выявлялись по тому, как он обходился с Матерью Землей нашей, с Родиной нашей русской. Топтал ее, терзал, разорял, губил цвет земли, — поднималась, хотя порой и не сразу, но непременно поднималась сила русская, вздымались сыны Родной Земли, сколько бы их ни осталось, постоять за Мать. Не было в том русском гневе никакой корысти, не себя защитить, не за родню заступиться, не свое добро отстоять, но именно за Родину Мать вставали люди русские. Знают наши враги этот исконный инстинкт русский, потому и внедряют в наше сознание толерантность — терпимость ко всякому пришлому, не нужному Земле русской.

В известном древнерусском стихе о Голубиной книге задается вопрос: «Которая земля всем землям мати?» И следует ответ: «Свято Русь земля всем землям мати». Тогда следует новый вопрос: «Почему же Свято Русь Земля всем землям мати?» — «А в ней много люду христианского, они веруют веру крещеную, крещеную богомольную, самому Христу, Царю

небесному, Его Матери Владычице, Владычице Богородице, на ней стоят церкви апостольския, богомольные, преосвященные, Они молятся Богу распятому.» Нельзя слова эти назвать проявлением русского шовинизма или самовозношения. Не только русские считали свою Родину матерью всех земель. Место Руси геополитики Европы и Америки называют heartland, то есть «сердце земли». Такой видели нашу землю другие народы планеты, и это подтверждается новыми исследованиями глобального потепления климата. В то время как по прогнозам ученых-климатологов Западная Европа, Америка, Австралия, Африка будут подвержены ужасным катастрофам, самым удобным и безопасным будет лишь одно место на планете — страна под названием Россия. Вот и зарятся на нашу Родину-Мать завидующие глаза и загребущие руки чужаков, вот чем объясняется исподволь управляемое нашествие на Россию некоренных народов — надо разбавить, растворить русский народ, чтобы истребить и истощить его сыновнюю силу, когда придет наш час постоять за Мать Сыру Землю — за нашу с вами русскую Родину.

//- Отцовство и Отечество — //

В славянском слове отец заключено древнейшее значение — источник существования. Корень от-у слова отец — исконно тот же, что и в нашем русском предлоге от, который употребляется с родительным падежом. Отец — это тот, от кого ты приходишь, отец — это твой источник. Когда жена рождает от мужа, он становится отцом. Так отец в истоках русского языка именуется источником нашей жизни.

И еще одно слово обозначает отца в русском языке — батя. Оно восходит к индоевропейскому pater, английское father и немецкое fater имеют те же истоки. Корень этого слова сохраняет исконное индоевропейское значение — «защитник». Батя в русском представлении, как и в представлении других языков, — это защитник рода и семьи, тот, кто бережет и ограждает от беды, о чем и предупреждают русские поговорки всякого зарвавшегося сына: Не лезь поперед батьки в пекло. Подвергаться риску и опасности — это привилегия и обязанность отца — защитника семьи.

А еще есть мудрая поговорка, какую вспоминают русские обычно с запоздалым раскаяньем: Был отец — убил бы его, нет отца — купил бы его! А ведь как точна природная наша мудрость. Всякий сын бывает отцу поперечником, отцовское старое да надежное представляется ему отсталым и устарелым. И сколько таких раскаявшихся после отцовской смерти сыновей вспоминают эту поговорку! Вспоминают и тогда, когда растят уже собственных сыновей, таких же, как сами, поперечников, привередников и спорщиков.

Два смысла, связанные с именем отца в русском языке — источник нашей жизни и наш защитник, — ускользают ныне из сознания русских людей. Не всякий помнит и пятую заповедь Закона Божия: «Чти отца и мать свою, да благо ти будет, да долголетен будеши на земли». Заповедь постановляет, в чем залог нашего благосостояния на земле и залог долголетия нашего рода, то есть детей и внуков. По сути же, почитание отца-матери как заповедь и как архетип мышления являются основой идеологии национализма. Национализм — это любовь к своей нации, единственная идеология, позволяющая народу выстоять в кошмаре глобализации. Любовь к отцу, а у отца — любовь к своему отцу — нашему деду, а у деда — почитание своего отца — нашего прадеда... Почитание старших в семье преобразуется у нас в почитание дедов и прадедов в роде, а любовь и уважение к своему роду выливается в любовь к родному народу.

Законы наследственности, прописанные в архетипах русского мышления так же, как и пятая заповедь, видят долголетие рода в сохранении доброго духа, передающегося от отца к детям, в преемственности добра и зла в роду: Каков батюшка, таковы и детки. У доброго батьки добры и

дитятки. Яблоко от яблони не далеко падает. Сын в отца, отец в пса, а оба в бешеную собаку.

Каждый из нас, слыша эти слова от родителей, взрослеет в убеждении, что будущее нашей семьи и нашего рода, судьба и счастье наших детей — в наших руках. И не надо изучать биологические законы наследственности, штудировать генетику, чтобы понимать, откуда у наших детей изъяны и пороки — от нас самих.

У русских сегодня еще довольно крепко укоренена любовь к матери. Мало сыновей-дочерей, бросивших или презирающих мать. Но при этом в России властвует полное пренебрежение к отцам. Отчего это? От вас, отцы. Посмотрите на себя, во что вы превратились. Вы ли источник жизни для своих детей? Вы ли защита и оберег для своих семей? Нет. Повальное пьянство, от которого, согласно докладу ООН, к 2025 году в России вымрет 11 миллионов человек. Отсутствие воли и ответственности за Родину и детей. А сколько брошенных детей, сколько детей-бродяг, беспризорников. Это яблоки от каких яблонь? Вина отцов, отдавших в России власть чужеземцам и иноверцам, всегда расплатой падает на головы их детей. И в наших детях — трусливых, безвольных, не желающих думать и учиться, сквернословящих, наркоманящих, пьющих, мы должны узнавать себя. Только пороки и грехи детей удесятятся, потому что они уже не сдерживаются усилиями родителей.

Народ, утративший отеческую любовь, нация, в которой нет почитания отцов, обречены на вымирание, точно также, как и семья, в которой отец — не защитник, а сын не чтит отца, уже не семья и не род. Этот архетип мышления надо очищать от мути в глубинах своей души.

Слышу скептические голоса: где уж очнуться горькому пьянице... Как никогда не имевшему воли к победе и успеху пытаться чего-то добиться в жизни. Разве можно встать на ноги, если ты провел на коленях всю жизнь. Не верьте этим лукавым рассуждениям! Вши и клопы одолевают нас не потому, что мы не можем от них отбиться, а потому что грязны, запущены, ленивы. Так что ж теперь, всем погибать из-за пьющих, расслабленных, безвольных, из-за тех, от кого заболело, завшивело тело народа. Будем отмываться и очищаться. Возможно, какие-то добрые дети поднимут из руин своих погибающих родителей, возможно, какие-то опамятовшиеся отцы вразумят падших детей. Для спасения нации надо восстановить в народе чувство отеческой любви. Таков закон национального выживания. Закон этот коренится в исконном названии Родины. Отечество — это ведь не столько наша земля, это прежде всего земля наших отцов, земля наших предков, передавших ее новым поколениям.

//- Добро и зло по-русски — //

Отличительная черта нашего времени — наглое и упорное смешение представлений о добре и зле, когда человек зачастую уже не отдает себе отчета, что совершает зло, хотя различать добро и зло свойственно любому человеку. Но это понимание — «что такое хорошо, и что такое плохо» — во многом национально обусловлено.

Древние корни слов добро и зло в русском языке изначально несут в себе понятия хорошего и плохого. Причем добро и зло существуют в постоянном сопоставлении друг с другом, они — основная шкала оценок всего, с чем сталкивается человек в течение жизни.

В той же системе координат пребывает множество пар слов, соотносясь одно — с добром, другое — со злом, таковы: право и лево, верх и низ, прямо и криво, перед и зад, свет и тьма, белый и черный. По тому, как в русском языке эти слова распределяются в категориях добра и зла, мы можем судить о представлениях нашего народа о том, что он считает добрым, а что ненавидит и презирает как безусловное зло.

Итак, понятия добра и зла есть исходные установки, заданные нашим родным языком. В той

же системе координат размещены противопоставленные друг другу пары слов, которые отражают представления народа о том, что для него хорошее, а что плохое. Таковы прежде всего слова правый и левый. Разумеется, они обозначают конкретно правую и левую стороны при ориентации человека, правую и левую руки, части тела. Но одновременно они хранят в себе представление о том, что правое — это добро, а левое — это зло. Вот почему в понимании русского народа править в государстве можно, лишь творя добро. Управлять, согласно нашему языку, должно лишь во благо. Если русские убеждаются, что власть имущие несут ему зло, они требуют исправления ситуации. Они интуитивно стремятся выправить свою жизнь, если власть не правит народом как должно.

Корень прав-необычайно плодотворен в нашем языке, вся человеческая деятельность, с точки зрения русского самосознания, освящена идеей правоты. Ключевое для нас понятие правда исконно означало свод правил, по которым живут русские люди. Первое русское собрание законов и правил называлось «Русская правда». Правду как правило русской жизни, жизни в добре, народ рассматривал как всепобеждающую силу: «Не в силе Бог, а в правде», «Деньги могут много, а правда — все».

Справедливость — основной принцип жизни русского человека, который готов терпеть материальные невзгоды и лишения, нужду и голод, несправедливость же моментально приводит его в ярость. Вспомните Манежную площадь, где против беззакония и государственного беспредела — против несправедливости — выступили наши дети — пятнадцати-, шестнадцати-, восемнадцатилетние мальчишки. Уж кажется, им-то где было научиться чувству справедливости, ведь они выросли в самые несправедливые за последние полвека времена! Но в том и дело, что это чувство — врожденное в русских и вздымается в наших душах на подсознательном уровне.

Насколько благим понятием правый пронизана вся наша жизнь, настолько слово левый носит в русском языке и сознании ярко негативную окраску. В нас стойки понятия — левачить, левак, гулять налево, добыть слева, продать налево, зайти слева... Все это о незаконных, неприличных, неприглядных, с точки зрения русского человека, делах. А как живучи установки, основанные на древнем представлении, что слева за плечом у нас хоронится нечистая сила и, чтоб не сглазить, надо поплевать на нее через левое плечо.

Еще вспомним наши древние выражения, которые никому объяснять не надо: встать с левой ноги, надеть рубаху на левую сторону.

Слово правда противопоставлено в русском языке понятию ложь. Правда для нас — это все, что не содержит в себе лжи, а ложь — не приемлемое для русского человека безоговорочное зло. Безнравственными для нас являются все производные лжи — обман, хитрость, ловкачество. Русская психология правдивости, честности резко контрастирует психологическими установками других народов, к примеру, иудеев, у которых данные понятия являются позитивными качествами, что отражено в их религии. Так что древнейшие пространственные ориентации правый и левый в архетипах русского мышления предстают категориями добра и зла. И понятия верх и низ, первоначально пространственные, оказываются признаками доброго — верх и злого — низ. Тело человека в древних, надежно хранящихся в подсознании представлениях, следует покрывать ниже пояса, прятать его от чужих взглядов, ибо там срам и стыд. Все, что относится к проявлениям физической жизни ниже пояса, рассматривается как подлежащее сокрытию, дабы избежать греха, впадения во зло. Оголившегося прилюдно человека именовали наглым, то есть обнажившимся и, следовательно, бесстыдным. А что такое стыд? Это слово сродни понятиям стужа, студить. Стыд — это когда телу холодно, то есть когда человек раздет. Не зря существует и глагол издеваться, что значит раздеваться, не чувствуя холода и стыда и тем самым выказывая свое бесстыдство.

Напротив, верх человеческого тела, прежде всего лицо, должно быть открыто, лицо в

представлении русских непременно несет в себе черты добра. Если лицо человека не выражает добра, его по-русски называют рожей, харей, мордой, и бьют русские люди, заметьте, не по лицу, а исключительно по морде, ибо по лицу, согласно нашим исконным установкам добра и зла, бить нельзя. Лицо — это верх человеческого существа, на лице должна быть печать добра. По-русски, если есть охота ударить негодяя, приходится прежде переименовать его лицо, назвать его рожей или мурлом, рылом или харей, то есть приравнять к звериной морде, и тогда с чистой совестью по морде вмазать. Так язык диктует нам правила нашего русского поведения.

Но не только человеческое тело рассматривается в русском языке как разделенное на злую часть — внизу, и на добрую — вверху. Понятие о вышнем как о духовном, представление о высоком как о лучшем и по праву главенствующем в социальной иерархии, воззрение на верховенство как на справедливое руководство нижестоящими — эти установки показывают, что всякий успех расценивается как восхождение на высоту, то есть как заслуженное превосходство и возвышение. В то же время слова ниц, навзничь, никнуть, нищий связаны не только с обозначением поникшего человека, они характеризуют всякое нисхождение, в том числе и духовное унижение, и нравственное падение, именуемое по-русски подлостью или низостью. В богословской картине мироустройства на высоте, в небесах, на горах, на облаках обитают Высшие Силы — Господь Бог и ангелы его, а нижние сферы, подземный мир, суть обиталище нечисти — демонов и самого сатаны. Поэтому власть имущие, те, что находятся на вершинах власти, согласно русским архетипам, должны быть непременно праведными, боголюбивыми и стремящимися к добру. Мы обычно долго пребываем в иллюзиях, что они таковы. Когда же открывается, что, находясь на высотах государственного правления, нами верховодят личности подлые и низкие, которым место в преисподней, вот тут поведение русского народа может стать непредсказуемым, он интуитивно, повинувшись национальным архетипам поведения, способен восстановить иерархию, соответствующую нашей русской картине мира. И народ будет стремиться по заслугам отправить власть имущих на дно ада, где им и надлежит по справедливости обитать.

Что интересно, и другие характеристики пространства — восток с западом — в русском представлении точно так же четко ориентированы в категориях добра и зла. Источником добра представляется восток. Это и понятно: для древнего человека новый день, как исток жизни, начинался с восхода солнца, движением его ввысь, а заканчивался закатом светила — падением его вниз. Архаические, вполне материальные представления сопрягаются и здесь с духовными понятиями. Звезду, знаменующую пришествие Христа, волхвы увидели на Востоке, храмы христианские обращены алтарем на Восток, ибо именно с Востока ожидается Второе пришествие Христа. У каждого народа, у каждой религии мира с Востоком связаны представления о явлении Божества, а с Западом — знамения человеческого падения и конца света. И доселе мы называем Западом не только Европу, которая действительно расположена к западу от России, но мы также именуем Западом и Соединенные Штаты Америки, разумея под этим словом наше древнее представление о мире зла, несущем России и русским одни невзгоды. Русская история вполне подтвердила интуитивное прозрение нашего языка: все самые страшные нашествия Россия претерпевала с Запада. Это и тевтонские рыцари в XIII веке, и Смута 1613 года, и нашествие французов в 1812 году, и две мировые войны XX века, и нынешняя оккупация России тоже пришла с Запада. С Запада же исходила экспансия самых вредоносных для русского народа идей — католицизма, реформации, масонства, еврейского коммунизма и такой же демократии...

Теперь рассмотрим категории человеческой ориентации, именуемые в русском языке как перед и зад. Они тоже являются привязанными к категориям добра и зла. Ведь что такое быть впереди? Значит, быть сильнее, умнее, выносливее, терпеливее других. Что значит — оказаться

позади? Значит, что ты слаб, что тебе не хватает воли, выдержки. Это тысячелетние языковые представления о первенстве и отсталости. Они равно древни понятиям русского этикета, которые предписывают не поворачиваться к собеседнику спиной, ведь отворачивать лицо — это знак немилости или обиды. Даже переднее крыльцо и задняя дверь, задний двор — не такие уж и древние в историческом плане вещи, воплощают именно архетипы нашего мышления, упорно разделяющие переднее и заднее как хорошее и плохое, парадное и обыденное, чистое и грязное. Много веков и плохим приметам, несущим те же древние представления: надеть одежду задом наперед, значит вскоре быть битым.

Но ведь задом наперед у нас оказывается перевернутым целое государство. Люди, не достойные быть впереди, руководить, возглавлять, пробились в вожди и лидеры нации. Явные злодеи, торгаши и маркитанты, лихвари и спекулянты, выставляются вперед, напоказ как праведные государственные мужи, а подлинные герои и подвижники отодвигаются на «задний план». Положение задом наперед и с ног на голову в русском представлении не только шатко и неустойчиво, оно губительно и опасно для народа и требует скорейшего исправления, чтобы восстановить исходный древний архетип добра и зла: когда вести народ вперед должны лучшие из него, а все недостойные плестись в обозе.

Пара слов день и ночь в связи со своими природными свойствами света и тьмы оказываются носителями добра и зла. Образы света и тьмы вмещают в себя и понятия белый и черный. Белый цвет — символ добра, света, чистоты и обновления жизни. Черный — образ скорби, зла, мрака, страха и смерти. Этот символический цветовой контраст также врожденно присутствует в нашей душе. Скажешь — светлый человек, и все ясно, и никому ничего не надо объяснять. А обронишь — темная личность или черный человек, — и припечатываешь эту личность так, что никаким мылом печати не смоешь. Возвращаясь к современной политике: чем больше мы видим темных личностей и черных людей в нашем правительстве, в средствах массовой информации, даже объективно, физически черных, тем больше осознаем, что эта тьма несет нам зло и неправду. Наш язык помогает нам убеждаться в этом.

В категориях добра и зла сориентированы и противопоставления слов прямой — кривой, простой и лукавой. Конечно, преимущества прямоты и невыгоды кривизны на дорогах и перепутьях всем ясны. Но этими же словами описывают духовные понятия: прямота, как свойство характера и тип поведения представляется русскому человеку безусловным добром, а кривизна видится нам несомненным злом, пороком, достойным презрения. Не зря существует древнее выражение кривить душой, значит лгать, изворачиваться, лицемерить. Простота — та же прямота, еще и с готовностью простить всякого перед тобой провинившегося, — явное добро и преимущество перед лукавством, которое есть уклонение от прямого пути. Простота и прямота, по убеждению русских, сильнейшие и лучшие свойства человеческого духа, они умножают даже физическую силу человека. Из таких вот исконных установок и проистекает природное русское качество преданности и верности, а также русское презрение к предательству и измене как производным кривизны и лукавства. Вот почему никогда никто нас не убедит, что изменник Горбачев, что предатель Ельцин, развалившие государство, — это хорошие, добрые люди. Наш язык противится таким уверениям всеми своими смыслами, как бы сегодня ни возносили иуд и какие бы памятники им ни ставили из белого мрамора. Даже белизна и чистота самого мрамора, конечно же, неслучайно выбранного скульптором материалом памятника, не спасает предателей, потому что в нашем представлении они, безусловно, черные люди, темные личности, криводушные, низкие и лукавые.

Во врожденных русских понятиях о добре и зле мы видим тяготение к свету и отторжение тьмы, предпочтение белого, то есть чистого, светлого, и отрицание мрачного, черного, нечистого, безусловное служение правде и деятельная ненависть ко лжи и кривде,

приверженность к честности и прямоте, осознание себя правым, белым народом, стоящим на началах добра и истины. Язык диктует нам необходимость целомудрия и стыдливости, требует презирать наглость и бесстыдство, отвергать предательство и измену.

Все это архетипы наших представлений о добре и зле. От них не отказаться, их невозможно забыть, ибо они в крови, в генах нашего языка. Нашего подсознания. Именно с этими архетипами добра и зла, укорененными в душе нашего народа, ведет борьбу дьявол в лице современных власть имущих. Потому что невозможно вести народ во тьму, если он инстинктивно рвется к свету. Весьма трудно руководить народом, который хочет идти к правде, а его погружают в ложь и погибель. Без этих путевых вешек, которые вырубали, выжгли, выволокли на нашей русской дороге насаждением лжи, пороков, откровенного поклонения злу, многие русские превращаются в скот. Но в том-то и грядущая близ беда современных властителей, что окончательно вытравить эти понятия из нас невозможно. Их можно замутить, заглушить, затоптать, заболтать, но не уничтожить. Даже самые малые не вытравленные, не выволоченные корешки нашего языка, рано или поздно прорастут, дадут обильную поросль и плоды. Плоды русского добра и русской правды.

//- Путные мы или беспутные — //

В архетипах русского мышления жизнь человека от рождения до смерти оценивается как путь, как движение, осмысленное или бессмысленное, направленное или хаотическое, но непременно движение. Не случайно христианские проповедники говорили о путешествии человека по морю житейскому. Море по-гречески звучит как понт — путь. Древние индоевропейские народы передвигались на далекие расстояния водным путем, отсюда неслучайные соединения в языках — море греческое — путь по-русски. Означающие езду *reid* и *raid* в германских языках, однокоренные русской реке. Индоевропейское *berg*-берег созвучно, односмысленно русскому *беречь* — спастись от невзгод на берегу житейского моря.

Каковы же русские представления о пути жизни, о дорогах, сопутствующих нашему бытию? Ведь именно ими определяется русский смысл жизни.

В Словаре Владимира Ивановича Даля путь означает всякую дорогу, ездovou накатанную полосу, ходовую тропу. Всякому встречному радушно желают: Путь-дорожка! Счастливого пути! Однако, как это всегда бывает в языке, слово путь имеет более общий смысл: способ достижения, направление движения — путь человеческой жизни, направляемый Богом. Поэтому мы говорим: Пути Божии неисповедимы. Поэтому старшие наставляют младших: Ходи всегда путем правды. На путь истинный мы наставляем, когда разумеем пользу, разумность, толк человеческой жизни. От путей неправедных предостерегаем детей: В этом деле пути не видится. Делаешь не путем. Человек у нас именуется непутевым, если по неразумию не имеет заботы о смысле своей жизни, или беспутным, если сознательно отказывается следовать по жизни прямым и честным путем.

С представлением о прямом пути связана русская идея праведной жизни — жизни путной, осмысленной, пройденной с пользой, жизнь по Божьим заповедям: За Богом пойдешь — добрый путь найдешь, жизнь по заветам отцов: Слушайся добрых людей, на путь наведут. Правило не дорожное, а жизненное, которым наставляли молодежь русские: не ищут дороги, а спрашивают. Ведь дорогой традиции, дорогой обычая проходило и проходит каждое новое поколение. Само слово *обычай* — означает нечто навек установленное, чему люди обыкли, или навыкли, то есть научились. Обычаям надлежит учиться, чтобы их исполнять.

И еще одно важнейшее представление о правильном пути жизни коренится в архетипах

мышления русского человека: Нужный путь Бог правит. Бог пути кажет. Это очень важно для всякого колеблющегося, для нерешительных и робких это спасительная мысль, заставляющая собираться с силами, сосредотачиваться и двигаться вперед!

Мы не всегда отдаем себе отчет, как много в нашей нравственной жизни связано с представлением о пути-дороге. Ведь что такое наши поступки — это поступь по дороге жизни. Мы привычно говорим: войти в сделку, вступить в договор, следовать советам старших, а ведь в основе всего этого лежит идея следования, вхождения, поступи.

Отец ведет за собой детей, муж — жену, оттого она издревле называлась водимою, и, смотря по тому, как люди шествуют за своими вожатыми, составлялся приговор об их поведении, и само поведение наших близких, выходит, зависит не только от водимого, но и от ведущего. Нарушение уставов и законов мы называем проступком, преступлением, и действительно с этими словами соединена идея совращения с настоящей дороги и переступания законных границ: кто не следует общепринятым обычаям, тот человек беспутный, непутевый, заблудший. Сбившись с дороги, он осужден блуждать по сторонам, идти не прямым, а окольным, кружным путем. Сама же дорога — жизненный путь воспринимается русским мышлением как путь прямой, свернуть с него — значит блуждать кривыми дорожками, развращенным называли человека, отравившегося от прямого пути.

Напомню еще одно суеверие, связанное с дорогой и хорошо знакомое всем нам. Как обломок древних инстинктов сохранилась примета: собрался на дело, возвращаться нельзя, — успеха не будет. За древним поверьем стоит запрет на всякое движение вспять, а, следовательно, мощный позыв к продвижению вперед и только вперед. Возможно, этот инстинкт руководил продвижением нашего народа на Север и в Сибирь, на Дальний Восток и Аляску. Именно этот инстинкт — запрет на возвращение породил великую державу на шестой части суши. Отвращение к движению вспять, пока не достигнешь поставленной цели, лежит в основе открытий русских путешественников, освоения новых земель, вообще в основе интереса ко всему новому и неизведанному. И этот инстинкт столь живуч, что окаменел в суеверии, нарушать которое и сегодня решается далеко не всякий.

А вот выражение — перейти кому дорогу — до сих пор употребляется в смысле повредить успеху, заградить путь к цели. Отсюда примета — тому, кто отправляется из дому, не должно переходить пути, если же это случится — не жди добра. Встречный-поперечный, встав поперек дороги, дает понять — это моя земля, двигаться дальше не могли. Сохранившееся в суеверии представление влияет на людей, которым переходят дорогу, предупреждая о трудностях предстоящего пути.

Вспомним еще одну трогательную русскую примету: день, когда уезжает кто-нибудь из родичей, пол в доме обычно не метут, чтобы не замести ему следа, по которому он бы мог возвратиться под родную кровлю. Издревле считали, как метель, заметая проложенный след, заставляет плутать, так, заметая след отъехавшего родича, можно помешать его возврату. Русские люди бережно хранят память об ушедшем страннике, свято веря в его возвращение.

Наш язык уподобляет дорогу разостланному холсту, доньше говорится — полотно дороги. Народная загадка — ширинка — всему свету не скатать — разумеет дорогу. И недаром существует обычай: когда кто уезжает, ему вослед машут платочками — чтобы путь лежал скатертью, так и говорят — скатертью дорога, дабы путь оказался ровен и гладок.

Архетип мышления, что жизнь — это путь, что движение неизбежно, что надо непременно двигаться, следовать путями жизни, заставлял русского человека торить новые стези. Побеждали энергия и риск, ведь стоячая вода гниет, под лежач камень и вода не течет, а камень лежа мхом обрастает.

Вековечная русская мечта — увидеть край света, то место, где свет клином, — вела наших

предков. Необъятная наша Русь делала дороги неизбежной частью жизни. Домоседство русскому не свойственно. До сих пор уму непостижимо, как дерзновенно осваивали русские далекие суровые земли, искали воли, рисковали головой, заселяли гигантские пространства, которые назвали потом Великой Русью. Великую Русь могли открыть, освоить, обжить только великие люди, богатыри, волевые, сильные, расчетливые да приметливые, всегда готовые в путь.

Не зря на русской земле с ее психологией жизненного пути явилось казачество. Казак — в переводе с тюркского бродяга. Говорили на Руси — казачьему роду нет переводу, что были и будут у нас пассионарные, смелые и дерзкие любители вольной волюшки, не способные ходить под ярмом по кругу. Но то не азиатские скитальцы, не кочевники перекаати-поле без роду-племени. Русские казаки — вольные люди, расширявшие границы нашего государства, бившие царю челом новыми землями. Ермак Тимофеевич, завоевав Сибирское ханство, покорив Кучума и договорившись с множеством мелких местных князьков об их подданстве, не сам взялся править покоренной землей, он поклонился этой землей Царю-Батюшке. Одна забота была у русского человека, торившего новые пути-дороги, — о родной земле, чтобы она, родимая, была просторнее, богаче, крепче, под одной могучей дланью.

Так что в наших архетипах мышления исконно заложено, что жизнь — это путь, не топтание на месте, не лежание на печи, а именно путь — волевое, энергичное движение к цели. С младых лет и накрепко на всю жизнь усваивал русский человек, что путь жизни должен быть прямой, без кривизны и лукавства, иначе ты беспутный, непутевый человек, забулдыга. С прямого пути нельзя сворачивать, ибо уходишь от Богом назначенной судьбы. С пути нельзя возвращаться назад! Следовать по пути жизни — значит, руководствоваться обычаями предков. Вот те черты, которые составляют цельную русскую натуру, неиссякаемые родники величия и размаха русского человека: правила русской жизни: только вперед и прямо, не сворачивать, не кривить ни душой, ни дорогой, никогда не пятиться, а значит — никогда не сдаваться!

//- Жить, а не наживаться — //

Двадцатилетие неокapиталистического развития России создало два противостоящих друг другу имущественных слоя — богатых, как правило, представители бизнеса и высшего чиновничества, и бедных, заполняющих все иные социальные страты нашего общества — интеллигенцию, крестьянство, рабочих, а также вышедших из этой среды пенсионеров и молодежь. По данным Госкомстата, 80 процентов населения России пребывает в бедности и нищете, и лишь двадцать — в достатке. При этом богатые богаче бедных не в десять, в сотни раз! когда месячный доход одних — тысячи рублей, других — миллионы долларов! Такая чудовищная диспропорция социального и имущественного неравенства сопровождается в средствах массовой информации ее идейным обоснованием, когда населению внушают, что подобные явления закономерны и естественны для капитализма, и теперь одним предстоит нескончаемо прозябать в состоянии беспросветной нищеты, а другим даровано счастье получать сверхприбыли. И тем, кто хочет перескочить пропасть от бедности к богатству, волей-неволей придется жить по законам капиталистического мира, где человек человеку — волк, где каждый сам за себя, где нет места жалости и солидарности, где воспитание индивидуализма — норма жизни. Общество получило чудовищные результаты нацеленности богатых на сверхприбыли любой ценой: безудержный рост цен на жизненно необходимые энергоресурсы, некачественные продукты питания, фальшивые лекарства, смертельно опасный алкоголь, вредное для здоровья лечение. Произошел слом национальной

психологии, многие русские ринулись жить по канонам западноевропейской цивилизации,

резко отличающейся от нашей русской цивилизации ценностными ориентирами и языковой картиной мира. Западноевропейские ценностные установки и языковую картину мира очень точно охарактеризовал философ Эрих Фромм в фундаментальном труде «Иметь или быть»: «Общество, принципами которого являются стяжательство, прибыль и собственность, порождает социальный характер, ориентированный на обладание, и как только этот доминирующий тип характера утверждается в обществе, никто не хочет быть аутсайдером, а вернее, отверженным; чтобы избежать этого риска, каждый старается приспособиться к большинству, хотя единственное, что у него есть общего с этим большинством, — это только их взаимный антагонизм».

В чем главное отличие языковой картины мира русского, которого рьяно принялись перевоспитывать в духе приобретательства и вождения богатства, от языковых представлений европейца — англичанина, француза, немца? Отличие в том, что европеец всегда стремится к обладанию, приобретательству, жаждет проглотить и присвоить весь мир, недаром Фромм роняет обобщающую фразу — «никто не хочет быть аутсайдером», а русский — русский предпочитает просто жить и действовать.

Различие проистекает из коренного расхождения наших языков в видении мира, отношении к миру. Ключевой для европейских языков — общеиндоевропейский корень, выражающий значение приобретательства — латинское *habeo*, английское *have*, немецкое *haben*, греческое *έχω*. Этот корень организует грамматику прошедшего времени данных языков, он лежит в основе английского слова *happiness* (счастье), он коренится в английском *shopping* (покупки), составляющем сегодня средоточие жизненных целей у человека общества потребления. И в русском языке, конечно же, сохранился этот древний индоевропейский корень, но в каких же словах: хапать, хавать, хватать, хитить. В отличие от европейских языков в русском языке этот корень не участвует ни в каких грамматических структурах, он вообще находится на периферии языка, обозначая весьма неприглядные для русского мышления понятия — хитрость, хищничество. Слова, синонимичные понятиям стяжательства, рвачества, делячества, воровства, захватничества. Причем *habeo*, *have*, *haben* ни в коем случае не переводятся на русский язык словами с таким же корнем, уж слишком негативны эти речения, они последовательно заменяются у нас глаголом *иметь*. Хотя глагол этот обладает совершенно иным исконным языковым смыслом — корень *им-означает* — «внутренне присущий, свойственный чему-либо», этот корень содержится в слове *имя*, где обозначает внутренние свойства человека или вещи, этот корень, пусть и не участвует в грамматике русского языка, но образует множество глагольной лексики, которая описывает манипуляции человека с другими людьми и вещами — *принять*, *взять*, *обнять*, *перенять*, *унять*, *снять*, *отнять*, *разнять*, *разъять*. Слова *имущество* и *имение* содержат тот же корень. Но в отличие от *хапанья* и *хватанья*, данные слова означают вполне нейтральные с русской точки зрения понятия, не несущие стяжательского, грабительского смысла.

Другие же русские слова, связанные с приобретательством, также не имеют подобного индоевропейского корня: *приобрести* буквально значит — *найти*, *получить* — *взять по случаю*, *добыть* и *достать* — *достигнуть существующего*, *овладеть* и *обладать* — *получить власть над вещью*. Так что понятия об обладании в русском языке и в западноевропейской картине мира — разные. И конечно же, различны взгляды на жизнь в свете этих понятий.

Главное различие состоит в том, что у западноевропейца подход к миру — захватнический, у русского же — бытийный, что сказывается практически во всех областях нашей жизни — в обучении, в общении, в любви и браке, в вере и религии, и даже во власти. К примеру, обучение по принципу приобретения подразумевает приобретение знаний, их накопление путем механического запоминания, как собирание товара, купленного за деньги. Обученные таким

образом люди становятся обладателями коллекций чужих мыслей, идей, высказываний, при этом они не склонны думать и творить самостоятельно, вырабатывать собственные идеи. Методика тестирования — наилучший способ проверки подобных знаний, не случайно она внедряется в нашу образовательную систему именно сегодня вместе с западными принципами обучения.

Обучение по принципу бытия подразумевает использование полученных знаний для выработки собственных представлений и идей. Учение, наука, навык, обычай — все это русские слова, обозначающие соединение получаемых знаний с жизнью, с собственным опытом. Творческое задание — сочинение, многовариантное решение задачи, проект, изобретение — формы приобретения и проверки знаний при этом принципе обучения.

Столь же различны в западноевропейской и русской картинах мира подходы к общению и принятию решений. Общение по принципу приобретения представляет собой отстаивание своей точки зрения как собственности, которую не хочется потерять. В таких спорах не рождается истины, здесь с чем спорщики пришли, с тем и уходят, безуспешно попытавшись переубедить друг друга. Политически подобное явление воплощено в европейском понятии *parliament*, буквально означающем место для речей. Совместная выработка решений в подобных случаях оказывается трудно достижимой, если вообще возможной. Именно поэтому в европейской и американской деловых культурах столь популярны методы воздействия на партнеров, разработанные Дейлом Карнеги в книге «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», выстроенные на притворстве, лицемерии, обольщении собеседника, с тем чтобы добиться от него нужного решения или согласия.

Общение по принципу бытия, напротив, подразумевает живой интерес, открытость собеседнику, в том смысле, что он может быть полезен нам опытом, идеями, информацией своим оригинальным взглядом, своей логикой, неожиданностью мышления. Только в таких спорах могут быть успешно выработаны коллективные решения, в русской деловой культуре они выражены в слове совет, понимаемый как согласное общее речение и одновременно как собрание людей для совместной выработки решения. При этом замечено, что русского довольно легко переубедить, заставить отказаться от своего мнения, ибо он не рассматривает его как собственность и способен увлечься жизненно актуальными доводами, приводимыми собеседником. Именно в этом кроются причины пресловутой русской доверчивости и восприимчивости к новым заманчивым, случается, что и абсурдным идеям.

Подобные различия находим во взглядах русских и западноевропейцев на власть.

Власть, воспринимаемая властителем как приобретение, удерживается им как богатство и влечет за собой непременную узурпацию с применением силы. Такая власть ради власти сопровождается излишествами, которым сопутствует нарастающая некомпетентность. Именно поэтому западноевропейская цивилизация выработала множество мер, называемых демократическими институтами, ограничивающими пребывание руководителей во власти.

Власть, организованная по принципу бытия, строится на ответственности руководителя перед подчиненными, а, следовательно, обязывает его быть компетентным в управлении. Эта власть, основанная на долге и совести, не регулируется законами и выборными технологиями, именно такая власть представляется в русской политической жизни идеалом.

Даже в вере западноевропейец и русский в корне отличаются друг от друга. Вера, строящаяся на принципе обладания, — это получение ответов на вопросы бытия, ответов, которые не нуждаются ни в каких доказательствах, они сформулированы в виде догматов. Человеку надлежит их усвоить, чтобы освободиться от тяжелой необходимости самостоятельно мыслить, искать решения трудных жизненных вопросов. Католическая церковь с ее жестким догматизмом, непонятным народу латинским богослужением, отпущением грехов за деньги, жесткими катехизисами является наглядным примером Веры, основанной на принципе обладания.

А вот Вера, опирающаяся на бытие, — это живое общение с Богом, сердечная молитва, самостоятельный поиск ответов на мучающие нас вопросы, это поиски смысла жизни, опять же через самостоятельное проникновение в Св. Писание, словом, то, что называется богообщением и не может быть сковано догматизмом и жесткими канонами. Именно такова Православная Русская Церковь, где служба изначально понятна и доступна любому человеку, катехизисы отсутствовали, а отпущение грехов за деньги полагали кощунством.

Даже взгляды на любовь и брак у нас с западноевропейцами не схожи. Любовь, опирающаяся на идею обладания, — это стремление покорить другого, сделать его своим приобретением. На любовь смотрят почти как на лишение свободы. Отсюда проистекают брачные контракты, движения феминисток, выступающих за освобождение женщины, измены и разводы как бегство на свободу и поиск новых предметов обладания.

Любовь, основывающаяся на идее бытия, созвучна именно русским представлениям о жизни, это существование двоих как «единой души и единой плоти», отсюда очень точно по смыслу выражено «моя половина», потому как только в единстве, только вместе муж и жена образуют единое целое. Такая любовь не требует обязательств и брачных договоров, потому что изначально зиждется на идеальной установке — дойти вдвоем, рука об руку до гробовой доски, жить долго и счастливо и умереть в один день.

Достаточно доказательств, что основные пласты жизни у европейцев и русских организованы по-разному. Но ведь в русскую картину мира сегодня активно внедряют именно западноевропейские образцы обучения, общения, власти, веры и любви. В образовании нас переводят на поголовное тестирование, учителей открыто, в документах именуют предоставляющими образовательные услуги. В общении заставляют жить по законам Карнеги, убеждая нас в необходимости притворяться, чтобы подчинить, подмять под себя собеседника, не желающего расставаться со своей точкой зрения. Во власти нам навязывают убежденность, что ответственность и долг властителем не нужны. Их задача, дескать, подчиняться законам, которые тем временем власть имущие переделывают под свое безответственное правление. В Вере нас приучают к католическому догматизму, запрещая думать и рассуждать. В любви нам навязывают идею физического и материального обладания с закономерно следующими из нее брачными контрактами и так называемыми «гражданскими браками» как наименьшим ограничением свободы.

К счастью, все это действует в России плохо, не приживается пока, потому что в русском языке существует мощное противоядие — преграда для представлений, основанных на западной по происхождению идее обладания. Вот примеры разных национальных типов поведения в истории. Выдающийся русский лингвист А.А.Шахматов, получив письмо от своих земляков, крестьян Саратовской губернии о царящем там голоде, отказался от места адъюнкта Российской Академии наук и уехал на родину, чтобы помочь крестьянам преодолеть голод и эпидемию. С другой стороны, великий Гегель, получив приглашение работать в престижном университете, живо откликнулся письмом к ректору: «А сколько кулей полбы я буду получать за свои услуги университету?» И это естественное восприятие мира русским ученым и немецким мыслителем. Оно исходит из языка. В русском мы знаем формулу владения — у меня есть. Собственность по-русски не завоевывается и не захватывается, это то, что дано, и точка. В немецком же формула владения — Ich habe, в английском — I have. У нас этот корень, напоминая, представлен в слове хапать. Завоевательность, напор, стремление получить прибыль любой ценой кроются в корне этого слова, вот почему оно получило у нас весьма пренебрежительный оттенок.

Формула владения у меня есть в русском языке бытийна. И русская грамматика тоже основана на понятиях бытия, а не обладания. Именно глагол быть формирует наше будущее время, сослагательное наклонение. Этот глагол в качестве нулевой связки участвует в русской

формуле собственности — вместо подчеркивания мой сын, мой дом, моя машина мы чаще говорим — у меня сын, у меня дом, у меня машина. Наконец, именно бытийный корень бы- содержится в словах, обозначающих обладание и связанные с ними действия: добыча, добывать, прибыль, прибыль, сбыт сбывать.

Само слово богатство показывает, что русские воспринимают нажитое имущество как достаток, дарованный Богом, значит, за свое достойное перед Богом отвечать, с умом и душой им распоряжаться.

Показательно отношение русских и к деньгам — символу богатства и накопления. Пословицы и поговорки нашего народа концентрирующе выставляют деньги второстепенной областью человеческой жизни: «Деньги не голова: наживное дело». «Не деньги нас наживали, а мы — деньги». «Деньги — забота, мешок — тягота». «И то бывает, что и деньгам не рад». Богатство в русских представлениях связано со злом и пороком, оно не радует и не спасает душу: «Богатому черти деньги куют». «Через золото слезы льются». «Деньгами души не выкупишь, пусти душу в ад, будешь богат». Русское убеждение, хранимое пословицей: «Деньги могут много, а правда — все», — показывает многовековое критическое отношение нашего народа к наживе. О том, что это отношение остается неизменным и по сей день, свидетельствует пренебрежительное современное именование денег различными «эвфемизмами»: деревянный (рубль), зелень, капуста, бакс, бакинский рубль (доллар). Они наследуют такое же пренебрежительное отношение к деньгам на Руси, когда копейкой называлась монета с изображением Георгия Победоносца с копьем, а рублем (буквально: обрубок) — часть драгоценного металла, отсеченного от слитка гривны.

Торговля в русском менталитете, в отличие от западноевропейского, — дело не почетное, хотя и необходимое. Корень этого слова торг-исконно означает «исторгать». «вырывать», «вытягивать», то есть извлечение прибыли при торговле изначально расценивалось как «вырванное, отторгнутое у кого-то имущество». Не обманешь — не продашь, — такова поговорка, выказывающая русское отношение к торговле. И именованья людей, занимающихся торговым промыслом, при всей нейтральности значений рано или поздно в нашем языке приобретают негативный оттенок: купец, торговец, торгош, продавец, лавочник, приказчик. Сегодня негативные оттенки стремительно обретают слова бизнесмен, менеджер, банкир.

Особенно выразительно в русском языке отношение к ростовщичеству, именуемому с древности лихвой. Лихва (излишек, прирост капитала, ссудный процент) и лихо (зло, рождаемое излеществом), — в русском языке слова одного корня.

Но самым мощным барьером приобретательству и накоплению в русской языковой картине мира является активное использование в языке слов со значением «дать, давать, дарить», противоположным идее накопительства и приобретательства.

Русское давай является важным фактором речевого общения. Мы говорим: давайте пойдём, давайте сделаем, давайте подумаем, давайте решим... В подобных формулировках содержится два важнейших смысла — это призыв к общности (совместному деланию) и бескорыстию. Кроме того, слово дать является сигналом к самостоятельному и решительному действию русского человека, когда он принимает решение что-то сделать в общую пользу, помочь другому: дай-ка мне, дай-ка я! А ну, дайка! А еще слово дать является знаком чисто русского восхищения своим выдающимся собратом: Ну, ты даешь! Во дает! Уж он-то даст, так даст! Помимо этого слово дать оказывается формулой силовой защиты: Я те дам! Он тебе задаст! Поддай ему! Вообще слово дать побуждает русского человека к действию или поступку. Ребенку говорят: давай кушай, давай иди, давай учи, давай помоги. Благодаря языку русских приучают сызмальства именно к самоотдаче, отсюда устойчивые выражения — отдать долг, отдать жизнь, отдать честь.

Но именно такая языковая установка русского языка резко контрастирует с европейскими языками, где нет подобного призыва к самоотдаче, где поступки людей мотивируются лишь «ожиданием материальных выгод, то есть вознаграждений и поощрений, и призывы к солидарности и самопожертвованию не вызывают у людей никакого отклика» (Эрих Фромм «Иметь или быть»).

Сегодня нам навязывается именно такая социокультурная модель общества, в которой способами воздействия на людей полагают лишь материальное поощрение и вознаграждение, подкуп и подачки, обещания и посулы. В этой модели прибыль любой ценой, даже в ущерб другим членам общества, получает законные права. Но подобная социокультурная модель, безотказно действующая в Западной Европе и США, где она совпадает с языковыми представлениями народов, входит в глубокое противоречие с русской языковой картиной мира, формирующей совершенно иные представления о жизни и человеческом поведении, нежели западноевропейские языки. В основу идеалов русского народа положена идея справедливости, которая несовместима с захватом чужого и обманом ближнего. Здесь презирают или считают второстепенными наживу и прибыль, а почитают идеалами жертвенность и самоотдачу. Поэтому в России западная социокультурная модель общества, изуродовав души и мозги части населения, все же рано или поздно потерпит крах. Изменить картину мира народа можно лишь, заставив народ забыть свой родной язык.

Глава II. Черные мифы о русском народе

Общие черты и склад ума, одинаковое восприятие жизни и схожее поведение единят русский народ — многомиллионную массу кровных сородичей. Наука этнология сегодня признает, что национальный характер и вправду существует, он объединяет людей в народы и племена и отличает их друг от друга.

Но вот в описание национальных характеров подчас вкрадываются лукавые измышления, которые извне навязываются народу в качестве его собственных представлений о себе самом. Ложь мифов о русском национальном характере прочно засела в наших головах. Мы привычно рассуждаем о пресловутой русской лени, о женственной мягкости и податливости русской натуры, о нашем бесконечном всепрощении и самоуничижительной смирности, не замечая даже, что программируем собственное поведение, оправдываем собственные человеческие слабости своей национальностью. Но язык наш и история легко соскребают ракушечник клеветы с днища русского корабля, чтобы тот спокойно и плавно двигался наравне с другими народами, уверенный в преимуществах своего величавого хода, наращивая скорость и мощь.

//- Миф о русском гуманизме — //

В числе внушаемых нам измышлений навяз в зубах миф о врожденной открытости и всечеловечности русского народа, который-де хлебосолен и радушен для всякого пришлого, встречного да поперечного. Высоким научным штилем эти мифы звучат так: «Черта, характерная для русского менталитета, — это гуманное мировоззрение, когда на первом месте в системе ценностей человека стоят судьбы всего человечества, на втором плане — судьба своего народа, на третьем — судьба своей семьи, собственная судьба. Менталитет русских включает в себя открытость, то есть любознательность, способность российской культуры открываться внешним влияниям, впитывать ценности разных народов, духовно обогащаться и преобразовывать их» (Егорычев А.М., Нидерер М.В. Русский мир: составляющие этнического самосознания // Социальные силы славянского мира, январь 2010 г., с. 106–107). Все это как будто звучит комплиментарно для русских: аж плакать хочется, какие мы, русские, добрые, гуманные и распахнутые настежь всему миру, какая у нас переимчивая культура и скопированные с чужих образцов традиции, как мы все умело повторяем и как ловко всем подражаем. Нас убеждают со всех сторон, что мы именно таковы, что потому и мир освобождали не раз то от монгольской, то от наполеоновской, то от гитлеровской нечисти, для того мы и империю свою строили, чтобы открывать двери множеству народов, что и вся культура наша — сплошные перепевы Запада и Востока, и сплав этот уже кто-то подоспел назвать евразийством, то бишь смесью Европы и Азии. Получается, что к подвигам, к подвижничеству в строительстве великого Российского государства и не менее великой культуры русских направляли исключительно гуманизм да открытость. Да нет же! русские, как и все другие народы, жили и по сей день живут в четком разграничении своих и чужих.

Вообще этот научно доказанный факт, что без понятия о чужих народах ни один народ, ни одно племя не может ощутить себя самодостаточным, особенным, отличным от других этносом, тщательно скрывается от не охваченного сокровенным знанием населения, дабы не разжигать «ксенофобских настроений» в обществе, не мешать воспитанию толерантности. На самом же деле ксенофобии — боязни чужих народов, неприятию чужих народов, отстраненности от чужих народов — столько же лет и тысячелетий, сколько самим племенам и этносам. Приведу здесь

строго научную формулировку: «В народной культуре отношение к представителям других этносов во многом определяется понятием «этноцентризма», когда свои традиции, своя религия, свои обычаи и свой язык мыслятся единственно настоящими, правильными и праведными. Этноцентризм не является характеристикой, свойственной только одной нации, представляя собой общекультурное явление» (О.В. Белова. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян. М. 2006 г., с.3). Открытость и гуманизм могут быть свойствами отдельного человека, но не целой нации, иначе нация распадается и уничтожается, ведь из ее самосознания в таком случае изымается главный стержень, на который нанизывается все национально значимое, и этот стержень — любовь к своим и неприятие чужих. Да, отдельные мятущиеся личности действительно отрываются от священного древа нации и, как сухие листья, летят по миру, гонимые ветром любопытства и жаждой приключений, таким, по русской пословице, где хорошо, там и родина, но большинство-то и на чужбине селится общинами, хранит родной язык, национальные традиции, избегает растворяться в массе чужеродцев.

Русская картина мира изначально разделяется на своих и чужих, причем понятие свой, искони имевшее значение — родной, ближний, является ключевым словом русского языка, полагающим пределы всему, чем русские дорожат на этом свете. Слово свой прилагается и к языку, и к религии, и к обычаям, которые мыслятся своими, что значит — родными, данными Богом, и потому, безусловно, праведными и лучшими в мире, в отличие от чужих.

Что же такое — чужие для русского человека, так приверженного своим? Слово чужой исконно звучало как туждь, что буквально означало — человек оттуда, то есть с другой стороны света, из другого, непонятного, заграничного мира, по-русски — из иной страны. Полным аналогом слова чужой сегодня является понятие иностранец.

Без противопоставления свой-чужой русский человек обойтись просто не может, потому что тогда у него расплываются жизненные ориентиры.

Свойским является для нас общение: по наблюдениям лингвистов, русский в беседе предпочитает говорить сначала о событиях, потом о собеседнике и только в последнюю очередь о себе. Последнее у нас неодобрительно называется ячиться. Француз же при общении, согласно тем же исследованиям, в первую очередь посвятит беседу себе любимому, потом обратится к текущим событиям, а собеседник интересуется его в самой малой мере.

Противопоставление свой — чужой необходимо нам и для того, чтобы правильно, с точки зрения наших национальных интересов, относиться к происходящему в мире. Все, нам неприятное и вредное, враждебное и непонятное, мы обычно именуем чушью, сегодня уже почти забыв, что в древности это слово звучало как чужь, то есть чужое, не свое, пришедшее со стороны, а оттого неприемлемое. Мы изначально оценивали все чужое как чушь, — вещь чуждую, потому для нас не пригодную.

Противопоставление свой — чужой, неизменное на протяжении тысячелетий, указывает русскому человеку, где он может укрыться в случае опасности, при трудностях жизни и невзгодах судьбы. Уйти под защиту своих, получить прибежище от преследований чужими, согреться душой в вековых традициях взаимопомощи, национальной поддержки и солидарности — вот что нас укрепляет в волнах бушующего житейского моря, которое бороздят не только русские, но и множество чужих кораблей. Это противопоставление указывает нам, где наша защита и опора — только среди своих.

Наконец, противопоставление свой — чужой указывает нам источник опасности и необходимость национального единения перед лицом чужаков. Когда натиск чужих обрушивается на весь народ, у своих — у русских — срабатывает инстинкт национального самосохранения и сплочения. Этот инстинкт в нашем народе наиболее силен и яростен. Вот почему мы так энергично и жертвенно поднимаемся на борьбу с иноземными захватчиками,

вышвыриваем их со своей земли и гоним от своих границ до самых ворот их логова, чтобы убедиться в безвредности обезоруженного и обессиленного оккупанта. Так что противопоставление свой — чужой на протяжении веков являлось нашим спасением от инородного владычества, но оно же — такое тоже случается, — стало ныне преградой на пути национального возрождения. Вот почему мы так тяжелы на подъем против своих притеснителей — людей, по всем признакам должных быть своими — они с родной нам земли, говорят с нами на одном языке, но по поступкам те же янычары, и гнать бы их давно пора с той же решимостью и силой, как всякого врага, да срабатывает национальный инстинкт «свой — чужой».

Горстка прикинувшихся своими инородцев-чужаков захватила власть и оберегает ее от притязаний русского народа и других коренных народов России. Поскольку у них отсутствуют многие признаки чужеродцев — они говорят на русском языке, соблюдают наши обычаи общения, посещают православные христианские церкви, — в них трудно сразу распознать чужих. И лишь их деяния, губительные для всех коренных народов России, и, в первую очередь, для русского народа, выдают в них чужаков, пришлых, не своих, не наших. Это настолько больно для русского сердца — увидеть в наших правителях национальных оборотней, что тотчас по стране принимались циркулировать слухи о турецких корнях Горбачева, иначе бы не сдал великую державу Западу, о еврейских кровях Ельцина, иначе бы не развалил единое русское пространство и не поверг русский народ в беспросветную нищету, о еврейском дедушке Путина, иначе бы не развязал беспощадного геноцида русского народа, о еврейско-армянском семействе Медведева. Мы решительно не хотим принять даже мысли о том, что свои способны гнобить, уничтожать своих, причем целый народ, а, значит, они не настоящие свои, в них есть какая-то пришлая кровь, чужеродность. И только постепенное осознание, что в политике страны действуют не только свои, но и чужие, явится спасительным для русской нации. Это прекрасно сознают наши власти, потому и пытаются искоренить так называемую ксенофобию, насадить толерантность, а на самом деле стараются уничтожить национальный инстинкт самосохранения, который убить можно только вместе с народом.

Инстинкт этот ныне в русских нарастает. В советское время мы были национально ослаблены и истощены, во-первых, оголтелой пропагандой коммунистического интернационализма, нахально эксплуатирующего миф об открытости и гуманизме русского народа, во-вторых, административным подавлением всего национально-самобытно русского в обычаях, культуре, языке, в-третьих, сглаживанием противоречий с соседствующими народами за счет предоставления наших государственных территорий в их суверенное владение. Но вот отпало промывание русских мозгов интернационализмом, и мы видим, как подросло и окрепло национальное самосознание наших соседей — прибалтов, грузин, армян, азербайджанцев, казахов, таджиков, туркмен. Ныне и мы вспомнили о своих корнях и традициях и увидели, что иные народы резко отличаются этим от нас, причем живя по соседству, рядом с нами. И, наконец, эти самые соседи начали притязать на нашу землю, менять наши порядки, нарушать наши обычаи, портить наш язык, захватывать нашу собственность, искажать нашу Веру. Каково терпеть это русскому сердцу! И в противлении тому нет никакой преступной ксенофобии, а есть обычный для русского народа, да и для любого народа, населяющего землю своих предков, инстинкт национального самосохранения, который сегодня для русских становится последним шансом выживания.

Не стыдитесь того, что Вы не чувствуете в себе ни бараньего гуманизма, ни распашной овечьей открытости, ни дурацкой всечеловечности в ущерб собственному народу, — все это чушь, да, именно чушь, которая происходит от слова чужь и означает чуждые, не свойственные русским, вредные им представления о жизни. Они навязаны нам, чтобы потом эксплуатировать эту открытость и гуманизм в своих, нерусских интересах, чтобы заставить нас стесняться своего

народного, чтобы принудить нас бояться выразить свое национальное, чтобы стыдиться нашей национальной гордости, чтобы не дать нам любить свой народ. Развеем этот миф и будем любить своих и справедливо остерегаться чужих. Так велит нам наш родной русский язык.

//- Миф о русской лени — //

Лень — одна из главных черт русского характера в представлениях иноземцев о нашем народе. Западный человек, а ныне уже и восточный, убежден, что русские склонны к безделью и лени, потому что они-де по природе созерцатели. Наши ближайшие соседи и вечные соперники немцы высказываются о русской лени предельно откровенно: «Русский думает: если ты сегодня можешь чего-то не делать, не делай — авось само собой уладится. Русский невысоко ценит свою деятельность. Он боится, как бы не нарушить этим высший порядок и волю Божию. Поэтому он предпочитает сидеть сложа руки и ждать...»

Классики русской литературы под обаянием чужих заблуждений тоже роняли небрежные упреки своему народу: «Мы ленивы и не любопытны», и не понимали того, что благодаря назойливому внушению русские и в самом деле начинают думать, что они ленивы, что в этом деятельном и деловитом мире их место на зрительских трибунах и у экранов телевизоров, что их доля — взирать на муравьиную кипучесть окрестных народов, строящих свое благополучие на руинах нашей разваливающейся державы.

Это очень выгодно сегодняшней власти, которая изо всех сил укореняет в нас привычку проводить время в безвольном наблюдении за ее вопиющими преступлениями, привычку не возражать, не протестовать, не возмущаться. Нам должно быть все равно, что смотреть по телевизору — сюжет о выселении многодетной матери-одиночки из дома за неуплату долгов, отчет о всероссийском конгрессе по спасению кузнечиков или репортаж с шикарного банкета по случаю дня рождения какого-нибудь Вексельберга, Абрамовича или Исмаилова. Для нас, по замыслу властей, должно быть все одинаково занимательно, и одновременно мы должны быть равно равнодушны ко всему — ни гнева и ужаса перед бессердечием судей и чиновников, выгоняющих детей на улицу, ни презрения к еврейскому олигарху, прожигаящему свою никчемную жизнь на грабеже народной собственности, ни отвращения к насекомым конгрессам, когда в стране гибнут миллионы людей. Ничто не должно волновать зрителя, ничто не должно подвигать его к действиям против вопиющего бесправия народа.

Разумеется, любому русскому, кто знает собственную историю, заявления о нашей природной созерцательности и лени кажутся смехотворными. Разве русская нация, многие века жившая сверхнапряженной жизнью строителей великого и мощного государства, теперь пребывает в пустом созерцании бытия и ничего не дерзает совершать, чтобы не нарушить порядок во Вселенной? Да о нас ли это написано!? И для чего внушать нам мысль о якобы тупой русской лени, слегка подретушированной снисходительной и великодушной созерцательностью?

Ясно, к чему клонит немец или англичанин, не видя в русских деловитости, именуемой у них бизнесом, и оттого презирая нас за отсутствие муравьиной суетливости. Западноевропейец имеет отличный от русского человека взгляд на саму деятельность, потому что у него иная, чем у русских, языковая картина мира.

Как может быть русский человек законченным созерцателем и бездельником, если русское видение мира в грамматике нашего языка опирается прежде всего на глагол? Глагол же в языке выражает действие, и потому мирозерцание русских — деятельное. От глаголов образуется в нашем языке основная масса существительных и прилагательных. Опора грамматики на глагол означает, что русская мысль весьма энергична, что русский язык любит действие и движение,

что русская психология не созерцательна и инертна, как на этом сегодня настаивают наши критики на Западе, а подвижна, энергична, отзывчива на всякое притеснение, рано или поздно оказывая противодействие и давая отпор.

Стихийная, то есть заложенная языком бытийность русского человека сказывается в том, что он является приверженцем дела — и конкретного («мое дело маленькое»), масштабного («глаза боятся, а руки делают»), именно дела, а не пустой болтовни, наивной мечтательности или жадного потребления. Для деятельности у русских предусмотрено три ключевых слова — дело, труд, работа. Русские почитают высокое и целеполагающее дело: вспомним здесь «дело всей жизни», «дело мастера боится», одобрительное прилагательное «дельный», то есть надежный в деле, не менее хвалебное «деловой», что значит энергичный. Русские уважают требующий усилий и пота труд: прилагательные «трудный», «трудова́й», «трудолюбивый» говорят об этом, а также наши поговорки, воспитывающие детей в необходимости трудиться — «Без труда не выловишь и рыбку из пруда». Русские сознают жизненную необходимость повседневной, рутинной работы, вот к ней-то мы относимся не без вздохов («работа не волк, в лес не убежит»), недаром слово «работа» происходит от слова «раб»: работа — это труд подневольный, и все русские это хорошо чувствуют. Но все же три понятия в русском мирозерцании — дело, труд, работа — существуют у нас в чести, а не в пренебрежении, все они имеют высоконравственный смысл самостоятельного делания — своими руками, своей головой, крепко стоя на своих ногах.

Приведем еще один довод вперекор лжи о русской созерцательности и лени. Важнейшей частью грамматики нашего языка является глагол быть, а вовсе не глаголы иметь и хотеть, как в западноевропейских языках. Именно глагол быть, формирующий грамматические структуры времени русского языка, показывает, что русский человек с рождения воспитывается в условиях деловитой бытийности, а не умозрительной созерцательности. Для прошедшего и будущего времени связкой с действительностью является именно глагол быть. Совсем иная картина мира в других языках. Русское «я был» по-английски звучит: «I have been», что буквально означает «я имел быть». Русское «я буду жить» в английском выглядит как «I will live», что буквально переводится — «я хочу жить». Сербы и украинцы в этом тоже следуют общеевропейским образцам: «ја чу жити» в переводе с сербского значит «я буду жить» и форма чу есть обломок глагола «хочу». Украинцы то же самое будущее время представляют так — «я житиму», и форма иму здесь является обломком глагола «иметь». Итак, другие языки, даже близкородственные нам украинский и сербский, рассматривают действительную жизнь как объект желания или овладения, и только русский язык признает действительность такой, какова она есть, существующей как данность, русский язык не программирует сознание человека на экспансию своих желаний и вождлений.

Уже не раз лингвисты обращали внимание на то, что формула владения в русском языке тоже бытийная, и это парадоксальный для других народов, не понятный им наш национальный взгляд на мир. Когда русский человек хочет объяснить, чем он владеет, он говорит — «у меня есть», структура языка заставляет его мыслить, что его собственность дана ему свыше, а не завоевана его жадностью или алчностью, она просто дана и она есть, что значит — существует в собственности. Русская грамматическая формула «у меня есть» определяет нашу природную нерасчетливость, наше врожденное и воспитанное родным языком нежелание потворствовать даже собственным прихотям. Действующий вопреки этой формуле русский, вожделеющий к богатству, алчущий выгоды, поступает не по-русски, мы тотчас же присваиваем ему прозвище хапуга, рвач, ловчила, мироед, кулак, мы его презираем, им брезгуем. Даже торговля в русской языковой картине мира рисуется делом не очень благородным, ибо сам корень этого слова торг-означает дергать, вырывать, исторгать. То есть торговец, торгаш тоже отчасти сближается с

понятием рвач. Неумная страсть к богатству в русском представлении — безумие. Ибо ему есть строгие ограничители: «на наш век хватит», «будет с нас — не дети у нас, а дети будут — сами добудут», «богатство с собой в могилу не унесешь». Поэтому и сегодняшний призыв к обогащению не находит у русских единодушного отклика. Отдельные безумцы кидаются в пучину рвачества и делячества, но огромное русское большинство печально смотрит на них как на воистину сумасшедших, не понимая, как можно попирать свою русскую натуру и насиловать свою русскую душу алчностью. Да и взгляните вы на лица олигархов русского происхождения — на них отчетливы следы деградации — отсутствие разума, любви и добра. Это лица русских вырожденцев, то есть воистину вырожденцев и извергов. Не удивительно, что в одержимой гонке за обогащением русские отстают от других народов в собственной же стране. Им в массе своей не понятно и неприятно вырывать, выторговывать, выцарапывать для себя одного то, что по праву есть и должно быть у всех.

Разве не понятно теперь, почему мы в глазах иностранцев выглядим безвольными созерцателями. Мы не стремимся к обладанию миром, мы не рвемся проглотить чужое или общенародное, — мы живем и действуем с намерением пользоваться плодами своего труда. Мы полагаемся в деле только на себя, стремясь во всем думать своей головой, все делать своими руками, и крепко стоять на своих ногах. Но, видимо, такой образ жизни представляется завоевательному духу Америки, Европы и Азии как бездеятельность и созерцательность, поскольку немец и англичанин, американец и француз, китаец и азербайджанец не видят в русском трудолюбии того, что они привыкли считать деятельностью.

В центре внимания нормального русского человека находится не факт чужой собственности или идея поглощения чужого имущества, а собственное конкретное дело, не ущемляющее чужих интересов. «Эмпирик англичанин имеет дело с фактами, мыслитель немец — с идеей: один давит и грабит народы, другой уничтожает в них саму народность», — такова, по словам русского философа Владимира Соловьева, суть деятельности западноевропейцев. Русский же человек опирается на дело, вся жизнь понимается им как собственные действия в ней. И созерцательность, то есть ленивое прозябание сложа руки, для русского вещь непонятная и неуместная.

Недаром русский всегда стремится прожить жизнь не зря. Что такое жить не зря — значит быть не скучающим зрителем, не томным созерцателем, не праздным наблюдателем, а деятельным творцом и энергичным борцом. По-русски говорят: хуже всего на свете — погибнуть зря, то есть умереть, стоя в сторонке от схватки, трусливо взирая на тех отважных, кто безоглядно ринулся в бой. Перед нами вновь формула русского поведения, определяющая, что сторонний наблюдатель напрасно — зря проживает свою жизнь, по-русски жить не зря — действовать.

Мы выглядим в чужих глазах наивными созерцателями еще и потому, что у русских, с одной стороны, и у европейцев с американцами, с другой, — разное отношение к действительности человеческой мысли. Русский человек мысль рассматривает как дело, вот почему именно в русском обществе и государстве мысль во все времена представлялась опасной, за мысли несправедливая власть судила и по сей день судит, будто за совершенное преступное дело, ибо все мы живем, повинясь русскому языковому правилу «сказано — сделано». Тому тьма исторических примеров, что однажды задуманное волевым русским человеком неизбежно воплощается в его делах.

Есть еще в русском языке особенное слово промышлять, означающее и план действий, и само это действие одновременно. Деловых русских людей звали в старину промышленниками, всякое ремесло, а затем и современную индустрию по-русски именуют промышленностью. Охотники и разбойники (простите, что рядом ставим) поныне отправляются на промысел,

разумея, что всякое дело — и хорошее, и даже плохое для успешности должно предначинаться глубокой думой и расчетом.

Однако личная мысль не так значима для русского, пока она не овладеет умами многих соплеменников. Если мысль стала общей думой, то есть обрела черты идеологии, русские ее рано или поздно осуществят, претворят в жизнь. Не случайно именно в России родилось великое учение В.И. Вернадского о ноосфере, в котором ключевая идея — всепобеждающая сила мысли. В.И. Вернадский сформулировал важнейший закон человеческого прогресса: «Мысль не является видом энергии, но действует подобно энергии».

Вот и сегодня мы живем в преддверии всепобеждающего действия русской национальной идеи. Ее главные сокрушающие неправду современной жизни постулаты «Россия — для русских и других коренных народов России», «России — русскую власть». Эти идеи стали ныне общей думой миллионов и миллионов русских людей, которые уже стряхивают с себя летаргическое созерцание, внушенное мерцающими ящичками. Эти идеи действуют подобно энергии, пробуждая в русском народе волю к действию. Они пронзают души желанием прожить жизнь не зря. Даже вопреки обывательскому устричному рассудку многих из нас они убеждают подниматься против несправедливости и геноцида.

Кто устоит против этой энергии, кто совладеет с миллионами думающих о несправедливости нынешней власти? Кто сможет перешибить волну ненависти к не по-русски живущим и действующим дельцам и делягам — торгашам, рвачам, ловкачам и обиралам в тех гигантских масштабах, которые не снились ни одному правителю мира? Нет в России таких сил, которые могли бы одолеть эту вздымающуюся на национальной идее мощную русскую силу, не желающую погибнуть зря.

//- Миф о русском анархизме — //

В летописном Сказании о призвании варягов на Русь славяне просят чужаков: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Придите править и володеть нами». Эти слова из древней легенды стали основой упорного мифа о неспособности русских управлять собственным государством и о несклонности русского народа к какому бы то ни было порядку. Мнение это первоначально внедрялось немцами, особенно теми, кто жил среди русских. Сейчас же это мнение разошлось не только по миру, но и по родной стороне нашей, и уже сами русские вбивают себе в голову — мы де не способны ни к какому самоуправлению и самоорганизации. И многие русские теперь уверены, что очень кстати нам чужеродное владычество, где уж русским с собственной страной управиться. Ну, не умеем мы!

То, что немцы не понимали наш русский образ самоуправления, не удивительно.

Германская страсть к порядку является национальной чертой немца, которому помимо этого свойственны «дисциплина, волевое напряжение, предусмотрительность, заботливость». Вот как немец Вальтер Шубарт описывает своих сородичей: «Немцы — полная противоположность славян, которым более всего недостает типичных немецких черт. У немцев повышенная страсть к нормированию. Порядок любой ценой, даже ценою истины! У немцев — организационный талант. Немцы, пожалуй, самый способный народ на земле в плане организации. Немцы — чрезвычайно методичный народ. Немцы являют собою самых деятельных и волевых людей из всех когда-либо живших. Немец — это фанатик человеческой деловитости.»

Конечно, на этом идеальном фоне немецкой организованности русские выглядят, что называется, непрезентабельно. Немецкое методичное нормирование или кропотливое

планирование русским действительно не свойственно. У нас на все человеческие планы и нормы есть мощный ограничитель, именуемый Божьим промыслом. Русское упование на Бога и на Его промыслительность более, чем на собственные расчеты, выражено в поговорке «человек предполагает, а Бог располагает». Но это вовсе не означает, что русские движутся по жизни без руля и ветрил, что они носятся неприкаянными щепками в житейских волнах. Напротив, русский, как и немец, следует к определенной цели, но цель для него важнее пути. Немец предусматривает, просчитывает возможные препятствия и пути их преодоления, русский заранее настроен пройти какие бы то ни было препятствия любой ценой. Поэтому ему не надо нормировать и планировать все до тонкостей и деталей. Достаточно начертать направление движения и составить общий порядок действий. Вместо немецкой методичности просчитываемых шагов мы, русские, обладаем трезвым пониманием, что господин случай — внезапный зигзаг или кривизна на пути — такой исконный смысл имеет слово случай, — может порушить любые, самые обстоятельные планы. Но это, с русской точки зрения, хорошо, ибо «что Бог ни делает, все к лучшему». И потому, плавая по «морю житейскому, каменьев подводных исполненному», мы уповаем на свою смекалку, на волю и мужество, и... на наш русский авось. Древнее это речение означало настырное русское упорство. Авось — это готовность встретить препятствие лицом к лицу и лихо, отчаянно, рискованно его одолеть. Почему же поговорку нашу русскую воспринимаем мы ныне с шутливо-скептической ухмылкой по отношению к самим себе: «Русский крепок на трех сваях — авось, небось да как-нибудь». Ведь ухмыляться тут не над чем, просто давно позабыт истинный смысл этих удачных слов. Нету нас более точной и более меткой русской поговорки о русском народе. Что такое авось? Это сложное слово, возникшее из словосочетания, точно также как родились наши исторические сочетания слов — ахти, восвояси. Вот и авось когда-то состояло из трех слов — а - во — се, что значит «а вот так»! То есть восклицание авось! означало: человек крепко, упорно, уверенно стоит на своем и поколебать его очень трудно.

Небось тоже состояло когда-то из трех слов: не — бо — се, и значит оно буквально — «нет, не так»! или «как бы не так»! — отчетливое стремление действовать наперекор — врагам ли, обстоятельствам жизни, трудностям природы, — не суть. Таковы две сваи русского характера: авось — «а вот так»! сделаю, как задумал, как считаю верным, настою на своем; и небось — «как бы не так»! сделаю наперекор всему! Верно сказано: русский крепок на трех сваях — авось (а вот так!), небось (как бы не так!). Третья свая русского характера - как-нибудь. Слово как-нибудь не имело прежде значения ущербного разгильдяйства, лености или халтуры. Как ни будь означало — любым способом достигнуть цели, дойти до нее даже наперекор здравому смыслу, как бы то ни было, чего бы это ни стоило, во что бы то ни стало. Как ни будь!

Вот он истинный смысл очищенной от лживой коросты, от всего наносного, напридуманного, очень точной русской поговорки «Русский крепок на трех сваях — авось (а вот так!), небось (как бы не так!) и как-нибудь (во что бы то ни стало!)».

И разве не оправдал наш народ этой поговорки в истории, упорной борьбе за свое не только духовное, но и физическое существование. Разгромив хазарский каганат, монгольскую империю, турецкую империю, польское королевство, шведское королевство, наполеоновскую французскую империю, гитлеровский Третий рейх, народный характер наш прошел такую школу, которой не знал ни один народ в мире, мы уже инстинктом, нутром чуем необходимость испытаний как горнила, закаляющего тело и душу: «Не терт, не мят — не будет калач!»

Наша русская жизнь — всегда ход против течения, отсюда и поговорка — «по течению плывет только дохлая рыба». Всякий раз, когда случается на Руси беда, а беда по-русски означала исконно иго, порабощение, так вот при нашествии беды нам всякий раз приходилось доказывать и врагам нашим, и самим себе, что мы не мертвые, а живые, что плыть по течению не в наших

обычаях, что мы от меча и тягот никогда не бегали и бегать не собираемся.

Вот грянула на Русь новая беда, пришла нерусская власть, а это значит, что пришло время снова доказывать, что русский крепок на трех сваях — авось, небось и как-нибудь, и пусть враги думают вокруг, что-де этот легкомысленный, ленивый, привыкший все терпеть и все сносить народишко склонит выю под очередной грабеж и разор. И хорошо! Неожиданность, как известно, обезоруживает врага. А русские воины на Руси не перевелись. И русские авось, небось и как-нибудь в их подлинном смысле до сих пор живы в нас. Авось выстоим — вопреки невзгодам и предательству, продажной бессовестности властей. Небось не замаешь — наперекор наглому оккупанту и грабителю. Как-нибудь эту напасть переможем — любой ценой силу вражью своей поистине богатырской мощью одолеем.

А теперь коснемся всемирной убежденности в отсутствии у русских способностей к порядку и самоуправлению. Так ли это? Может быть, мы просто принцип организованности мыслим иначе, чем немцы и англичане, французы и американцы, чем евреи, наконец?

Есть два типа отношений в иерархии руководителя и ему служащих — это отношения подчинения и послушания. Подчинение, если следовать исконному значению этого слова, предполагает преклонение перед законом, пребывание под игом закона. Само слово чин есть порядок действий, установленных законом.

Судите сами и по себе: подчинение крайне противно русской натуре, потому что в нем интуитивно, исходя из языковых смыслов, русский человек усматривает скуку регулярности и холод бессердечности. Организация, основанная исключительно на подчинении, наиболее эффективна у законников-немцев, которые и верховного вождя своего именовали «конунг», то есть законодатель. Русскими необходимость подчинения не отрицается, но там, где она применяется в чистом виде, действует у нас из рук вон плохо.

Наш подлинно русский тип организованности основан на послушании. Человек, оказывающий послушание другому, свидетельствует своими действиями, что тот другой достоин его доверия и покорства. Такой тип организации основан не на страхе перед законом и наказанием, а на доверии, уважении и любви к личности того, кому послушен. Таков чисто русский тип организованности, чуждый западному представлению об организации и порядке.

В русском понимании иерархия начальник и подчиненный замещается отношениями, сходными с родственными, в большей мере это иерархия отца, его сыновей и дочерей, между собой являющихся братьями и сестрами. Причем допускается по-русски, что отец-правитель может быть суров, требователен, даже жесток, если жесткость и требовательность полезны детям. Подданные это чувствуют и добросовестно исполняют самые суровые приказы, что замечательно выразил А.В. Суворов, говоря об «отцах-командирах», и об этом же сказывается в старинных военных песнях: «Солдатушки, бравы ребятушки, а кто ваши отцы? Наши отцы — полководцы, вот кто наши отцы». Мы видим такой тип русского послушания в организации казацкой вольницы, где тюркское слово атаман по-русски означает человек-отец, то есть казацкое батька. И в современной российской армии хорошего комбата зовут батя, батяня, а типичное обращение отца-командира к солдатам: «сынки», что тоже наследует древнюю русскую иерархию послушания, а не подчинения.

Ярко выраженная в военных структурах система организации на принципах послушания отлаженно действовала в государственном строе России. Царь, верховный правитель Руси-России, у нас всегда именовался Царем-батюшкой, а отношения подданных между собой в подобной иерархии подразумевали братство. Благой, уважаемый, любимый всеми вождь, руководитель имел для русских значение, равное у европейцев хорошему закону. Вождя, того, кто вел за собой, слушались беспрекословно, его любили, его встречали с искренними слезами счастья и умиления, его защищали, жертвуя собственной жизнью. Если же Царь-батюшка,

генерал-губернатор, отец-командир, куренной атаман, генеральный секретарь, президент или премьер-министр, и кто бы ни был еще из руководителей, оказывался не достоин уважения и доверия, то русское послушание со временем непременно сменялось неповиновением, доходившим до бунта. На бунт могло поднять невыполнение вождем, князем, царем, генеральным секретарем, президентом, премьер-министром, словом, отцом-батюшкой, своих отцовских обязанностей, в числе которых не только попечение о народе, ка ко своих сынах и дочерях, но и отеческая любовь к ним, гордость за них и их успехи. Западная иерархия, основанная на подчинении, не предусматривает ни попечения, ни взаимной любви, ни отеческой гордости, именно оттого подчинение закону по западному образцу холодно, бессердечно и несимпатично русским.

Самобытный тип русской организованности в современном правлении Россией не то, что не учитывается, о нем просто не ведают нерусские люди, захватившие власть в стране. Они полагаются на западный принцип подчинения закону, понаписали этих самых законов горы немереные и не перестают удивляться, почему в России они не действуют.

Они и не могут действовать в русской среде, где русские не верят в непреложность законов («закон что дышло — куда повернул, туда и вышло»). Мы, русские, неизменно уповаем на другое: надеемся увидеть в президенте или премьер-министре отца-попечителя о народе. Но никак не можем отеческой заботы в них разглядеть. А коли отец народа о нас не заботится, значит, он нам не отец. А если не отец, то на кой он нам нужен, чтобы е го слушаться!

Пиар-технологи, правда, порой спохватываются и изображают наших властителей этакими кормильцами народа, отправляют их колесить по стране, имитируя заботу, уговаривают заглянуть в магазины, чтобы фальшиво посочувствовать безудержному росту цен, принуждают бесполезно обещать снизить расценки на дизель и бензин почти разоренным крестьянам, политтехнологи уговаривают властителей дать честное слово пересмотреть школьный курс обязательных наук, чтобы молодежь подрастала не очень безмозглой, пиарщики советуют им регулярно обещать народу доступное жилье, — словом, заставляют президента и премьер-министра ради имиджа отца-кормильца наперебой обещать населению раздачу из своих рук кусков и ломтей всякого добра. Но эти пиаровские ходы не могут скрыть подлинного отношения к народу раздающих подачки правителей, тщетно пытающихся изображать отцовские чувства. Потому что обделенное большинство смотрит на зрелище раздачи кусков отдельным тщательно отобранным для общения с властью гражданам — кто голодными, кто завистливыми, кто насмешливыми, но все одинаково злыми глазами. И видят все одинаково, что перед ними не отец, а опасливый дрессировщик, стремящийся приручить зверя, которого он и боится, и ненавидит одновременно.

От нашего взгляда не ускользает и другое: что имитирующие любовь к народу «отцы-правители», забыв о народном вымирании и нищете, не помня об отцовском долге, налагаемом на них неограниченной властью, наслаждаются всеми удовольствиями жизни на троне. Они много и самодовольно путешествуют, осматривая достопримечательности отдаленных уголков мира. И самые незначительные для России страны, всякие микроскопические гонолулы удостоились визитов обоих любопытствующих географическими редкостями президентов. Раньше-то царьки этих карликовых государств за великую честь считали быть допущенными к туфле царя или рукопожатию генерального секретаря! Визиты прежних российских правителей допускались только в великие державы.

Наши нынешние «отцы народа» много и дорого отдыхают, каждый отстроил по резиденции под Москвой, да по дворцу в Сочи, да еще кое-что по «мелочи», вроде Константиновского дворца в Стрельне под Петербургом, в Горном Алтае, Геленджике, в Красногорье... Им лень уже проводить еженедельные в 11 часов в четверг заседания Правительства, от случая к случаю они

собирают лишь «президиум Правительства», как правило уже не в Кремле и не в Доме Правительства, а в межсезонье и зимой на свежем воздухе подмосковных резиденций, а по теплу — так непременно в Сочи, в перерывах между блаженными морскими ваннами. Время от времени наши властители любят пощекотать себе нервы чем-нибудь экстремальным, чтобы оживить увядающую молодость приличной порцией адреналина. Президент — Премьер-министр — Президент Путин то катается на мотоциклах с полуголыми девочками, то целует в морду здорового зубастого осетра, то обнимается со свирепыми тиграми, то гарцует на необъезженных жеребцах, то рассекает страну на отечественной полудохлой «Ладе-Калине», то взмывает в небо на истребителе, то заливает водой давно потушенный пожар, не пыль пуская в глаза телезрителям, а тонны воды, жизненно нужные в это время на полыхающих пожарах. Угасающая, спивающаяся, голодная, нищая Россия смотрит на эти развлечения в скорбном пока молчании, не припоминая на правящем троне подобных прожигателей жизни и денег. Все брошено к ногам двух играющих мальчиков — тут тебе Сочинская Олимпиада, и футбольный чемпионат мира, на деньги за которые можно было вывести в люди, выучить, вылечить, накормить миллионы сегодняшних русских детей, не имеющих в обескровленной президентскими шалостями России ни настоящего, ни будущего. Развлекайтесь, наслаждайтесь, грейтесь в лучах величия, дорогие играющие мальчишки!

Может ли народ оказывать послушание людям, сделавшим беспредельную власть орудием собственного наслаждения и сладострастия? Разве они нам отцы родные? Разве о нас их попечение и забота? Будь перед нами отец-правитель, да разве он позволил бы своим приспешникам издеваться над людьми, лишая их крова, работы, последних шансов родить и вырастить детей. Будь у нас батюшка-властитель, разве допустил бы он развращения и растления своих подданных, разгула педофилии и проституции? Будь у нас отец народа, разве он разрешил бы повальное спаивание даже не мужиков, а женщин и детей, наркоманию, травлю населения вредными продуктами и прививками? Мы же все понимаем, что это не отцы сменяют у нас друг друга на российском троне, и даже не отчимы, а какие-то заезжие гастролеры. Их ли слушаться, как родных отцов? Не тянут они на отцов нации, на какие бы цыпочки ни становились сами, и на какие бы высокие скамеечки не подсаживали их пиартехнологи.

Да, наш русский порядок иной, чем немецкий, французский или английский. Да, наша русская организованность иная, чем европейская или американская. Но, то, что немцы или американцы не видят у нас своего порядка, вовсе не означает, что русские не способны к организации. Мы просто по-другому организуемся, у нас другие способы достижения цели, как в построении государства, так и в ведении войны. И мы себя в этом еще не раз проявим, когда сами сознательно и трезво выберем из своей среды подлинных отцов-командиров, настоящих отцов нации. Когда возродится в народной среде России самое настоящее русское братство, — когда один у нас отец-правитель, а все мы — его родные дети, братья и сестры между собой.

//- Миф о женственности русского характера — //

О женственности русского характера перетолковано много. Мягкость, уступчивость, всепрощение, терпеливость, интуитивный принцип мышления — в русской литературе и философии объявлены специфически русским складом натуры, который-де и оказался причиной наших многовековых бед, но одновременно признан предметом особого любования и гордости как, бывает, любят и гордятся очень красивым, хоть физически и духовно слабым человеком. Иностранцы же все эти черты тем более записывают в доказательства неоспоримой женственности русских, а, следовательно, их слабости по сравнению с рельефно выраженной

мужественностью натуры человека западного — немца, англичанина, француза, белого американца, за которыми признается первенство в твердости, рассудительности, расчетливости, жесткости и наступательности характера. Презрение, которое питают к нам на Западе, полагая нас женственным народом, было бы для русских вполне достойно пренебрежения, если бы за этим не стояла постоянная угроза нашей независимости, вызванная искушением всякого, считающего себя сильным, напасть на слабейшего и не умеющего дать отпор. Ведь слабость народа необыкновенно притягательна для тех, кто зарится на его богатства и земли.

Каковы признаки женственности характера, которые в противовес зримой мужественности природы западного человека, целенаправленно навязывают нашему сознанию как типично русские. Позаимствуем их из книги Вальтера Шуба рта «Европа и душа Востока», тем более, что этот немец с огромной симпатией относился к русскому народу и критиковал свой, немецкий, а, следовательно, его нельзя обвинить в предвзятости и клевете на русских из чувства заведомой неприязни. «Противоположность между западным и восточным (русским. — Т.М.) человеком проявляется как соотношение мужского и женственного. Мужской склад — это воля к власти, доминирование идеи права над идеей любви, действия над созерцанием, рассудка над чувством. Женский склад — самоотдача, благоговение, смирение, терпение. Мужчине свойственны критика, рационализм. Женщине — интуиция, восприимчивость к внушению, вера. Мужчина отделяется от всеобщего и стремится к автономии. в результате становится личностью. Женщина чувствует свою соединенность с целостным миром, она укоренена в природе, словно растение. Женщина переносит страдания легче, чем мужчина, потому что она не противится им. Она уступает им, приспособливается. Мужчина, наоборот, упорно сопротивляется и как раз вследствие этого чувствует всю силу страданий». На основании подобных сопоставлений Вальтер Шубарт делает вывод о женственной природе русского характера.

Напор, ум, рационализм — этих приоритетов мужественности русские, якобы, лишены.

Их удел — уступчивость, интуиция, вера — свойства сугубо женские. По представлению Запада, русский народ по-бабьи мягкотел и иррационален, впрочем, он добр и радушен, в нем много любви, чего хладнокровный европеец напрочь лишен. А любовь и есть признак женственности характера, и это представление до сих пор питает иллюзии Запада о нашей национальной слабости. Такли это на самом деле? Нет. Русский характер не имеет ничего общего с женской слабиной и уступчивостью. Просто мужественность нашей натуры иная, чем в характере немца, англичанина, американца. И различия эти отражены в языках.

В 1929 году проницательный русский лингвист И.А. Бодуэн де Куртене высказал гипотезу о том, что способ вычленения грамматического рода — мужского, женского, среднего в индоевропейских языках — влияет на мировоззрение носителей языков.

Языки с различием трех грамматических родов вводят в картину мира разделение на мужское, женское и детское начала. Весь мир в его явлениях и вещах предстает в таких языках разделенным по роду и полу, а средний род вбирает в себя понятия о детском, беззащитном и кровно родном. Санскрит, греческий, латинский и все славянские языки, в том числе русский, представляют в своей грамматике такую картину мира, где род — то есть отец, мать и дитя — является призмой, через которую человек рассматривает все окружающее. Названия вещей и природных явлений, приобретая через грамматику мужской, женский или средний род, зачастую ассоциируются с образами отца, матери, жены, мужа, ребенка — сына и дочери.

В языках лишь с двумя грамматическими родами — мужским и женским — этим двум признакам живых организмов противопоставлено все неживое. То есть все, что может двигаться и изменяться, противопоставлено тому, что инертно и безжизненно. Так, в романских языках существуют только мужской и женский роды.

В третьей группе языков — в скандинавских и английском — выделяют личный род,

описывающий только людей (и это мужчины, поскольку женский род грамматически не выражен), и общий род для всех остальных существ и веществ. В центре внимания грамматики таких языков — личность, причем мужского пола, женское и детское начала для этих языков не существенны.

Лингвист Бодуэн де Куртене предположил, что именно на основании способа выражения грамматического рода у носителей разных языков разное и отношение к любви. В русском языке любовь предстает как суть отношения к людям — к отцу, матери, жене, мужу, ребенку, а через них и ко всему окружающему миру. Во французском языке любовь — это образ живой жизни, в отличие от неживой природы, а воспроизведение потомства рассматривается лишь как результат связи полов — пресловутый «лямур», вызывающий у русского человека отстраненную безразличность. В английском языке любовь — это конкретное понятие о несущественной для большинства мужчин стороне жизни, с русской точки зрения — полный цинизм, что так шокирует нас в английском слове «секс».

Таким образом, наша русская грамматика делит весь мир на отцовство, материнство и детство (мужской, женский и средний роды), грамматика французов разделяет окружающее пространство на живое, где присутствует мужское и женское начала, и неживое. Грамматика англичан членит мир на личное мужское начало и общий род, то есть выделяет представителей общества, и это мужчины, и все, что стоит вне общественных отношений. После этого совершенно ясно, откуда в одних культурах развиваются порнография и эротизм, и почему они не приживаются в других. Порнография, как описание действий живых организмов, может казаться нормой для французов обоюбого пола, эротика, как проявление мужского любопытства к несущественной, но приятной стороне жизни, может являться естественной для англичан-мужчин. Но для русского языкового восприятия и порнография, и эротика — это стыдно, потому что ключевыми в разделении мужского, женского и среднего родов являются понятия отца, матери и дитя. Даже чувственная любовь мужа и жены находится на периферии любовных отношений русского человека. То есть, чтобы привить русским порнографию и эротика, надо коренным образом поменять грамматику нашего родного языка. Или сделать равно родными для нас английский или французский языки. Третьего не дано.

Деление мира на три рода, которым пронизано все в русском языке, одушевляет в наших глазах весь мир, делает его живым и заставляет видеть в вещах, в животных, в отвлеченных и абстрактных понятиях признаки живой любви: Родину и родную землю русские любят как мать, дом почитают как отца. Если жилье наше — изба или хата, то в ней вновь обретаются признаки материнства. Береза, ива, осина — девицы красные, образы томящейся, тоскующей души; дуб — могучий богатырь; облако, небо, солнце — сосредоточение воспоминаний о детстве. Все в этом мире для нас одушевлено русской грамматикой — мужским, женским и средним родом, все пронизано образами, которые будят чувство любви — материнской и отцовской, супружеской, сыновней, детской. Эти образы любви многолики, и потому идеалом в нашем языке является платоническая любовь, обобщенный символ, в котором для русского человека сконцентрированы разнообразные воплощения любви. Мы можем сказать — я люблю Родину, мать, жену, сына, собаку, своего коня, свой дом, парное молоко, красивую одежду, умные книги, писателя Достоевского — и это все, с нашей точки зрения, любовь. Весь окружающий нас мир дышит любовью к нам. И мы, русские, дышим любовью к миру, одушевленному для нас образами материнства, отцовства, детства и связанными с ними высокими чувствами верности, заботы, доверия, жертвенности. Наша любовь всеохватна и чиста. И слова для зримого нами мира мы наполняем своей особенной русской любовью — «речка-матушка», «Дон-батюшка», «деревня-кумушка», «город-удалец», «красавица-зорька». И друг друга любящие сердца называют «милый» и «милая», происходящие от глагола миловать, а в русских говорах подчас вместо

люблю говорят жалею.

Естественно, что столь разное отношение к любви в русском и западных народах порождало упорное непонимание нас иностранцами. Видя, как много любви в русском языке и, следовательно, в русской психологии, западные философы и политики настойчиво заговорили о «вечно-женственном в русской душе», о том, что загадочность русской души объясняется женской ее глубиной, которая находится в состоянии бабьей влюбленности, а, следовательно, в хаотическом движении, аморфном развитии и непостоянстве. Исходя из преобладания, с точки зрения англичанина или француза, женского начала в русском характере, русскому народу приписывали и другие женские черты — созерцательность, долготерпение, всепрощение, кротость. Какая наивность и легковерие иностранцев видеть чужой народ через призму собственного языка, лишенного той любви, что свойственна русскому языку!

Русский характер, который любовно воспринимает весь мир, русский взгляд, который во всем, что ему принадлежит, усматривает предметы сыновней, отцовской, материнской любви, чужие и чуждые нам люди, неспособные видеть мир таким, каким его видим мы, и неспособные так чувствовать, ибо говорят на других языках, так вот русский характер они сочли примитивно женственным, то есть мягким, жалостливо-податливым, неопределенно-расплывчатым, слабым, нелогичным, непоследовательным, поверхностным. Хотя единственное, что поддерживает и питает миф о женственном характере русского народа, это, как ни странно, русская литература и философия.

Русские писатели первыми охотно подхватили приبلудные западные представления и принялись рисовать женоподобные мужские типы в своих романах, повестях, пьесах. А за прототипами далеко не надо было ходить. Люди умственного труда, тем более писательского, с развитым воображением и словоохотливостью, действительно представляют собой те редкие мужские натуры, в которых подчас доминируют черты, наиболее присущие женщинам: пристрастность к слову и образу, истерическая манера поведения, отсутствие волевого начала, созерцательность и интуиция. Поскольку всякий писатель смотрит на мир из щелки своей скорлупы, той в людях своего племени он склонен усматривать то, что свойственно ему самому, причем готов типизировать собственные свойства характера и даже идеализировать их.

Вот и получается, что любимые герои Достоевского, Чехова, Толстого, Гончарова, Тургенева, с их вечным смятением, с томительным поиском смысла жизни, с их многословными монологами, выдающими склонность к созерцательному философствованию и краснобайству, навязываются нашему национальному сознанию как «типично русские», и по этим сомнительной достоверности образам судят обо всем русском народе. Известные нам школьных уроков литературы образы женственно мыслящих, женственно говорящих, женственно действующих героев становятся образцами творческого метода для новых поколений русского писательства, которое вновь списывает типичного русского человека с себя, и тем самым продлевает эту череду женоподобных типов, все более убеждая внешний мир в существовании именно таких — слабых свойств русской души и натуры. А наша литература вслед за Раскольниковыми и Мышкиными, Безуховыми и Облонскими, Обломовыми и Астровыми обретает новые образы «типично русских»: пьющего беловского Африканыча, шукшинских придурочных «чудиков», трусливого дезертира из распутинского «Живи и помни», рефлексирующих интеллигентов из многочисленных бондаревских послевоенных романов... В нормальных обычных русских людях подобные литературные типы ничего, кроме презрения и сочувственной насмешки, вызвать не могут, но презрение и насмешка нами же самими неизбежно распространяются на невыдуманный, на настоящий русский народ, ведь литература обладает мощным обаянием типизации. Мы начинаем думать, что русские и впрямь состоят сплошь из полупьяных африканычей и шукшинских малоумных чудиков, и никого лучше русская

земля родить не может.

То, что этот литературный, а сегодня уже и кинематографический круг образов порочен и лжив, в настоящее время требуется уже доказывать, причем доказывать не столько внешнему миру, который пускай бы и тешился в иллюзиях своего мужественного превосходства, сколько это приходится доказывать самим русским людям, ныне как никогда разочарованных в себе. Эта горькая уже привычка — досадливо махнуть рукой на собственный народ, дескать, ни на что мы не годны, ничего не можем, только ныть да стонать, да болтать, как глупые бабы, — знакома каждому из нас. Но это всего лишь плоды навязанного русскому народу мифа, который, как всякий умно, упорно и надсадно распространяемый миф, рано или поздно оседает в людях, убежденных в том, что женственность русского характера есть «отражение реальной действительности».

Однако исторические судьбы русского народа на каждом шагу нашей истории опровергают миф о женственности русской натуры.

Русский героизм в бесконечной череде войн, которые вела Россия, крушит представление чужаков о нашей слабости. Самоотверженность, самопожертвование, жесточенность русских в многочисленных восстаниях против угнетения, развеивают утверждения о нашей уступчивости и податливости.

Русский мужской склад ума, способный охватывать огромные пласты природы и социума, устанавливая для них закономерности, открывая физические законы, русская изобретательность, далеко продвинувшая человечество по пути технического прогресса, — все это напротив опровергает упреки русских в женоподобной нелогичности и неспособности мыслить.

Создание великой Российской Империи, а потом и Советской Империи, заставивших уважать себя все великие державы мира, камня на камне не оставляют от утверждения о русской бездейственной бабьей созерцательности.

Революции, восстания, потрясающие Россию в последние два века, вдребезги разбивают тезис о женственном долготерпении русских.

Наша любовь к этому миру и видение этого мира через призму любви взрастили совершенно иной русский характер в отличие от представляемого нам иностранцами да русскими писателями — решительный, последовательно идущий к цели, логически точный, сильный и напряженный, всегда добывающий своего. Но русский жертвенно-мужественный характер совсем не похож на эгоистично-мужественный характер западного человека, оттого не способного понять нашу русскую жертвенную мужественность, свойственную в трудные минуты даже русским женщинам, ибо только в жертвенности проявляется любовь в минуту испытаний.

//- Миф о русских угнетателях — //

То, что мифы о русском народе, усиленно и небезуспешно насаждаемые в наши головы извне, противоречат друг другу до взаимоисключения, творцов мифов — западных идеологов не смущает. Чтобы обезволить русский народ, внушить нам, что мы не способны к сопротивлению, и вечная участь наша влачить ярмо беспрекословного подчинения поставленным над нами властителям, нам навязывают миф о нашей женственной русской натуре — мягкой, податливой, вселюбящей, всепрощающей, легко внушаемой. Когда же нам, русским, пытаются навязать вину перед другими народами, якобы нами завоеванными, поработанными и угнетенными, нас описывают кровожадным, безжалостным завоевателем — отсюда давно и настойчиво навязываемые нам разговоры о нетолерантности русского народа, о нашей природной агрессивности и враждебном отношении к инородцам. В нас развивают комплекс вины,

настаивая на том, что русские, простираясь на огромные территории, всегда вели себя как завоеватели, подавляя, поработая, ассимилируя народы. вспомните, как воспитывали вражду к нам в балтийских этносах — литовцев, латышей, уверяли в агрессивных притязаниях русских на исконные земли балтов. Прибалты делали вид, что подзабыли судьбу пруссов — их балтийских соплеменников, которые оказались стерты с лица земли германскими племенами, и памятью о погибшем балтийском племени пруссов осталось лишь название немецкой провинции — Пруссии. Оккупантами стали называть нас с недавних пор и грузины, забыв, что накануне подписания Георгиевского трактата, приведшего Грузию под спасительную руку Российской Империи, в самой Грузии было практически исчерпано мужское население, все мужчины старше семи лет уводились в неволю либо беспощадно истреблялись. Геноцид грузинского народа остановили русские.

Ныне и малые народы в составе России частенько намекают на свое рабское состояние рядом с русскими, постоянно шантажируя нас нашей нетолерантностью, агрессивностью, экстремизмом. Зависть малых народов к большим вполне понятна, и попытка оправдать свою малость давлением со стороны сильного соседа вызывает сочувствие. Ну, не удалось кому-то вырасти в великий народ, оставить мощный след в истории, искусстве, культуре, вот и приходится им перед потомками объясняться, а виноватого легче всего найти на стороне. И пусть бы себе объяснялись друг перед другом, да только ныне народы, окружающие русских, живущие с нами в ближнем и дальнем соседстве, стремятся внушить и нам, русским, что мы исконные агрессоры, а Россия была и остается, по зловещему ленинскому определению, тюрьмой народов. Легко опровергнуть ложь фактами истории, но мы обратимся за аргументами к русскому языку, объективному свидетелю того, что мы никогда не поработали другие народы.

Разные народы по-разному понимают рабство, и институт рабства отражен в их языках. Крупнейший французский лингвист Эмиль Бенвенист, привлекая языковой опыт индоевропейских и неиндоевропейских культур, установил, что «единого обозначения для понятия раба нет ни в одном индоевропейском языке». Раб поставлен вне общества, он всегда «чужой», так как большинство народов получали рабов из военнопленных: «раб обязательно чужестранец». В латинском раб — это *servus*, вероятно, из имени этрусков, которых завоевали римляне, у французов раб — *esclave*, что значит славянин, в англосаксонском раб — *wealh*, означающее кельт, а еще английский язык знает для понятия раб слово *slave*, также означающее славянина. Западные народы добывали рабов из завоеванных племен, из инородцев, из чужих, причем в большинстве своем этими инородцами были как раз славяне, населявшие Западную Европу и оставившие там немало славянских названий в именовании рек, озер, городов. Что такое Венеция — это город венецов — племени славянского, а Лейпциг — онемеченное звучание славянского города, нечто похожее на наш Липецк. Знаменитое озеро Балатон — вовсе не венгерское название. Это название славянское, и означает оно, что озеро окружено болотами. Но разве славянские народы живут в Венеции, Лейпциге или на Балатоне? Их давно уже нет, зато остались в языках европейских народов именования славян в значении рабы.

Именованья инородцев в значении раб выступают в большинстве языков. Но на русских это правило не распространялось никогда. Мы, русские и другие славяне, не делали пленных чужеземцев рабами. Вот свидетельство греческого историка Маврикия Стратега: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе. Их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково и, оказывая им знаки своего расположения, при переходе с одного места на другое охраняют их в случае надобности, так что если бы оказалось, что по нерадению того, кто принимает у себя иноземца, последний потерпел

ущерб, принимавший его раньше начинает войну против виновного, считая долгом чести отомстить за чужеземца».

Русские, унаследовавшие этот обычай всех славян, действительно не использовали чужеземцев как рабов. И слова раб, отрок, холоп, обозначающие в русском языке подневольное состояние, имеют исконное русское происхождение, а вовсе не означают представителей плененных народов. Все эти слова являются славянскими названиями детей, малолеток, подростков, то есть служат терминами родства.

Слово холоп (холпъ) находится в теснейшем родстве со словами холка и холостой, происходит от глагола холить, что исконно означало «стричь очень коротко». Обычай острижения волос у мальчика — это древний обряд посвящения подростка в юноши. И потому слово холоп было обозначением юноши — младшего члена рода, используемого в работниках.

Наилучшими работниками у славян были молодые — младшие в роду. Как известно из древних рукописных книг, русские люди делили свои возрасты по седмицам — семилетьям: «До семи лет — младенец, до двух седмиц лет (то есть до четырнадцати) — отроча, до трех седмиц лет (значит, до двадцати одного года) — отрок, до четырех седмиц лет (это до двадцативосьмилетия) — юноша, до восьми седмиц лет (до пятидесяти шести) — муж, и оттоле старец». Вот и выходит, что слово отрок обозначало подростка от четырнадцати лет до двадцати одного года, младшего в роду и семье, но которого уже можно было использовать для работы.

Слово раб (по-древнерусски оно звучало как роб) показывает, что это термин для младшего члена семьи, используемого в работе. Слово ребенок, имеющее истоки в древнем понятии робя-ребенок-ребенок, сохранило значение «очень маленький член рода и семьи».

Слова холоп, отрок, раб исконно означали своих, членов своего рода и своей семьи, используемых в работниках. Раб или по-древнерусски — роб был самый младший по возрасту работник, от него произошло слово ребенок; отрок — тоже семейный работник, только постарше, с четырнадцати лет до двадцати одного года, и, наконец, холоп — самый старший по возрасту работник в семье, но не достигший двадцати восьми лет.

Вот и выходит, что рабства в понимании других индоевропейских народов у славян и русских не было. Русские использовали труд младших членов рода, сначала это были младшие по возрасту, потом — по социальному статусу. Но в любом случае это были не пленные, не чужаки, не инородцы. Это были свои. Причем издеваться над рабами и холопами, обессиливать их неподъемным трудом так, как это делали в других землях и странах другие народы, русским не позволяло как раз то, что это были свои.

Такой взгляд на подневольный труд и на работников сохранялся у русских на протяжении всей истории, он не меняется и по сию пору, потому что заложен в родном языке. На Руси никогда не было рабовладельческого строя, который пережили все иные цивилизации, лишь русские избежали эпохи рабовладения, что до сих пор вызывает изумление историков и подчас объясняется отсталостью развития русской государственности. Да и крепостное право никогда не было подлинным рабством в России. Крестьяне чаще всего оставались крепкими земле, но не лично помещику. Злоупотребления, такие как история с Салтычихой, жестко наказывались и вызывали бурю негодования в общественном сознании. Но если своих, русских, позволялось использовать в подневольном труде, это коренилось в исконно заложенных правилах отношений в семье и роду, то эксплуатация инородцев как рабов была просто невозможна.

Со временем слово раб в русском языковом сознании приобрело новые оттенки — безволия, бессилия сдавшегося перед обстоятельствами жизни человека. Слово холоп стало обозначать полную внутреннюю несвободу. А слово отрок сегодня именуется лишь юный возраст.

Языковая установка русского языка — не искать себе работников среди чужих — сказалась на нашем отношении к другим народам. На протяжении всей русской истории мы не

рассматривали инородцев как объект завоевания, как источник рабской рабочей силы. Работников славяне, русские искали внутри своего рода, внутри своего племени. Чужие племена для этих целей нам никогда не были нужны. Зато ныне, когда русский народ ослабел и истощился, мы узнали, что такое рабство. Узнали на собственной шкуре. Другие народы, в языках которых раб означает иноплеменник, чужак, которого не жалко, показали русским, да и другим славянам все ужасы рабского состояния. Рабство в чеченском и дагестанском плену, подневольный труд на азербайджанских плантациях и фермах у нас же в России, продажа сотнями тысяч наших русских девушек в израильские бордели, вывоз детей на органы в Западную Европу и Америку, — это делается представителями тех народов, для которых раб — чужеродец и чужеземец, человек, с которым можно делать все, что хочешь, человек, которого не жалко.

Могут спросить: да разве сами русские не занимаются сейчас тем же, разве по примеру иных народов нет у нас русских хозяев борделей, русских плантаторов, русских коммерсантов, торгующих детьми? Есть, конечно. Но во все времена, и нынешнее время не исключение, они назывались выродками и извергами. Выродками — потому что вырождались, переставали принадлежать роду русскому, отказываясь от русских правил жизни. Извергами — потому что русские роды и семьи извергали подобную нежить из своей среды. И сейчас, несмотря на натиск чужих обычаев и иноплеменных правил жизни, мы, русские, никогда не примем их за новые законы русской жизни. Те же, кто предал правила русской жизни, навсегда останутся для нас выродками и извергами.

//- Миф о русских завоевателях — //

Мы уже устали слышать о том, что русские — «мертвый народ», как самоуверенно говорят о нас на востоке, что русские — «народ, утративший волю к жизни», как горделиво считают на Западе, что русские — «окончательно покоренный народ», так презрительно усмеваются в Израиле. А, может, так и есть? Может быть, мы действительно мертвый народ, ибо только у мертвого народа нет желания рождать детей. С 2001 по 2009 год, по данным Госкомстата, количество детей в России от нуля до 14 лет уменьшилось на семь миллионов душ. Может, мы и вправду утратили волю к жизни, ведь по числу самоубийств занимаем позорные первые строки в перечне других государств. И, наверное, Израиль правильно считает нас покоренным народом, поскольку, численно преобладая в собственной стране, составляя 85 процентов населения в собственной стране, созданной и укрепленной руками русского народа, мы уже боимся выговорить слово русский, а за книги, такие как «Иго иудейское», за фильмы, как, например, «Россия с ножом в спине», поднимающие русский вопрос, нас бросают в тюрьмы, сами же книги и фильмы запрещают при нашей безропотности?..

Способны ли еще русские хоть на что-нибудь, и, непонятно, как мы прежде воевали, а ведь победоносно воевали, триумфально побеждали, из века в век отвоевывали свободу, независимость, наказывали захватчиков и оккупантов. Так что же сейчас-то с нами творится, почему так много русских, готовых принять для себя и то, что они мертвы, и то, что они утратили волю к жизни, и что покорены окончательно?

Осознание войны — это когда русский человек в массе своей начинает понимать, что против него ведут войну. И вот такое осознание приходит не сразу и не вдруг.

Наше представление о войне в корне отличается от понятия войны в других языках. По-английски слово «война» war происходит от глагола wage, что значит «торговать», и английские войны велись и ведутся ради торговли и барышей, это войны ради прибылей. По-немецки слово

война der Krieg происходит от глагола kriegен, означающего добывать, захватывать. Германские народы воевали ради захвата чужих территорий. А что значит война по-русски?

Слово война имеет тот же корень, что и слово вина. По-русски для того, чтобы вести войну, нужно понять, кто виноват в развязывании войны. Нужно найти виноватого. И только тогда, когда русские люди находят виноватого в войне, вот тогда — берегись! Русский мужик долго запрягает, да быстро ездит. Не про войну ли эта поговорка? Тем, кто сомневается в истинности этого утверждения, предлагаю вспомнить историю нашего Отечества.

Давали ли русские кому-либо молниеносный отпор? Нет, собирались долго, податливо отступали до самой столицы, как в 1812 году, а то и до Волги откатывались, как в 1941 году, а бывало, что и по триста лет терпели иго, как при монголо-татарах. Виноватого в каждой новой войне русскому человеку надо было не только увидеть, но и осознать его вину. Сделать это было не просто, ведь далеко не всегда враг открыто нападает и крушит.

Таково свойство русского языкового сознания. Наш язык оставил нам завет наших предков — вести войны справедливые, оборонительные, поднимать оружие лишь против тех, кто действительно виноват перед нами. Зато вслушайтесь в звучание военных терминов по-русски — все они по смыслу своему нацелены на победу, на неременное поражение противника. Битва, это когда мы бьем врага, рать — это когда мы яростно устремляемся на врага (реть по-древнерусски — стремление), сражение — это когда врага разим, то есть убиваем насмерть. Таковы языковые смыслы военных слов, таков и русский на войне. Он весь устремлен к победе, потому что война для него всегда справедлива, на войне он наказывает виноватого в пришедшей на Русь беде. Потому и добивается победы! Ведь победа — это то, что приходит после беды, что перебарывает беду.

Если с этой точки зрения взглянуть на наш сегодняшний день, то становится ясно, почему русские опустошены безволием и бессилием. Русские не осознали пока, кто виноват в новой развязанной против них войне. Что ведется война — тихая, коварная, подлая, которая уносит жизней больше, что в дни боевых действий, — это ясно уже многим. А вот кто виноват — массового понимания нет. Это немцы, англичане, французы, монголы сразу обнаруживали свои намерения — захватывали территории, уводили в полон, убивали, пытали, продавали в рабство. Сегодня наша земля захватывается, но это называется мирным словом купля-продажа. Сегодня продают в рабство, но это именуют легальной *censored*4neft. Сегодня берут в плен, но это, оказывается, трудоустройство. Ныне жестоко убивают даже малых детей, потроша их на донорские органы, но это прикрывают усыновлением. Войны как бы нет, виноватых в преступлениях против русских как бы ищут, и народ как бы живет мирно. И чтобы дольше русский человек не понял, кто виноват, чтобы он не определил для себя конкретную цель в этой войне, запрещают честную русскую мысль и правдивое русское слово.

Еще раз подчеркну, это очень важно понять — почему запрещают мысль и слово, фильмы и песни, почему изымают из продажи книги и диски, почему лишают нас права знать: чтобы подольше мы с вами не поняли, кто виноват в современной войне против России. Надеемся, что за это время русский народ окончательно истощится и не поднимется больше никогда.

Да только тщетны их надежды. Осознает уже русский народ, что у него смерть за плечами. А как опомнится, о! какое тогда наступит чудесное время — время побед. В русском языке, а, следовательно, и в русском сознании заложен потрясающий героизм поведения. Это про нас говорят — Тонуть так в море, а не в поганой луже, это нашими предками заложено — Лучше умирать в поле, чем в бабьем подоле! Чем мы хуже наших героических предков? Разве они не говаривали «Эх, была — не была!», когда в трудный час решимости подводили итог своей жизни. Разве могла стереться в нашей генетической памяти отчаянность предков: «Либо пан, либо пропал!», «На всякую беду страха не напасешься!».

Русский человек, осознавший себя на войне, увидевший, кто виноват в войне, — такой русский неустрасим. Он говорит: «Иду вперед, лучше страх не берет». Он усмехается: «Нам все нипочем!». Он смеется в лицо врагу: «Увидим еще, чья возьмет!»

Энергия сражения сквозит в русских поговорках, рожденных в бою: «Мы, русские, — не робкого десятка», «Не говоря худого слова — да ворогу в рожу», «За виски да в тиски, за волоса да под небеса». Нам, русским, хоть на кол — так сокол. Что еще вспомнить из нашей родной премудрости, чтобы закалить русские души святой уверенностью, что просто наше время еще не пришло, виноватого еще не все увидели, потому и война нами пока до конца не осознана. Мы еще застанем чудесное время русской истории. Увидим еще, чья возьмет!

//- Миф о русском всепрощении — //

Издавна в России считалось, что русский народ незлопамятен, что он легко прощает своим властителям преступления, чужеземцам — обиды. Это представление о русском характере так въелось во все политические сочинения и дискуссии, что говорить о мстительности или обидчивости русских кажется чем-то наивным. Дескать, Ваня-простак все стерпит, забудет самые изощренные издевательства над собой. Выходит, любому наглецу и агрессору дозволено над ним сколько угодно изгаляться. К примеру, без всякого наказания остались заявления Виктора Ерофеева из его опуса «Энциклопедия русской души»: «Русских надо бить палкой. Русских надо расстреливать. Русских надо размазывать по стене. Иначе они перестанут быть русскими. Русские — позорная нация. Национальная идея русских — никчемность. Русских надо пороть. Русские — самые настоящие паразиты. Нормальное состояние русского — пьяное. Русских скорее объединяют дурные качества — лень, зависть, апатия, опустошенность». Попробовал бы кто выпустить тот же самый текст, где вместо слова русский значилось бы еврей или чечен, армянин или татарин, мир тотчас услышал бы грозный протест оскорбленной нации, не миновал бы и кровавых последствий автор подобной дерзости. Да, впрочем, и не рискнул бы никакой Ерофеев даже икнуть в сторону любого из этих народов. Оскорблять же русских не только смеет, но и делает это с нескрываемым наслаждением.

Почему же русские так безответны? История наша показывает, что мы никогда не были скотски покорным народом, мы терпеливы, но до определенной черты. Только как определить ту черту, когда русские перестают сносить обиды?

Определить предел терпения, за которым неизбежно вздымается волна народного гнева, можно исходя из смыслов русского языка. Само слово гнев укоренилось в родственных словах гнет, угнетение, угнетать. Выходит, гнев — наша естественная реакция на угнетение, ответ на бесконечный гнет. Гнев свойствен русскому человеку, когда его волю подавляют, когда его свободу гнетут, а душу порабащают. Причем гнев — свойство не только отдельной личности. Весь народ может вспылать гневом, если гнет тотальный, бесконечный и беспощадный. Такой народный гнев именуют в истории народным восстанием.

Слово восстание также не случайно оказывается связанным с понятием народного гнева. Ведь гнет разумеет под собой согбенность народа под чужим жестоким ярмом. Сгорбленная, будто сломанная спина — несомненный знак, символ покорности и рабства, потому что покоренный, порабощенный человек, с точки зрения славянина, — это человек подъяремный, ходящий под игом.

Язык наш хранит в себе противоядие от порабощения, от покорности — это исконное, видимое родство слов сгибаться и гибнуть. Малейшая согбенность в осанке человека — уже признак слабости, покорности обстоятельствам, подавления воли, преддверие гибели.

Согбенность целого народа, попытка нагнуть русскую шею под чужое ярмо — знак всем нам, кто говорит по-русски, что русским грозит гибель.

Восстание же, по сути — выпрямление народа, выход его из согбенного, гибельного состояния — единственно возможный способ избежать гибели. Таковы законы национальной жизни, подсказанные нам родным языком.

Как последовательны были всегда русские в исполнении этих правил жизни, заложенных нашими предками в языковом наследстве. И как страшен был их гнев в пылу национального восстания! Приведу лишь один факт из истории восстания тамбовских крестьян в 20-х годах прошлого века. Тогда отряд китайцев во главе с картавым комиссаром внезапно нагрянул в село, созвав народ на общий сход. Комиссар стал убеждать мужиков, что новая власть предоставляет им самоуправление, да разве им самим будет лучше, если над ними поставят какого-нибудь чужака, разве не лучше в свой же организуемый Совет избрать своих, лучших, самых уважаемых односельчан. Убедил еврей. Мужики и выбрали с десятков лучших. По приказу комиссара китайцы тут же отвели их к стене церкви и расстреляли. Опешил сход, первыми опамятавались бабы, завопили страшно и с голыми руками кинулись на китайцев. А уж следом вскинулись и мужики, на ходу выламывая дрыны из заборов, замелькали невесть откуда тут же взявшиеся топоры, косы, вилы. Солдат-китайцев порубали на куски, а еврея-комиссара, взвалив на козлы, живьем перепилили двуручной пилой. Так свидетельствуют документы, опубликованные в журнале «Источник». Да, русский народ — добрый, терпеливый, но у его терпения есть грань, за которую лучше никому не переходить. Наше терпение можно назвать даже адским, потому что зачастую муки, переносимые народом, превосходят муки ада. Но за этой гранью русские отказывают обидчику в прощении.

Для того чтобы понять, за какую грань в отношении русских нельзя переступать никому, нужно знать, что исконно означает слово прощение.

Сегодня принято ошибочно считать, что прощение по-русски — забвение обид. Так, в русской христианской традиции принято просить Бога оставить, отпустить грехи (здесь отражен древнееврейский обычай отпускать в пустыню козла — козла отпущения, возложив на него все прегрешения еврейского народа за год — национально чуждое нам представление о том, что можно взвалить свою вину на другого, обвинив его во всех грехах, что натворили сами). Еще чисто по-русски у нас принято молить Господа простить грехи.

Само слово простить восходит к прилагательному простой, то есть прямой, правильный. В русском языке это значение сохранилось в выражении простой путь, значит — прямой, правильный.

В Евангелии сказано: Да будет око твое просто — призыв к тому, чтобы взгляд был прям, без кривизны, правдивый. На Литургии возглашают: Премудрость, прости. Услышим Святаго Евангелия чтение. Что означает: при слушании Премудрости будьте прямы, примите Св. Писание без искажений.

Все эти употребления слова простой возможны, потому что простить исконно означало выпрямить, исправить. Это подсознательно понимает каждый ребенок, который, провинившись, говорит матери: мама, прости, я больше не буду. Когда мы просим прощения у ближнего и зываем — прости, тем самым обещаем исправиться и обязаны исполнить обещание, ведь закон русской жизни — «сказано — сделано».

Русский народ понимал прощение грехов именно как исправление грешника, а прощение обид, как исправление обидчика. В этом, пожалуй, наша национальная особенность в отношении к собственным грехам и к нанесенным нам чужаками обидам. Там, где другие народы, каясь, оставляют свои грехи в стороне от себя или возлагают свои грехи на каких-нибудь козлов отпущения, мы, русские, клятвенно обещаем исправиться. В силу законов родного языка

мы имеем также и волевое стремление прощать обиды другим, то есть исправлять их, искореняя зло на земле.

Именно в исконном смысле слова прощать кроется ключ к той самой черте долготерпения русского народа. Мы сначала авансом прощаем обидчика, мы прощаем преступника, при этом подсознательно будучи убежденными, что в результате нашего прощения наш обидчик или преступник должен исправиться, должен восстановить справедливость по отношению к нам, должен загладить обиды и покаяться — делом покаяться в своих преступлениях перед нами.

Но если этого не происходит, если наглый обидчик не желает отступить и наглеет с каждым днем все больше, русские начинают исправлять его сами. Ведь он же непременно, с нашей языковой точки зрения, требует прощения. Если не хочет исправляться сам, его исправим мы и тогда с легким сердцем простим. Окончательно. Как тамбовские крестьяне.

Сколько таких частных актов русского прощения накопилось уже в наши дни! Кондопога, Харагун, Ставрополь, Сагра. Предупреждаем же каждый раз наших обидчиков в трагические эпохи русской истории: «Мы, русские, вас простим, но вам же будет лучше, если исправитесь сами».

//- Миф о русской смирности — //

Среди русских добродетелей чуть ли не одной из главных считается самоуничужение, которое в быту именуют скромностью, а в религиозном плане — смирением. Особенно русские ценят и в себе, и в других скромность, и означает это слово наше национальное свойство оставаться «на кромке», с краю, в тени, хотя бы по делам и заслугам ты достоин быть в почестях и хвалах.

У нас, русских, не принято кичиться ни умом, ни здоровьем, ни достатком — ничем! Поэтому даже на обычный житейский вопрос — «Как дела?» у нас, как правило, отвечают — ничего, нормально значит. А ведь что такое ничего, это всего-навсего усеченная формула «ничего нового, ничего страшного», то есть все по-старому, своим чередом, и обсуждать нечего.

При этом русский человек словно боится спугнуть удачу, прогневить Бога излишней самонадеянностью, самоуверенностью, расчетом лишь на свои силы. Обратите внимание: ведь мы с вами таковы во всем. У русских не заведено хвастать детьми, их талантами и успехами, в самом слове хвастать содержится иронический смысл — «выставлять напоказ то, что ухватил».

Русская формула обладания, с точки зрения других народов, тоже очень странная — у меня есть. Не то, что в других языках: я имею, я достал, я получил, я схватил, я хапнул. Нет! По-русски у меня есть подразумевает, что любое достояние получено свыше, данность от Бога. И потому у нас существует подсознательная уверенность, что все, данное Богом, при нашей нерачительности и самонадеянности Бог может и отнять.

Отсюда и поговорка, объясняющая всякую тяжкую потерю: Бог дал — Бог и взял!

У русских нет и самовозношения в делах. Упаси Боже нас гордиться своими трудами и подвигами. Не случайно так мало осталось воспоминаний наших русских солдат о былых сражениях, да и мы, потомки, мало что слышали от дедов и отцов о военных буднях Великой Отечественной. Не принято хвастаться, стыдно кичиться.

Этот тип национального поведения во многом запрограммирован тысячелетней традицией русских пословиц и поговорок, в которых смирение и скромность возводятся в достоинства человека, а гордыня и чванство высмеиваются. Традиция самоумаления возникла не на пустом месте. Русские — потрясающе талантливый народ, хваткий, умелый, творческий. При тех пассионарных задатках и дарованиях, что есть у русских, они пожрали бы друг друга, если не

накладывать на творческие и пылкие их натуры заведомых моральных ограничений. И эти ограничения, выработанные тысячелетним опытом, подкрепленные православным христианством в формулах Священного Писания «Гордым Бог противится. Смирренным же дает благодать», — сохраняли русскую душу от соблазнов внутри национальных распрей, соперничества талантов и дарований.

Поговорки наши предостерегают от неизбежного падения высоко взлетевшего гордеца: Не смотри высоко: глаза запорошишь. Не подымай носу: спотыкнешься. Выше носа плюнешь — себя заплюешь. С высока полета вскружится голова. Не смейся, горох, не лучше бобов: размокнешь и сам лопнешь. Высок каблучок подломится на бочок.

Поговорки издеваются над чванью и спесью: Гордым быть — глупым слыть. Спесь не ум. Не чванься квас, не лучше нас. Раздайся, грязь, навоз плывет! Посади свинью за стол, а она и ноги на стол. С жиру пес бесится. Вздулся как тесто на опаре. Так зазнался, что и черту не брат. Водяной пузырь не долго стоит. Гроша не стоит, а глядит рублем.

Пословицы прозывают горделивого свиньей, курицей, котом, дураком, козлом, навозом, то есть теми неприглядными, позорными кличками, которые, впечатываясь в сознание, вырабатывают стойкую неприязнь к спеси и хвастовству, буквально, станешь кичиться — быть тебе той самой свиньей, что ноги на стол, псом, что с жиру бесится, или навозом, что плывет, расталкивая грязь.

Но этот естественный для русского человека взгляд на жизнь породил в нашей национальной психологии очень опасные издержки. Скромность как русская природная черта стала повсеместно исподволь подменяться самоуничижением, добровольным умалением, какой-то мазохистской кротостью. И в быту, и в литературе у нас принялись пропагандировать не героя и не подвижника, нам навязывают не творческий русский тип, уверенный в правоте своего дела, а таких множество на Руси, иначе как бы мы построили Великую Империю, нет, повсюду типичным русским выставляется так называемый маленький человек — этакий русский повсеместный Акакий Акакиевич — слабый, жалкий, безвольный неумеха, а если и умеет что, то надо, чтобы им непременно руководили другие, — волевые, сильные, умные, более умелые. В русской среде где таких найдешь, надо призывать инородцев, «приидите править и владеть нами»! И мы, русские, запрограммированные русскими пословицами на скромность и смирение в среде своих же русских, ныне оказываемся оттесненными от хозяйства и культуры в собственной стране, нас оттесняют чужаки, ведь ныне чужеродческий элемент, не имеющий подобного нашему национальному кода скромности, а напротив, наделенный психологией ревностного выживания в жесткой конкуренции с талантливой русской массой, стремится и оттеснить, и подавить русских скромняг, тем более что наши скромняги не рвутся выставлять свои заслуги и достоинства, послушно пятятся в тень, попускают притязания чужеродного гордеца, памятуя собственные пословицы — дескать, навоз это все, псы и свиньи, конец которых известен, а мы-де не таковы.

Присмотритесь к руководящему составу нашего правительства, гляньте, кто возглавляет ведущие медицинские центры, научно-исследовательские институты, крупные промышленные предприятия, творческие союзы. Процент русских людей там крайне низок по сравнению с процентным доминированием русских в России. Нас оттесняют в том числе и потому, что мы вбили себе в голову быть смиренными и скромными. Верно, смирение и скромность — это добродетели — среди своих. Но наша скромность среди чужих оборачивается сегодня национальной трагедией — устранением русского народа из элиты страны — творческой, властной, финансовой, промышленной, художественной. Мы скромные, куда нам до Церетели, мы смиренные, пусть гордится Абрамович, мы кроткие, пускай возносится Кобзон. Но народ, в элите которого преобладают чужаки, давно назван учеными Химерой. Нежизнеспособны

химеры, рассыпаются в прах, так учит нас опыт истории.

Русские пословицы и поговорки и эту ситуацию предугадывали, ограничения на нашу скромность и смирение давно наложены предками. Вот послушайте, что говорят они нам из глубины веков: Сделайся овцой, а волки готовы! Суровый может сам на беду наскочет, а на смиренного — люди нанесут! На Бога надейся, а сам не плошай! Не запрягши, меня не погоняй! Дай черту волю — живьем проглотит!

Показное смирение строго осуждалось как опасное для русского человека, а попытка чужака унизить его, напомнить о якобы природном русском самоуничижении, пресекалась злой иронией: Где нам, дуракам, чай пить! Куда нам с посконным рылом да в суконный ряд! Человек я маленький, шкурка на мне тоненькая!

Надо нам сейчас понимать, что исконные программы нашего поведения среди своих в условиях национальной катастрофы, когда русские ведут борьбу за выживание в чужеродной агрессивной среде, не работают во благо. Русское самоумаление сегодня — это беда, которая может привести к национальному самоубийству. Участь овцы в стае волков легко предсказать.

Глава III. Свои и чужие в русской картине мира

Познать свой народ, разобраться, какие мы на самом деле — дано нам через родной язык. Каждый народ прежде всего и дольше всего берегает в своей языковой сокровищнице слова, выражения, наиболее для него потребные, ключевые, раскрывающие народное мировоззрение. С ними народ не расстаётся всю свою историческую жизнь. Лингвисты подсчитали, что из ста наиболее употребительных слов тех языков, которые имеют многовековую письменную историю, за тысячу лет утрачивается, замещается другими словами только пять процентов. Встреться мы с нашими пра-пра-прадедами, мы бы поняли их, а они — нас! Выходит, мировоззрение народа, а оно выражено в словах, очень устойчиво, жизненный опыт языка сто крат богаче опыта жизни каждого отдельного человека, говорящего на этом языке как на родном. Именно язык учит нас жизни, рисует нам русскую картину мира, подсказывает, как вести себя, как действовать по-русски. А имя наше — русское — хранит в себе древнее представление о нашем национальном идеале.

//- Почему мы называемся славянами и русскими? — //

Самоназвание народа обычно восходит к различным понятиям, с которыми народ связывает себя, выражая свой идеал совершенства. В своем имени народ может утверждать: мы — люди, а другие — нет. Так марийцы называют себя — мари, что значит «человек», цыгане именуют себя — рома, что тоже значит — «человек», чукчи называют свою народность — льгьороветлян, то есть — «настоящие люди».

И в этом их нельзя укорять, такова древняя психология народа, выбравшего себе такое имя.

Народ может именовать себя и так: мы — свои, другие — чужие; так называются шведы — свей, швабы, в имени которых корень свои. Порой народ принимает имя великого предка, обозначая для себя идеалом пример его жизни. По имени легендарных праотцов прозываются иудеи и чехи.

Есть народы, в имени которых явственно слышится название древней родины, — таковы поляки и итальянцы.

Случается и трагичное, когда вместо родного племенного имени народ принимает на себя прозвище, каким он зовется у других народов, что свидетельствует о духовной исчерпанности национальных сил — редчайшем явлении в истории. Вот мы немцев называем немцами, прежде мы всех иностранцев называли немцами, поскольку они не понимали нашей речи и были для нас как бы немые, так вот мы зовем немцев немцами, французы их называют алеман, англичане их именуют джоман, но сами-то они как называли себя, так и продолжают называть — только дойч. Нас, русских, латыши и литовцы издревле называют кривас, финны столетиями именуют вене, но нам и в голову не приходило принять какое-либо из этих названий. Почему же сегодня мы покорно принимаем чуждое для русских имя россиянин? Это что, свидетельство нашей национальной исчерпанности?

Какие же идеалы храним мы в своих национальных именах — русские и славяне? Имя славяне связано с понятием речи и слова. Славяне — те, кто говорит, говорит понятно и разумно, в отличие от других, то есть славяне — опять же свои, разумно говорящие, понятные друг другу, в отличие от чужих. Глагол слыть, существительное слово — вот корни имени славянин. В старину, повторяю, всякий народ заключал в свое имя свой идеал человеческого совершенства. Славяне — народ, оценивший сокровище слова настолько, что принял его в свое

имя. И каким же издевательством на фоне ясности смысла нашего племенного имени выглядит псевдонаучное толкование имени славяне, предлагаемое нам некоторыми лингвистами, а именно: «жители влажных долин», короче — болотные обитатели.

Другое наше имя — русские — как только ни пытались исказить, корень этого слова кому только ни стремились приписать. Немецкая по своим истокам теория утверждает, что так назывались норманы, пришедшие володеть русскими в X веке, то и имя наше нам дано якобы чужеземцами. Другая теория, русская по происхождению, говорит, что имя русский возникло от названия крохотного притока Днепра — реки Рось (хотя по названиям рек народы никогда себя не прозывали). Неоспоримое решение важнейшего для нас, русских, вопроса дал академик О.Н. Трубачев, который доказал, что имя русский восходит к корню славянскому и индоарийскому руке- или роке-, что значит — «белый, светлый». То есть русы — народ белый, народ Света. Согласно описаниям арабских источников, в которых задолго до появления славянской письменности впервые зафиксировано имя русы, это были высокие люди со светлой кожей, светлыми — русыми волосами, синеглазые; в буквальном смысле слова — белый, светлый народ. И сами русы называли свою страну — Русь — буквально — белый свет, единственно возможное для жизни место, Родина. Все, что вокруг, не заселенное русами, не обжитое ими, Русью, то есть белым светом, для них не являлось. Может, потому и не заримся мы никогда на чужие благоустроенные до нас земли, а осваиваем — делаем своими, обжитыми, родными, земли дикие, до того пустынные, трудно проходимые, постепенно преобразуем их в белый свет.

В старину говорили: стоять на руси, что означало — не прячься, быть на виду, на открытом месте, а еще выводили душу на русь, то есть распахивали ее перед людьми настезь. Русь в нашем исконном представлении и есть настоящие люди, и потому в сказках Баба-яга, хранительница потустороннего мира, приговаривает при встрече с героями-странниками: «Тьфу-тьфу, русским духом пахнет!» — людским, значит, человеческим духом. А всякого пришлого, чужого мы именовали — нерусь, что было равнозначно понятию — не наш человек, да и человек ли.

Все русское связывалось нами с великой силой и крепостью. И потому русак — это не только серый русский заяц, который назван так не по одной лишь масти: он и больше и крепче европейского беляка; и русак — это не только самая крупная на Черном море сельдь. Но русаком зовут еще и камень, который идет на жернова, — самый крепкий и мощный монолит, который не расколется и даже не треснет.

Слово русский связывается в нашем сознании с мощью, подчас суровой и непреодолимой. Мы сами же, не немцы какие-нибудь, прозываем крепкий мороз — русским, мы и северный холодный ветер величаем русским ветром. Есть у нас и русский час, заключающий в себе невесть сколько времени, бывает и русское бреди сухо по самое ухо. Наши сила, размах, удаль не напрасно зовутся русскими, они признаны иноземными народами непомерно большими, непрактичными и нелогичными. А нам — как раз мера по душе. И вот же любому русскому ясно, что значит: «не стерпело русское сердце», это когда крепясь перед неправдой до последнего, вдруг выходишь из себя и кидаешься в рукопашную доказать — есть еще правда на земле. И не терпит русское сердце неправды не только в малых делах суетного быта, но и в мировых пожарах войн и нашествий.

Заманчива, притягательна русь и русские для тех иноземцев, что сердцем тянутся к нашим добру и силе. Для таких людей в русском языке есть слово русеть. Обрусевшие «немцы» постепенно обживаются среди нас, принимают русский быт и дух. Но русские долго присматриваются к ним, сохраняя некоторую отчужденность в напоминании — «обрусевший» немец, француз, турок, крещеный татарин, башкир, чуваш... При этом с гораздо большей отчужденностью, с налетом презрения мы именуем своих, русских, перекинувшихся к чужакам,

мы зовем таких русских онемеченными, ополяченными, офранцуженными, отуреченными, ожидавленными...

Обратите внимание на идеал человеческого совершенства, изначально заключенный в наших племенных именах: словене — народ Слова, русские — народ Света, то есть добра, племя Белых людей.

Но сегодня мы допустили, что имя наше — русские — терпит и гонения, и клевету. Кто только ни кинулся, точно по команде затравщика, с остервенением грызть, рвать наше святое имя. Старый, испробованный прием: там, где славное имя сразу нельзя уничтожить, — а истребить его можно только с русским народом, — имя это нужно оболгать, измарать, обгадить, опошлить, навязать ему чуждые значения, сделать его посмешищем, символом глупости, то есть так отвратить от него умных и запутать невежд, чтобы они с готовностью отказались от него, с радостью приняли другое прозвание, лишь бы не позорить себя причастностью к ошельмованному имени.

Нашим именем русский, открыто издеваясь над нами, называют ныне то, что русским никак не является. Как поганые грибы множатся «русское лото», «русский банк», «русский проект», «русское радио», «русское видео», и, конечно же, с особым удовольствием смакуют — «русская мафия». Сейчас вот место захоронения ядерных отходов в Челябинской области называется могильник «Русь». И явно, и символично мечтают белый свет похоронить в ядерной грязи.

Многие из активно эксплуатирующих наше национальное имя, показали себя кто бессовестным обиралой, кто грязным развратником, кто жуликом-проходимцем. А пошерстите хозяев этих «русских заведений», там вы не найдете ни одного русского, «русским лото» владеют чеченцы, «русское видео» в руках евреев, «русское радио» прямо заявляет, что оно русское только потому, что вещает на русском языке.

В то же время у действительно русских их национальное имя отнимают, в прессе и в эфире замелькали абсурдные фигуры — татарстанец Иванов, карелец Сидоров, башкортостанец Петров, а все они, вместе взятые, именуются россияне, будто подкидыши из никому неведомого племени.

Одни из нас видят в том неприкрытое издевательство, каково русскому человеку изо дня в день слышать: татарин Сайтов, чеченец Умалатов, россиянин Кузнецов. Другие усматривают в подмене застарелую болезнь прежде большевистского, а ныне демократического интернационализма, — раньше имя русский вытеснялось безродным советский, теперь оно изгоняется при помощи безродного россиянин.

Так всегда ненавидевшая русских Польша прозвала нас по латинскому образцу в XVII веке. Но все мы понимаем, что тонкая игра, затеянная с нашим национальным именем, есть расчетливая обработка национального рассудка и памяти народа, и многие русские, кто привык к кличке советский, очень легко поменяли ее на россиянин. Так бездомный, безродный пес откликается на любое прозвище, лишь бы покормили. Нынешней власти и нужны именно россияне, а не русские, потому что русские помнят, что у нас родная земля, единое Отечество, что у нас одна на всех судьба, общая Православная Вера и родной для всех нас язык, и история не раз показывала, что против русских войной идти опасно, непосильно, недаром враги говорили про нас: «русского «мало убить, его еще и повалить надо». А вот россияне себя в истории никак не проявили — ни славы, ни чести, ни доблести.

Чтобы понять, кто мы — русские, взгляните в лица русских детей. Ведь нас почти что отучили любоваться их ясными, светло смотрящими на мир глазами, мы перестали узнавать свою породу в их русоголовых ликах. Ведь ни у одного народа нет таких волос — русых. Неяркие, неброские, они внезапно отливают благородным золотом, словно солнечным светом, как отсветом доброты, коей наполнены все русские. Приходит время, когда мы должны с

дерзновением исповедывать свою русскость и крепить себя спасительной мыслью о том, что все еще остаемся народом Добра и Света.

Надо помнить и детям своим заповедывать, что мы славяне, — народ Слова, что мы, русские, — племя Света, мы — нация Белых людей.

//- Ключевое слово «свой» — исток русского единства — //

Все народы в своем языковом сознании хранят особые ключевые слова, которые емко определяют взгляд на мир, приоритеты и ценности мировоззрения. В английском языке, согласно новейшим исследованиям, ключевым является выражение *common sense* — здравый смысл, для немецкой языковой картины мира важнейшим словом предсказуемо оказалось *ordnung* — порядок. А вот ключевым, коренным понятием русского национального самосознания было и есть слово *свой*.

Открытие это сделал академик О.Н. Трубачев при реконструкции древнейших понятий славянской культуры, лежавших в основе строительства дома, семьи, государства, Веры. Эти понятия живы в нас и по сей день, они суть идеалы, образцы, установки жизни русского человека. Хотя найдется много желающих поспорить с тем, что идея своего как лучшего, доброго и правильного пронизывает всю русскую жизнь. Ведь нам внушают обратное, что русская-де натура широка, всеохватна и всечеловечна. Мы давно привыкли мыслить себя в облике этакого простеца, гостеприимно распахивающего двери в свой хлебосольный дом любому инородцу, настезь открывающего свою душу любому иноверцу, усердно прислуживающего всем им.

Однако язык наш — первый свидетель того, что русские никогда не были настезь распахнуты для чужаков, что они честно и нелицемерно разделяли мир на своих и чужих. Свои первоначально были для русских люди одного рода, одной крови, ведь древний корень *suo* означал «рождать», и, следовательно, *свой* — это родной, единокровный.

Такое понимание слова *свой* выражено в формулах народной мудрости: «свой своему поневоле брат», «всякая сосна своему бору шумит», «свой свояка видит издалека».

Поскольку *свой* — родной, то из этого смысла выросло понимание своего как всего Богом установленного, Богу угодного, правильного. Вот законы русской жизни по-своему, то есть так, как нам Бог положил: «живи всяк своим умом да своим горбом», «всякому зерну своя борозда», «всякая избушка своей крышей крыта».

Понятие *свой* изначально несло в себе мысль о богоданности всего, чем богат русский человек в этой жизни, — здоровья, имения, родни, доли. В слове *здоровье* (*сь-доровье*) в крохотном обломке древнего *suo* — (*сь*) хранится память о том, как выделась русским людям телесная крепость: *сь-dogv* значило «свое древо», древо доброго корня, так что *здоровье* представлялось русским людям не их личным достоянием, а родовым наследием, в полном соответствии с современными представлениями генетики о наследственности. И сколь символично, что русское приветствие «здорово», «здравствуй» содержит в себе тот же самый корень. Здороваться, то есть желать здоровья при встрече, принято у нас многие столетия. Еще в IX веке византийский император Константин Багрянородный в своем трактате «О народах» упоминал, что славяне приветствуют друг друга «здраво, брате, сестрице». Больше тысячи лет назад мы были все те же: желали при встрече крепости нашему древу-роду.

Это существенно отличает нас от других народов, вкладывающих в свои приветствия самое важное для них. Для англичан таковым является дело: «How do you do? — Как действуешь?» Для итальянцев характерен иной тип приветствия, утверждающий стабильность жизни: «Come

sono? — Как стоишь?» Одно из приветствий китайцев: «Ел ли ты сегодня», а вот русские не задают вопросы при встрече, они желают, даруют доброе слово во благо рода и семьи.

В слове счастье (съ-частье) мы видим, каким оно представлялось русским — своей долей, своей частью, отпущенной Богом человеку по заслугам или грехам его родителей: «Всякому свое счастье; в чужое счастье не заедешь», «Чужого счастья не займешь». Поэтому русское счастье могло быть трудным, даже горьким, такое счастье и название имело особое — горе-злосчастье. Русское счастье нужно было выстрадать, вымолить, заслужить. Русское счастье как доля, судьба, участь никак не совпадало с представлениями о счастье западноевропейца или китайца, у которых счастье связывалось исключительно с материальным благополучием. Мы урожденно знаем: «Счастье в нас, а не вокруг да около».

И даже смерть (съ-мерть) представлялась русскому человеку своей, если она была естественной, природной, от одряхления. Выражение умереть не своей смертью до сих пор напоминает нам об этом. А коли смерть — своя, то русские ее и не боятся и повторяют в поговорках: «Смерть русскому солдату свой брат». «Двум смертям не бывать, а одной не миновать». «Прежде смерти не умереть». Эта всегдашняя готовность встретить свою смерть, она ведь, как жена, Богом суждена, делает наш народ воистину бесстрашным, то есть пренебрегающим смертельной опасностью, готовым riskнуть головой. Язык наш питает русское бесстрашие.

Русский всегда бывал убежден, что свое — это подходящее именно для него, то есть хорошее, доброе, благое, даже смерть во время свое. Так рождались правила русской жизни, в которой «всякому свое любо-дорого»: «всякая птица свое гнездо хвалит», «свой хлеб сытнее», «свой уголок всего краше», и даже «свой сухарь лучше чужих пирогов».

Поскольку свое — это все родное и Богом данное, то русские понимали, что Родина, Отчизна, земля предков тоже — свои. Потому и сохранилось в русском языке выражение во своя си — к себе домой, в свои пределы, на родину. Потому искони не глянулась нам чужбина: «За морем веселье да чужое, а у нас и горе да свое», «на чужой стороншке рад своей вороншке».

Замечательно, что именно с пониманием своего как родного, богоугодного, правильного связано у русских представление о свободе, то есть возможности действовать по-своему, ведь корень этого слова тот же, что и в слове свой. Свободный — это сам свой, принадлежащий себе, вспомним, что есть у нас и выражение «сам не свой», то есть подчинившийся чужому — человеку ли, идее, не суть. Своё говорит русскому о его свободе: «Своя рука — владыка», «Не князь, не дворянин, а в своем дому господин», «В своем гнезде и ворона коршуну глаз выклюет». Неволя, плен, тягота, несчастье, связывающие свободу человека, именуется по-русски «не свой брат»: и голод не свой брат, и палка не свой брат, а «своя волюшка-раздолюшка». И если говорить о самодостаточности земной жизни в представлении русских, то вся она в словах «свитка сера — да воля своя».

Конечно, пронизавшее все русское сознание понятие свой могло рождать и такие уродства, как «моя хата с краю». Это когда взгляд человека выше своей избы и двора не возлетывал. Но все же русские из рода в род берегли коренной, древний смысл этого слова. Своё — это Вера, Родина, единокровные и единовѣрные братья, счастье и здоровье, и даже смертный час. И главное: своё — это свобода жить и действовать по законам отцов, а не по принуждению иноземцев.

//- Что такое «природный русак» — //

Мы постоянно слышим, что русские — не народ, спаянный кровью, родственнй по крови,

а конгломерат людей, объединенных общностью культуры и территории. Оброненное кем-то из писателей «поскреби всякого русского, непременно отыщешь татарина», стало чуть ли не аксиомой в ходу у политиков, размывающих понятие русский, а заодно для всякого явилось входным билетом в среду русского народа. Дескать, каких только кровей — татарских, кавказских, немецких, финских, бурятских, мордовских. — в русском ни намешано. Нас усиленно убеждают, что мы, русские, очень разные по крови, что мы не из одного корня проросли, а явились плавильным котлом для многих народов, когда-либо набегавших, заходивших, приблудившихся на нашей земле, и мы всех их принимали, впускали в дом, брали в родню.

Действительно ли мы, русские, представляем собой скопище, сплав, плавильный котел, сборище из сошедшихся на Русь племен, как нас в том убеждают? Тогда мы вовсе не народ, а население, ведь народ — это люди, нарождающиеся из одного рода, ветви одного корня, искры одного кресала. Население же — все, кто поселился рядом, без разбору рода-племени. Народ спаян кровью, народ умеет различать своих и чужих, поэтому в каждом старике видит отца, в ровеснике — брата, в девушке — сестру, в старухе — мать, вспомните, еще недавно были в ходу обращения к совершенно чужим, но русским людям — отец, мать, сестренка, братишка, сынок, дочка, тетенька, дяденька.

Обратите внимание, как многозначно слово брат — наше русское мужское обращение к своим же русским мужикам — и как оно меняет форму в зависимости от того, в какой среде и обстановке звучит. Если нужно установить дружеские отношения с незнакомцем, к нему обращаются: «Послушай, брат!» Когда незнакомца о чем-то просят, его зовут: «Помоги, браток!». Коли дело дошло до укора или попрека, то звучит обычно укоризненное: «Чего ж это ты, братец!» В криминальной среде скорее обратятся друг к другу «братаны». У моряков в ходу «братишки». В любом нетрезвом мужском коллективе возникают «братуха» и «братка». Все это формы одного и того же слова брат, обозначающего кровную родоу, но употребляемого русскими по отношению именно к неродным людям, чаще всего и вовсе незнакомым им.

Подобные обращения возможны только в среде своего народа, ведь никому и в голову не придет позвать — дочка! — маленькую китаянку, режьте вас, но вы никогда не обратитесь — матушка! — к пожилой таджичке, у вас язык не повернется сказать — отец! — иудею в хасидской шляпе.

Сейчас эта традиция отмирает, нам пытаются навязать общее обращение по примеру французского мадам и месье, английского мистер и миссис, немецкого герр и фрау, прилаживают к этим моделям сударя и сударыню, навязывают господина и госпожу, приспособливают гражданина и гражданку, внедряют товарища. Но ничего не выходит.

Не приживаются такие обращения. Но само намерение изжить русские родственные формы общения — очень опасная примета того, что русский народ постепенно соглашается стать просто русскоязычным населением — «россиянами», сдать на потребу пришлому чужомулюду, раствориться в нем, выродиться в массу смуглявых потомков, исчезнуть как русские с лица земли.

Надо развеять этот миф, разорить бастионы лжи, громоздящиеся на шатких подпорках «поскреби всякого русского.». Давайте поскребем, да не с помощью политического толерантного словоблудия, а обратившись к научным достижениям антропологии, науки о биологических видах человека. Эти знания точны, получены научным экспериментальным путем, постоянно обновляются, и потому не получится у наших противников отовратиться тем, что они устарели. Поскребем и увидим, что русский из поколения в поколение, из рода в род, все тот же русский, а не татарин, не печенег, не половец, не скиф, не монгол, он — русский! И вот почему.

Выдающийся антрополог, исследователь биологической природы человека А.П.Богданов в конце XIX века писал: «Мы сплошь и рядом употребляем выражения: это чисто русская красота, это вылитый русак, типично русское лицо. Можно убедиться, что не нечто фантастическое, а реальное лежит в этом общем выражении русская физиономия. В каждом из нас, в сфере нашего «бессознательного» существует довольно определенное понятие о русском типе» (А.П. Богданов. Антропологическая физиогномика, М., 1878). Через сто лет современный антрополог В.С. Дерябин с помощью новейшего метода математического многомерного анализа смешанных признаков приходит к тому же заключению: «Первый и наиболее важный вывод заключается в констатации значительного единства русских на всей территории России и невозможности выделить даже соответствующие региональные типы, четко ограниченные друг от друга» («Вопросы антропологии». Вып. 88, 1995). В чем же выражается это русское антропологическое единство, единство наследственных генетических признаков, выраженных в облике человека, в строении его тела?

Прежде всего — цвет волос и цвет глаз, форма строения черепа. По данным признакам мы, русские, отличаемся как от европейских народов, так и от монголоидов. А уже неграми и семитами нас и вовсе не сравнить, слишком разительны расхождения. Академик В.П. Алексеев доказал высокую степень сходства в строении черепа у всех представителей современного русского народа, уточняя при этом, что «протославянский тип» весьма устойчив и своими корнями уходит в эпоху неолита, а, возможно, и мезолита. Согласно вычислениям антрополога В.С. Дерябина, светлые глаза (серые, серо-голубые, голубые и синие) у русских встречаются в 45 процентах, в Западной Европе светлоглазых только 35 процентов. Темные, черные волосы у русских встречаются в пяти процентах, у населения зарубежной Европы — в 45 процентах. Не подтверждается и расхожее мнение о «курносости» русских. В 75 процентах у русских встречается прямой профиль носа.

«Русские по своему расовому составу, — делают вывод ученые-антропологи, — типичные европеиды, по большинству антропологических признаков занимающие центральное положение среди народов Европы и отличающиеся несколько более светлой пигментацией глаз и волос. Следует также признать значительное единство расового типа русских во всей европейской России». Русский — европеец, но европеец со свойственными только ему физическими признаками. Эти признаки и составляют то, что мы называем — типичный русак.

Антропологи всерьез поскребли русского, и что же отскребли? Никакого татарина, то есть монголоида, в русских нет. Одним из типичных признаков монголоида является эпикантус — монгольская складка у внутреннего угла глаза. У типичных монголоидов эта складка встречается в 95 процентах, при исследовании восьми с половиной тысяч русских такая складка обнаружена лишь у 12 человек, причем в зачаточной форме. Еще пример. Русские имеют в буквальном смысле особую кровь — преобладание 1-й и 2-й групп, что засвидетельствовано многолетней практикой станций переливания крови. У евреев же, например, преобладающая группа крови — 4-я, чаще встречается отрицательный резус-фактор. При биохимических исследованиях крови оказалось, что русским, как и всем европейским народам, свойствен особый ген РН-с, у монголоидов этот ген практически отсутствует (О.В. Борисова. Полиморфизм эритроцитарной кислой фосфатазы в различных группах населения Советского Союза. «Вопросы антропологии». Вып. 53, 1976).

Новейшие исследования генетиков показывают, что геном человека обладает особой голографической памятью, которая существует в виде электромагнитных полей, размечающих, подобно проекту, «будущее пространство — время человеческого организма». Это означает, что уже зародыш человека проецирует при помощи электромагнитных полей, исходящих от его хромосом, весь будущий взрослый организм со всеми наследственными признаками на всех

стадиях его развития. Доктор биологических наук П.П. Гаряев доказывает, что такую же голографическую память имеет и кора головного мозга человека, «задающая ментальные, смысловые и образные пространства», которые определяют действия человека в обществе (П.П. Гаряев. Лингвистико-волновой геном. Теория и практика. Киев, 2009, с. 154). То есть научно установлено, что цельный русский антропологический тип и архетипы русского мышления, выраженные в особой русской психологии и типичном русском поведении, — устойчивые признаки и передаются по наследству благодаря генетической памяти поколений.

Получается, как русского ни скреби, все равно ни татарина, никого другого в нем не сыщешь. Это подтверждает и энциклопедия «Народы России», в главе «Расовый состав населения России» отмечается: «Представители европеоидной расы составляют более 90 процентов населения страны и еще около 9 процентов приходится на представителей форм, смешанных между европеоидами и монголоидами. Число чистых монголоидов не превышает 1 млн. человек». («Народы России». М., 1994). Несложно подсчитать, что если русских в России 84 процента, то все они — исключительно народ европейского типа. Народы Сибири, Поволжья, Кавказа, Урала представляют смесь европейской и монгольской рас. Это прекрасно выразил антрополог А.П. Богданов в XIX веке. Изучая народы России, он писал, опровергая из своего далекого далека сегодняшней миф о том, что русские вливали в свой народ чужую кровь эпохи нашествий и колонизаций: «Может быть, многие русские и женились на туземках и делались оседлыми, но большинство первобытных русских колонизаторов по всей Руси и Сибири было не таково. Это был народ торговый, промышленный, заботившийся зашибить копейку и затем устроить себя по своему, сообразно созданному себе собственному идеалу благополучия. А этот идеал у русского человека вовсе не таков, чтобы легко скрутить свою жизнь с какой-либо «поганью», как и теперь еще сплошь и рядом честит русский человек иноверца. Он будет с ним вести дела, будет с ним ласков и дружелюбен, войдет с ним в приязнь во всем, кроме того, чтобы породниться, чтобы ввести в свою семью инородческий элемент. На это простые русские люди и теперь еще крепки, и когда дело коснется до семьи, до укоренения своего дома, тут у него является своего рода аристократизм. Часто поселяне различных племен живут по соседству, но браки между ними редки».

На протяжении тысячелетий русский физический тип оставался устойчив и неизменен и никогда не являлся помесью разных племен, населявших временами нашу землю. Миф развеян, мы должны понять, что зов крови — не пустой звук, что наше национальное представление о русском типе — реальность русской породы. Мы должны научиться видеть эту породу, любоваться ею, ценить ее в своих ближних и дальних русских сородичах. И тогда, возможно, возродится наше русское обращение к совершенно чужим, но своим для нас людям — отец, мать, братишка, сестренка, сынок и дочка. Ведь мы на самом деле все от единого корня, от одного рода — рода русского.

//- Русские, украинцы, белорусы — один язык, один род, одна кровь — //

Как легче всего ослабить, обескровить народ? Ответ прост и проверен веками. Чтобы ослабить народ — его надо раздробить, раскрыть на куски и убедить образовавшиеся части, что они есть отдельные, самостоятельные, сами по себе, даже враждебные друг другу народы. В истории известны разделение сербов — на сербов, хорватов, боснийцев, черногорцев; дробление немцев — на австрийцев и немцев. Эти разделения сопровождались государственным дроблением и ослаблением мощи великих европейских народов. Горький опыт разделения нации имеем и мы, русские. В середине XIX века мы беспечно приняли так выгодную полякам, немцам, евреям

идею дробления русских на три самостоятельных «народа» — русских, украинцев и белорусов. Новоиспеченным народам — украинцам и белорусам — стали спешно создавать отдельную от русского народа историю. В самостийных украинских учебниках 20-х годов XX века украинцы повели свое происхождение от «древних укров». Украинцам и белорусам изготовили собственные литературные языки — украинский и белорусский, которые подражали польским литературным моделям, хотя в ту пору малорусское и белорусское наречия русского языка, именно так они именуется в словаре В.И. Даля, отличались от русского литературного языка, как диалекты Смоленщины или Вологодчины, и языковеды по сию пору не находят на картах четких границ между говорами русскими, белорусскими и украинскими. Народная языковая стихия доказывает их родство, однако ж украинский литературный язык, напротив, стремится отсечь украинцев от русского корня. Исследования выдающегося слависта академика Н.И. Толстого убедительно доказывают, что литературный украинский — искусственное новообразование, на треть состоит из германизмов, немецких слов, на треть — из полонизмов, слов польского языка, и на треть — из варваризмов, наречия поселян Украины.

Зачем же было дробить единый русский народ, рушить его целость? На территории Австрии в XIX веке жило много православных славян, именовавших себя русскими или русинами. Будучи подданными австрийского императора, они сознавали свою причастность к русскому народу, что очень беспокоило австрийскую власть. Ну, как можно было австрийским властям мириться с положением в Галиции, где в русских избах на стенах висели непременно два портрета — австрийского императора и русского Царя, и на вопрос о значении портретов, крестьянин-русин обычно отвечал: «Это его величество австрийский император, а это наш русский Батюшка-Царь». Австриякам на своих землях да и полякам, чьи территории входили в то время в состав Российской Империи и тоже были густо населены русскими, нужно было избавиться от русской «пятой колонны» в собственных пределах. И работа закипела. Идея переделывания русских в «щирых украинцев» была щедро профинансирована австрийским правительством. Во Львове, входившем тогда в состав Австрии, историк М.С. Грушевский сочинил «Историю Украины-Руси», где князей русских Владимира Святославича, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха поименовали украинскими князьями, писателей Николая Гоголя и Николая Костомарова принялись называть великими украинскими писателями и переводить их труды на украинский язык, который, в свою очередь, был сотворен из тех самых полонизмов, германизмов и варваризмов так, чтобы ни в коем случае не походил на русский литературный язык. Переводы эти выглядели довольно дикими. К примеру, шекспировская фраза Гамлета «Быть или не быть: вот в чем вопрос?» в так называемом литературном украинском переводе Старицкого получила не свойственную благородному принцу датскому базарную развязность: «Буты чи не буты: ось-то заковыка?»

Поначалу царские власти в России не отнеслись всерьез к этим, казалось, невинным забавам либеральной львовской и киевской интеллигенции, подстрекаемой австрийцами и поляками к самостийности, власти сквозь пальцы смотрели на намеренное раздувание обиды малорусов на великорусов за то, что называют себя великими русами, а их малорусов — малыми. Но эта обида, как заразная болезнь, прочно укоренялась в сознании многих украинцев, с готовностью отвергавших свое русское имя в силу того, что оно малорусское, и принявших себе национальное имя в честь Украины — окраины Руси.

Вот так вредоносная идея, всего-навсего словесная игра, затеянная с национальным именем русский, смогла расчленивать и ослабить единый народ, породить взаимную неприязнь у единокровных братьев. И сколько теперь нужно усилий, какую громадную гору неприязни и лжи нужно ниспровергнуть, чтобы побороть эту вредоносную идею, а вместе с ней и искусственное разделение русских на три «восточнославянских народа» — русских, украинцев и белорусов.

Ныне, наконец, получило здравое научное объяснение именование Руси — Великой, Малой и Белой. Согласно исследованиям академика О.Н. Трубачева, название Великороссия никакого самовозвеличивания перед другими странами, другими народами не выражает. Как слово Великобритания образует пару с материковой Бретанью — древнейшая колонизация острова шла оттуда, так имя Великая Русь образует пару с именем Русь, прежде в глубокой древности, обозначавшим область Киева, откуда шло освоение русскими земель к северу и востоку. Это типичный случай названия колонизованных земель термином Великий, так в истории известны не только Великобритания, но и Великая Греция, Великопольша и Великая Моравия, все эти территории когда-то были освоены из материнских очагов — Бретани, Греции, Польши и Моравии. Вот почему рядом с Русью Великой появилась Русь Малая — Малороссия, название малая, подобно нынешнему малая Родина, всегда имело смысл Руси изначальной, материнского очага, вокруг которого образовалась Великая Русь. И никакого уничижения малороссов в этом названии нет, так же как нет никакого шовинизма великороссов в именовании великорусский. Долго сохранялись следы прозывания нынешних украинцев русскими, до сих пор на крайнем западе Украины существует область, которая по-прежнему зовется Подкарпатская Русь, а поляки, немалые усилия приложившие, чтобы малорусы звались украинцами, в своей среде до недавнего времени словом Русь обозначали именно Украину. Так что наши названия Великая и Малая Русь есть объективные указатели широкого продвижения по своей земле народа русского, свидетельство освоения русскими огромных пространств из Киевского материнского лона, а вовсе не знак столь не свойственных нашему народу кичливости и хвастовства.

Не таит мнимых обид, напротив, указывает на древнее единение русского народа и название Белая Русь — Белоруссия. Это имя, как показали исследования академика О.Н. Трубачева, является частью древней системы цветообозначения сторон света. В этой системе северная часть страны обычно именовалась черной (и в истории сохранилось именование северо-западной части Руси Черная Русь), красным цветом (по-древнерусски червонным) обозначалась южная часть страны (в летописях известна Червонная Русь), а белой именовалась западная часть Руси. В системе древнего цветообозначения сторон света, согласно реконструкции, было и название для восточной стороны — Синяя или Голубая Русь. Но ее следов в письменной истории не обнаружено. А вот сохранившееся до сего дня имя Белая Русь показывает, что это всего лишь западная часть великой Русской земли, — часть целого, а не нечто обособленное и независимое.

Даже самое малое внимание к этим вопросам развеивает взаимные обиды и разногласия. Но кому-то очень хочется, чтобы мы, русские братья, по-прежнему вели свары между собой. Скажем, раздувают в обиду добродушные взаимные прозвища, которые давались украинцами русским, а русскими украинцам, как давались они вятским, пошехонцам, пермякам. Русских украинцы звали москалями и кацапами. Ну и что тут обидного? Как говорится, назови хоть горшком, только в печь не сажай! Москаль — всего-навсего москвич. На Украине так называли всех, кто вышел не с Дона и не с Украины. А в Сибири москалями и москвичами величали всех русских, включая украинцев, кто жил за Уральским хребтом, то есть в Европе. Кацап — вообще загадочное слово, оно не имеет однозначного истолкования, и именно потому, что его происхождение не понятно, нет причин считать его обидным для русских. Точно так же нет причин для обид при назывании украинцев хохлами, это лишь образное подчеркивание особого, свойственного запорожским казакам чуба — клока волос на бритой голове — символа казачьей чести. Только чужак, человек чужой крови и не нашего воспитания, может истолковать такие прозвища как обидные. Ведь никто не стесняется этих именовании в русских и украинских фамилиях и не считает собственные фамилии — Хохлов, Москалев, Кацапенко — неприличными, обидными.

Русские, украинцы, белорусы — суть один народ, ибо рождены из одного русского корня,

единокровные братья и братья по Вере. Наречия украинское (малорусское), белорусское и великорусское произошли из единого древнерусского языка и отличаются друг от друга меньше, чем немецкие диалекты между собой. Потому и русским, и украинцам, и белорусам, помня наше родство, надо уметь пренебрегать ухищрениями врагов русского единства и русской силы, пытающихся нас разделять и ссорить. Формула нашего национального разделения, универсально высказанная в завещании польского русофоба Мерошевского, должна стучать в наши сердца, не давая забывать о том, что русские, украинцы и белорусы есть один язык, один род и одна кровь. Вот что Мерошевский завещал всем вековечным недругам народа русского: «Бросим огня и бомбы за Днепр и Дон, в самое сердце Руси, возбудим ссоры в самом русском народе, пусть он разрывает себя собственными ногтями. По мере того, как он ослабляется, мы крепнем и растем».

//- Архетип чужака и современное нашествие — //

Как полюбить своих — русских, украинцев, белорусов, казаков, — если видишь в них целое скопище пороков и недостатков, если раздражают в соседях хохлацкое упрямство, русская безалаберность, белорусское простодушие, казацкое ухарство... Эта неприязнь выражается в вечном нашем недовольстве самими собой: «Нам, русским, хлеба не нужно, мы друг друга едим». Оказывается, чтобы полюбить своих, каких бы то ни было — ленивых, беспечных, нахрапистых, упертых или простодырых — достаточно взглянуть на чужих, на другие, рядом живущие народы, в которых нам бываю неприятны как раз черты, отсутствующие в типично русском характере. Нас коробят немецкие расчетливость и порядок, еврейские алчность и эгоизм, кавказские стремление к первенству и агрессивность. Вот тогда-то мы начинаем любить и ценить своих — русских, украинцев, белорусов, казаков, а повадки и нравы своих кажутся нам милее и краше всех, пусть даже таких полезных для жизни свойств чужаков. Это чувство любви к своим, особенно ярко вспыхивающее при нашествиях чужих, инстинктивно и безотчетно определяется архетипом нашего русского мышления, издревле положившего границу между своими и чужими.

Наши предки тысячелетиями соседствовали с самыми разными племенами, и это соседство оставило по себе память в нашем языке, который, как известно, хранит опыт многих поколений народа в сжатых и емких формулах, отточенных бедствиями и невзгодами русской истории.

Как же представлены в русском языке понятия о чужих? В них отчетливо прослеживаются отрицательные характеристики: чужие, значит, не свои, уже одно это заставляет русского человека быть настороже и сравнивать обычаи, язык, религию чужаков, их нравственные законы, их внешний вид с нашими традициями, языком, верой, внешностью... Причем все свое подсознательно представляется нам лучшим, является для нас эталоном красоты, совершенства, истинности и праведности. Так уж устроен человек, что все окружающее его помимо своей воли он оценивает мерилom родного — идеального для него жизнеустройства.

И какими же видим мы чужаков, встретившихся нам на историческом пути России? Исследования этнологов и лингвистов показывают, что очень уж неприглядны чужие в русских глазах. В гуще любого народа чужой опознавался по ряду ключевых признаков: непривычная внешность, чуждый запах, физическое строение тела, кажущееся аномальным, неприятный на слух и непонятный язык. Поведение чужака — «неправильное» с точки зрения местной традиции и местных бытовых обычаев. Народы, особенно в древности, часто не признавали в чужаках даже присутствия души, приписывали им способности к колдовству, магии и оборотничеству, считая их пришельцами из другого мира. Само слово чужой — исконно

звучавшее как туждь, указывает на то, что пришлый человек искони воспринимался как пришелец «от-ту-да», из-за границы знакомого и привычного мира, а потому требовал к себе настороженного и опасливого отношения.

Все увиденное и услышанное русскими в результате общения с мирными и немирными соседями, создавало определенные стереотипы — образы разных народов обретали конкретные неприязненные черты, устойчиво хранящиеся в национальной памяти. Стереотипы эти настолько устойчивы, что результаты исследований восприятия чужака, проведенных в конце XIX века в Белоруссии, полностью совпали с подобными исследованиями в конце XX века! Сто лет революций, войн, интернационального воспитания, миграций и смешения народов не оказали ни малейшего влияния на негативные представления русских и белорусов о поляках, евреях, цыганах и немцах. Все как было, так и осталось.

И что же думают русские, а также белорусы и украинцы, живущие в центре Европы, о своих соседях на протяжении последнего тысячелетия? Ну, во-первых, что у них неприятные, некрасивые, непонятные языки. Ведь с точки зрения носителя традиционной культуры, человеческим или культурным статусом обладают только свои. А потому язык чужой может восприниматься либо как «язык животных», либо приравниваться к немоте.

Русские искони полагали, что все другие народы — «немцы» — немтыри, немые, не владеющие человеческим языком. В представлении русских иноязычные чужаки не столько разговаривают, сколько пищат, клекочут, гнусавят, бормочут, визжат, свистят, кричат, гыркают. Все это признаки звериности незнакомого языка, раздражающего слух непонятностью и оттого кажущегося всегда особенно громким.

Чужие народы обозначались у русских, белорусов, украинцев даже особым цветом — черным. Черными назывались цыгане, евреи, ныне это же слово приложилось к народам Кавказа и Средней Азии, в изобилии приехавшим к нам в среднеевропейскую Россию. Их так и именуют собирательным термином — черные. Причем этот признак «черный» роднил чужаков с персонажами народной демонологии — чертями и дьяволом. В русских диалектах черный, черняк означало не только инородца, но и черта. В русских представлениях, судя по нашим сказкам и быличкам, инородцев и нечистую силу объединяют пристрастия ко всякого рода греховной деятельности — изготовлению вина, табака, игральным картам. Часто и черти предстают в русских сказках в виде чужака — жида, пана, немца.

Еще более знаменательно восприятие народами чужих как не-людей в противопоставлении своим, как воистину людям. Это весьма архаичное представление о зверином образе чужака сказывалось, к примеру, в русских поверьях о том, что чужих можно опознать по необычному виду нижних конечностей. Чужаки либо одноноги, либо не имеют пяток, либо кривоноги и косолапы. Именно в силу звериного стереотипа чужакам приписывали порой даже людоедство. У русских людоедами обычно выступали евреи, литва и чудь. Косматость в русских поверьях — устойчивый признак звериности чужака. А еще чужие, по убеждению русских, украинцев и белорусов, плохо пахнут, буквально, как животные. Со времен Средневековья известны общеевропейские представления о запахе евреев, издревле неприятен был русским и запах цыган. Оказалось, и в наш цивилизованный век, по данным экспедиционных исследований последних лет, в Полесье и Подолии — самой сердцевине белорусского мира — представления о специфическом запахе чужого, по которому легко опознать инородца, широко бытуют до сих пор.

Чужаков народные стереотипы рассматривают как людей нечистых, в отличие от своих — чистых. Противопоставление чистый — нечистый имеет в культуре особый смысл. Нечистота, полагали наши предки, — это не только грязное, неприятное, загаженное, но и безнравственное, непристойное, порочное. Чистое же — это все новое, первое, целое, свое и потому священное.

Чужие воспринимались русскими как нечистые в бытовом отношении. Этот взгляд распространялся на весь уклад жизни — пищу, обиход, даже на болезни, которым приписывался статус чужих. Такие болезни, как короста и парша, считались присущими только чужакам.

Нечистота инородцев равно касалась и греховности нравственной, несправедности чужой религии, что заставляло русского человека интуитивно избегать посторонних верований, не стремясь вникать в тонкости иноверного учения, ритуалов и обрядов. Своя вера именовалась русскими — правая вера, а вот чужие религии как только ни прозывались: и поганая вера, и песья вера, и немечина хитрая, и безверная, бусурманская, кривая вера, смрадная вера. И хотя русские прекрасно сознавали, что «все один Бог, что у нас, что у них», но упорно стояли на своем «Русский Бог велик». Это явление так называемой «национализации» Бога очень важно для русского самосознания. На этом зиждется стойкое хранение религиозной традиции, на этом основывается русская готовность умереть за Веру и за Христа. Отречение же от Веры Православной, переход в другую религию — в «польскую», «немецкую», «татарскую или турецкую», в «жидовскую» веру — рассматривается русскими как отречение от своей национальности. Не случайно же существовало два однотипных прозвища для иноверца — нечисть и нехристь. Отрекшиеся от «русской» Веры перестают быть своими и переходят в категорию чужих. А вот обратное явление — когда иноверец принимал крещение, — не означало обязательного признания его русскими своим. Евреи-«выкресты» навсегда оставались чужими, к ним относились с подозрением из-за множества примеров неискренного принятия иудеями христианства, что представлялось русскому человеку самым страшным преступлением. Наши пословицы и поговорки предупреждали о вероломстве выкрестов: «Табак моченый, что конь леченый, что жид крещеный да недруг замиранный», — все едино, мол ненадежны, а еще говорится «жида перекрести да под лед спусти».

Чужие, согласно нашим русским архетипам, — это пришельцы из другого мира — от-ту-да. Они не вполне подобны нам физически и нравственно, некоторые чужаки и вовсе имеют черты звериности, дикости, иные подобны нечистой силе. У них непонятный, а потому неприятный и неблагозвучный язык. Они имеют собственного бога и собственную веру, которые не святы и отличаются от русского Бога и русской Православной Веры.

Названные здесь архетипы восприятия чужого народа русским сознанием — это не суеверия или заблуждения, это не пресловутый русский шовинизм или фашизм. Это нормальный фактор национального развития любого народа. Без разделения на своих и чужих невозможна суверенная, самобытная и безопасная жизнь никакого народа, ни единого племени, ни одного самого крохотного этноса и ни одной самой громадной нации. В политике очень важно это понимать, чтобы не допускать принижения и умаления одних народов и возвышения над ними других. Но власть в России игнорирует этот важнейший принцип мирного сосуществования народов, из-за чего мы стоим на грани глобальных этнических войн, грозящих распадом нашего государства. Приведу лишь один пример из множества опубликованных сегодня в открытой печати фактов.

В конце 2010 года в России стартовала программа по переселению северокавказских народов в среднеевропейскую Россию в связи с тем, что на Северном Кавказе очень высокая безработица. Первыми их приняла Пенза. Как сообщали газеты: «Каждый переселенец обойдется казне в 330 тысяч рублей. Муниципальные сельские образования, то есть деревни и села Пензенской области, обязывались предоставить переселенцам землю, жилье и рабочие места. Только на выкуп жилья для кавказцев в бюджете Пензенской области предусмотрено 40 миллионов рублей. Чтобы предоставить жилье первым переселенцам, губернатор Пензенской области Василий Бочкарев предложил расформировать малокомплектные сельские школы, чтобы поселить в них кавказцев. Причем дагестанец или ингуш может приехать, прожить здесь

три месяца, получив подъемные 53 тысячи рублей и уехать назад домой, а может и остаться, если ему здесь понравится».

Характерна и предсказуема была реакция русских на это современное нашествие чужаков по инициативе государства. С форума в Интернете процитирую лишь несколько откликов на это сообщение: «Где это в Дагестане и Ингушетии русским строят дома?» «Да еще сколько русских без гражданства живет! А сколько наших у себя, в России, без жилья, без земли, без работы? Вот и делайте выводы!» «25 миллионов русских за границей бросили, предали и предают, — людоеды!» «Правильно, если тараканов еще и подкармливать, они так расплодятся, сам покинешь такую квартиру». «Благодарные пензенцы, стоящие на перронах, кто чем выражают радость приезду долгожданных гостей — вилами, ломами, кастетами, некоторые — обрезамии». «Надо как партизаны в Великую Отечественную — под откос вместе с их хозяевами». «Я честно не представляю из них колхозников в нашей полосе, это даже не баранов пасти». «Не надо нам этого счастья — кавказцев, цыган, евреев. Они душили друг дружку веками, теперь нас душить будут».

Это люди другой культуры, у них другие ценности». «А за 330 тысяч рублей много русских бы приехало. У нас в деревне беженец из Казахстана, русский, горбом по копейке дом построил для себя и детей. Ему ни гроша не давали». «Когда русские бежали с Кавказа, им никто ничего не давал — ни денег, ни работы, ни жилья». «Безумцы не ведают, что творят!» «Еще как ведают. Межрасовые конфликты — это шанс шайке удержаться у власти». «Оптимальный вариант переселения — Новая земля — и не убежать, и не прожить долго». «Где, когда коренному населению, пожелавшему работать в сельском хозяйстве, оказывалась такая поддержка? Аим — пожалуйста! Дискриминация — налицо». «Выделять такие деньги потенциальным боевикам! Когда свое население ниже плинтуса. Такого унижения коренного населения нет нигде в мире. Что-то жида не расселяют по своей территории палестинцев. Россияния для них — страна экспериментов». «Вот так решает проблему с демографией наша власть: звери — плодитесь, а русские — вымирайте. Коренное население настойчиво замещают кавказцами». «Включите ящик, и вам объяснят, что русские много пьют и воруют. А работают мало и плохо. И очень капризные. И вообще им не повезло родиться немцами или китайцами». «Наши власти распространяют раковую опухоль по всему телу России». «Наши — не распространяют. Это чужие, кремлевские, пакостят». «Уважаемые жители Пензы. Забудьте про нормальную жизнь. К вам едет небритый и наглый чернослив». «Чернослив! Это точно! Чернота, которую сливают». «Они отличаются от русских людей, как рыси от домашних кошек». «Люди регионов, куда будут переселять кавказцев, должны вооружаться, а русский народ должен объединиться на этом горе и сплотиться». «Это предательство!» «Нет, это не предательство! Предательство — это когда свои своих предают. А здесь я своих не вижу. Скорее планомерное вытеснение русского населения».

Что видим мы в этих откликах? А то, что отношение к чужакам у русских за тысячи лет ничуть не изменилось. Налицо все те же архетипы, действующие как сигнал опасности для национального сознания. Посмотрите, как русские здесь именуют пришельцев: зверями и черными, они сравнивают их с насекомыми, с болезнью, с диким животным. Они не признают их своими и возмущены, что власть считает чужаков больше своими, чем нас, русских. Они готовятся к отпору. Они накапливают ярость к власти, презирающей русские правила общегития разных народов. Является ли преступным то негативное, что сказано о переселении чужих в исконно русские земли? Нет! Ибо никому не дозволено считать преступными образ мысли и образ жизни целого народа, живущего на своей собственной земле. Надо с ним считаться и его уважать, чтобы не получить новой межэтнической резни.

Сегодня русский образ мысли, русские архетипы поведения как раз попираются в угоду пришлым народам. Словом ксенофобия стращают тех, кто недоволен нашествием чужаков на родную землю. Словно припечатывают позорным клеймом, вменяют уголовную 282-ю статью — возбуждение межнациональной розни. Подобная статья есть только в российском законодательстве, другие европейские государства не позволяют себе политических преследований из «соображений демократических». А у нас в России, причем только для русских, изобретено пугало, именно русским пытаются заткнуть рот Уголовным кодексом, стращают тюрьмой, штрафами, чтобы натиском пришельцев умалить наше национальное преобладание в России. И многие русские поддаются страху быть обвиненными в ксенофобии, подавляя в себе свой национальный инстинкт самосохранения, основанный на природных архетипах.

Что же такого страшного в этом понятии? Ксенофобия — естественное для каждого народа неприятие чужого, отторжение чужого, чтобы не утратить свою собственную самобытность. Почему, скажите на милость, мы обязаны любить чужие народы? В народах, по меткому замечанию великого русского философа А.С. Хомякова, как и в людях, есть страсти, и страсти не совсем благородные. Раньше философов с историками, неблагородные страсти чужих народов подметил наш русский язык, запечатлев неприятие чужаков. Русский язык накопил в себе множество ксенофобских образов и выражений. В лингвистике их называют ксенонимы.

На основе наименований других народов русский язык творил слова с обобщенными представлениями об этих народах, в языке оставался след общения с соседними народами. Как известно, картина мира нашего языка многократно богаче картины жизненного, исторического опыта даже целого поколения, не говоря уже об опыте отдельного человека. Какой же опыт накопил в себе русский язык за века межнационального общения?

Исследователи-этнолингвисты провели кропотливую работу по изучению ксенонимов русского языка и установили: ксенонимы — это негативная оценка чужаков, образное обозначение внешних врагов, топтавших русскую землю на протяжении всей нашей истории. На основании ксенофобных слов русского языка лингвисты выяснили, кто из народов мира вредил русским больше всего. Предсказуемо оказалось — татары.

Вспомним чертополох, зовущийся в говорах татарник, чирьи и нарывы, именуемые барин-татарин. Сохранилось и меткое русское выражение о больной голове: татары в башке молотят. Вспомним, что незваный гость сравнивается в русской поговорке с татаринком. Еще на Руси горько шутили: «Ешь медведь татарина — оба не надобны». Не жалуется русский язык и немцев. О язвах на коже в Сибири говорят: немцы сели, тараканов в России прозывают прусаками, швабами и немцами. Саранчу именуют шведами. Отложилось в памяти русского потомства, как татары, немцы, шведы в трудные для русских времена, подобно полчищам насекомых, вторгались на наши земли, истребляя все на своем пути. Осталась в русском языке недобрая память о поляках. От имени мазовецких поляков пошло русское прозвище мазурик, то есть вор, пройдоха. Помнит русский язык французское нашествие. С тех пор завелось в русском языке слово шаромыжник от французского *cher ami* — дорогой друг, так голодные французы, скитаясь по холодной России в 1812 году, просили-канючили у крестьян чего поесть. С тех пор это слово означает — шатун и плут. Ругательство шваль народилось от французского *chevalier*. А еще в языке осталось «голодный француз и вороне рад».

Русские имеют древнюю привычку хранить имена своих исторических врагов в кличках домашних животных, психологически точно выверенный путь преодоления страха перед

врагами. Если именем врага назвать кота или собаку, то враг перестает быть страшным. И впрямь кошачье прозвище Мурзик напоминает нам о том, что этих хитрых, умных, ловких животных наши предки метко сравнивали с мурзой, татарским князем, вековым поработителем русского народа. Или вот в Сибири широко распространена собачья кличка Кучум, разумеется, в честь сибирского хана, побежденного Ермаком Тимофеевичем. Собак черной масти, причем исключительно дворняжек, в России непременно кличут Цыган. А теперь прикиньте, сколько бродит по России рыжих, вороватых, драных котов по кличке Чубайс. И с каким удовольствием дают русские люди этим самым котам-чубайсам пинка за их шkodливость и воровство, перебарывая свой страх перед убивающей нас государственной машиной, в которой настоящий Чубайс — один из главных маховиков. Почему имена врагов русского народа оказываются в кличках домашних животных? Во-первых, как я уже говорила, так преодолевается паралич воли перед лицом оруduющего против нас противника. Во-вторых, наш язык исправно выполняет свою традиционную обязанность — сохранять в народной памяти имена врагов нации. И вот представьте, пройдет двести-триста лет, русский народ преодолеет последствия разрушительной деятельности Чубайса, но имя этого персонажа язык донесет до потомков в виде презрительной клички самых помойных и самых визгливых животных рыжей масти. Ничего не поделаешь, такова русская народная благодарность за чубайсовские дела, такова историческая злопамятность языка.

Русский язык хранит память о народах, ходивших на нас войной. Татары, шведы, поляки, немцы — с ними все ясно — внешние враги и постоянные приграничные соперники. Но вот что интересно, этнолингвистикой установлен парадоксальный факт: почему-то два народа, никогда не выступавшие против русских открытой войной, удостоились в русском языке наибольшего количества ксенофобских наименований. Эти два народа — цыгане и евреи. Причем их именами называют в русском языке вещи, которые похожи на настоящие, но только внешне. Разбавленную самопальную водку называют цыганское молоко, козу кличут жидовской коровой, луну — цыганским солнцем, мелкий короткий дождик, как ни на что не годный, прозван у нас жидовским дождем, сильный мороз — цыганским жаром. Жидками русские зовут кусачих насекомых и домашних муравьев, жидками зовут воробьев, которые тучей налетают откуда ни возьмись и сильно вредят крестьянским посевам. Цыганской рыбой прозвали головастики, вроде и рыба, а не настоящая, жидолкой зовут мелкую рыбешку гольца, не годящегося в пищу. Интересно, что этими этническими названиями метят в русском языке опасные ядовитые растения, физалис, к примеру, зовут вишня жидовская. В Малороссии жидками именуют поганки, гриб-дождевик русские называют цыганский табак. Цыганское золото, еврейское золото — всякий поддельный под золото металл. Немалый перечень прилипчивых заразных болезней удостоены той же этнической меты: лишай — жид-жидовин, сибирская язва — жидовка, озноб — цыганский пот.

Что же хотели передать своим потомкам наши предки, закладывая свой жизненный опыт в самую надежную, самую верную, самую крепкую память — язык. Предупреждение. Пока не обрели собственного опыта общения с другими народами, быть всегда настороже с опасными для нас, русских, этническими соседями. Приведу свидетельство лингвиста Е.Л. Березович, специально изучавшей проблему лингвистической ксеномотивации и опубликовавшей результаты своих исследований в журнале «Вопросы языкознания» (М., 2007, № 1): «Предсказуем тот факт, что лидерами по количеству вторичных номинаций, по накалу экспрессии в лексике восточнославянских языков, а также целого ряда других европейских языков будут цыган и еврей, обозначения этносов, которые на протяжении многих веков являются чужими среди своих для восточных славян».

Цитирую строго научный журнал и в нем сугубо научную статью, откуда взяты примеры,

цитирую для того, чтобы меня не обвинили все в той же пресловутой ксенофобии. В цитируемой мною научной статье из журнала «Вопросы языкознания» читаем, что не только русские, украинцы и белорусы жалуют соседние народы таким неприветливым образом. Другие народы Европы сохранили для своих потомков те же предупреждения. Англичане, например, имеют ксенонимы для своих вековых врагов — шотландцев, ирландцев, голландцев, а также для цыган и евреев. Немцы нарекли ксенонимами поляков, чехов, русских и опять-таки цыган и евреев. Поляки и чехи наградили ксенонимами немцев, чехов, шведов, русских и опять же евреев, цыган. Научный факт, как против него попрешь, однако к немцам, полякам и англичанам у судов наших претензий нет, они есть только к русскому народу, причем это касается ксенофобии по отношению только к евреям. Вот загадочный парадокс: цыгане не заставляют русских отказываться от своих представлений о них и не волокут нас в суд, чтобы заставить изъясняться к ним в любви. Немцы, поляки, шведы тоже помалкивают, не изъясняя намерений склонять нас к симпатиям. И только за евреев отечественная Фемида тащит всякого в уголовную ответственность. Почему в нашей стране судебные органы так страстно желают, чтобы мы разом и сильно полюбили евреев?

Немало споров ведется вокруг пресловутого слова жид, которое сегодня судами почти всегда признается оскорбительным и почему-то разжигающим межнациональную рознь и за которое ныне можно получить срок по 282-й статье УК за разжигание межнациональной розни. На самом деле в употреблении этого слова нет ничего преступного.

О религиозном понимании слова жид писал выдающийся исследователь древнерусской культуры академик Ю.К. Бегунов: «Значение и смысловая нагрузка термина «жид» во многих современных публикациях соответствует его специфическому православному пониманию в том виде, в котором оно выражено в официальном учении Православной Церкви. Слово «жид» используется в общепринятом в православии смысле как характеристика религиозных экстремистов и фанатиков, сатанистов-христоненавистников, деятельно исповедующих расистские и христорборческие положения Талмуда и Шулхан-Аруха. В значительной части мировой политической и исторической литературы, в частности — в русской полемической литературе с древнейших времен (см. например, знаменитое «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (XII в.) — под жидами понимаются потомки тех богоборцев, которые требовали у римского прокуратора Иудеи Понтия Пилата смерти Иисуса Христа».

«Термин «жид», — пишет далее в своем исследовании академик Ю.К. Бегунов, — не является ни унижительным, ни оскорбительным, — ни по признаку национальной, ни по признаку религиозной принадлежности, хотя и может субъективно восприниматься таковым отдельными лицами (например, еврейскими расистами и иудейскими религиозными экстремистами) в зависимости от их мировоззренческих установок. С точки зрения современной науки, наиболее адекватным содержанием этого термина является обозначение воинствующего антихристианина, чьи убеждения и действия основаны на вере в собственную национальную исключительность и богоизбранность с ветхозаветных времен для господства над всеми народами земли.

Первое церковное упоминание о жидах мы встречаем в тексте Евангелия. Апостол Иоанн говорит о «праздниках жидовских» (Евангелие от Иоанна глава 6, стих 4), о том, что «жиды искали Его (Иисуса)», «жиды спорили между собой» (Евангелие от Иоанна, глава 7, стих 11, глава 6, стих 52). Апостол Павел в послании к галатам (глава 1, стихи 13–14) говорит, что он, «будучи в жидовстве, премного гнал Церковь Божию и разрушал ее», «преуспевал в жидовстве паче многих сверстников». В многотомных «Житиях святых» святителя Дмитрия Ростовского, изданных на русском языке в 19021910 годах и многократно переизданных в наши дни по благословению Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго, в Житии преподобного

Евстратия Постника читаем: «Жидовин начал ругаться над святым Евстратием так же, как отцы его над самим Господом Иисусом Христом., Жидовин распалился гневом, схватил копье и пронзил пригвожденного. Тело святого мученика жидовин, сняв с креста, ввергнул в море».

Необходимо отметить, что сам по себе термин жид не может быть признан характеристикой национальной или религиозной принадлежности того или иного лица, равно как и оскорбительной кличкой по национальному или религиозному признаку. В русской культурной традиции существуют различные точки зрения на его содержание и смысл. Специальная еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона так определяет это понятие: «Жид, жидовин — славянская форма латинского *judaeus* (юдэус) и древнерусское народное название еврея, удержавшееся в русском законодательстве до конца XVIII в.; название жидовин употребляется также в официальных документах XVII в. Жид как презрительное название — более позднего происхождения; оно возникло, когда вместе со средневековой религиозной письменностью в Московскую и Южную Русь проникло представление о еврее как о коварном, низком существе, что и отразилось в ряде пословиц и поговорок. В русской прогрессивной печати название жид исчезает, начиная с воцарения Александра Второго, и когда в 1861 году малороссийский журнал «Основа» стал употреблять название жид, это вызвало в печати и обществе глубокое негодование; по этому поводу редакция выступила с ответом, объяснив, что жид в народном украинском представлении не имеет общего с бранным термином. Ныне употребление жид в украинской и русинской печати сделалось обычным. У других славянских народов жид до сих пор сохранился как народное название».

Знаменитый русский историк Александр Нечволодов пишет: «Мы именуем иудеев жидами, а не евреями, как их часто называют многие русские писатели новейшего времени, и делаем это потому, что Евер, предок Авраама, считается родоначальником семитических племен, в том числе и арабов; иудеи же происходят от потомков Иуды, почему на всех европейских языках для них имеются названия, происходящие от слова Иуда: юде (по-немецки), джю (по-английски), жюйф (по-французки), жид (по-польски) и т. д.; Наши летописцы, а также историки Карамзин и Соловьев тоже неизменно называют иудеев жидами».

О жидах писали многие русские классики: Пушкин в поэме «Скупой рыцарь». Достоевский в «Дневнике писателя», Даль в специальном исследовании «Разыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их», Жуковский в поэме «Странствующий жид», Кюхельбекер в поэме «Вечный жид», Куприн в рассказе «Жидовка».

Выдающийся богослов и историк митрополит Санкт-Петербургский Иоанн (Снычев) говорил об этом термине так: «Жидовство, жидовское иго есть иго христопродавцев, которых следует вполне конкретно называть жидами, а не евреями, как иногда неправильно пишут. Нам надо не бояться называть вещи своими именами. Здесь борьба вероучений, а не национальные разногласия. Это надо четко понимать».

В целом можно сделать вывод, что в православном понимании жида — это сатанисты-богоборцы, которым Христос сказал: «Отец ваш дьявол» (Евангелие от Иоанна, глава 8, стих 44). Именно в таком смысле используют этот термин апостолы Иоанн и Павел, отличая жидов от ветхозаветных иудеев, среди которых было много будущих христиан».

В какой же степени это понимание унаследовал современный русский язык? В отношении слова жид толковые словари русского языка предлагают широкий спектр мнений: «Жид — разговорное, сниженное название еврея (с оттенком пренебрежительности)» (Новейший словарь русского языка. М., 1998), «Жид — разговорное, устаревшее, грубо-просторечное для обозначения еврея» (Словарь русского языка АН СССР. М., 1985, т. 1. стр. 385). Как видим, данные определения подчеркивают не оскорбительный характер этого слова, а лишь сниженность оттенков его значения.

Особое значение слова «жид» приводит В.И. Даль в Толковом словаре: «Жид, жидовин, жидюк, жидюга, жидова или жидовщина, жидовье — скупой, скряга, корыстный скупец. Жидовать, жидоморничать, жидоморить — скряжничать, добывать копейку вымогая, недоплачивая и пр.» (В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994, т. 1. стр. 1346). Даль доказывает, что в живом русском языке слово жид не всегда используется как полный синоним слова еврей, а обозначает лиц с наклонностями к мошенничеству, стяжательству, вымогательству, причем как в еврейской, так и в русской народной среде. Где же здесь оскорбительные характеристики или набившее оскомину «разжигание» некой розни, якобы тлеющей тусклыми угольками во всех русских душах, если ее так легко разжечь одним лишь употреблением слова жид?

Сегодня многие русские люди, опираясь на христианские представления о «жидах-богоборцах», вкладывают и свое собственное понимание в лексему «жид», для них это термин, обозначающий представителя преступного сообщества, основанного на морали превосходства над другими народами и консолидированного по национальному признаку, что не всегда обязательно. Подобное разграничение терминов еврей и жид очень важно для современного русского языка, ведь оно позволяет разделить в языке лиц еврейской национальности, не принадлежащих к еврейским мафиозным группировкам, от представителей еврейских этнических преступных кланов. Если мы являемся носителями русской православной традиции и нам присуща русская языковая «картина мира», то такое употребление слова «жид» для нас естественно, поскольку мы вкладываем в этот термин не оскорбительное значение, и не уничижительные характеристики, распространяемые на весь еврейский народ. Напротив, мы отделяем преступные мафиозные группировки, основанные на этнической общности, от всего еврейского народа, который не может нести в себе этих негативных черт. Именно благодаря термину «жид» мы разграничиваем сегодня этническую преступную группировку и весь еврейский народ, доказывая, что народ не может отвечать за деяния преступников, хоть и организованных по национальному признаку.

Беспристрастные лингвистические исследования показывают: ну, не любят русские евреев. Не любят — и точка, и нелюбви этой уже много веков. Язык исправно хранит эту нелюбовь в своей картине мира, и что же нам теперь, родной язык забыть, чтобы под суд не угодить? Ведь немало с древности поводов скептически взирать на этих наших соседей. Например, в 60-х годах прошлого века в египетском городе Александрии нашли при раскопках папирусное письмо на древнееврейском языке. Письмо датировано десятым веком и стало знаменитым потому, что в нем впервые в истории зафиксировано древнейшее упоминание славного города Киева, упоминание его в ту пору, когда у древних русичей и письменности-то еще не было. Но самое замечательное в египетской находке — его содержание, о котором принято умалчивать. В этом письме еврейская община города Киева просила евреев города Александрии дать кров и оказать помощь своему соплеменнику, сбежавшему из древнерусской столицы, чтобы не отдавать долги своим русским заимодавцам. Слово древний Березовский или Абрамович из десятого века прислал нам привет в этом александрийском письме. Хочешь не хочешь, напрашиваются обобщения, которые в языке русском уже давно сделаны.

Исторический опыт наших предков передается русским языком в наследство молодым поколениям, а нынешнее племя накапливает свой опыт общения с чужаками. Так возникли в нашем языке чурки, по сути это всего-навсего ироническая переогласовка вполне невинного этнонима тюрки, обозначающего народы многоплеменной Средней Азии. Слегка подправив звуковой облик слова, русский язык вложил в него свой горький современный опыт общения с этими народами, а молодежь постаралась расцветить этот опыт собственными впечатлениями — чуреки, чурбаны. Запретить это невозможно, наказывать за это бессмысленно. Да и как вы

сумеете это запретить, если только узбеков и только в одном Санкт-Петербурге насчитывается, по заявлению узбекской диаспоры, пятьсот тысяч человек! Это же восьмая часть населения огромного города! Представьте себе, чтобы к нам в таком количестве нагрянули немцы, мы бы сразу сказали, что город оккупирован. А это как называть?

Существует лишь одно политическое средство преодолеть межнациональную вражду — не заселять русские территории чужаками, иначе они разделят судьбу прежних пришлых самозванных прусаков, шаромыжников, мазуриков, фрицев, каждый из которых на себе испытал, что значит воевать с русскими.

На деле замышляется преступное стравливание народов России с целью отвлечения их от социальных, экономических бедствий и этнического вымирания. И это происходит не в силу дурного воспитания или врожденной порочности людей разных этносов. Враждебность вспыхивает как инстинкт национального самосохранения, и в этом инстинкте действуют такие архетипы национальной неприязни, как отвращение к чужому языку, неприятие чужих обычаев, отстраненность от чужой религии, враждебность вплоть до физического отвращения. Повторяю: эти архетипы национальной неприязни — научно установленный факт, и умные политики, желающие мира в полиэтнических сообществах, должны умело соблюдать баланс компактного проживания коренных народов на своих землях и справедливого распределения между ними общегосударственного достояния. Однако властью абсолютно игнорируются научные основы мирного сосуществования народов. Власть целенаправленно ввергает нас в межнациональные конфликты. Созданы условия для свободной миграции огромных масс населения, что привело к усилению чуждых этнических элементов на коренных русских территориях. В Москве русских, украинцев, белорусов, всех вместе взятых, 4 миллиона 200 тысяч человек. И это из 11 миллионов жителей столицы. Осуществляется усиленное финансирование национальных республик и мизерная государственная поддержка коренных русских областей. По официальной статистике, на одного жителя Нечерноземья приходится 1.900 рублей дотации в год. А на одного жителя Ингушетии — 14 тысяч целковых. Территории Сибири и Дальнего Востока стихийно заселяют китайцы. В 90-е годы в Россию ежегодно прибывало 500–600 тыс. китайцев. С 2002 года это цифра достигла миллиона. Если все будет оставаться как есть, то при нарастании эмиграционного потока китайцев и катастрофическом вымирании русских, уже к 2025 году китайцев в России будет больше, чем русских.

К чему это приведет? К межнациональной резне. Народ, испытывающий сильное внешнее давление со стороны чужаков, под действием архетипа неприятия чужих инстинктивно непременно начнет этому сопротивляться. Иначе это не народ. Начало всплеску межнациональных конфликтов уже положено. Во-первых, развязанная властью межэтническая и религиозная война на Кавказе, которой власть никак не может или не хочет положить конец. Во-вторых, скинхедовское движение в центральной России и Сибири, которое зло пресекается жесточайшими приговорами нашей молодежи. В-третьих, этнические мафиозные группировки и кланы по всей стране, которым попустительствует власть, что уже привело к мятежу на Манежной площади. Эти политические действия провоцируют глобальный межэтнический взрыв.

Нам доходчиво объясняют, что переселение народов Кавказа в сердцевину России обусловлено высокой безработицей в Дагестане и Ингушетии — 57 процентов населения здесь безработные. Но тогда почему в том же Дагестане процветает и узаконено русское рабство? На глазах у всей страны телевизионная программа «Жди меня» разыскала десятки русских мужиков, которые, оказывается, пропали без вести на кирпичных заводах «безработного» Дагестана. И найти пропавших помогло не местное МВД, нет, не милиция-полиция схватила за руку рабовладельцев, Министерство труда республики Дагестан вызволило по запросу

телевидения эти проданные в рабство русские души, которые наверняка стояли у них на налоговом учете. И никаких уголовных дел за похищение людей, никаких зачисток этого невольнического рынка.

Народам Кавказа, Средней Азии, Китая сегодня много дозволено в нашей стране. Но дальновидные и мудрые политики из их же среды прекрасно понимают, что эта вольница до времени, — до межэтнического глобального взрыва. А то, что сегодня называется добровольным переселением дагестанцев и ингушей, через несколько лет окажется депортацией кавказских народов с их родных земель. Ведь эти народы по сути лишают родины. Их обесточивают, поселяют вне родной среды обитания, что также преступно, как и создание невыносимых для выживания условий русскому народу при нашествии чужаков.

Русское население, если знать русскую историю, никогда не примирится с чужеродным владычеством. Рано или поздно сработает национальный инстинкт самосохранения. Но и кавказские народы не из тех, кто готов подчиняться. Межнациональная резня — вот ожидаемый и просчитанный властью результат, который нам необходимо предотвратить.

С одной стороны, замысел понятен. Власть искусственно создает ложную мишень для всплеска гнева русского народа, этот гнев ожжет мелких кавказских и среднеазиатских торговцев, рынки и магазины, но не коснется властителей, уже готовящихся побивать обе стороны и засаживать пассионарных русских героев в тюрьмы и лагеря. С другой стороны, власть, спасая свою преступную голову от неминуемого народного гнева за учиненный геноцид, создает условия для распада России на осколки этнических мелких республик по примеру распада СССР. Вот чего нам надо опасаться, вот чему мы обязаны противостоять.

//- Друзья и враги в образном мире русского языка — //

Русский человек, разделяя мир на своих и чужих, не забывал о разделении на друзей и врагов. Если понимание, что в мире есть свои и чужие, необходимо для сохранения национальной самобытности народов и их независимости, то деление окружающего мира на друзей и врагов требуется для крепости национальных государств.

Значение слова друг весьма прозрачно. Друг — это другой, такой же, как я, подобный мне, а, значит, единый со мною в помыслах и поступках, потому и говорится: «в друге себя любишь», оттого на Руси «друг денег дороже». Истинная русская дружба проверяется временем: «Будешь друг, да не вдруг», «Старый друг лучше новых двух».

Друг — особо доверительное обращение у русских. Нам невозможно отказать тому, кто просит: «Послушай, друг!», «Сделай, будь другом!». Ведь в словах «будь другом» содержится древняя клятва верности, готовность принять в соратники того, к кому обращаешься с просьбой. И самые лучшие в жизни поступки, бескорыстные и искренние, русские совершают «не в службу, а в дружбу». В нас заложено нашим языком «любить друг друга» и «жить дружно», артельно, сообща, ватагою друзей: «Дружно — не грузно, а врозь — хоть брось». И поговорка о настоящей дружбе, когда надо вместе пуд соли съесть, сохраняет точный счет проверки друга временем. Пуд соли два человека могут съесть, десять лет разделяя общую трапезу.

Разумеется, язык предостерегает от безоглядности и неразборчивости в выборе друзей: «Рад другу, да не как себе», предостерегаем «дружиться — дружись, а за топор держись».

Понятие друг в русском языке гораздо шире, чем смыслы слов свой и брат. Другом для русского может стать и чужой, если он принимает русское предложение сора́тничества «будь другом», что означает быть не только и не столько задушевым приятелем, но прежде всего членом дружины, соратником, боевым товарищем. Древнерусская дружина как раз и состояла из

давших клятву верности друзей-соратников, воинов-однополчан.

На формуле «будь другом!» построено многоплеменное русское государство, которое на основах дружбы и мирного соседства этой клятвой соединяло с русским народом другие племена и народности России. Эта же формула «будь другом!» рождала военные союзы, начиная от русско-половецких походов Владимира Мономаха и заканчивая объединенными силами Варшавского Договора против НАТО. Особенность русского человека в том, что он в друге видел названного брата. У нас такое представление сохраняется в понятиях воинского братства, монашеского братства, медицинского братства и сестричества. Возможно, это связано с тем, что понимание дружбы как соратничества, как воинского братства, а, значит, готовности к жертвенному подвигу за други своя, всегда было нам столь же дорого, как и кровное родство. Это удивительное для других народов русское свойство предопределило имперскую мощь нашего народа, который принимал на правах дружбы другие племена в свою страну, давал им равные с собой права, уважал их самобытность, просвещал Православием, но не принуждал к крещению. Такая черта свойственна исключительно русским, строившим свою Империю не на принуждении и завоевании, а на добровольном вхождении народов в государство. Так были присоединены Грузия, Армения, Осетия, Абхазия, Казахские улусы. Там, где племена просто жили на своей земле, не имея государственных потенций, а это и башкиры, и чувашаи, и мордва, и буряты, и множество других сибирских племен, — они оставались жить по своим оседлостям, их никто не сгонял в резервации, их никто не отстреливал, как это случилось в Америке с индейцами.

Друг и свой равно дороги русскому — древний архетип мышления жив в нас и сейчас.

Понятие о друге в архетипах русского мышления постоянно сопрягалось с представлением о враге. Эти два слова образовывали такое же смысловое противопоставление, как свой и чужой.

В слове враг содержится древний корень верг-, означающий, согласно исследованиям академика О.Н. Трубачева, что враг — это извергнутый из человеческого сообщества, изгой, отторгнутый людьми. Слова, которыми описывается значение слова враг — недруг, неприятель, супротивник, супостат, — свидетельствуют о том, что враг — это бывший друг, отвергнутый и изгнанный за измену или другое злодейство из дружины или иного содружества: «не вспоая, не вскормя, ворога не наживешь». Врагом, согласно русским представлениям, может быть и свой по крови человек, и чужак. Враг — в первую голову изменник и предатель, пренебрегший нашим русским добром и нарушивший верность дружбе. И если к чужаку отношение у русских настороженно отстраненное, то к врагу — непримиримо враждебное. Когда враг — бывший свой, его презирают как изгоя и предателя, им брезгуют и сторонятся его, как протухшей падали. Если же враг — чужой изменник дружбе, то тогда в русской душе вздымаются два негодующих чувства — отстраненная неприязнь к чужому и яростная мстительность к врагу, потому что опасность, исходящая от пришельцев, страшнее, чем от врагов своего рода-племени, когда в них видят супостатов и противников.

Чувство самосохранения как архетип поведения заставляет русских занимать национальную круговую оборону.

Схватка русских со своими врагами-инородцами в уральском поселке Сагра в 2011 году показала всей России, как это происходит на деле. Цыгана, поселившегося здесь, приняли по-соседски, дружески. Когда же он оказался злодеем и предателем, травившим русских ребятишек наркотическим зельем, его справедливо сочли врагом. Попытки мирно вразумить цыгана, выселить его из среды своих только ухудшили положение русского поселка: чужак вызвал для подмоги таких же, как сам, пришельцев — азербайджанцев из числа местной наркомафии. Вооруженные до зубов, они явились усмирять взбунтовавшееся «русское быдло». Вот когда полыхнула в жителях Сагры ярость, вот когда восстала дремавшая прежде русская воля. И

девятеро с охотничьими ружьями и топорами русских мужиков обратили в бегство полсотни врагов-чужаков, вооруженных автоматами Калашникова. Один русский против пяти пришлых врагов-чужаков — нормальный счет для победы, если к русскому приходит осознание, что его родную землю попирают чужаки, если русский начинает видеть в чужих не друзей-соседей, а врагов.

И все же в отношении к врагам наш народ, в отличие от иных, к примеру, азиатских или кавказских народов, проявляет удивительные бесхитрость и благородство. Мы предпочитаем сначала улаживать недоразумения мирно, бесконфликтно, путем переговоров и уговоров, потом мы предупреждаем врага о нападении. Этот древний архетип поведения проявился еще у князя Святослава Храброго, по свидетельству Нестора-летописца, бросавшего вызов неприятелю: «Иду на вы!» Русские и сегодня таковы, в отличие от тех же горцев, которые бьют сразу, без предупреждения. Азиат — тот и вовсе нападет исподтишка сзади, бьет в спину. Осуждать за это их невозможно, таковы архетипы их национальных характеров. Нашумевшая история гибели девятнадцатилетнего русского москвича Ивана Агафонова от внезапного удара, подло нанесенного чемпионом мира по боевому самбо дагестанцем Расулом Мирзаевым, демонстрирует нам, как действуют два архетипа. Русский парень не был готов к удару, он не ждал, что на него нападут без предупреждения, ибо у русских это не принято. Горец же не собирался предупреждать о нападении, это не в правилах кавказцев, ибо многовековой опыт научил их тому, что в честной борьбе они русским проигрывают. Их стереотип поведения с врагами, а врагом у кавказца может являться любой не свой, — нападать внезапно. От вероломно нанесенного Расулом Мирзаевым удара в голову Иван Агафонов погиб.

У русских совершенно иной стиль поведения. Сначала русские пытаются решить конфликт миром, вступают в переговоры, но и тогда, если мирные переговоры ни к чему не приводят, русские все равно не нападают, в ход идет брань — словесная оборона.

Вдумаемся, что такое русская брань, имеющая тот же корень, что и слово оборона.

Брань — это оборона словом, предостережение врага, что будет убит, если решится сопротивляться. Таков еще один архетип русского поведения: от чужих мы прежде обороняемся словами и лишь потом пускаем в ход кулаки и дубины. Именно потому, что русские прежде битвы предупреждали противника о его непременном поражении, множество русских бранных слов имеют значение «мертвый». Таков смысл, например, слова падла, это просто «падаль». Или стерва, опять же буквально значит «мертвечина». Вспомните, у нас в русском языке есть слово стервятник — питающийся падалью. Значение «мертвого» и в слове зараза, оно восходит к глаголу «заразить», отсюда поразить, то есть убить. Так что ругательство зараза исконно обозначало убитого.

Похожее значение имеет слово мразь, — погибший от холода. Сволочь — мертвая, сухая трава, сволоченная в кучу и приготовленная к сожжению, и тоже образ поверженного врага. Все эти ругательства — падла, стерва, мразь, зараза, сволочь, — изначально являются предупреждением супостату: вот что станет с тобой, если сунешься. Вслед за русской бранью могло следовать только истребление врага.

Накануне схватки у русских принято переименовывать врагов из людей в животных, мы словно снимаем с себя ответственность за убийство именно человека, видя в нем зверя. Мы именуем противника тупой скотиной, шелудивым псом, паршивой собакой, грязной свиньей или поганой гадиной, а то и просто тварью, то есть животной. Интересно заметить, что никогда при этом не используются названия хищных и опасных животных — волка, медведя, кабана, сохатого, ибо перед ними не всякий выстоит.

Так что ритуальная задача русской брани — наилучшим образом подготовить воина к бою с врагом, деморализовать противника угрозой гибели и воодушевить себя тем, что имеешь дело

не с человеком, а с животным, существом слабее, глупее и ниже тебя.

Употребление русской брани по отношению к своим ближним в силу огромной энергетики произносимых слов, исконно обозначающим мертвечину, наносит урон их здоровью и духу, разрушает тех, кого мы любим. Поэтому брань между своими — это разор русского единства и удар по нашему национальному здоровью, недопустимые сейчас, когда русский народ и без того переживает сильнейший натиск чужаков.

Есть ли сегодня у русского народа друзья в мире? Жизнь показывает, что нет. И призыв русской пословицы держаться за топор в крепкой дружбе важен как никогда. Зато у нас появилось огромное количество врагов-инородцев — бывших друзей, предавших и обманувших, порушивших вековую клятву «будь другом». Мы их и вправду вскормили, вспоили, обеспечили безопасность и независимость, дали начатки культуры и образования. И теперь окружающие нашу страну Таджикистан, Казахстан, Армения, Азербайджан, Грузия, Литва, Латвия, Эстония воспитывают в нас сознание того, что свои, даже враги, сто крат милее и ближе чужих, хоть и друзей.

//- Свои и чужие в русских именах и фамилиях — //

Давно замечено: если хотите человеку понравиться, почаще называйте его по имени, чем расположите к дружбе и симпатии. Имянаречение — особое священнодействие, без которого рожденный в мир человек как бы не существует. Сам акт имянаречения понимался и понимается по сей день как «вложение имени» в существо, это явствует из этимологии слова имя. Индоевропейское en-men, apo-men согласно «Этимологическому словарю славянских языков» (т. 8, с. 227228), означает «то, что внутри человека», его суть. Имянаречению у русских придавалось огромное значение. По имени, говорили у нас, и житие. Имя влияло на судьбу новорожденного, определяло его характер, становилось его сущностью.

Русский человек от рождения прозывался именем, данным родителями. Из древности до нас дошли княжеские языческие имена Святослав, Святополк, Борислав и Вячеслав, Владимир и Ярослав. Корень свят-означал здесь сверхчеловеческую, божественную силу: у Святослава — это сила его славы, у Святополка — сила его воинственности. Называли высокородные славяне-язычники своих детей именами с корнем слав-, обозначавшем высшую хвалу их божественному избранничеству. Имя Ярослав означало ярую, как солнце, славу, у Вячеслава слава должна была быть вящей — то есть самой большой среди всех, Борислав, нынешний Борис, по сути своего имени должен был бороться за свое божественное избранничество. А вотязыческое имя Владимир в древности звучало как Володимер, означало буквально «имеющий власть».

Дошли до нас и языческие имена людей именитых, княжеских посадников и воевод — Добрыня, Горыня, Путята, Вышата. В них тоже вложен сущностный смысл: Добрыня — человек добротный, Горыня — могучий, как гора, Путята — путевый, правильный, а Вышата — стремящийся к высокому в жизни, к власти и силе.

Народ попроще не мудрствовал в прозывании своих детей. Ребятишек именовали по счету — Третьяк, Шестак, прятали от сглаза и колдовства, наделяя младенцев странными именами Ненаш, Неждан, Невзор, чтобы не завидовали злые люди и не пожелали им чего плохого. Именовали ребенка и по той поре, когда он родился — Вешняк, Зима, Осеня.

После Крещения Руси все коренным образом изменилось. Каждому русскому человеку помимо традиционного славянского прозвища давалось имя святого, в честь которого он был крещен. Имена крестные были чаще всего неславянского происхождения: греческие (Георгий, Татьяна), древнееврейские (Иоанн, Мария), латинские (Роман, Валентина). И маленький русич

жил с двумя именами — семейным и крестным. Крестные имена быстро обрусели. Георгий стал Егором и Юрием, Евдокия — Авдотьей, Михаил — Михайлой, Даниил — Данилой, Евсей — Овсеем, Иоаникий — Аникеем, Анастасия — Настасьей, Елена — Оленой... Имя означало судьбу человека по благочестивому примеру его святого покровителя. Так что постепенно древние славянские имена отошли в небытие, сохранившись лишь в прозвищах, которые мы сегодня находим в фамилиях: Ненашев, Невзоров, Нежданов, Третьяков, Шестаков, Вешняков, Зимин, Есенин.

Сложная структура русского имени, которое ныне состоит из имени, отчества и фамилии, сложилась не вдруг и отразила всю особость отношения русского народа к своим именам. Посмотрите, как пренебрежительно обращаются со своими именами западные народы. Прежде они величаво брали себе по несколько христианских имен Анна-Мария-Тереза, Жан-Пьер-Густав. А ныне обходятся коротким, вроде собачьей клички — Эн, Джон, Пол, Алан, Ник.

У нас же все не так. Русские постепенно, из века в век, наращивали свои имена. Сначала у нас долго бытовало одно лишь имя, потом имя с отчеством и прозвищем для бояр и князей, потом имя с отчеством или с прозвищем для всякого, а затем вместо прозвища каждый человек приобретал фамилию к имени-отчеству. И каждый русский человек, простой и высокопоставленный, бедный и богатый, умный и не очень, сегодня именуется обстоятельно и величаво по фамилии, имени, отчеству, неся свою суть в личном имени, память о своем отце в отчестве и почет своего рода в фамилии.

Для чего нужна наша сложная структура русского имени? Обходятся же западноевропейцы без отчеств, и неплохо себя чувствуют. Русская особая форма имени помогает нам определить свое место в семье, в роду, в нашей стране и в мире. Для нас это значимо, для них — нет. Давайте посмотрим, что значат для нас наши русские имена.

У русского человека имеется личное имя (для различения в семье): Василий, Петр, Иван. Чаще всего оно употребляется в уменьшительном виде: Вася, Петя, Ваня, так, как нас зовут с детства. У русского человека имеется также отчество — семейное имя человека (для различения его в роду): Иванович, Петрович, Степанович. И обращения Степаныч, Иваныч, Петрович в ходу у русских как знак почтения и солидности. Фамилия — родовое имя человека — выделяет его в общине, в своей стране, так как фамилия — это имя по прозвищу или имени главы рода. Но есть и четвертая составляющая человеческого имени — имя племенное — наша национальность. Русские выделяются у себя в стране по национальности среди татар, башкир, бурят, евреев, калмыков. Национальность — это часть русского имени, необходимая нам для различения своих и чужих в собственном государстве. И когда в российском паспорте у нас изъяли графу «национальность», у русских тем самым умышленно обкорнали имя, пытаясь замутить значимое для каждого народа различие своих и чужих.

Для международного общения существует иное — особое именование. Вспомним, как еще в X веке в Константинополе называли себя русскими не только русские витязи, но и варяги, пришедшие вместе с русскими в Византию военным походом, так как было престижно принадлежать к русскому племени, известному в окрестных странах. Так и сегодня бурят или якут, даг или адыг не назовется в Европе и Америке бурятом или якутом, дагом или адыгом, а непременно скажет, что он русский, чтобы определить свою принадлежность к великому государству русского народа. Точно так же граждане Китая, а там насчитывается более сотни различных народов, представляются как китайцы, а граждане США, этого плавильного котла народов и рас, как американцы. Всем им престижно принадлежать великой державе, и все они желают как можно определеннее выразить свое гражданство.

Процесс прирастания людей иных национальностей к какому-либо великому народу и государству как раз и происходит через присвоение себе имени, сходного по форме с именем

титульной нации. У нас в России нерусское имя или прозвище приобретает в таком случае облик и форму русской фамилии.

Давайте разберемся, какие в нашем языке фамилии исконно русские, а какие приспособились под русские, русифицировались.

Русские фамилии образуются с помощью особых окончаний: на — ов — Миронов, на — ев — Разуваев, на — ин — Палицын, на — ский — Петровский, на — их — Гладких. Русские фамилии происходят от крестных имен. Егоров, Егоршин, Егорычев, Егорин, Егоркин, даже Горкин — все они ведут свое начало от христианского греческого имени Георгий. Русские фамилии происходят от названий профессий: Кузнецов, Ковалев, Коновалов, Горшенин, Гончаров, Бондарев, Бочаров, Чекмарев, Топоров, Сапожников, Рукавишников, Кожемякин. Возможны в русском языке и прозвища в качестве фамилий. Борода (видать, выдающаяся была она у человека) и Бородин (потомок этого самого Бороды), Глазун (глазастый товарищ) и Глазунов (из рода того Глазуна), Кривуля (что значит — одноглазый) и Кривулин (потомокодноглазого), Щербак (беззубый) и Щербаков (сынок щербатого), Базан (этот отличался крикливостью) и Базанов (потомок крикуна). Или вот прозвище Шемяка — и фамилия Шемякин, их сложнее определить: оказывается, ши-мяка — «тот, кто мнет шею», то есть забияка, драчун. Были на Руси и Рожемяки, те, кто не прочь намять не только шею, но заодно и рожу.

Русское прозвище било не в бровь, а в глаз, метко, жестко, безжалостно высвечивало и высмеивало недостатки человека, как бы предупреждая окружающих о неожиданностях, которые ждут их при общении и делах с носителем такого прозвища. Ведь это же надо догадаться прозвать человека Гузном, а таких Гузновых, Огузовых, Гузкиных, Гузеевых немало бродило по Руси. Гузно, Гузка, Огузок — это зад, и прозывание таким имечком свидетельствовало о мерзейшем характере его носителя. Или вот Крысин, Крысюк, Крысько, понятно, что произошли от прозвища Крыса. И какой же надо было быть крысой, чтобы прилипло к тебе это противное прозвище. Потомки таких Крыс и Гузок нередко наследуют те же качества. Посмотрите, сколько в нашей власти подобных личностей с «говорящими» фамилиями и столь же одиозными характерами. К примеру, Грызлов (председатель Государственной Думы, и Грызунов (министр печати). Понятно, что не от светлости и бескорыстия их предки приобрели столь отталкивающие прозвища, видать, те еще были грызуны. И потомки их сегодня оправдывают наследственную фамилию, догрызают наше Отечество. А вот еще одна говорящая фамилия высокопоставленного лица — Шахрай. На юге России так зовут мошенников. И наш Шахрай, прославившийся мошенническим продавливанием ельцинской Конституции, достойный потомок своего предка. А еще было прозвище для разбойников и мошенников — Жиган или Зюган. Говорящая фамилия у бывшей депутатши — спортсменки Хоркиной. Хорька, хорек — таково нелестное прозвище ее предка, и посмотрите, как к лицу эта фамилия наследнице. Ну, и конечно, нельзя пройти мимо фамилии Чубайс. Чубайс (чубайсь, чубась, чубысь) — в мифологии русских — сверхъестественное существо типа домового. Этот бес представлялся в виде крысы с большим животом и «ликом вроде человеческого». Согласно русским мифологическим представлениям, он способен вселяться в жилища по воле злых колдунов. Сказки поведали нам, что Чубайс обычно тушит огонь в очагах и требует выкупа с хозяев («все в амбарах поберет, из сусеков заметет»). Среди зловредных привычек Чубайса называют то, что он «мычит и блеет, квохчет и лает, корову и собаку гонит в буераки, курку и козлицу тянет в логовище». Еще в славянских мифах рассказывается, что Чубайс «не ест он ни жита, ни мяса, не пьет ни вина, ни кваса, а питается людскою бедою». Удивительно, как эти повадки воплотились в характере Анатолия Чубайса, еврея по матери с фамилией Сагал, и русского по отцу с такой значимой фамилией Чубайс.

Однако немало родовых фамилий достойно гордости и чести, недаром говорилось детям: не посрами фамилию, береги честь смолоду. Давайте проследим, как формировалась наследственная фамилия боярского рода Романовых, давших России трехсотлетнюю царскую династию.

У истоков этого генеалогического древа — выходец из русского рода Литвы Андрей по прозвищу Кобыла, потомок Ивана Камбилы, переименованного в более понятное русское прозвище Кобыла. Это прозвище не было унаследовано сыновьями Андрея Кобылы, они приобрели свои собственные прозвания, в том числе Семен Андреевич по прозвищу Жеребец и Федор Андреевич по прозвищу Кошка. Сын Семена Андреевича Александр стал Жеребцовым, но имел и собственное прозвище Синий. Сын Федора Кошки Иван стал просто Кошкиным, а его внук Захар Иванов Кошкин положил начало новой фамилии того же рода — дети и внуки Захара стали прозываться Захарьиными. Внук Захара Роман дал новое имя своим потомкам, они уже именовались Романовыми: Никита Романович, его сын Федор Никитич Романов и его внук — первый царь династии — Михаил Федорович Романов.

Иногда бывает, что фамилия по форме русская, происходит от местных названий — от деревни, помещного владения или города, где проживал человек. В старом фонде русских фамилий мы найдем лишь немногочисленные старинные дворянские прозвания, Борисоглебский, Печерский, Краснопольский, сохранились и подобные фамилии духовных лиц — священников, дьяконов, дьячков, пономарей, их называли по именам приходских церквей, где те служили: Успенский, Рождественский, Предтеченский, Покровский.

Но вот среди массы русских фамилий лингвисты выделяют целые пласты иноязычных родовых имен, приобретших русский грамматический облик. Так среди относительно недавно документированных фамилий встречается очень много образований от местных названий — от городов и местечек, и это обычно еврейские фамилии географического происхождения. Фамилия Варшавский или Одесский ни в коем случае не может быть русской, это фамилия исключительно еврейская, обозначающая лицо, прибывшее из Варшавы или Одессы. У нас сейчас много таких фамилий на слуху: Шполянский — выходец из черниговского еврейского местечка Шпола, Могилевский — из Могилева, Житомирский, разумеется, из Житомира.

Иноязычная по происхождению фамилия, замаскированная под русскую, безошибочно указывает на нерусское происхождение ее носителя. Выделим наиболее известные иноязычные корни в составе русифицированных фамилий России.

Очень существенен в составе фамилий России польский элемент: Пржевальский, Циолковский, Врубель. Эти знаменитые люди из обрусевших польских родов. Белорусские отголоски найдем в фамилии Гастелло. Сербские истоки обнаружим в знаменитых фамилиях — Вучетич (вуче по-сербски — волчонок), Гурко (Гурк — правитель сербский из Гургий).

Фамилии тюркского происхождения в русской истории бытуют во множестве. Это Аракчеев, Деникин, Бегичев, Коллонтай, Куинджи, Шахматов, Юсупов, Шереметьев, Карамзин, Аксаков, Баскаков, Басманов, Мурзин.

Особая история с немецкими фамилиями в России. До XVIII века немецкие фамилии подвергались нещадной русификации, изменялись до неузнаваемости. Булахов, а также Булаховский — это географическое название Булах в Баварии. Носитель такой фамилии — из немецкого рода выходцев из тех земель. Миллеров, Крамеров, Шольцев — корни этих фамилий немецкие. Но в XX веке, особенно во времена двух мировых войн, их число в России резко сократилось. И если в современных источниках мы встретим немало немецких по форме фамилий, то это в большинстве еврейские фамилии. Ведь новоеврейские фамилии образуются в немалой части из генетически немецких элементов.

Вот небольшой обзор таких приспособившихся к русским языковым условиям еврейских

фамилий, которые сегодня выдаются то за немецкие, то за польские, то за русские.

Лившиц — еврейская фамилия от географического названия Лебшютц, местечка в Верхней Силезии в Чехии. Познер — еврейский выходец из польского города Познань, а Певзнер — еврей родом из немецкого города Пильзень. Паустовский — еврейская фамилия от населенного пункта Паустов в Бессарабии. Образование на — ский вообще распространено среди еврейских фамилий. Ашкенази — фамилия из древнееврейского Ашкеназ, означающее «еврей немецкого происхождения». Адмони — тоже еврейская фамилия, это слово на древнееврейском означает «красный, румяный, рыжеволосый», но что интересно, эта еврейская фамилия переведена на немецкий язык — Ройтблат, Ройтман, а также на русский язык — Краснобородов. Еврей Адмони становился в Германии Ройтманом, в России — Краснобородовым. Впрочем, он мог и не менять своей фамилии, если ему в том не было нужды.

Вот и вполне русская с виду фамилия Живов на самом деле является переводом фамилии еврейской. По-древнееврейски хаим — означает жизнь. Поэтому существует множество еврейских фамилий с этим корнем — Хаимович, Хаимсон, Хейм, их переводили на французский и итальянский языки — так возникли Виван, Видал, Витал, на немецкий язык — так получилась фамилия Гутлебен. А на русский язык эта фамилия переведена как Живов.

Оригинальный тип среди еврейских фамилий составляют фамилии-аббревиатуры. Кац, Катц, или Коц не имеют никакого отношения к немецкому названию кошки. Они образованы из начальных букв ритуального титула, по-древнееврейски *kohen cedek* «жрец-праведник». Многие еврейские фамилии представляют собой образования от личных имен. Например, Орлик — от Арон, Носик (Носсек) от Натан (Насан).

Значительное количество еврейских фамилий происходит от названий занятий, как традиционных профессий, так и культовых функций. Каган, Каганов, Каганович, Коган, Когановский, Коген по происхождению из древнееврейского «жрец, священнослужитель». Левит, Левитин, Левин, Левитан — тоже от еврейского «священнослужитель». Сагалов, Шагал, Шагалов, Сагалаев, Сегалов, Сигалов, Сигаль — все эти слова имеют общую основу, составленную из начальных букв культового термина *segan levieh* «левит, слуга, помощник левита».

Фамилии Шапир, Шапиров, Шафиров, Сапгир, Сапфиров происходят от древнееврейского корня женского имени Сапфира «Прекрасная». Перец, Перетц — из обозначения еврейского обряда обрезания. Под фамилией Викторов, а еще и Вигдоров скрывается еврейское имя Авигдор, Абигдор, происходящее из португальского «судья».

Знаменитая фамилия первого российского президента — также является фамилией еврейского происхождения. Она ведет свое начало от женского имени Элька, Эльца, еврейские фамилии Элькин, Эльцин обозначали лиц еврейского племени. Фамилия Эльцин лишь слегка подверглась русификации. Взамен начального э она получила е, подделываясь под корень ель, елка. Но даже конечный суффикс этой фамилии не русифицирован, этот суффикс цин пишется через и, а не через ы, как в русском языке — в фамилиях типа Солженицын, Курицын, Птицын.

В связи с фамилией Эльцина следует указать на особенность еврейских фамилий, которые образованы от женских личных имен еврейского происхождения: Доркин, Элькин, Хавкин, Дворкин (от Двойра), Сюткин, Малкин, Минкин и т. п. При этом суффикс - кин является обломком немецкого корня из идиш *kind*, что означает «дитя, ребенок». Доркин — дитя Доры, Хавкин — ребенок Хавы. Элькин, Эльцин, Эльцин — чадо Эльки-Эльцы.

Русификация фамилий у евреев заходит достаточно далеко. Так же, как они меняют имена, преобразуя их в подобные христианским — Борух становится Борисом (древнерусское имя Борислав), Гершель превращается в Григория или Георгия, Мойша мимикрирует в Михаила, как и фамилия Мендель превращается в Медведева, Соломонкин — в Соломкина, Шлемов — в

Шеломова.

На примере еврейских фамилий хорошо видно, как в культуре России происходило прирастание людей иного рода-племени к чуждой им нации и культуре через именование, путем приспособления их родовых имен к русским условиям бытования. Бывало, конечно, что вслед за приспособлением имени сам выходец из чужого рода — племени постепенно обретал русское самосознание и постигал русскую культуру. Чаще всего в России это происходило не с евреями, а с немцами, поляками, даже французами и итальянцами, умевшими и хотевшими деятельно, верой и правдой служить нашей стране. Но не все народы способны вращаться в нашу нацию безболезненно для русских. Русификация некоторых народов имеет горькие для нас последствия.

//- Чужезычие в русской культуре и в политике — //

Приспособление иноязычных имен и фамилий к русским языковым условиям чаще всего корыстно — прикинуться своими среди русских, чтобы получить равные права на участие в русской политике и русской культуре. Это внедрение проходило в разные эпохи развития государства Российского, когда в него врывались то ищущие службы и уставшие от своей европейской тесноты немцы в XVIII веке, то толпы бегущих от революционной гильотины французов в начале XIX века, то семейства перебивавшихся всеми неправдами через черту оседлости евреев в конце XIX — начале XX веков. Немецкий карьеризм, французское тщеславие, еврейская алчность разжигали в пришельцах жажду повелевать русскими и прокладывали путь к власти в России, что особенно проявилось после Октябрьской революции 1917 года, в эпоху, которая именуется православными русскими провидцами «игом иудейским».

Чужие, мимикрирующие под русских, вносят в наш язык свои представления и устои, которые могут отчасти менять русскую языковую картину мира, образуя в ней искаженные чужими архетипами образы.

Об этом пагубном влиянии предупреждал еще в начале XIX века великий русский просветитель А.С. Шишков: «Каждое вводимое в употребление чужезычное слово не только отнимает у разума свободу и способность распространять и усиливать свой язык, но приводит язык и разум в бессилие и оскудение».

Бессилие и оскудение языка, а через него и разума приводят к оглуплению, отупению нации, к неспособности человека опознавать за иноязычными словами замаскированное ими зло. В начале XIX века вместе с бежавшими от революции французами в России явилась мода на французский язык, который стал «знаком отличия» дворянского сословия от «темного и невежественного» народа. Французские слова, французские обороты речи наводнили высшее общество. Формы обращения, приветствия и прощания, весь языковой обиходный ритуал, соединявший наш народ вне зависимости от сословий и состояний в одно целое, стали у элиты особыми, иноязычными, уродуя мировосприятие дворянства и лишая его чувства братства к своему народу. И тщетны были мольбы А.С. Шишкова, убеждавшего высший свет в великой опасности увлечения чужим языком. Приведу его слова в их убедительной полноте, ибо они звучат ныне весьма современно: «Сами французские писатели изображали нрав народа своего слиянием тигра с обезьяною; а когда же не был он таков? Где, в какой земле самые гнусные преступления позволялись обычаями и законами? Взглянем на адские, изрыгнутые в книгах их лжеумудрствования, на распутство жизни, на ужасы революции, на кровь, пролитую ими в своих и чужих землях: и слыхано ли когда, чтобы столетние старцы и не рожденные еще младенцы осуждались на казнь и мучение? Где человечество? Где признаки добрых нравов? Вот с каким

народом имеем мы дело!. Долго мы заблуждались, почитая народ сей достойным нашей приязни, содружества и даже подражания. Мы любовались и прижимали к груди нашей змею, которая, терзая собственную утробу свою, проливая к нам яд свой, и, наконец, нас же за нашу к ней привязанность и любовь уязвляет. Не постыдимся признаться в нашей слабости. Похвальнее и спасительнее упасть, но восстать, нежели видеть свою ошибку и лежать под вредным игом ее. Опаснее для нас дружба и соблазны развратного народа, чем вражда их и оружие. Очевидный, исполненный мерзостей, пожарами Москвы осиянный, кровью и ранами нашими запечатленный пример должен нам открыть глаза и уверить нас, что мы одно из двух непременно избрать должны: или, продолжая питать склонность нашу к эгоистическому народу, быть злочестивыми его рабами; или прервав с ним все нравственные связи, возвратиться к чистоте и непорочности наших нравов и быть именем и душою храбрыми и православными русскими».

Призыв А.С. Шишкова к очищению языка и нравов от французской заразы не возымел действия на русский высший свет. Восстание декабристов высветило всю пагубность этого влияния. Брожение умов и разложение нравственности в продолжение всего XIX в. имели ту же самую чужезычную закваску. А потом в XX веке повторились на русской земле все ужасы кровавой французской революции: царь с царской семьей на плахе, поруганная вера, разрушенные храмы, младенцы, осужденные к смерти в утробах матерей.

Сегодня слова А.С. Шишкова вновь звучат для нас современно и своевременно. Только касаются они американского англоязычного мира, захватившего Россию в свои лукавые сети. Не спеша, исподволь начиналась англоязычная мания. Сначала среди европейских языков, изучаемых в средних школах, стал самым популярным и востребованным английский. Затем в число самых модных и читаемых авторов попали Фолкнер, Сэлинджер, Хемингуэй, Миллер. Возник бешеный конкурс в институты иностранных языков на переводческую специальность, хотя эта профессия относится исключительно к сфере обслуживания и сродни должности водителя, охранника и повара. Замелькали интервью побывавших в Америке, что-де «американцы очень похожи на нас, русских, такие же открытые, общительные, радушные люди», что это «умный, спортивный, чрезвычайно предприимчивый народ, который свято верит в Бога, чтит свободу превыше всего, уважает чужие ценности».

Сегодня мы, как и А.С. Шишков когда-то, принуждены признать, что были жестоко обмануты, и по простодушию своему, прижали к груди змею, впрыснувшую в нас свой зловредный яд. При ближайшем знакомстве с Америкой и американцами выяснилось, что они оказались крайне не похожими на нас. Язык английский хранит архетипы завоевания и стяжательства, а в идеалах американцев заложены себялюбие и индивидуализм.

Злонамеренной ложью оказалась даже пресловутая «спортивность» и «деловитость» американцев, позорящих свою страну непомерной жирностью и паразитизмом жизни, а равно и глупостью, сопутствующей этим порокам. Но даже сегодня, когда пелена упала с наших глаз, мы продолжаем по инерции плутать, путаясь в старых сетях американских понятий, навязанных нам одновременно с болезненной манией любви к Америке.

Демократия, что так манила в конце 80-х годов, либералы, которые были властелинами дум в 90-е, правовое государство, которое оправдывало в конце XX века разрушение «империи зла» — нашей великой державы, — ныне уже истлевшие фетиши, которые народ метко перетолковал, сообразуясь с собственным опытом жизни: демократия прозывается дерьмократией, либералы — либерастами. Хитроумно внедренная в нашу экономику приватизация обличена опамятавшимся народом как прихватизация, но обесцененные эти слова, словно троянские клячи, протаскивавшие в наше сознание разрушительные для нации понятия, сменились новыми заимствованиями из американского лексикона. Общечеловеческие ценности, толерантность и

угроза ксенофобии придавили всплески русского национального самосознания, термины приватизации и инвестиции маскируют преступления власть имущих, выражения мировое сообщество и гражданское общество прячут от нас диктатуру мирового правительства, проводником которой является так называемая российская элита, обслуживающая интересы глобализма.

Называть все это своими именами трезво и честно мыслящим людям удастся, но натиск американомании столь массивный и всеохватный, что глупцы не успевают разобраться в опасной сути маскирующих враждебные действия слов, и продолжают глупеть дальше.

Еще один пример того, как пагубно могут влиять чужеродные слова на нравственное состояние нашего народа. Благодаря современному еврейскому влиянию разошлась по Руси страшная для русской души матерная ругань. Что такое мат? Открытое именование детородных органов, что издревле в русской среде считалось признаком наглости, нечистоты. Само слово наглый означало человека, способного обнажиться, явиться нагим на людях. Наглого русские с брезгливостью сторонились, как нарушившего завет целомудрия. Далее, матерная брань — намеренное оскорбление человека клеветой. Это объявление в нецеломудрии не только его самого, но и его близких, родных. Нас часто пытаются убеждать и делают это именно евреи, такие, как министр культуры М.Е. Швыдкой, доктор филологии В.М. Живов, что матерщина-де возникла в глубокой древности и не имела, да и сегодня не имеет оскорбительного смысла, что-де русские люди были просты как дети, их плотские отношения были беспорядочны. И это зеркально отразилось в языке. Ложь, намеренная ложь с целью порушить в наших душах остатки чистоты!

На протяжении тысячелетий отношения в семье у славян и русских были основаны на строгой верности. Блуд наказывался лютой смертью или в лучшем случае битием. Блуд являлся несмываемым позором для всего рода. И потому до сих пор сохранилось оскорбительное наименование ублюдок, то есть рожденный в блуде. Даже намек на блуд — оскорбление. А матерщина — это уже не намек, это обвинение, это бесчестие семье и роду оскорбляемого.

Существуя на самой дальней периферии языка, эти запретные в быту слова вспоминались русскими очень редко. Но в считанные десятилетия XX века они заполнили разговорную речь, разойдясь сначала в среде мелких ремесленников и торговцев, среди которых в городах был велик еврейский элемент, затем попали в рабочие и солдатские казармы, оттуда перебрались в крестьянские семьи. Специфика матерной брани в том, что она, будучи словом нечистым и запретным, несет на себе огромный заряд злой энергии. Именно поэтому ею удобно было пользоваться всякому, кто хочет и не может выразить точным, образным, энергичным словом свою мысль, и заменяет ее словом матерным, буквально разговаривая матом.

Почему я изначально предполагаю еврейские источники распространения мата, как языка запретного, нечистого, оскорбительного в России? Потому что архетипы еврейского мышления не считают нечистым все, что именуется в русском языке матерными словами. Не испытывая стыда, пребывая в состоянии постоянной наглости — раздетости, такие люди легко используют мат и пускают его как заразу по русской земле.

Именно еврейское словотворчество и еврейская деятельность породили в России еще одно чуждое нам, пагубное языковое явление — криминальный жаргон. Жаргон — специальное наречие преступного мира, скрывающего за непонятными для непосвященных словами свои тайные, опасные для окружающих намерения и планы. Такой жаргон называется блатным. А кто себя именуется блатными? Сегодня это уголовный мир России без разбору народов и сословий, но само слово блат имеет давнюю историю. Оно ведет свое происхождение из идиша, еврейского жаргона немецкого языка. Блат означает кровь. Так с советских времен сохраняются у нас выражения доставать по блату или у него там блат. По блату достать — когда твои

единокровные, евреи то есть, тебе помогают добыть желаемое, а иметь блат — это когда в нужном месте в нужное время встречаешь своего, опять же еврея, и он тебе помогает. Когда уголовников называют блатными, тоже понятно, ведь они повязаны между собой кровью, только не собственной, а кровью своих жертв. Из блатного жаргона пришли в русский язык многие слова, которые сейчас кажутся вполне безобидными, на самом же деле они имеют оскорбительный смысл. Так из блатного жаргона мы восприняли слово быдло, польское по происхождению, оно означает — скот, приуроченный к убою. Жаргон вбросил в общее употребление и слово лох, оно тоже заимствовано из польского, где «льоха» означает свинья. Ребятишек на жаргоне называют пацаны, в переводе с идиш — рабы, слуги. Все это попытка унижить и оскорбить, причем совершенная в тайне от непосвященных. Блатной жаргон — не только и не столько язык, недоступный непосвященным, сколько тайное оскорбление непосвященных, к примеру, чужих для евреев народов, в данном случае — русского.

Тайно оскорбить, издеваться за глаза — повадка подлая, трусливая, низкая. И она, как нельзя ярче, отразилась в карточной игре. Наиболее популярна карточная игра в так называемого «дурака», а кто дурак? В этом надо разобраться. Игральные карты созданы специально для поругания Христа руками и словами самих же не ведающих о том христиан. Вся символика карт — христианская символика, знаки мученичества и смерти Господа нашего Иисуса Христа на кресте. Сам Святой Крест в картах именуется крести или трефа, причем трефный на идиш означает скверный. Знак бубны — символ четырехугольных римских гвоздей, которыми пригвоздили Господа к кресту. Пики — символ римского оружия, которым было пронзено Святое Тело Господа на кресте. Знак черви — образ губки, смоченной уксусом и желчью, той, что пытались напоить Спасителя во время его смертных мук. А мы, христиане, в это «играем», да еще крест называем, прости Господи, трефой, не ведая, что это означает, да еще козырем, то есть кошерной картой (кошерный означает — очень хороший, годный именно для евреев), «побиваем», то есть подвергаем поруганию крест. Такое тайное поругание Христа в обычае у сил зла.

Сейчас жаргон вбросил в русский язык новое слово для обозначения выходцев с Кавказа, преимущественно мусульман: хач или хачик. Но хач по-армянски означает крест, хачик — это армянское имя, означающее христианин, и мы, русские христиане, с безразличием и раздражением именуя мусульман, заселивших русские города и села, хачами, невольно ругаем крест и христианство, исполняя тайный замысел, с которым вброшены эти слова в русский обиход.

Уже эти три явления — матерное сквернословие, блатной жаргон и карточное поругание христианства, ставшие, как это ни прискорбно, принадлежностью русского быта и обживающие тихой сапой русскую культуру, — показывают, что мимикрия чужаков, не изменивших в русской среде архетипов своего пришлового мышления, оборачивается для русского народа тяжелыми духовными болезнями, исцеление от которых требует времени и огромного напряжения национальных сил.

А чужаки, внедрившись в культуру, обосновавшись в политике, подделываясь под русских в быту и языке, торопятся для укрепления своих позиций в России навязать нам новые определения русского народа. Русские, — убеждают нас лукавые пришельцы, — это те, кто знает русский язык. Русские, — настойчиво внушают нам чужаки, — это все, кто живет в России и считает ее своей Родиной, и потому возможны — русские буряты, русские калмыки, русские евреи. Наглым натиском подобных, противоречащих науке и жизни внушений у нас отнимают главные признаки русскости — русскую кровь, русскую породу, русскую картину мира, русский тип поведения, — размывают четкие, выработанные тысячелетиями границы между своими и чужими, превращая Россию в плавильный котел для выведения новой человеческой породы —

россиянской. Русский дух наш противится этому, и надежда воскресения угасающих русских сил — наш язык, который вопреки чужеродной экспансии способен воспитывать и растить новые поколения истинно русских людей.

Глава IV. Русская душа — сплав язычества и христианства

Принято считать, что русское мировоззрение, русские устои жизни, наша национальная картина мира сложились лишь с принятием Русью христианства в 988 году, когда князь Владимир Святославич отринул отеческие заветы и круто свернул с языческой тропы на торную дорогу мировой христианской цивилизации.

Что всегда удивляло историков и богословов в летописной легенде о Крещении Руси, — та легкость, с какой вчерашние славяне-язычники восприняли новое учение. О восстаниях против христианских миссионеров, о расправах над монахами и священством бунтующего языческого люда упоминания в источниках крайне редки.

В течение всего одного столетия, начиная с 988 года, на Руси учредили несколько епархий, построили множество храмов, основали ряд монастырей, создали книгописные школы и мастерские в Киеве, Новгороде и Ростове. В чем кроется причина столь безоглядного отказа от отеческой традиции сильного, упорного в достижении своих целей народа? Рискну утверждать, что никто не навязывал нашим предкам тогда, в 988 году, коренного отрицания языческой традиции. Напротив, при выборе Веры русичи восприняли именно ту религию, которая показалась им созвучной с картиной мира, выработанной в языческой древности их праотцами.

Основу всякой религии составляют мирозерцание, нравственные нормы, комплекс обрядов и священнодействий, называемый культом, и, главное, объект поклонения — Бог и божественные силы или сонмище богов. При изучении русского христианства открывается, что многие его ключевые понятия во всех сферах религиозного познания ведут свое происхождение из славянского язычества, где они формировались на протяжении тысяч лет.

Религиозное мирозерцание включает в себя познание сверхъестественного, духовного мира и способов взаимодействия с ним человека. Ключевыми понятиями такого рода в русском христианстве являются Бог, душа, святость, чудо, рай, воскресение, крест, молитва. Но эти слова пришли в христианство из языческой древности, и реконструкция их исконных значений является по сути воскрешением мировоззрения славян-язычников. Религиозные представления славян в дохристианское время реконструировать сложно, поскольку достоверных письменных источников славянского язычества не сохранилось. Единственно исторически значимые факты можно извлечь лишь из русского языка и старинных сказок, примет, поверий, удерживающих дремучую древность. К ним мы и обратимся.

//- Истоки русской душевности — //

Душа человеческая — первое, что заставляло и заставляет всякого человека задуматься об инобытии, о мире сверхъестественном, не поддающемся осязанию и не доступном зрению. Древний славянин представлял душу в облике ветра, огня и птицы. Само слово душа происходит от глагола дуть, и это сближает ее с образом ветра, особенно при расставании: человек мог издохнуть, задохнуться, испустить дух, его могли задушить. О возвращении к жизни говорили в старину: отдохнул, отдышался.

Душа в славянских воззрениях сближалась также с огнем, поскольку она, пребывая в человеке, давала телу внутреннюю теплоту и жизнь. Человек умирал, становился холоден и неподвижен, так гас внутренний огонь души. И древнее выражение погасла жизнь говорит нам, что душа в образе горящего в человеке огня — исконно русское представление. Во многих наших приметах течение жизни сравнивается с горением свечи. Даже в православных христианских

храмах многие невольно следят за горением поставленной ими свечи, боясь, что она погаснет, не догорев, видя в том приметку скорого ухода из жизни. Слово гасить издревле употребляется в значении убивать, истреблять, слово гаснуть — в значении истощаться, худеть, клониться к смерти. Или вот еще одна языковая цепочка смыслов: потухнуть — говорят обычно о свече, огне, а протухнуть, загухнуть — о падали, о мертвом, бездушном теле.

И птицей Душа представлялась славянам, что унаследовано в языке выражением «душа отлетела в иной мир». Душа виделась языку птицей не только потому, что казалась людям стремительно летящей, способной покинуть тело и вернуться в него, как птица в гнездо. Славное в древних представлениях о душе-птице то, что, оставив свою телесную оболочку, душа принимала новую форму и попадала в иной мир. Подобное преобразование в живой природе происходит только с птицей, и это удивляло и восхищало древнего человека, заставляя его задуматься о преобразованиях души. Птица, рождаемая вначале в виде яйца, вылупливается из него птенцом, как бы рождаясь вторично. Русские загадки донесли до нас подобное сближение: «Дважды родится, а раз помирает». В отгадках — и птица, и душа.

О душе-птице до сих пор свидетельствуют сохранившиеся в русском христианском быту языческие обряды, основанные на убеждении древних славян, что душа умершего после разлуки своей с телом до шести недель (сравните: в русском христианстве — до сорокового дня) остается в этом мире. Родственники и по сей день оставляют для души умершего на окне или на столе чашку со святой водой и вешают полотенце, чтобы исшедшая душа омылась, отерлась полотенцем и предстала пред Богом чистой. В поминальные дни для души до сих пор ставят на стол рюмку с водкой, покрывая ее хлебом, — этим заменили с течением времени поминальный блин и чашку воды, предназначенные умершей душе перед ее «полетом» в дальний путь.

Именно представлением о душе-птице объясняется обрядовое значение яиц, известное не только христианству, но и всем языческим народам древности. Яйцо служило язычникам-славянам знаком возрождения к новой жизни, скрытой в его зародыше. И как у индийцев до сих пор празднование возрождения природы, именуемое Холи, сопровождается приготовлением крашенных красной краской яиц, так и в нашей христианской обрядности сохранилась славянская языческая традиция на Пасху и на Радоницу, в день поминаения усопших, ходить с крашеными яйцами на могилы умерших предков «христосоваться с покойными родителями», а потом оставлять на могилах яйца или зарывать их в землю.

Так что славянин-язычник разделял свою природу на духовную и телесную, имел четкое, укорененное в языке и поверьях понятие о душе, которое христианство укрепило и развило. При этом русский язык свидетельствует, что душа для нас искони составляла большую и главную часть нашего естества. Это видно в выражениях, которыми мы описываем самих себя.

Русские называли душой всякого человека в казенном, государственном смысле: это и крепостной в царской России, где помещики владели «душами», и любой человек, платящий подати государству, так называемый «подушный налог», расчет бюджетных средств до сих пор идет в России «на душу населения». Детей в семьях считали на души, так и говорили: «десять душ — детей», едоков и работников на селе тоже числили по душам. Но не это самое главное в русской любви к слову душа. Вся человеческая жизнь по-русски — это жизнь души. Мы ведь этим словом можем описать все, что способны пережить: радостно или муторно бывает именно на душе, дело может быть не по душе или по душе, душа частенько к чему-то не лежит. А еще душа не принимает, душа меру знает, от страха душа в пятки уходит, делают что-либо от всей души, с дорогой душой и за милую душу, а бывает, что с души воротит или прет. Душа у русского человека часто нараспашку, иногда душа болит, частенько душа просит, душа надрывается, порой душа не на месте, подчас человек берет на душу грех, случается, что он отводит душу. И это еще не все. Мы, русские, общаясь друг с другом, с точки зрения нашего языка, соприкасаемся именно

душами: русские живут душа в душу, говорят по душам, стоят над душой, влезают кому-нибудь в душу, тянут за душу, души не чают, беду душою чувствуют. В русском должно быть очень много души, отчего, по его представлениям, великодушный человек — непременно хорош, а малодушный — безоговорочно плох. Душа — добрая или низкая, широкая или подлая, правда, она тогда не душа, а душонка, — определяет в русском человеке все его существо. И это представление, безусловно, имеет дохристианские, языческие истоки. Но христианство впервые заговорило с русским человеком о спасении его души. Оно пообещало ему сохранить, благодаря Вере в Бога, то, что русский любит в себе и в других больше всего на свете — бессмертную человеческую душу. Вот что навек покорило нас в христианстве, вот что делает русское православное христианство особенно теплым и радостным, потому что оно отвечает глубинным народным представлениям о смысле жизни. И до сих пор для нас высшая похвала — «душевный человек». А бездушие для нас равно бесчеловечности. Ведь именно душа является средоточием человеческой совести, она чувствует добро и зло, она проникает в хорошее и плохое.

Изъятие душевности из русского человека является ампутацией его совести, и что прискорбно, эту хирургическую операцию пытаются проводить ныне с нашими душами. Насколько успешно можно удалить у русского народа совесть, да так чтобы не осталось ни корешка, ни дольки, ни крохотного обрубка, который бы все равно кровоточил и болел, радовался и тревожился?

Об этом мы можем судить по разросшемуся в нашем обществе спруту коррупции, воровства и подкупа. Это мы можем видеть в заимствуемом русскими у других народов прежде осуждаемом обычае рабства. Об этом свидетельствуют перенятые у инородцев обман в торговле, подделки в производстве товаров, продуктов, лекарств, такие, что влекут за собой смерть соплеменников. Русские люди, что творят подобное, вырезали из собственной души свою совесть, как удаляют больной орган, чтобы не тревожил человека постоянно ноющими или резкими приступами боли. Но ведь каждый орган для чего-то организму необходим. Вот и совесть в душе есть коренной признак нашей русскости. Ампутация совести ведет к омертвлению русской души. Взгляните на наших правителей, что чередой гоголевских персонажей ежедневно заполняют телеэкраны новостей. Живая душа, плещущаяся в глазах, — где она в этих физиономиях? Ее нет. С экранов хрюкают, сопят, хрипят, сепетят, сюсюкают хари и рожи с мертвыми, рыбьими глазами. Люди без совести — они сделались бездушными калеками и пытаются свою инвалидность навязать остальным как норму жизни.

Состоится ли такое в России? Станет ли так, что душа русского человека окончательно потеряет способность болеть и радоваться, тревожиться и сострадать? На мой взгляд, это невозможно, пока жив наш язык, в котором душа — на первом месте. Наша русская картина мира заставляет нас быть душевными людьми, изъятие души у человека мы всегда будем рассматривать как тяжкую болезнь, пусть сегодня она и приобретает характер эпидемии. Но ведь все эпидемии когда-нибудь кончаются, забирая с собой самых слабых, самых негодных для народа особей. Все эпидемии на то и даны, чтобы очищать народы от плевел и сорняков, от вырожденков и извергов. Вот и сегодня народ разделяется на все еще огромную массу сохраняющих свои душу и совесть, и на негодных называться русскими — по ничтожному духу, по подлому характеру, по сожженной совести и по омертвлению души. Зерна от плевел отделены, разве это плохо?

Насколько успешно можно удалить у русского народа совесть? Это зависит от того, как дороги останутся для русского человека слова и выражения, говорящие ему о душе. Они пробуждают в русском исконно заложенные языковые архетипы, напоминающие, что самое дорогое для человека — это спасение его души и душ его ближних, и заставляющие оживать иссохшее древо совести.

Слово святой, ставшее основой понятия христианской святости, имеет дохристианский языческий смысл. В эпоху славянского язычества оно прилагалось ко всякого рода сверхъестественным силам и явлениям, а также обозначало людей, обладавших незаурядными, сверхчеловеческими способностями. Святой, согласно реконструкции языческого значения этого слова, некто сильный, крепкий, могучий, непоколебимый, сверхъестественное существо, стоящее на границе двух миров, мира действительного и мира магии. Из числа таких существ былинный Святогор. Такому существу язычники поклонялись и совершали жертвоприношения из опасения перед его мощью. Обломки этих представлений мы встречаем в русских народных говорах, где святыми могут называть и русалок, и водяных, и домовых, и прочие силы, именуемые христианством нечистью. В этом же значении — сильный, крепкий, могучий, — использовалось слово свят в славянских языческих именах — Святовид, Святополк, Святослав, Святомир, Святозар.

Эта научная гипотеза удостоверяется данными Словаря русских народных говоров: «Святой — отличающийся здоровьем, жизненной силой, придающий здоровье, силу» (СРНГ, вып.37, с. 6). Среди примеров: святой ключ — естественный колодец, колодец нерукотворный, вышедший из земли, дарованный людям свыше и потому имеющий святую — живительную силу; святой огонь — огонь, добытый трением из дерева для ритуальных действий — окуривания, такой огонь представлялся людям как чудо, как дар богов и, по представлениям язычников, обладал чудодейственной силой очищения; святой разум — здоровый ум, благоразумие и проницательность, которыми наделены особо одаренные люди; святой дождь — дождь, посланный свыше по прошению земледельцев, необходимый для хорошего урожая, в святой час — в добрый час, пожелание счастливого пути, как помощи высших сил; вот и свято — о благополучном завершении, окончании дела, которому дана помощь свыше; дать святым кулаком — ударить кулаком за правое дело; святодух — женщина, владеющая даром прорицания, доводящая до людей волю божества, отголосок древнего волхования. Во всех этих выражениях перед нами явно дохристианские значения слова святой, свидетельствующие об особой живящей, укрепляющей человека высшей силе, нисходящей на него через воду, огонь, людей и обстоятельства жизни. Важным здесь было и исконное родство корней свят и свет, так как богоданная сила представлялась людям излучающейся подобно свету.

Такое же значение было у латинского слова *sanctas*, когда оно употреблялось в римских языческих культах. Из-за большой употребительности этого слова у язычников, римские христиане стали величать им святых лишь с IV века. А вот христианские миссионеры славян сразу же приняли слово святой, воспользовавшись его исконным языческим значением для убеждения славянской паствы в могуществе и силе христианской Веры. Христианство внесло в смысл этого языческого слова новые черты. Святость стала пониматься как проявление Божественной силы Пресвятой Троицы. Святым именовалось все, в чем христиане видели проявление Божьей силы и Воли. Это легко разъяснялось славянам, обращаемым в истинную Веру, поскольку они уже имели понятие о том, что свят — это обозначение сверхъестественных, нечеловеческих, высших сил. Переворот в понятиях, совершенный христианством, состоял в том, что теперь словом свят обозначалось лишь проявление силы Пресвятой Троицы, в чем бы она ни выказывалась: в людях — святых и священниках, в освященных вещах и пище, их святости на христианские праздники, в святой воде и святых источниках, в святых местах, куда совершались паломничества, в святом огне, исходящем на Гроб Господень в Пасху, и в святом огне каминов, благоуханным дымом очищающем храмы от нечисти. Теперь эти вещи стали

называться святынями и в отношении к ним проявлялось благоговение. Но в народных поверьях, очень устойчиво сохраняющих древнее языческое словоупотребление, святыми по-прежнему могли именоваться домовые и водяные, и даже заговоры и заклинания, в том числе известный посыл «Поди ко святым!». И само понятие святой в народном восприятии было более приземленным, утилитарным. «Святое дело», — говорят у нас обо всяком добром деле. И вещи, и воду, и священников, да и святых народное сознание воспринимает как помощников в мирских делах и избавлении от невзгод и болезней и потому именуют их святыми. И здесь произошло естественное замещение языческой магии благотворной и действенной помощью Божьей, которая выражается в том, что русский народ с языческих времен называет чудесами.

Само слово чудо языческого происхождения. Чудо — сверхъестественное явление, которое невозможно объяснить действием законов природы или человеческим произволением. Именно чудо православное христианство полагает очевидным доказательством бытия Бога. Но вера в чудеса присуща не одному христианству, это устойчивый знак религиозности человека, понимающего, что над ним есть Некто Высший. В славянском языке дохристианской эпохи слово чудо было языковым символом, выражающим действия высших, святых в языческом понимании сил. В данном слове лингвистами прочитывается древний корень куд-, исконно обозначавший сверхъестественные действия. Куд — это всемогущий дух, кудесить — значит волховать, колдовать, заниматься ворожбой, кудесник — волшебник, колдун. Корень куд-происходит из индоевропейского GhwDh, который имеет значение уничтожать, запрещать, и, согласно исследованию Н.Д. Андреева, характеризует состояние бытия или небытия, сохранения или уничтожения, в зависимости от того, к чему склоняется изволение Высших Сил. Куд — это знак действия сверхъестественных существ, способных продлить или прекратить бытие человека, могущих сохранить человеческую жизнь или уничтожить ее. Отсюда возникло и слово чудо с его главным смыслом — знамения высших сил для блага или для кары людей. Смысл этот, безусловно, был выработан в языческой древности. Христианство приняло слово чудо вместе с его значением, но отринуло другие слова данного корня, обозначавшие духов, творящих языческие чудеса.

Слово куд, согласно словарю В.И. Даля, в русских народных говорах стало обозначать злого духа, беса, сатану. Оно породило множество однокоренных речений зловещего смысла. Кудесить значило заниматься ворожбой и чернокнижием, уничтожать, наводить порчу. Тот же смысл и в слове колдовать. Кудесами назывались чудеса, производимые нечистой силой. Образовалось слово прокудить со значением «дурить, творить пакости, наносить кому-нибудь вред». Сюда же прилепилось и ругательство паскуда, то бишь скверность, мерзость, человек, творящий пакости.

Поразительно, что именно этот древний индоевропейский корень GhwDh, который произвел на свет столь зловещие русские слова, в английском и немецком языках породил слово, обозначающее Всеблагого Бога — God и Got. Бог, воспринимаемый как карающая грозная сила, во всевластии которой находится человек, — таков образ Вседержителя в картине мира германских народов. Славянские же народы имели собственное исконное наименование для божественных сил — слово Бог, произошедшее от индоевропейского BhX. Данный корень имел особый смысл, он значил изначально «блеск, сияние, красу», и производные от него слова во множестве языков разумют именно благо, добро, красоту, истину, что в славянских языках было осмыслено как Божество, Высший разум. Божественные силы в видении нашего народа представал и источником добра, красоты и истины, того, что у нас принято именовать Любовью. Светлое, любовное восприятие Бога, однокоренного понятию благо, тысячелетиями сохраняемое нашими языческими предками, в русском православном христианстве логично и просто соединилось с евангельскими словами Господа Иисуса Христа: «Азь есмь путь, истина, и животъ» (Ио, 14, 6), «Свет есмь миру» (Ио. 9, 5).

Разделяя слова по принципу злое и доброе, русский язык с языческих времен сохранил благой смысл слова чудо. Оно стало исключительно знаком божественных сил, Божьей воли, выраженной в сверхъестественных действиях. Вера в чудеса явилась отличительной особенностью русского православного христианства в отличие от трезвенного католичества и рационалистического протестантизма. И это хорошо видно в почитании на Руси святителя Николая Мирликийского, которого у нас величают чудотворцем, а в Италии, где почивают его мощи, он не в особой чести у католиков. Чудесами пронизана вся русская христианская культура. Иконы Пресвятой Богородицы почитают именно за великие творимые от них чудеса исцеления, помощи, умилоствления. В Сказаниях об иконах, а это любимейший жанр древнерусской литературы, свидетельства о чудесах составляли самую обширную часть текстов. Жития святых наполнены чудесами, и новопрославленные святые, такие, как блаженная Матрона Московская, почитаемы именно за великие чудесные дары, приносимые ими молящемуся народу. В этом всеобщем ожидании чудес, в этой постоянной готовности узреть чудо таится древняя языческая традиция — получать блага для тела и быта, а не для души и духа. Именно поэтому так разнится скептическое порой отношение к чудесам образованного духовенства, понимающего некоторую неловкость постоянного народного клянчанья «Дай, Боже, дай, дай!», и горячность безграничной веры простолюдина в любое чудо, если об этом очень сильно попросить в присутствии христианской святыни. Горячая русская Вера в святыню, заложенная в нас языческими предками и укрепленная мистическим тысячелетним опытом христианства, никогда не бывала посрамленной. Вспомним военную историю России. Нам всегда было свойственно надеяться на чудо там, где другие народы складывали оружие и прекращали сопротивление. А мы верили в Божью помощь в самых безнадежных случаях, и надежда на чудо, на то, что, в конце концов, будет божья подмога, заставляла русских держаться «до последнего» — до последнего живого, кто может сражаться. Вот и ныне, в безысходности оккупационной власти, во всех русских — язычниках, христианах, атеистах — жива надежда на чудо, — на помощь высшую, как бы кто ее ни называл, но при этом мы твердо знаем, что чудесная помощь дается лишь тем, кто не отступает, не сдается, не падает духом, кто держится до последнего.

//- Языческий прообраз христианского рая — //

Ныне лингвистикой доказаны языческие истоки слова рай. Христианское понимание его — место загробного пребывания душ праведников — не было первоначальным значением этого слова. Академик О.Н. Трубачев установил родство слова рай со славянскими корнями слов рой и река, имевшими общий корень рой-/рей-/рай-. Слово рай исконно связано с проточной водой, с рекой, образующей преграду, которой в языческих представлениях отделяется мир мертвых от мира живых. Рай буквально означает «заречный». Сама река у славян, как, впрочем, у многих других народов, представляется не только водной артерией земли, но и путем в иной мир или границей между двумя мирами, разделяющей мертвых и живых.

Эти древние языческие представления довольно стойко сохранялись в поверьях русского народа. Во Владимирской губернии люди говорили, что умерший грудной ребенок три дня тоскует по матери, а потом ангелы несут его на «забытнюю реку» и дают испить ее воды, после чего младенец забывает о матери. В понимании русских на Вологодчине этот свет отделен от другого «Забыть-рекой», перейдя через которую на сороковой день после смерти, человек забывал все, что с ним было на земле.

Слово рай известен в русском языке и в иных огласовках — вырей, ирий, вырай, именно в

сказочный выреш, согласно архаичным славянским представлениям, улетают зимовать птицы, путь же их пролегает через реку, омут или водоворот.

Связь загробного мира с образом реки и заречного пространства наблюдается у многих древних народов. Река Стикс и перевозчик через нее душ умерших Харон в древнегреческой мифологии, египетский бог Озирис, путь умершего человека к которому следовал по водной глади на погребальной лодке, индийский обычай кремации умершего и последующее развеивание его праха над рекой — все это «заречные» представления о царстве мертвых. Такие далекие друг от друга народы, как майори и кельты, одинаково мыслили царство мертвых находящимся под водой. Древние славяне не были исключением. Русские летописи донесли до нас обычай хоронить покойника в лодке, которая стала прообразом гроба, самого же умершего в русских народных говорах до сих пор именуют райник. Кстати, слово радуга, чаще всего встречающаяся в русском языке в огласовке райдуга, указывает на ее связь с заречным раем: загадочность игры радужных цветов и явление радуги именно над рекой навевали образ светлой заречной страны без страданий и болезней. Русское выражение «потусторонний мир» отчетливо указывает на представление о пребывании душ умерших — не вверху или внизу по отношению к живущим, а по ту сторону, через речную границу.

Если реконструировать, как понятие рай превратилось в часть языческого мировоззрения славян, то сначала это было видение рая, как места, находящегося где-то за рекой. Именно там находился потусторонний мир, оттуда являлась людям загадочная райдуга. Со словом рай было соотнесено в сознании язычников местопребывание душ усопших предков и возникли обряды погребения или трупосожжения в лодке, связанные с заречным представлением о посмертном обитании умерших. В этом виде понятие о рае тысячелетиями укоренялось в сознании славян-язычников. Заметим, что в языческий рай переселялись все умершие. В мировоззрении славян не существовало посмертного разграничения. Все уходило на тот свет, все имели равную участь, на что указывало выражение тот свет — мир, куда попадают все умершие. Христианское мировоззрение — иное, в нем нераскаянные грешники и добрые христиане имеют разную посмертную судьбу. Христианским миссионерам требовалось наиболее доступно объяснить это новокрещеным славянам. Вот тогда-то и пригодилось привычное и понятное слово рай, которое обнимало собой у язычников весь тот свет, а у христиан стало обозначением места лишь для душ спасенных христиан. Грешным же уготован ад — слово заимствованное из греческого языка и означает «пропасть». Обратим же внимание: христианские просветители славян не оборвали преемственности между крещеными славянами и их язычниками-предками. Закрепив слово рай в славянском христианском богословии и удержав за ним значение места вечного блаженства, миссионеры сохранили у славян убеждение, что души их языческих отцов и дедов спасены и обитают в раю.

Совсем иначе сложились христианские представления о загробном мире у большинства неславянских языческих народов Европы в их языках. Латинское *infernum* и его переогласовка во всех романских языках, а также немецкое *holle*, английское *hell*, — все эти наименования языческого мира мертвых исконно обозначали «нижний, пещерный мир», «пропасть» и были приспособлены миссионерами для именования ада при крещении европейцев. На Западе народными и сугубо языческими были как раз названия ада, преисподней. Понятие и название *paradise* «рай», заимствованное из греческого языка и укоренилось лишь вместе с христианством. То есть на Западе миссионерство загоняло предков языческих народов в преисподнюю, четко разграничивая посмертную судьбу христиан и язычников. В этом коренится последующее глубокое различие между светлостью и свободным оптимизмом Православной Веры и сумрачным аскетизмом, дисциплинарной строгостью католичества. Русское Православие донесло до нас всеобщую надежду на спасение, основанную на мироощущении

наших языческих предков, не боявшихся посмертного возмездия и смело смотревших смерти в лицо.

Христианский рай — продолжение славянского языческого рая, в представление о котором христианские миссионеры внесли мировоззренческие изменения. Но, что очень важно подчеркнуть, изменения не разрывали преемственности новообращенных христиан славянского рода со своими язычниками-предками, давали надежду на непременною встречу с ними в раю, а, следовательно, один из важнейших древних народных устоев — культ предков — сохранялся нерушимо и даже принес с собой в христианство такие языческие празднования, как Радоницу, день поминовения усопших на Светлой неделе (слово это звучало в древности как Райдоница), и родительские дни, когда христианам полагается ходить на могилы предков, поминать их в храмах и за трапезой.

Мироощущение, в котором рай представлялся естественным завершением земной жизни человека, непременно светлое, потому и характер русского народа, уповавшего на благой исход своего бытия, неунывающий, терпеливо стойкий, как бы ни были трудны перипетии русской истории. Нам свойственно верить, что, не узнав горя, не узнаешь и радости, что все перемелется — мука будет, и что хорошего — понемножку. Не случайно формулой нашей стойкости стало упорное и одновременно насмешливое ничего! Этим словом, как колом или дубиной, мы отмахиваемся от всякой напасти: болезнь ли одолела — ничего! перетерпим, враг ли подступил — ничего! отобьемся, друг ли предал — ничего! переможем. Мы детей своих, когда упадут и расшибутся, успокаиваем все тем же — ничего, пройдет. Мы в ответ на всякое участливое отношение к нашему горю, чтобы не раскваситься, не расклеиться в жалости к себе, отвечаем: «Да ничего! Переживем!» Этим поражающим всякого нерусского человека, бессмысленным на первый взгляд ничего! а еще залихватскими ништо! ништяк! ничо! мы смеемся над горькой судьбиной, преодолеваем, стиснув зубы, беду, сами себя убеждаем в пустячности боли, в преодолении горя, в неизбежности победы. Удалое русское ничего! во все времена делало нас самым терпеливым, самым стойким, а потому непобедимым народом, ведающим искони, что за нашу стойкость, упорство и терпение нас непременно ожидает светлый рай. Вот россыпь поговорок, приучающих русского человека не бояться смерти: «Живи не тужи, помрешь не заплачешь». «Жить надейся, а умирать готовься». «Не на живот рождаемся, а на смерть. Умел пожить, умей и умереть».

Но если всех ожидал, по представлению язычников, светлый рай, а люди на земле совершали зло, то где и в чем, согласно языческому мировоззрению, осуществлялся высший суд их деяний, ведь без идеи воздаяния за добро и зло не живет ни одна религия. Для славянского язычества Высшим Судом являлась человеческая судьба. Вот почему издревле знают русские: От судьбы не уйдешь. Чему быть, того не миновать. Судьба — достоверно установлено этимологами — это суд Бога, в земной жизни отмщающего грешнику несчастьями и бедами, и вознаграждающего праведника благами и радостью. Такое восприятие судьбы — чисто языческое, но оно прочно утвердилось в русском христианском мировоззрении. И когда постигает нас болезнь или несчастье, мы язычески всматриваемся в прожитое, там ищем ответ, где наш грех, за который пришла расплата. Когда приходит беда, люди причитают: «За что?!» Когда наши враги и ненавистники терпят несчастья и нужду, мы язычески утверждаемся: «Бог наказал!» Хотя вроде бы должны их христиански пожалеть. Русские христиане подспудно хранят эти древние языческие убеждения, и такое внимание к своей судьбине, как к Божьему суду здесь, на земле, заставляет нас вдумываться в свои слова и поступки, стараться избегать явного зла, чтобы не испытывать судьбу и не гневить Бога.

Языческая русская светлость представлений о загробной жизни унаследована христианским мировосприятием, не склонным пугаться пекла и адского ненасытного червя. Не

страх перед адом становился причиной русского христианского подвижничества, а врожденная склонность к добру и тяготение к свету. В идее же посмертного воздаяния грешникам за содеянное на земле зло христианство созерцало столь любимую нами мысль о справедливости, без которой русскому народу жизнь не мила.

//- О языческом значении слов «воскресение» и «крест» — //

Языческими по происхождению являются слова, обозначающие главные христианские символы — крест и воскресение. Слово воскресение происходит от древнего глагола в двух формах, несущих два смысла: кресити — «высекать, добывать огонь», кресати — «воскрешать, оживлять». Первичным является здесь значение оживления, воскрешения, в отношении к огню, безусловно, бывшему для древнего человека объектом священного поклонения. Славянеязычники словом воскресение могли именовать священнодействие — возжигание жертвенного огня, за что боги, по языческим поверьям, даровали им жизнь и благоденствие. Об этом свидетельствуют однокоренные воскресению слова краса и крес. Краса означала в древности расцвет жизни, ее благополучие и довольство. Вот почему мы именуем красой, красоткой молодую девушку и привычно восклицаем в радости и благоденствии — «красота!». Старинное славянское слово крес донесло до нас языческие представления о жизнетворной силе природы. Крес — это древнерусский солнцеворот, а также высшая точка, расцвет жизненной силы, которую славяне связывали с летним солнцестоянием и огнем языческого жертвоприношения. В русских говорах это слово до сих пор сохранило значение «жизнь»: «быть на кресу» — быть живу, «не быть на кресу» — умереть, не оправиться от недуга, «кресу нет» — нет житья. Сохранилась поговорка: «Смерть на носу, а все будь на кресу», означающая примерно то же, что и наше извечное «помирать собирайся, а рожь сей». Кресом называли обряд умилоствления сил природы ради получения красоты — благоденствия, расцвета и довольства в жизни. В таком случае и воскресение в славянском язычестве могло означать возжигание жертвенного огня для совершения языческого креса. Подтверждением этого являются упоминания о праздновании славянами еженедельных праздников света по воскресеньям. Этот день недели означал то же, что у европейцев Sunday/Sontag — день солнца, день света. У нас воскресенье было днем креса.

С принятием славянами христианства слово воскресение, как оказалось, весьма точно передает событие, совершившееся после смерти Господа Иисуса Христа. Выражение «воскреснуть из мертвых» значило буквально «ожить в животворящем пламени». Эта картина была язычникам абсолютно понятна, и выглядела она величественно, и потрясала душу божественной мощью. Греческое слово *anastasia* («восстание») гораздо менее подходило к евангельскому событию Христова воскресения, потому что слово это бытовое, а не сакральное. Воскресение же являлось понятием священным для славянина-язычника, и оно легко приняло на себя значение великого христианского события, стало символом и сутью русского православного христианства, неся на себе отпечаток древнейшего благоговения славян перед животворящим божественным светом и огнем.

Схожие преобразования пережило и древнее славянское слово крест, бывшее также исконно славянским, а вовсе не заимствованием, как это принято ныне полагать, из древненемецкого неправильно истолкованного имени Иисуса Христа — *Kristos*. Крест и производные от него слова окрест, окрестность существовали и в дохристианские времена. Но что же тогда означал крест у славян-язычников?

Слово это также, как и воскресение, происходит от глагола кресити/кресати со значением

«оживать и воспламеняться», образовалось присоединением к корню крес-другого значимого корня ст-со значением «стоять, устанавливать». Подобным образом сформированы многие русские слова — перст, пест, шест, хвост (пучок), рост (росток), руст (струя, фонтан). Все эти слова обозначают предметы вертикальной конфигурации, устойчивые в пространстве, все они образованы от глаголов: перст — от переть, пест — от пихать, шест — от ходить и шествовать, хвост — от хватать, рост — от орать (пахать), руст — от рыть и рвать. Славянский крест мы можем реконструировать по той же модели. Образованное от глаголов кресить и кресать со значением «оживать» и «воспламеняться» данное слово имело сакральный смысл: крест — столб пламени, охвативший вертикально установленный языческий жертвенник. Такова исконная семантика слова крест, которому после принятия славянами христианства отдано равно священное значение. В христианстве крест стал обозначать распятие, на котором Господь Иисус Христос принес искупительную жертву за погибающее в грехах человечество.

Языческие отголоски древнейших смыслов слова крест сохранились в понятиях окрест и окрестный, так, вероятнее всего, называли древние славяне священное место вокруг жертвенника. Но сколь продуманна и логична была смена значения у слова крест с языческого на христианское! Крест, прежде языческий огненный жертвенник, стал крестом, на котором распят Христос, обрел смысл священного символа христиан, стал оружием духовной силы. В чем суть преобразования слова: Господь Иисус Христос принес Себя в жертву за всех людей, и именно Его распятие явилось логическим замещением языческого жертвенника жертвенником христианским.

Христианские миссионеры IX века втолковывали на капищах славянам-идолопоклонникам, приготавливавшим свои огненные «алтари», что Истинный Бог — Иисус Христос, а истинный крест — крест Христов, истинная же жертва — жертва крестного Христова страдания, смерти и воскресения. До сих пор у нас сохранилось это миссионерское выражение в форме клятвы «Вот тебе истинный крест!». Старое языческое слово крест обрело новое христианское понимание. Глубинное тождество прежнего и нового понятий — обозначение жертвенника — помогло миссионеру-христианину объяснить славянам, пребывавшим в язычестве, сущность Веры Христовой. Ведь в евангельских чтениях говорится о несении креста как о жертвенном служении человека Богу, в истории о Симеоне Богоприимце упоминается о грядущем явлении ему креста Господня, Жертвы Самого Бога ради спасения человечества.

Вот так представления о мире и человеке славян-язычников вращались и вживались в христианское мировоззрение, которое благодаря этому не вызывало враждебного отпора и необходимости насаждения Веры огнем и мечом.

/- Совесть как врожденное русское чувство — //

Можем ли мы считать, что одно лишь христианство принесло славянам, и прежде всего русским, те нравственные устои, на которых поныне держимся? Наш язык во всей его истории свидетельствует о том, что в русском христианстве уникальное соединение нравственных понятий язычества с нормами христианской морали. Мерилом добра и зла в русском понимании является совесть.

«Совесть, — определяет это слово В.И. Даль, — нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке. внутреннее сознание добра и зла, тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка, способность распознавать качество поступка, чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла, невольная любовь к добру и истине, прирожденная правда.». Особенно важна в определении В.И. Даля формула

«прирожденная правда», ибо в ней хранится свидетельство того, что славянам было присуще совестное чувство еще в дохристианскую эпоху.

В первых славянских переводах греческих христианских книг авторы называли осознанием или пониманием хорошего ли плохого поступка, доброго или злого помысла то, что славяне изначально именовали совестью, которая у нас в языке вовсе не означает интеллектуальной работы, производимой рассудком, как у греков. Славянская совесть — категория не ума, а чувства, именно поэтому В.И. Даль называет ее «прирожденной правдой» и «невольной любовью» к правде, настолько невольной, что совесть имеет власть над человеком, она, по слову русского языка, отражающему архетипы нашего мышления, способна заставить страдать, совесть спать не дает, мучает, снедает, томит, грызет и даже может убить человека, ведь по русской поговорке «злая совесть хуже палача».

Само слово съвесть содержит два древних корня: корень съ-восходит к понятию свой и исконно означает «родной, врожденный, данный от Бога», а слово весть — это глагол, выражающий высшее, божественное ведение в отличие от глагола знать, который обозначал познание внешнего, зримого мира. Так что древнерусское языческое слово съвесть свидетельствовало о врожденном ведении добра и зла, данном человеку свыше, что так точно передано в христианской формуле «совесть — глаз Божий в душе человеческой».

Совесть, с языческих времен данная славянину его языком, и в христианстве оказалась идеальным русским мерилем добра и зла. Христианским проповедникам не надо было ни переписывать, ни перетолковывать нравственные законы славянской языческой традиции. Христианство легко соединилось с исконной славянской психологией.

В отличие от греческого *sineidesis* и латинского *conscientia*, которые буквально означали «внутреннее знание», работу рассудка, русская совесть никогда не определялась умственной деятельностью. Совесть воспринималась русским человеком как нечто цельное, как самостоятельный и притом главный орган души, наделенный чувством доброго и злого. По-русски следует поступать и жить только по совести, сообразуясь с ней, как с индикатором добра и зла.

По-русски делать дело, значит на совесть, значит, самым наилучшим образом. Преступление, грех, подлость ложатся на совесть русского человека тяжким грузом, давят, как камень, истерзанную грудь. Русский человек всегда «знает совесть» — и доньше жив и действует упрек «совесть надо знать!». Самым что ни на есть обидным укором звучит «совести у тебя нет!». Самым жестким и позорным приговором впечатывается в человека брошенное ему в лицо обвинение «бессовестный!». По-русски допускается даже брать на свою совесть чужую вину, желая спасти человека, разделять его ответственность перед Богом. Каждому русскому наперед известно, что ему с совестью не разминуться.

Совестливость подразумевает непременно искренность. Это слово происходит от понятия искренний, то есть ближний, родной, а потому прямой и честный. Именно совестливость и искренность положили начало нашему обычаю улыбаться только тому, что радует душу, в отличие от американцев, которые улыбаются всегда и напоказ, чтобы продемонстрировать, что у них все блестяще, все о'кей, что они процветают и преуспевают. Искренне улыбаться русские люди способны только по зову души, им совесть не позволяет щериться напоказ. Всякому русскому, вздумавшему перенять фальшивую американскую привычку улыбаться, достается от своих: «Чего лыбишься, зубы жмут?» Вот и получается, что от нашей редкой искренней улыбки мы кажемся тем же американцам мрачными, хмурыми, вечно недовольными, неудачниками, а они нам представляются жизнерадостными идиотами, лицемерными притворщиками.

Русскому человеку совесть не позволяет многое. Разумеется, помимо запрещенных

заповедями Закона Божьего — убийства, прелюбодеяния, лжесвидетельства — совесть не позволяет русскому человеку врать, то есть говорить неправду ради собственных выгод, еще совесть не позволяет обманывать, обещать несбыточное ради собственной выгоды, наконец, впрямую совесть запрещает воровать, присваивать чужое, а еще самовозноситься, непотребствовать, насмехаться. За это все мы неизменно чувствуем невольные, нам не подвластные угрызения совести! И еще важно: совесть не позволяет русским выгадывать! И даже поговорка-предостережение существует на этот счет «Не хочешь прогадать, не выгадывай». Получать выгоду, прибыль путем обкрадывания других нашей совестью запрещено.

Множество русских людей, что христиан, что язычников, поддались ныне соблазнам выгоды, оказались бессовестными, утратив долю русскости, когда сожгли, заглушили в себе совесть, заменив ее жаждой наживы. Легко ли им это далось? Попробуйте пожить без легких — задохнетесь, вам будет нечем дышать. Попытайтесь просуществовать без глаз, затоскуете — вам так захочется взглянуть на мир. А совесть — это наши русские легкие, это наше русское зрение, ибо мы по-русски благостно существуем и легко дышим благодаря чистой совести, мы по-русски созерцаем мир именно совестными глазами.

Великое горе видеть, как слепнут без глаз совести наши соотечественники, как задыхаются без дыхания совести наши единокровные братья, но они сделали свой выбор, а мы — свой. Совесть и бессовестность разделили нас, развели по сторонам добра и зла, причем разделили независимо от Веры, ибо бывает и так, что совесть христианская, а душа цыганская.

Напомню, что у греков и латинян издревле не было славянского понятия «совесть», у греков и римлян было «внутреннее знание», которое по-славянски очень точно передавалось словом «сознание», и это различие между западной картиной мира и русской продолжало развиваться в Средневековье и в новейшие времена. Русская совесть по сей день не имеет параллелей в западноевропейских языках. Чрезвычайно трудно объяснить англичанам, французам, немцам, что такое «совесть», ибо в этих языках вообще отсутствует подобное понятие. У западноевропейца ключевым для самооценки словом является *honor*, то есть «честь». Честь и бесчестие — суть внешнее мерило человеческих деяний, они произрастают из рассудочного «сознания», которое только и интересовало греко-римскую и западноевропейскую культуру. Для русского же человека честь была не слишком в чести. Русские дворяне XVIII и XIX веков, воспитанные на европейский манер, вскормленные французской и английской литературой, наученные французскому и английскому языкам, еще могли заботиться более о чести, чем о совести, но коренной, природный русский человек жил, сверяясь с совестью, а не с честью. И живет так до ныне. Это глубинное различие между русским и западными народами породило множество других расхождений в нашей национальной психологии и наших нравственных законах. Многих русских удивляет врожденное корыстолюбие и стремление к наживе у современных немцев, англичан, французам, итальянцев, а их, в свою очередь, потрясает неразумная щедрость, порой даже безумное бескорыстие русских, и в нищете готовых снять с себя последнюю рубашку и поделиться последним куском. Очевидно, что дело в коренном расхождении взгляда на существо жизни у западных народов и у русского. Западноевропейцу престижность богатства и наживы необходима для возвеличивания его чести, ибо деньги обеспечивали внешние атрибуты чести — уважение окружающих и власть. Поэтому европейская знать охотно предавалась поклонению золотым кумирам роскоши и денег. А вот с русским понятием совести богатство часто входило в противоречие, ибо деньги далеко не всегда приходят праведным путем.

И даже наше русское слово честный, вроде бы происходящее от понятия честь, теснейшим образом связано именно с совестью, ибо честный, с точки зрения русского человека, и это твердят нам все русские словари, есть добросовестный человек, поступающий по совести!

Для русского богатство никогда не было самоцелью, ибо честью он сильно не дорожил, а совесть богатство отягощало. Вот отчего русские поговорки не хвалят богатства, заменяя его понятием достаток, вписывая в законы русской жизни правила: «Богатым быть трудно, а сытым не мудрено», «Будь деньги за богачом, оставался бы хлеб за нами», «Богатый совести не купит, а свою погубит». Вот почему русские так легко расставались с богатством, ведь на этом жизнь не кончалась, а совести дышалось легче: «Есть деньги, так в свайку, нет денег, так в схиму». Служение деньгам у нас, русских, всегда осуждалось:

«Не деньги нас, а мы их нажили», «Лишние деньги — лишняя забота». Трата денег не считалась у нас зазорной, ведь «ста рублей нету, а рубль не деньги», горевать о финансовых потерях у русских вообще не принято: «Деньги не голова, наживное дело».

Русской нескаредностью, щедростью, легкостью расставания с деньгами корыстно пользуются другие, рядом живущие с нами народы. Ограбление народного хозяйства России, мошенническая чубайсовская ваучерная приватизация, обесценивание рубля и акций, гайдаровское обнуление банковских счетов, дефолт 1998 года, сегодняшние нищенские пенсии и зарплаты, которые несоразмерны затраченному труду, — все эти спецоперации по изъятию у населения денежных средств оказываются безнаказанными в том числе благодаря врожденному бескорыстию русских, их неспособности отвоевывать деньги, отсуживать украденное, бунтовать из-за похищенного у них богатства. Там, где немец или француз будет кропотливо и методично засыпать суды исками о возвращении нажитого, русский брезгливо отмахнется от суеты: «деньги не голова, дело наживное».

Во Франции и Бельгии, в Германии и Великобритании многотысячные толпы выходят на улицы протестовать против повышения платы за обучение и проезд, бунтуют против урезания заработной платы, требуют справедливых расценок за произведенную продукцию. Для нашего человека это несущественный, ничтожный повод для бунта, мы, живущие по сравнению с европейцами в голимой нищете, снисходительно называем такое поведение крохоборством и скаредностью. Об этом различии точно свидетельствуют данные социологических опросов в Европе и России. В рамках исследования «Евробарометр-40: бедность и социальная эксклюзия» задавался вопрос: есть ли в вашей местности люди, оказавшиеся в состоянии бедности? В целом по Европе 34 процента респондентов ответили, что таких людей у них нет. Наилучшие показатели были в Дании и Люксембурге — 55 и 54 процента. В России же этот показатель был 4 процента! Но русские, крайняя бедность и нищета среди которых составляют по данным Института социологии РАН за 2010–2011 годы 59 процентов (Российское общество как оно есть. М., 2011 г.), не выходят на улицы и площади во имя живота, даже если он на грани жизни и смерти. Русские видят протест иначе, полагают, что вывалить на улицы и площади стоит только тогда, когда кого-то надо защитить, заступиться, если оскорбляют русские чувства и святыни, если нарушена справедливость, а выпрашивать у правительства гроши на пропитание — низкое занятие для высокой русской души. Именно поэтому у нас до сих пор нет массовых маршей пустых кастрюль, немногочисленны митинги протеста обманутых вкладчиков, дольщиков, участников финансовых пирамид. Русские могут выйти на улицы оскорбленные поруганной справедливостью, но такое чувство надо в себе осознать, накопить великую меру гнева, услышать в душе музыку бунта, и почувствовать, как она звенит в миллионах родных русских душ.

Русский народ никогда не бунтовал ради своего живота и благополучия, и причиной этого является врожденная любовь к правде, именуемая совестью, с которой плохо сопрягаются понятия богатства и наживы. Этим множество раз пользовались наши властители, не понимая, что отложенный в дальний ящик народный гнев, оскорбленность ограбленного и поруганного народа накапливаются в русской душе подобно вулканической лаве, ищущей трещины или

скважины, чтобы сжечь всех обидчиков разом, но уже не за копейку или краюшку хлеба, а за поруганную справедливость — величайшую святыню русского народа.

Русская совесть, как чувство высшей правды зародившаяся в нас с языческих времен, камертоном звеневшая в наших душах во времена христианского тысячелетия, упорно сохранявшаяся в сердцах в век богоборчества, жива в нас до сих пор. Ее носители в России расцениваются как национальное достояние всеми, кто хоть в малости хранит в себе русское чувство. Мы жаждем видеть совесть в искренних писателях, в верующих священниках, в непродавшихся политиках. И свято верим, что рано или поздно в России будет совестливая власть. А во что мы верим свято, того обязательно добиваемся.

//- Своеобразие русского покаяния — //

Русское понятие о грехе, имеющее сегодня исключительно христианскую подоплеку, первоначально развивалось в языческой среде. Само слово грех происходит от глагола греть. Грехи — это деяния и поступки, которые жгли, испепеляли душу и совесть человека, вот отчего так трудно русскому человеку «взять грех на душу», ведь ее недолго тогда и вовсе сжечь. Представление о том, что вина, проступок жгут человеческую душу, свойственно не одному только русскому народу. В латинской языковой культуре грех — *ressatum* выводят из глагола *рессо*, с корнем, родственным нашему русскому глаголу печь, родившему понятие о печали, которая печет, жжет совесть.

Видимо, то, что мы понимаем под грехом в религиозном христианском смысле, как поступок, противный закону Божию, как вина перед Господом, — это вторичное значение данного слова. Первоначально, в язычестве, грех — это вина или преступление, приведшие к беде, напасти, несчастью — «грех да беда на кого не живет». За вину следовало отвечать, платить: «не бойся кнута, а бойся греха», «чья душа в грехе, та и в ответе». Такая расплата с языческих времен у славян именовалась покаянием.

Славянский христианский термин покаяние имеет новозаветное греческое соответствие *μεταποја*, что в греческом буквально означает перемена мышления, духовный переворот. В русском же языке идея слова покаяние совершенно иная. Индоевропейский корень *koj/kaј* отражал физические и нравственные перемены в человеческом существе, и это было не только состояние перехода от сна к бодрствованию, выраженное в словах покой-почить, но и все преобразования, переживания человеческой души также рассматривались в языке как переход — от горя к утешению, от тревоги к успокоению, от гибели к спасению, от беды к радости. Эти состояния переходов выражены в русских поговорках «Не было бы счастья, да несчастье помогло», «Нет худа без добра».

В русском языке до принятия нами христианства подобные трансформации душевных состояний отражались в словах покаяние, каяться, окаянный. Славянский корень *kaі* в таких словах выражал понятия, под которыми славянское языческое племя, род, семья разумели очищение члена племени, рода или семьи от нравственного груза совершенного им преступления — от греха. Глаголы с корнем *kaі*- описывали ритуальные действия, совершаемые над преступником. Грешника окаивали — обвиняли в совершенном преступлении, оглашали его прилюдно, затем его прикаивали — принуждали к ритуалу покаяния, сам ритуал покаяния, вероятно, включал исповедь о совершенном зле, прошение о прощении и наказание. Так преступник раскаивался, очищался от лежавшей на его совести вины. Сохранившиеся в русском языке слова отражали древний ритуал или каятины: *каета* — это порядок ритуальных действий, *кая* или *кайка* — оглашение перед народом своей вины, *кайна* или *цена* — принесение

провинившимся выкупа за совершенное зло, казнь или казнь — кара за преступление. Существующие у нас в языке слова окаянный и неприкаянный как нельзя лучше свидетельствуют о дохристианских ритуалах, через которые проводили окаянных, то есть оглашенных преступниками, и неприкаянных, то есть преступников, избегших ритуала покаяния, но мучимых совестью. Вот откуда древнее выражение «ходить как неприкаянный», оно свидетельствует о том, что издревле не покающийся русский человек не находит себе места, мучимый угрызениями совести, ибо совесть без зубов, а загрызет.

Подобные ритуалы очищения от преступления, вплоть до казни, в древности звучавшей по-славянски как каязнь, существовали у многих индоевропейских народов. Пропась в Спарте, в которую низвергали государственных преступников, именовалась кай-адас. Интересна перекличка реконструированных понятий славянского язычества с индуистской и буддистской традицией очищения от грехов, связанной с горой Кай-лас в Тибете: «Как Земля совершает круг вокруг светила, дающего ей жизнь, так тибетские паломники совершают обход вокруг священной горы Кайлас. Паломники верят, что прошедший 108 кругов вокруг Кайласа гарантированно возродится в Чистых Землях на небесах. Эта гора считается священной многие тысячелетия у всех народностей, проживающих в близлежащих странах». В названии горы в Тибете и в названии пропасти в Спарте присутствует тот же индоевропейский корень kai-, несущий идею покаяния и казни с целью очищения души, совести от грехов.

Ритуал очищения от грехов существовал в дохристианскую эпоху у многих народов, но само очищение понималось разными племенами и расами по-разному. Древние евреи, к примеру, ежегодно возлагали свои прегрешения на козла и отпускали его в пустыню, полагая, что теперь именно этот козел отпущения является носителем всех их зол. Так сформировалась психология народа, который перекладывал свои вины и преступления на других, не испытывая ни мук совести, ни чувства раскаянья. У славян было иначе, здесь каждый человек сам давал ответ за свои преступления, искупал вину, внося выкуп — цену, или получал наказание — казнь. Этот древний ритуал определил психологический тип русского человека, который понимал необходимость покаяния и ответа за все, что совершил злого в жизни. На этом основывается наше русское убеждение, что «за все в жизни нужно платить».

Мы полагаем, что обряд покаяния совершался славянами-язычниками ежегодно, время его исполнения приходилось на начало весны и связано было с обновлением всего живого, пробуждением от смерти к жизни, очищением от всех накопленных за год грехов. Возможно сроки проведения каятин зависели от лунного календаря. Эти наши предположения основаны на том, что языческие представления о ритуале покаяния впитала в себя и сохранила в отдельных фрагментах бытовая обрядность последней страстной седмицы Великого Поста. Сама Страстная неделя, в особенности ее четверг, именуется чистыми, и именно Чистый четверг у русских считается днем обновления всего крестьянского хозяйства на предстоящий год. По поверьям, в этот день в полночь приходит на землю настоящая весна, тогда же годовалым детям первый раз в жизни подстригают волосы, а каждый, кто утром на Чистый четверг легко и рано встал, будет вставать легко весь год. В Чистый четверг сохраняется в русском народе множество водных и огненных ритуалов очищения, которые, как мы полагаем, восходят к обряду ежегодных языческих каятин.

Водные ритуалы проводились и ради жертвоприношения, и ради очищения. Рыболовные артели в России еще в XIX в. именно в Чистый четверг топили в реке старую лошадь, задабривая водяного. В тот же день, в четверг, в крестьянских семьях большуха обязана была опустить в колодец или в только что вынутое из него ведро воды серебряную монету — древний выкуп здоровья, чистоты и прибыли в доме. Водный ритуал совершался также с целью омовения, очищения от всего дурного, исцеления от болезней. В народе полагали, что каждый, кто

искупался в этот день как можно раньше, «прежде ворона», будет здоров. Это поверье в виде требования вымыться в Чистый четверг перед празднованием Светлого Христова Воскресения и убрать дом живо по сей день в каждой христианской семье. Девки с бабами для красоты и долголетия ходили в Чистый четверг окачиваться под куриной насестью, девушки спешили умыться в Чистый четверг пока ворона не закаркала, чтобы «любили хорошие люди».

Огненные ритуалы, сохраненные обрядами Чистого четверга, не в меньшей степени свидетельствуют о некогда существовавших у славян языческих каятинах. Здесь просматриваются осколки обряда жертвоприношения или принесения выкупа — цены за грехи людей. Именно с этим связана вера в языческие «четверговую соль» и «четверговую свечу». Четверговой солью называют соль, которую калят с квасной гущей только в Чистый четверг, она считается целебной и применяется при снятии призоров и колдовства. Соль и квасная гуща (хлебная закваска) — ритуальные хлеб да соль, приносимые когда-то язычниками своим божествам как жертвоприношение, как выкуп за совершенное в течение года зло. Остатки сожженной жертвы — «четверговая соль» — сохранялись как благословение языческих божеств на весь грядущий год. Такова же роль «четверговой свечи», в образе которой совместились языческие и христианские представления о жертвоприношении. Свеча, поставленная в православном храме как образ молитвы к Богу и символ покаяния, в народном представлении сохранила значение оберега от бед и болезней, которую присваивали, по всей видимости, остаткам жертвоприношений в языческом ритуале каятин, приуроченных после принятия христианства к чистому четвергу Великого Поста. Свечу от четверговой всеобщей давали в руки больным или мучающимся родильницам, четверговыми свечами выжигали кресты на потолках и притолоках для изгнания нечисти, а зажженная четверговая свеча, согласно поверьям, предохраняла жителей в грозу от грома и молнии, которые традиционно считались символом кары небесных сил.

В описанных здесь обрядах мы почти не находим того, что можно было бы обозначить древним термином казнь, видимо, умерщвление преступников не было свойственно славяноязычникам. В нашем языке сохранились свидетельства, что преступник обычно изгонялся, извергался из рода и семьи, но не подвергался уничтожению. Таковы слова изгой, изверг и враг, обозначающие людей извергнутых, изгнанных из общины и племени, лишенных помощи рода и средств к существованию. Следы обряда изгнания — казнь преступников в русской общине — сохранялись вплоть до XIX века.

Согласно поверьям, парни и девушки в Чистый четверг с зажженными лучинами, с метлами и кнутами скакали на лошадях по улицам, с шумом и гиканьем, чтобы отвести от селения нечисть, потом в полях ставили две жерди и строили вокруг них тесную изгородь, чтобы нечисть сквозь изгородь не прошла. Мы полагаем, что слово нечисть в древности обозначало тех, кто не прошел обряд покаяния, не очистился от грехов. Осужденные на казнь обществом и изгнанные из семьи, рода и племени, они-то и ходили неприкаянными. Их охаивали, так изменилось в огласовке слово окаять, — ругали и проклинали.

Таковы, на наш взгляд, остатки древнего языческого обряда покаяния, имевшего, по видимому, ритуальное название каятины. Обряд этот после принятия славянами христианства стал вытесняться христианским таинством покаяния, которое состоит в том, что «христианин, искренно и сердечно раскаиваясь в своих грехах и намереваясь исправить свою жизнь, с верою во Христа и надеждою на его милости, излагает устно свои грехи перед священником, который также устно разрешает ему его грехи. При видимом изъявлении прощения священником, кающийся невидимо разрешается самим Христом и снова становится невинным и освященным, как после крещения».

Языческое покаяние у славян естественно сменилось христианским взглядом на очищение

от зла и греха, в результате, слова приняли на себя новые богословско-христианские смыслы. Но в архетипах нашего мышления стойко сохраняется представление о том, что покаяния на исповеди мало для очищения человека от тяжких грехов. Мысль о расплате за большое зло всегда присутствует в русской душе. Эта расплата или искупление вины в нашем представлении если не совершается добровольно исправлением совершенного зла, то приходит через судьбу, исконно понимаемую как Суд Бога.

Психологический склад русского человека, обязанного искупать свои прегрешения, часто оборачивается надрывным самобичеванием «Сам виноват!». Мы в отличие от евреев не склонны перекладывать свою вину на других. Но в противоположность западноевропейцам, доведшим языческую идею выкупа грехов до формальных индульгенций, соединяем древнюю традицию искупления вины с духовной исповедью, что породило русское христианское понятие покаяния — исправление совершенного зла волей и силами самого виновного.

//- Языческие обряды в русском христианстве — //

Принято считать, что языческие обряды на Руси были жестоко уничтожены христианской церковью. Это не так. Купальские и масленичные игрища, святочные и троицкие народные празднества, сохранившие языческую древность: сожжение соломенных чучел Масленицы, прыжки через огонь на Ивана Купалу, хождение ряжеными на святочной неделе по домам и колядование — сохранились на Руси почти в нетронутом виде. Причем христианские великие праздники соединились с языческими ритуальными игрищами, которые не имели ничего общего с богословием Православия, а были терпимы Церковью и сохранялись как милые русскому сердцу забавы и развлечения. В то же время многие языческие ритуалы вошли в официальную христианскую обрядность.

Сакральные обязанности волхвов взяли на себя христианские священники, обращавшиеся к Богу с молебнами об урожае, дожде и прекращении засухи, об исцелении болящих и помощи бедствующим. К ним же перешло освящение дома и хлева, скотины, полученного урожая. О последнем свидетельствуют три августовских Спаса: медовый, яблочный и хлебный, когда в церковь приносится для освящения часть собранного меда, яблок, мука и хлеб. По сути это чисто языческое благодарение Бога. Три Спаса в церковном календаре отмечают разные события церковной истории: в Спас медовый, 14 августа, празднуют изнесение Животворящего Креста Господня, в Спас яблочный, 19 августа, величается Преображение Господа Иисуса Христа на горе Фавор, 29 августа, в Спас хлебный и ореховый, поминается перенесение в Константинополь нерукотворного образа Господа Иисуса Христа. Но в народной памяти эти дни соединяются с жертвоприношением плодов земных Всемилостивому Богу за его помощь и покровительство в земледелии — истинно языческий ритуал. К языческой традиции восходит и украшение христианских храмов елями на Рождество и березами на Троицу. Отголоскам древних культов поклонения природе и дереву жизни радуются равно сердца христиан и язычников. Причем мы с детских лет привыкаем смотреть на убранство деревьев в эти праздники как на священнодействие, и, будучи взрослыми, ждем чуда и воспитываем в этой прекрасной традиции своих детей.

В христианские обряды вошли и языческие ритуалы погребения покойных. Языческое причитание заменилось отпеванием, но плаканье сохранилось в народной среде практически повсеместно. Христианская церковь узаконила и тризну — языческую обрядовую поминальную трапезу, на которой для покойного ставились чаша с водой и поминальный блин, замененные в новое время рюмкой водки, накрытой краюшкой хлеба. Церковь сохранила обычай выноса тела

вперед ногами, чтобы, по поверьям язычников, покойный заметал свой след волосами и дух его не мог потом найти дорогу назад. Для этой же, языческой по сути, цели родные покойного должны бросать комья земли в могилу на гроб, как окончательное без возврата прощание с ним. Даже завешивание зеркал в доме, чтобы дух покойного не зацепился за свое отражение, — это сохраненный доныне языческий обычай, с которым никто из христианских миссионеров и не думал бороться.

В современном свадебном ритуале присутствуют языческие обычаи осыпания молодых хмелем и деньгами, и хождение жениха и невесты по расстеленному полотенцу — символической дороге жизни. До сих пор на русском свадебном пиру молодых сажают на вывернутую мехом наружу медвежью шубу для богатой и обильной жизни, а это остаток древней веры славян в покровительство языческого тотема — медведя. Вкушение молодыми ритуальных хлеба-соли, подносимых старшим в роду, — тоже наследие язычества. Христианское в свадебном обряде — только венчание. Языческая народная традиция беспрепятственно бытовала и по сию пору сохраняется в среде русских христиан составляет красивейшую часть свадьбы.

В христианской обрядности обрели свое место языческие культы огня и воды, древняя вера в их очищающую силу. Культ огня вошел в церковь в виде обычая возжигания свечей и лампад, освящающих всякое действие христиан в храмах и предохраняющих от нечистой силы. Культ воды преобразился в христианские ритуалы водосвятия, паломничества к святым источникам, лечения святой водой.

Празднования святым соединились с днями особого поклонения языческим богам. Так день Ивана Купала (Купало — это не языческое божество, как сегодня нас убеждают, а буквальный славянский перевод греческого наименования Иоанна Крестителя) совпал с ритуалом очищения огнем в честь солнечного божества Даждьбога. Празднования громовику Перуну преобразились в день святого Ильи Пророка, по убеждению народному ездившему на колеснице по небу и пускающему по свету грома и молнии. Христианское почитание святых икон удивительным образом заместило собой обычай поклонения языческим божествам. Культ богинь-рожаниц заместился поклонением Богородице, молитвами которой обеспечивался благополучный исход родов, к Матери Божьей обращались также с просьбой о даровании урожая и приплода скота. Многочисленность чудотворных богородичных икон, которым поклоняются на Руси, архитипически заместила собой сонмище рожаниц, бывших, по представлениям русичей, покровительницами материнства и жизненного изобилия. Именно этим, на наш взгляд, объясняется не объяснимый с точки зрения рационализма факт разнообразного почитания различных типов икон Богородицы — Иверской, Державной, Владимирской, Федоровской, Толгской, Казанской, Троеручицы, Утоли Моя Печали, Всецарицы, Всех Скорбящих Радости, и множества других, к каждой из которых христиане обращаются с особыми прошениями: исцелить от слепоты — к Казанской, помочь в родах — к Федоровской, спасти от рака — к Всецарице. Божия Мать представляла в различных спасительных образах и тем самым являла зримое всемогущество, укрепляемое священной полуязыческой верой русского народа в чудо и помощь Божию по молитвам Богородицы.

Языческое поклонение сезонным переменам природы было включено в христианский народный календарь, где уже христианские святые, а не языческие божества покровительствовали хозяйственным делам и урожаю, где они же становились наблюдателями за доброй и худой для урожая и скота погодой. Именинами лошадей считался день святых Фрола и Лавра, скот освящался в день св. Власия, которого прозывали «скотий бог», за ним таятся отголоски культа языческого божества Волоса. Домашняя птица освящалась на Благовещение, а пчелы — в день святых Зосимы и Савватия. Освящение деревьев было приурочено к Великому

посту — вербосвятие. За иными святыми закрепились погодные приметы: Василий-капельник — 13 марта, Авдотья — замочи подол — 14 марта, Федул-ветреник — 18 апреля, Спиридон-солнцеворот — 25 декабря. Со святыми связывали дни сельскохозяйственных работ: Семен-ранопашец — 10 мая, Федор-житник — 29 мая, Федот-овсяник — 31 мая, Фалалей-огуречник — 2 июня, Акулина-гречишница — 26 июня.

Великую мудрость проявили христианские вероучители, не отталкивая от церкви все, что было близко-дорого и привычно народу, в жизнь которого входила новая религия. В русском народе остались жить такие факты язычества, как вера в приметы, стремление отчураться («чур меня!») или оградиться от сглаза и нечистой силы («тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить»), привычное нам «застучим по дереву»..

О том, как преобразились языческие обрядовые названия в христианской культуре, могут свидетельствовать слова чаровать и молить. Слово чаровать выдает свой исходный смысл корнем, восходящим к чаре. Древние скульптурные изваяния, находимые археологами в курганах и могильниках, в языческих городищах и на капищах, часто имеют облик женщины, сидящей над чарой, чашкой. Наговор на воду до сих пор является живой практикой колдовства. Ритуал языческого священнодействия с водой, по-видимому, именовался словом чаровать, священнодействовать над чарой. Этот смысл слова в осколках сохранился в языке, обозначая действие сверхъестественных сил, применяемых чародеем для воздействия на других людей.

Совсем иначе сложилась судьба слов молить и молитва. Согласно словарю русских народных говоров молить значит «резать, убивать, приносить в жертву», а слова молина, моленник обозначают ритуальные кушанья, пироги, они пеклись на святые праздники, и над ними читались молитвы. В свадебных обрядах моленник — это пшеничный хлеб с украшениями, которым благословляли новобрачных. Молить в русских народных говорах означало устраивать совместную обрядовую трапезу: молить кашу, молить пасху, молить корову. Молитвой именовалась поминальная пища, кутья, печеный ягненок на домашнем празднике в честь святого покровителя. По всей вероятности, у слов с корнем мол-молить и молоть изначально был общий смысл разделять, измельчать, — слова одного исконного корня. Значит, молитва это нечто отделенное от целого — урожая, приплода скота, — ради жертвы божествам при совершении обрядовых действий в языческие времена. По-видимому, существование у слова молить значения убивать, резать жертвенное животное является наследием язычества.

Так что у современных христианских слов молить, молитва прежде существовало древнее исходное начало — языческое жертвоприношение. Затем и слова, произносимые при жертвоприношении и обращенные к божествам, тоже стали именоваться глаголом молить. Именно в этом смысле слово перешло к христианам для именованья богообщения, для произнесения христианской молитвы, в которой отсутствовали всякие следы древних языческих жертвоприношений. Вот такая получается цепочка: сначала молить — это отделять нечто от своих богатств для жертвы языческому божеству, затем — ритуальные действия, связанные с подобным жертвоприношением, и, наконец, молитва — это слова, обращенные к божеству при совершении жертвы. Таков окончательный смысл слова молитва. Молитва вошла в христианский богослужебный чин как особое название для богообщения.

Соединение славянской языческой картины мира с христианским мировоззрением породило удивительное явление, именуемое Русским Православием. Своеобразие русского православного взгляда на мир в отличие от других христианских культур составляют совестливость и душевность, вера в благой промысел судьбы и отсутствие страха смерти, истовое поклонение святыням и терпеливое ожидание чуда, спрос за прегрешения с самих себя и готовность покаянно искупить содеянное зло. И главное, чем восхищает иные народы Русское Православие, — радостная устремленность к Богу, созерцаемому русскими как Источник света,

истины и любви, а не как грозный Судия и Отмститель. Все это дал нам сплав смыслов нашего родного наречия, хранящего языческую древность в своих корнях, и христианских догматов, что на протяжении тысячи минувших лет были усвоены русским народом из богослужений и Евангелия.

Обращаясь к тягчайшим вопросам нашего времени — гибели народа выморочными, иссушающими нацию темпами, — мы повсюду находим даже у осознающих национальную катастрофу русских людей расслабление духа и воли, сумятицу в головах, смятение в душах. И что всего горше, расслаблению и обезволиванию подвержены русские православные люди, казалось бы, неустрашимые и всесильные Верой во Христа Господа, осознающие неизбежность Страшного Суда, перед которым все иные страхи — ничто.

Вникая в истоки нынешней православной «зачарованности» и бессилия, что не позволяют ныне русским людям отстоять свое Отечество от нового нашествия двенадцати языков и духовного жидовского ига, явственно видишь попытку врага рода человеческого замутить, исказить исконные представления русских о вере и своем долге по отношению к Господу и России. Замутнение и искажение Веры началось с малого — с перемены значений русских и славянских слов, обозначавших ключевые понятия русского православного сознания. Восстановим исконные смыслы и вернем себе тот воистину Дух воинства Христова, вдохновлявший более тысячи лет наших предков строить и защищать Великую Русскую Православную Державу, именуемую Россией.

// - Иудеохристианство под маской православия — //

Первые христиане — апостолы — получили учение от Самого Господа Иисуса Христа.

Это учение было воплощено в Четвероевангелии и передано всем христианам. Поэтому вслед за Отцами Церкви мы можем с уверенностью полагать Евангелие своим духовником, и в случае, когда вблизи нет мудрого священника, не скорбеть об отсутствии учителя, ведь Священное Писание и слова Самого Господа всегда перед глазами. Другое дело, что читать Евангелие трудно, оно бескомпромиссно утверждает для нас такие правила и принципы жизни, которые не всякий в силах понести. Батюшка же свой, родной, жалостливый, да и сам не совершен сый, всегда войдет в положение слабого духом «пасомого», оправдает грешника, утешит, убаюкает его больную совесть. Так множество людей годами ходят в Церковь, исповедуются, причащаются, в глаза не видев слов Евангелия, даже не представляя, какие жесткие требования хранит оно в себе. Разумеется на службах они слышат «Святого Евангелия чтение» и затем в священнических проповедях внимают истолкованию этих чтений. Только вот не всякий священник хочет поднимать на проповедях вопросы, которые слишком суровы для паствы и могут отпугнуть человека, не готового к духовной борьбе в силу его природных слабостей и мирского воспитания. А Евангелие — Оно зовет на борьбу со злом, Господь призывает быть воином Христовым. На литургии нам об этом напоминают: «Блаженни слышащий слово Божие и творящий е». Отец Паисий Святогорец очень точно приложил эти слова к нашим современникам: «Православно думать легко, но для того, чтобы православно жить, необходим труд... Цель в том, чтобы православно жить, а не просто православно говорить или писать» (Старец Паисий Святогорец. Духовное пробуждение. М., 2007, стр. 73).

Нас ныне атакуют идеей единства иудаизма и христианства, настаивают, что иудеи — старшие братья христиан, их Тора (весь Ветхий Завет без изъятия) является священной книгой православных. Все чаще христианство пытаются именовать иудеохристианством, изымая из нашей Православной Веры то, что непримиримо разводит религию иудаизма с христианством, прежде всего Евангельские тексты, где Господь Иисус Христос выносит приговор еврейскому

народу, где говорится о крестных страданиях Господа от иудеев и о Его Распятии жидами. Православные христиане сознают невозможность соединения иудеев и христиан, ведь оно неизбежно ведет к попранию христианских святынь. Иудеи, как известно из их главной книги — Талмуда, обязаны проклинать Господа Иисуса Христа, поносят Божию Матерь, а неиудеев полагать равными животным. По сути же иудеохристианство никакое не христианство, а откровенный иудаизм, приспособленный для христиан. В этой «версии» иудаизма для нас убеждают в том, что иудеи — наши «старшие» братья по вере, нас принуждают признавать иудеев богоизбранным народом, не утратившим своей избранности, и смиряться перед злом, которое они несут христианским народам, а также чтить весь Ветхий Завет как книги Священного Писания.

Так отнесемся же к Евангелию как к своему духовнику, будем читать его так, как полагается христианину, по главке, по кусочку, будто каждый день ходим за советом к старцу; будем постигать Евангелие шаг за шагом, обдумывая, соизмеряя со своей немощной совестью, укрепляя и воспитывая ее, буквально воспитывая, напитывая свою душу Евангелием, — вот когда начинается подлинный труд и подлинное духовное взросление. И никто не сможет нас тогда убедить в истинности так называемого иудео-христианства.

// - О сопротивлении злу силой — //

Отче наш, — обращаемся мы в данной нам в Евангелии молитве Господней к Богу, удостоенные чести называть Его своим Отцом.

Отче наш, Иже еси на небесех, — так христианин исповедует свою непреложную Веру в Бога Истинного, которая потому и Верой именуется, что не требует доказательств.

Да святится Имя Твое, — любовь выражена в этих словах, приносящих славу Имени Божьему.

Да придет Царствие Твое, — надежда на спасение душ наших. У слова надежда есть удивительный древний смысл. Как одежда — покров телу, так надежда — Божий покров человеческой души, без которого не выжить.

Да будет Воля Твоя, яко на небеси и на земли, — премудрость Божия превозносится в этих словах — коренных словах Господней молитвы, и что очень важно — когда мы молимся о воле Божией на земле, как на небе, тем самым полагаем себя орудием этой воли, не пассивными созерцателями творимого на земле зла, а поборниками Божьей правды, без которой мир погибнет.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь, — выражаем мы верность добродетели воздержания — христианскому аскетизму.

И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим, — сказано о нашем долге покаяния, искупления своих грехов и готовности прощать грехи ближнего.

И не введи нас во искушение, — христианин оглашает свою твердость стояния в Вере, свою готовность добровольно нести свой крест, ибо вольно следующему за Господом не требуется искушений, то есть испытаний, ведь искушать значит пробовать, испытывать. Прощение: Не введи нас в искушение, Господи, означает, что мы и так уже, без проб и испытаний, несем крест свой вслед за Христом. Если же встречаем искушения в жизни, не в знак ли того, что уклоняемся от креста своего?

Но избави насъ от лукаваго, — а кто назван лукавым в Молитве Господней? Русский язык придал этому слову игривый, нестрашный смысл. Хотя лукавый — имя сатаны, в слове лукавый выражена идея искривления прямого пути к Господу. Корень слова — лук- есть в русских словах

излучина (поворот реки), лук (изогнутое оружие). И мы просим Бога в последних словах молитвы Господней избавить нас от сатаны, кривителя нашего пути к Богу.

Для нас, православных, молитва Отче наш является исповеданием нашей Веры в Бога, утверждением нашего долга отстаивать правду на земле, именно отстаивать, то есть непримиримо воевать со злом. Так почему же сегодня Православное христианство в России предстает в облике эдакой овечьей уступчивости, с помощью которой, как уверяют нас, только и можно победить зло. В подтверждение обычно приводят слова Господа Иисуса Христа: «Аз же глаголю вам не противитися злу. Но аще ты кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую» (Мф.5, 39). Почемуто эти слова выдаются за единственно верный закон жизни христианина, а сопротивление злу силой рассматривают чуть ли не как покушение на Божьи Заповеди. И у человека, ищущего Веры, стремящегося справедливость водворить в своей земной жизни, возникает естественное недоумение — ведь повелением «подставить щеку» его призывают уступать дорогу злу. А что такое душа, привыкшая все время уступать дьявольскому вражьему натиску? Это душа без силы творить добро. Это душа без воли следовать за Господом. Не христианин — пустое место!

В подспорье идее непротивления злу обычно приводят и другие слова Господа Иисуса Христа своему ученику, кинувшемуся с мечом на пришедших иудеев: «Возврати меч свой в место его. Все бо приемшии меч, мечем погибнут» (Мф. 26, 52). Толкуют так, что у православного руки опускаются в бессилии. Заглянем в Толковую Библию, читаем: «Христос, произнося свои слова, запретил всем людям иметь меч и употреблять его в качестве защиты или производства насилия». Перед нами пример наглой лжи, дьявольски расчетливо нацеленной на обессиливание, обезволивание христиан, на воспитание из них покорного стада для будущего пастуха — Антихриста.

Ложь в том, что слово приемшии, а еще в этом чтении встречается и слово взявшии, по церковнославянски и порусски не означают просто взять, они означают взять первым, начать. Сравним русское выражение приняться за дело, взяться за дело, которое значат начать работу. Греческое слово, соответствующее этим славянским словам, в оригинале Евангельского текста имеет такое же значение — поднять оружие первым. Вот и приемший меч — тот, кто взял его первым, напавший с оружием, и такой человек, по слову Господа и по свидетельству нашей истории, непременно от меча и погибает. Бог не дает победы агрессору. Русская пословица в подтверждение Евангельских слов гласит «На начинающего — Бог».

Правда же в том, что Господь запретил нам такое противление злу силой, которое выступает как личная месть нашему личному врагу. Врагам же Божиим и врагам Отечества — силе сатанинской — не противиться есть грех великий, ибо это нарушает две главные заповеди Христовы: заповедь любви к Богу и заповедь любви к ближнему. Евангельские слова об оружии и вооруженном сопротивлении злу намеренно замалчиваются сегодня, хотя они-то как раз и являются для нас законом противодействия врагам именно силой. Накануне смертных Своих Страданий Господь Иисус Христос заповедует ученикам быть готовыми к тяжелым временам без Него на земле, и непременно вооружаться, и у кого нет денег «да продаст ризу свою и купит нож» (Лк. 22, 36). И пусть никто не смеет перетолковывать буквального смысла этой святой непреложной для всякого христианина заповеди! Вооруженная героическая борьба, против христоненавистников и богоборцев освящена Самим Господом.

Наше Русское Православие искони понимало необходимость меча, разящего врагов Божиих. Потому и первый из Архангелов Михаил предстает на иконах вооруженным мечом, воюющим. Потому и народ наш взял в герб свой Святого Георгия Победоносца в образе воина, ожесточенно сражающегося с драконом. Наши благоверные князья Александр Невский, Дмитрий Донской, святой воин Илья Муромец, святой флотоводец Феодор Ушаков, шедшие против врагов

Отечества огнем и мечом, прославлены во святых не за кротость и смирение перед агрессорами, но за священную решимость побивать врага. Не только города Святой Православной Руси, но и монастыри русские, их насельники, постриженные в ангельский образ, становились, подобно воинственному Архангелу Михаилу, оплотом истребления вражьих сил, как это было в Смутное время, когда Свято-Троицкая Сергиева обитель продержалась в польской осаде 15-тысячного войска год и три месяца (!), потеряв две трети своего воинского монашеского гарнизона.

Крест и меч, милосердие и мужество составляют монолит Православной Веры, который сегодня стремятся расколоть, расшатать, разрушить, обезоруживая христиан хитроумными разглагольствованиями, убеждая их в пагубности воинского подвига для христианской души.

Излюбленная тема псевдохристианских проповедников о мире всего мира, ради которого нас опять-таки призывают не прикасаться к оружию, стать толерантно вежливыми, улыбочиво единомысленными — ведь это же ради мира на земле! — со всеми врагами Христа и нашего Отечества. Да разве единомыслие всегда одинаково благо? По слову Иоанна Златоуста «и разбойники между собой бывают согласны». Но лишь тогда «по-настоящему водворяется мир, — утверждает святитель Иоанн, — когда враждебное отделяется».

Христос жестко полагает перед нами свое слово именно о разделении, а не единении мира. Господь предупреждает нас: «Приидох воврещи не мир, но меч» (Мф.10,34). Меч — по-славянски значит рассекающий, разделяющий добро и зло, творящий насилие властью, Богом данной, меч, водворяющий добро на земле и поражающий злону, — вот священное оружие православных. «Ведь и врач, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — тогда спасает прочие части тела, когда отсекает от него неизлечимый член». Только поразив огнем и мечом врагов Господа, выгнав со своей земли врагов Отечества, мы водворим подлинный мир в России, только тогда можем стяжать истинно дух мирен, спасая тысячи и тысячи наших ближних, православных братьев, христианской уступчивостью и любовью.

// - Не всякая власть от Бога! — //

Сегодня многих русских, осознающих, что над Россией властвует иноверческое иудейское иго, пожирающее русский народ, смущает и останавливает в их праведном гневе и мужественном сопротивлении расхожая христианская формула со ссылкой на апостола Павла «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13, 1–3). Вот так, дескать, что заслужили, то и послал Господь, теперь терпите. И противятся этому люди православные всей душой, и понимают, что слова эти против здравого смысла и даже простейшего инстинкта самосохранения, и сознают, что покорство властям, убивающим и растлевающим наших детей, это самоубийственное безумие, а вот терпят. Бог-де велел.

Разрушительное для нашего сознания правило это всего лишь неправильный русский перевод Св. Писания, перевод, лукаво подсунутый нам как фундамент наших православных воззрений на власть и государство, внедренный давно, в пору масонских переложений Св. Писания на русский язык Библейским Обществом в XIX веке.

Давайте по первоисточнику, церковнославянскому тексту Нового Завета, восстановим действительный взгляд Православия на власть. У апостола Павла в Послании к Римлянам дается формула, которая по-русски обычно переводится так: «Нет власти не от Бога», или еще более обобщенно: «Вся власть от Бога». На этом и зиждется ложное предписание якобы христианской покорности любым властям — безбожным, богоборческим, иноверным, губящим народы. Но

ведь в церковнославянском тексте не так сказано. Здесь изречено «Несть власть, аще не оть Бога, сущия же власти оть Бога учинены суть», что означает буквально «Не власть, если не от Бога», то есть не признается властью власть, если она не от Бога. Подлинные власти от Бога учреждены! Слово сущий здесь означает именно подлинный, истинный, настоящий, сравните старинное русское выражение «сущая правда». И греческий текст-первоисточник имеет точно такой же смысл и точно такую же подчеркивающую важность условия форму — если.

Следовательно, не всякая власть от Бога и не всякой власти следует покоряться, а только власти, учрежденной Богом, христианской, а потому подлинной. И только противление таким властям считает святой апостол Павел противлением Божьему повелению. Таково исконное представление Православия об отношении к власти, а будь оно иным, то никогда бы русские не одолели ни ига татарского, ни натиска польского, ни нашествия французского, ни вторжения немецкого. Это же православное неприятие антихристианской богоборческой и руссконенавистнической власти должно одушевлять нас и ныне на восстановление в России власти христианской, православной, подлинной власти, от Бога установленной.

Православное сопротивление безбожной власти благословляется Господом, уничтожившим страх перед властителями: Егда же приведут вы на сборища и власти и владычества, не пещытеся, како или что отвещаете или что речете: Святыи бо дух научит вы в той час, яже подобает рещи (Лк. 12, 11). Это и по сей день остается непреложным правилом православного человека, для которого служение Богу безусловно выше служения властям. И действует он так, как поступали св. Апостолы, преследуемые гонителями от власти. Об апостолах Петре и Иоанне в книге Деяний святых апостолов рассказывается, что тогдашние власти призвали их и велели не проповедовать Имя Христово, на что святые апостолы отвечали Аще праведно есть пред Богом вас послушати паче нежели Бога.

Русская Православная Церковь всегда следовала этим заветам. Вот слово о власти св. при. Иосифа Волоцкого, победителя ереси жидовствующих: «Царь есть Божий слуга, для милости и наказания людей. Если же царь царствует над людьми, а над ним самим царствуют скверные страсти и грехи: сребролюбие и гнев, лукавство и неправда, гордость и ярость, злее же всего неверие и хула, такой царь — не Божий слуга, но дьявол, и не царь, но мучитель. И ты не слушай царя или князя, склоняющего тебя к нечестию или лукавству, даже если он будет мучить тебя или угрожать смертью. Этому учат нас пророки, апостолы и все мученики, убиенные нечестивыми царями, но не покорившиеся их повелению. Вот как подобает служить царям и князьям» («Просветитель», Слово седьмое).

Эти слова на Руси не расходились с делом. Св. при. Сергей Радонежский благословил св. князя Дмитрия Донского сражаться против ордынской власти, а св. при. Иринарх Переяславльский призвал к себе князя Дмитрия Пожарского и обещал Божью помощь в изгнании польской власти из Кремля. Уже в XX веке св. патриарх Тихон, как св. Гермоген в польско-литовскую интервенцию, рассылает народу призыв к сопротивлению большевистской власти: «Скажи народу, что если они не объединятся и не возьмут Москву опять с оружием, то мы погибнем, и Святая Русь погибнет с нами». К сопротивлению безбожным большевистским властям призывал тогда и архиепископ Андроник, священномученик Пермский, впоследствии замученный большевиками: «Умоляю всякого русского, кто еще хоть малость сохранил Веру в Бога и любовь к многострадальной и погибающей Родине, умоляю всякого встать на защиту Церкви и России». На допросе священномученик Андроник лишь одно сказал чекистам: «Мы враги открытые, примирения между нами не может быть. Если бы не был я архипастырем и была необходимость решать вашу участь, то я, приняв грех на себя, приказал бы вас повесить немедленно».

Святители Гермоген, Тихон, Андроник противились властям инородным, иноверным,

безбожным и за то обрели от Господа венцы мученичества. Так почему же, имея в нашей Церкви великие примеры стояния в Вере к Господу и любви к нации, мы должны мириться сегодня с властью чужеродных безбожных властителей?!

В годы большевистских гонений дана была молитва о спасении России: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, прости беззакония наша. Молитвами Пречистыя Твоя Матере спаси страждущия русския люди от ига безбожных власти. Аминь».

Возможно ли было молиться об этом нашим предкам, если бы они верили, что коммунистическая власть — от Бога? А как быть тогда с властью антихриста, его, стало быть, тоже придется признать «божьим слугой»? А ведь нас и готовят покориться власти антихриста, и обосновывают это изо всех сил при помощи лжетолкований. Да не будет! Будем помнить подлинные слова св. ап. Павла «Несть власть, аще не от Бога», что значит — «Не власть, если не от Бога». И будем действовать сообразно этим словам.

//- Есть и эллины и иудеи! — //

Сегодня принято объяснять православным, ссылаясь на св. апостола Павла, что христианство уничтожает национальные различия, что, дескать, во Христе нет ни эллина, ни иудея. Но вот как звучат эти слова у самого святого апостола Павла: Все бо вы сынове Божии есте верою о Христе Иисусе. Елицы бо во Христа крестистесь, во Христа облекостесь.

Несть иудей, ни эллинъ, несть рабъ, ни свободъ, несть мужеский пол, ни женский, вси бо вы едино есте о Христе Иисусе (Гал. 3, 27).

Как видите, напрасно нас убеждают, что эти слова апостола о том, что Господь Иисус Христос отменил понятие о народах. Тогда он отменил социальные различия — «несть ни раб, ни свободъ», тогда надо говорить и об отмене различий между мужчинами и женщинами — «несть мужеский пол, ни женский». Апостол же Павел говорит только о том, что через Христа могут быть спасены все народы, независимо от того, пребывали ли они в иудействе или в язычестве (именно язычники именовались эллинами), что Христом спасутся люди всякого социального положения, как мужчины, так и женщины.

Наш же инстинкт национального самосохранения через усиленную пропаганду извращенного понимания апостольских слов сегодня крепко связан, просто скован так называемым христианским интернационализмом. Напрочь отбито у русских людей исконное чутье к своим врагам, природный инстинкт, который не чужд даже овце и заставляет ее держаться своего родного стада и слушаться вожака, чтобы не попасть волку в зубы. Призывы к восстановлению русского национального самосознания, русского православного воинского духа часто пресекаются категоричным возражением хитроумных богословов, что-де апостол Павел утверждал, что во Христе нет ни эллина, ни иудея.

Но, повторим, святой апостол говорил, что для язычника-эллина и еврея-иудея, для них открыт путь ко Христу! Православное же христианство всегда мыслило именно этническими категориями. Оно никогда не было тиглем, переплавлявшим народы в единую безнациональную массу, напротив, оно противилось этому, предвидя, что безнациональные человеческие массы легко покорятся царству Антихриста. Загляните в Священное Писание. Псалтырь глаголет: Воцарися Бог над языки (Пс. 46, 9). Евангелие гласит: И на имя Его языцы уповати имут (Мф. 12, 21). К народам обращены в истории и Божий гнев, и Божия любовь, и Божие попеченье. Народ — это Божье стадо, одухотворенное Верой, соединенное наследственностью, наделенное языком. Но все социальные теории, когда-либо проникавшие в Россию, нацеливались на одно — на разрушение русского национального единения. Интернационализм коммунистический

сражается за классовые ценности, терзая нацию в клочки воюющих классов. Интернационализм демократический ратует за общечеловеческие ценности, растворяя нацию в кипящем вареве общечеловеков. И вот теперь, когда очевиден губительный смысл этих теорий, нас пытаются приручить мнимым христианским интернационализмом, который внушает русским уничтожение перед другими народами. При этом намеренно забывают, что Спаситель учил различать народы враждебные и дружественные Ему: И соберутся пред Ним вси языци, и разлучит их друг от друга, яко же пастырь разлучает овцы от козлищ (Мф. 25, 32). Все постановления Церкви шли в согласии со Словом Господа. По второму правилу IV Вселенского Собора христианам нельзя лечиться у евреев и принимать от них подарки. Мера благоразумно защитительная от целого народа, признанного христианами богоотверженным согласно Христовой заповеди о нем в Евангелии: Вы отца вашего дьявола есте, и похоти отца вашего хотите творити (Ии. 8, 44).

Русское Православие всегда различало народы враждебные и дружественные христианской Истине. Оно устами митрополита Илариона благословляло рассеяние иудеев: «И рассеяны были иудеи, да не вкупе злое пребывает» (1051 год). Русское Православие словом Серапиона, епископа Владимирского, обличало монголо-татарских завоевателей: «И навел на нас Господь язык немилостив, язык лют, язык, не щадящий красоты юных, язык, не жалеющий возраста детей.» (1223 год). Русское Православие грамотами патриарха Гермогена призывало русских «держаться на кровь», «идти на литовских людей» (1610 год), оно словом святого праведного Иоанна Кронштадтского предупреждало: «Помните, не будет самодержавия — не будет России, заберут власть евреи, которые сильно ненавидят нас» (1908 год).

Но почему теперь мы не слышим от наших святителей подобных слов, ведь в России еще в 1998 году смертность достигла уровня смертности страны, ведущей боевые действия, и с той поры гибель народа только возрастает, и виновники этой гибели:

Ельцин, Чубайс, Гайдар, Абрамович, Кириенко, Березовский, Путин, Фрадков, Медведев — несть им числа — люди не русские.

Нам затыкают рты тем, что, дескать, нет для православных ни эллина, ни иудея. И вот уже митрополит Кирилл на Всемирном Русском соборе озвучивает убийственную сегодня для русских идею, цитирую: «В глубине наш русский народ никогда не разделял нетерпимость к другим народам. Наш русский народ был готов подобно Христу проявлять свое истощение (кенесис) ради других народов». Знаете, что такое истощение? Это опустошение, когда оболочка вроде бы есть, есть имя русские, есть какие-то люди, еще не чурающиеся этого имени, а силы в них нет, нет жизни, нет будущего. Добровольное истощение — страшный приговор! Да еще утверждаемый иерархом Церкви от священного имени Господа. Это означает, что мы должны считать нормальным, когда на наших глазах чужеземцы вытачивают кровь из наших родителей, из наших детей, а мы должны молчать, полагая свое молчание христианским долгом проявлять свое истощение перед другими народами. Воистину опасен тот пастух, который волку друг. О ком же пекутся такие пастыри — о сытости волков или о целостности стада?

Православное учение обязывает русского человека стоять именно «за други своя», за православных братьев до смерти. Во все века русской истории христианин-воин исповедовал принцип: «Смерть в бою — дело Божье». И если задуматься, каков должен быть русский человек — носитель православного воинского духа, то вот перед нами череда исторических примеров и образцов для подражания. Святой благоверный князь Александр Невский, названный в народе Солнцем Земли Русской и изображаемый на иконах с мечом, святой благоверный князь Дмитрий Донской, другой наш святой меченосец Феодор Ушаков, морской адмирал, заповедавший: «Врагов не считать надо, их надо уничтожать». Святой-великомученик Николай Второй, Царь великой воли и мужества, вопреки утверждению иудеев, совсем не исповедывавший терпения и смирения перед врагами Отечества. Что в них, помимо

безупречной нравственности и высокой религиозности, удостоено почитания народного? Твердая воля и готовность дать отпор всем врагам Православия и русского народа, в котором единственно и сохранялась нерушимо Православная Вера.

Вдумайтесь в смысл русского христианского национализма защищать русскую нацию от гибели значит прежде всего защищать Православие, только среди русских бытующее еще неповрежденным. Сойдет русский народ с исторической сцены, и не станет живительной среды для Православного христианства. Потому святых воителей Земли Русской и отличала всегда любовь к искренним своим, людям кровно одного корня, вскормленным из одного духовного источника.

Приходится признать, что прежним русским героям было несравненно легче, чем нынешним, ведь Русская Православная Церковь благословляла их на меч за други своя. Ныне же нас призывают к истощению, то есть к национальному самоубийству.

Истощение русского народа — это истощение Православия. Не станет русских на земле — не станет в мире последнего оплота Православия. Вот в чем религиозный мистический смысл спасения русской нации от окончательного ее истребления иноверцами и инородцами.

// - О книжниках и фарисеях — //

Понятие «фарисей» прочно вошло и в русский язык, и в русскую культуру. Даже не читавшие Евангелия люди знают, что это синоним притворщика и лицемера, человека, примеряющего себе «чужие лица» и скрывающего при этом свое подлинное лицо. Истоки фарисейства лежат в иудаизме, в религиозных верованиях и обрядовых представлениях еврейского народа, которые обличил и отверг, пришед на землю, Господь Иисус Христос. Суть фарисейского духа в том, что из религии изымается стержень искренности, поклонение Богу превращается в пустой обряд, в холодный ритуал с дотошным выполнением мелочей без горячей молитвы, следовательно, без подлинной Веры.

Господь жестко посрамил книжников и фарисеев, слова Его из Евангелий от Матфея, Марка, Луки стали нашим руководством в отношении к иудеям, не принявшим Господа и распявшим Его, в отношении к нашим собственным православным церковнослужителям и мирянам, к тем, кто по неверию своему принимают дух фарисейства, фактически — жидовства.

Господь начинает свою речь словами На Моисеевом седалищи седиша книжници и фарисее (Мф. 23, 1), обличая книжников и фарисеев, что они самовольно заняли место пророка Моисея и присвоили себе исключительное право учить народ еврейский Закону Божию, истолковывать смысл этого закона, выдавать свои собственные измышления за божественные установления. Как эти слова актуальны для нас сейчас! когда наши сегодняшние «книжники и фарисеи» втолковывают нам, что вся власть от Бога или что священноначалие непогрешимо. От гордынного желания навязать свой закон вместо Христова учения пало католичество, неужели и мы идем по тому же пути?

В другом обличал фарисеев Господь, что не выполняют они того, чего сами со ссылкой на закон Божий требуют от народа. Книжники и фарисеи связуют бо бремена тяжка и бедне носима, и возлагают на плеща человека: перстом же своим не хотят двигнути их (Мф. 23, 4). Это тоже нам знакомо — требование исполнения многочисленных обрядовых мелочей часто вытесняет в нашей Вере искренний молитвенный настрой, вычитыванием правил заменяется покаянный вздох из глубины души. А принятие на себя показного благочестия порождает в человеке необузданное стремление повелевать другими. В то время как эти другие зачастую сами с готовностью склоняют свою выю под их иго, особо подчеркивая: мы рабы — Божии.

Не на пустом месте враги Православия клеймят нас рабами, а Веру нашу издевательски именуют «религией рабов». И мы не спорим, покорно, рабски соглашаемся, да, да, рабы, но Божии! Однако раб Божий — лишь первая, самая малая ступенька на пути к Вере. Разумеется под этим, по слову аввы Дорофея, «если кто уклоняется от зла по страху наказания, как раб, боящийся господина». Православному не должно долго ходить в рабах, авва Дорофей убеждает: «постепенно христианин приходит к тому, чтобы делать благое добровольно, и мало-помалу начинает, как наемник, надеяться на некоторое воздаяние за свое благое делание». Но рабский страх и надежда на воздаяние наемника — еще не предел пути. «Христианин получает вкус благого и начинает понимать, в чем истинное добро, и уже не хочет разлучаться с ним. Тогда достигает он достоинства сына и любит добро ради самого добра». Сыновняя любовь к Творцу — вот венец этого пути, а нас стремятся укоренить в звании рабов, действующих не из любви, а из страха наказания.

Это тем более опасно, что сегодня слово раб в русском языке совершенно переродилось, возобладал дух слепого повиновения, безропотного, бездумного исполнения любых приказаний, отданных от имени Господа своего рода «носителями» Божьей Воли — священниками, духовниками, иерархами Церкви. Все это называется ныне «церковной дисциплиной», которая при бездумном, нерассудительном к ней отношении развращает пастырей, повелевающих паствой в собственных интересах и смотрящих на нее как на стадо, портит прихожан, и впрямь входящих в роль рабов и весьма уютно в ней себя чувствующих, не надо думать самому, не надо советоваться с совестью, не обязательно читать Св. Писание и размышлять над Евангелием — то есть возрастать в Богопознании. В рабах у «своего батюшки» весьма покойно волочиться до самой смерти, почитая себя истинно рабом Божиим, исполнившим добродетель послушания до конца. Но ведь таковой послушник не раб Божий, не работник Господу, а служка, наемник у другого, нерадивого служителя Божьего, и плата такому службе-наемнику его заглушенная, примороженная совесть, перед которой он ежечасно оправдывается, служу-де в рабах у Господа.

Да не у Господа ты служишь, пойми же ты это, наконец, холопски именуя себя рабом Божиим. Служил бы ты Христу, разве б терпел тогда отступления иерархов Церкви от Веры Христовой, которые тянут нас, как в пропасть, как в ад, в экуменизм, разве б терпел бы ты эту не от Бога власть?

А если власть не от Бога, давайте уж договаривать до конца, она — от сатаны. И если б мы действительно были хотя бы рабами или работниками у Господа, тогда были бы мы не рабами, все сносящими, а воинами Христовыми, как Коловрат, как Пересвет, как Ослябя, как Илья Муромец.

Рабская покорность наша зачастую потворствует фарисейству священничества. Господь обличает фарисеев в стремлении принимать почести, а мы видим эти фарисейские ростки не только в иудеях, но прежде всего в себе и своих пастырях: Вся же дела своя творят, да видими будут человеки. Любят же преждевозлежания на вечерях и преждеседания на сонмищах, и целования на торжищах, и зватися от человек: учителю, учителю (Мф.23, 57).

Фарисеи все делают напоказ и любят почет, добиваясь главных мест преждевозлежания и преждеседания на пиршествах и в синагогах. Сегодня и в наших храмах можно видеть фарисеев, ибо порода эта неистребима. Со свечками в руках стоят на почетных местах по праздникам наши безбожные правители, напоказ крестятся, им воздается недолжный по их заслугам почет. Господь предостерегает от того, чтобы люди не стремились принимать на себя звание учителя: Един бо есть ваш учитель Христос: вси же вы братия есте (Мф. 23, 8). Как писал об этих словах архиепископ Аверкий (Таушев): «Не следует воздавать человеку чести, подобающей единому Богу, и чтить учителей и наставников самих по себе чрезмерно, как если бы эти учителя и наставники говорили свое слово, а не слово Божие». Эта болезнь духа фарисейского особенно

распространена сегодня в образе безмерного почитания старцев, превращающегося в идолопоклонство. Книги о духовных наставниках подчас проникнуты такой ложной умиленностью, что граничит уже с истерией. Пересказываются банальные истории о «маслице», которым помазывает батюшка, об «иконочках», которые он раздает, о «бутылочках со святой водичкой». Каждый шаг старца, каждое его слово толкуют пророчески, в самых обыденных словах батюшки видят святую прозорливость, а если батюшка вполне справедливо и сам называет свои слова обыденными, житейскими, за этим поклонники усматривают особое смирение старца и даже юродство. А преставится батюшка, и толпа почитателей, а больше почитательниц, кидается искать другого учителя, и снова повторяется прежнее водичка, маслице, иконочки, записочки. Стульчик, на котором батюшка сиживал, столик, за которым батюшка кушал. Словечка в простоте не скажут. Редко кто из старцев рад такому безмерному елею, которым умащают ему главу почитатели. Отец Николай Гурьянов на вопросы приходящих к нему о приискании духовника твердо говорил: «У вас должен быть один Духовник — Христос. А учение Его — в Евангелии». Но слова эти почти никем не были услышаны.

В Евангельском чтении о книжниках и фарисеях ясно звучит приговор Господа им, отвращающим людей от Бога. Восьмикратно произносит Сын Божий: Горе Вам, книжници и фарисее! Наследование духа фарисейского нашими современниками подводит и нас, сегодняшних, услышать над собой этот приговор. В чем же горе нынешних фарисеев от Православия?

Горе вам, книжници и фарисее, лицемери, яко затворяете царствие небесное пред человеки: вы бо не входите, ни входящих оставляете внити (Мф. 23, 13). Это ко всем неверующим пастырям нашим, а таких немало в России, кто «не для Иисуса, а для хлеба куса» служит и труждается, кто своим собственным неверием, холодным сердцем, пустословием в проповедях, формализмом в исповедях замыкает двери Веры для входящих в храмы.

Горе вам, книжници и фарисее, лицемери, яко снедаете дома вдовиц (Мф. 23, 14). Это сказано тем пастырям, кто своей показной набожностью обманывает искренних и простодушных, от сердца несущих батюшке последнее и тем расхищает их имущество под предлогом жертвы Богу. Богатые священники и иерархи — страшное искушение для верующих, огромная беда для Церкви. Дух нестяжания, проповедуемый Господом в Евангелии: Не стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших, ни пиры (кошеля) в путь, ни двою ризу, ни сапог, ни жезла: достоин бо есть делатель мзды своя (Мф. 10, 9), вот этот дух созвучен русскому православному сердцу. Мы опытом последнего столетия русской истории ведаем, как опасно пастырям и монахам поклоняться мамоне.

Горе вам, книжници и фарисее, лицемерии, яко одесятствуете мятву и копр и кимин и остависте вящшая закона, суд, и милость, и веру (Мф. 23, 24). Так Господь обличает пастырей, кто требует от верующих мелочной обрядовой суеты, и этим проповедует достаточность в их служении Богу, успокаивая совесть прихожан внушением, что так исполняется христианский долг. Принесение десятины от всего, что имеют, даже от трав и пряностей, от мяты, тмина и укропа, фарисеи в евангельские времена выдавали за служение. Главное же- вящшее в законе Божиим — суд, милость и Веру, как прежние, так и новые фарисеи не требуют ни от себя, ни от своей паствы. Как мало ныне священников, именно это — Суд, Милость и Веру — воспитывающих в христианах, оттого мало в Православии ныне Воинов Христовых, а все больше мелких торгашей, несущих свою десятину в храм, будто платящих Господу налог на спасение души.

Горе вам, книжници и фарисее, яко очищаете внешнее сткляницы и блюда, внутрьуду же суть полни хищения и неправды. Фарисее слепый, очисти прежде внутреннее сткляницы и блюда, да будет и внешнее чисто (Мф. 23, 25–26). Хищения и неправды, которыми была

заполонена жизнь иудеев-фарисеев в дни пришествия Господа, часто наследуют новые фарисеи от Православия. Дух алчности, стяжательства, готовности ради этого на лукавство и лицемерие, к сожалению, заразны, и не всякий священнослужитель может их в себе побороть. Но хищения и неправда чутко опознаются народом, и это осознание хищений и неправды в служителях Самого Бога отвращает людей не только от Его нерадивых пастырей, но зачастую и от Матери-Церкви. Если священник хищник и лжец, значит, он неверующий, а если неверующий пребывает в Доме Божьем, какова цена самому Дому? Вот почему Христос заключает свои слова приговором: Горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко подобитесь гробом повапленным, иже внеуду убо являются красны, внутриуду же полни суть костей мертвых и всякия нечистоты (Мф.23,27). Забота о внутренней чистоте и искренности для христианина, тем более пастыря, есть забота о Церкви, и каждый человек, исполненный неправды и хищения, сравнивается с покрашенным, то есть повапленным гробом, в котором, несмотря на всю внешнюю красоту и благолепие, — разлагающийся мертвец.

Господь произнес суровый приговор еврейскому народу: Се оставляется дом ваш пуст (Мф.23,38). Это не только знак физического истребления и разрушения, как часто указывают богословы, напоминая, что вскоре после Распятия и Воскресения Господня в 67 году Иерусалим был разрушен римлянами и все попытки евреев восстановить храм Соломона до сего времени всякий раз оканчивались опустошением. Дом Божий, в котором некогда обреталась Вера, и Господь благоволил за это к народу еврейскому, стал пуст: в нем нет больше Господа и святых ангелов Его. Сам народ еврейский стал подобен повапленному гробу. Но наша судьба будет ничем не лучше, если воспримем фарисейский дух, дух хищений и неправды, дух стяжательства, и человекоугодничества. Вот чего следует страшиться нам. Каждый из нас — часть тела Христова, часть Матери-Церкви, и каждый из нас отвечает за то, будет ли Дом Божий пуст или вечно Свят.

// - Воинский долг христианина — //

Непреложная истина Начало премудрости страх Божий, ибо живо в нас сознание, что за все совершенное надо платить. Ведь что такое судьба в христианском смысле этого слова? Суд Божий в земной жизни человека, суд Бога, воздающий человеку уже на земле по грехам и заслугам его.

Святитель Иоанн Златоуст называет Страх Божий корнем благих. Единственный страх, который должен жить в душе, именно он — основа мужества, воинской отваги. Страх божий подвигает нас защищать слабого и противостоять неправде. Ведь недаром говорят смелым владеет Бог. С малолетства наставляли русских деда и отцы: «Никого не бойтесь, одного Бога бойтесь».

Все добродетели, которые постигает православный христианин, они не перед людьми носят, это ведь не личины, не маски, они суть состояние человеческой души перед Богом.

Откроем в Евангелии Заповеди Блаженства (Мф. 5, 312), которые исчисляются добродетели человеческие. Блаженни нищии духом, яко тех есть царствие небесное. Вокруг выражения нищии духом столько сломано копий, столько споров, возбуждаемых врагами христиан, упрекающих нас в том, что-де Вера наша призывает к духовной бедности. Но слово нищии в славянском языке означает вовсе не бедный, его первоначальное значение происходит от понятия никнуть, то есть склоняться. Слово нищии родственно словам приникнуть, пасть ниц, опрокинуться навзничь. То есть нищии духом изначально значит приникшие духом своим ко Господу, склонившие перед ним собственную гордыню и своеволие.

Другая заповедь Блаженни плачущие, яко тип утешатся. Плачущие о своих грехах разумеются здесь, и это позволяет врагам Православия упрекать нас в унылости нашей Веры. Мы же в отпор можем сказать, что плач о грехах смывает самые грехи и делает нас, православных, чистым, святым народом.

Блаженни кротции, яко тип наследят землю — третья Заповедь блаженства. Кроткие, — убеждают нас иноверные, — это слабые люди, не способные к волевым поступкам. А мы ответим так: кроткие — те, кто укрощает свои страсти, не дает вздыматься греху гордыни. Кроткий и воин на поле боя, укрощающий свой животный страх.

Блаженни алчущие и жаждущие правды, яко тип насытятся. Господь Иисус Христос дает нам образец жизни в искании и утверждении на земле правды Божьей.

Есть среди заповедей и зарок о милости, вот как он звучит: Блаженни милостивии, яко тип помиловани будут. Есть здесь и заповедь о покаянии: Блаженни чистии сердцем, яко тип Бога узрят. Почему здесь речь о покаянии? Да потому что каются и чистый, как это ни странно, слова одного корня. Искупление вины, которое подразумевается в слове каются, ведет к тому, что грешник очищает свое сердце, свою душу.

Еще одна заповедь блаженства, вызывающая много вопросов: Блаженни миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся. О каком миротворстве может идти речь, если христианство на протяжении всей его истории было религией воинов и только в наш все разлагающий век потеряло былую спасительную воинственность. И что видим в результате? Веру нашу и самый народ наш, в среде которого тысячелетие хранилось Православие неповрежденным, сегодня притесняют, глумятся над нашими святынями, и мира в государстве стократ меньше, чем тогда, когда Церковь была воинствующей. Самое время понять, что миротворство не есть потворство злу, напротив, удаление зла самым радикальным способом. Не пресекаемые христианами злые, сатанинские силы водворяют в народе смуту и войну. Поэтому христианин-миротворец всегда с мечом и всегда готов отстоять Истину в бою.

О воинском долге христианина отстаивать правду Божию даже под угрозой смерти, терпеть за Веру поношение и клевету говорят две заповеди блаженства: Блаженни изгнанныи правды ради, яко тех есть Царствие небесное. Блаженни есте, егда поносят вам и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех. Это путь мученичества ради укрепления и торжества Веры Христовой, путь очень немногих — самых решительных, самых верных христиан. Господь говорит нам: Вы есте соль земли. Почему соль, что за образ приложен к православным? Соль — то, что предохраняет пищу от тления, от гниения, от порчи. Покуда есть на земле истинные христиане, земля не будет вконец испорчена злом, человечество не истлеет до конца, смысл земного бытия, заложенный Творцом, будет сохраняться. Вот такое у нас высокое звание — соль земли, спасающая тварный мир от конечной гибели.

Господь говорит: Вы есте свет мира. Не может град укрытися верху горы стоя. Ниже жжигают свечилника, и поставляют его под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храмине суть. Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят отца вашего, иже на небесех. Свет добрых дел христиан является основой проповеди христианства. Смысл христианской государственности — идею справедливости Божией воплотить в форме самодержавной государственной власти.

Господь говорит, чем отличается Его учение от закона Ветхого. И здесь у нас возникает недоумение: Да не мните, яко приидох разорите закон, или пророки. Не приидох разорите, но исполните. Слово исполните означает наполнить, а не выполнить. Речь идет о наполнении закона новым содержанием, потому именуется учение Господа Иисуса Христа — Новый Завет. В подтверждение этого дальнейшие слова Господа: Глаголю бо вам, яко аще не избудет правда

ваша паче книжник и фарисей, не увидите в Царствие небесное. То есть правда Христова должна превзойти содержанием своим учение книжников и фарисеев, о которых Господь сказал: «Се оставляется дом ваш пуст!» (Мф., 23, 38). Означают эти слова, что иудеи — богоотверженный народ, ведь понятие пустой изначально в славянском языке подразумевало оставленный Божьей благодатью. Об опасности соединения с отвергнутым Богом племенем предупреждали Отцы Церкви. Святитель Иоанн Златоуст особенно наставлял в своих словах против иудеев: «Если ты уважаешь иудейское, что у тебя общего с нами, христианами? Осмелился бы ты подойти к осужденному за покушение на верховную власть и говорить с ним? Не думаю. Не странно ли избегать сделавших зло человеку, а с оскорбившими Бога иметь общение? Поклоняющимся Распятому праздновать вместе с распявшими Его — безумно. Разве ничтожно различие между нами и иудеями? Разве спор у нас о пустых вещах? Скажи мне, ты участвуешь в таинствах, поклоняешься Христу, у Него испрашиваешь благ и празднуешь с Его врагами? С какою же совестью ты приходишь в церковь? Святой первомученик Стефан говорил иудеям: «Вы присно Духу Святому противитесь!»

Воинствующее христианство не может смешивать себя с иудеями, с их обычаями, образом мысли, памятуя о том, что они отвержены Богом. Пока это блюдетя в Церкви, в Ней сохраняется Благодать.

//- Несение Креста — //

Придя к Богу, умом ли, бедой, не суть, став христианами, мы чаще всего полагаем, что долг христианина состоит в молитве, в хождении в храм, исполнении заповедей, содержании постов. Это все так, если бы ныне в России было «тихое и безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте». Но ныне это не так. Все силы зла ополчились против нашей Веры, против ее носителей — православных христиан, против ее сердцевины — Русской земли. Наш христианский долг оказывается много тяжелее, чем у прапрадедов, живших в Православном Отечестве, и об этом долге для христиан, родившихся в трудные времена, сказано в Евангелии.

В Евангелии от Матфея (Мф. 18) читаем об отношении христианина к соблазнам. Само слово соблазн, происходящее от глагола блазнити, своей внутренней формой выказывает гибельный смысл обозначаемого им явления. Блазнити значит убеждать в том, что зло есть благо, блазнитися — принимать зло за благо. Таким образом, соблазн — зло, выдаваемое за добро. Современный мир просто кишит соблазнами, человеку постоянно представляют гнусные, отвратительные, преступные, гибельные пороки как вещи вполне нормальные, приемлемые в том числе и для христианина. Несомненное, осуждаемое в прежние времена зло рисуется ныне пристойным делом, не подвергается осуждению. Совесть соблазненного христианина не тревожит, он убежден, что не грешит. Но вот что говорит об этом Евангелие: Торе миру от соблазн: нужда бо есть приити соблазном, обаче горе человеку тому, имже соблазн приходит. Аще ли рука твоя или нога твоя соблажняет тя, отсецы ю и верзи от себе: добрейшее ти есть внити в живот хрому или бедну, неже две руце и две нозе имущу ввержену бытии в огонь вечный. И аще око твое соблажняет тя, изми е и верзи от себе: добрейшее ти есть со едином оком в живот внити, неже две оце имущу ввержену быть в геенну огненную (Мф.18, 7–9).

Многих пугают эти слова, они отстраняются, уходят из христианства, утверждающего столь жестокие принципы жизни во Христе. Другие же, жалея оставить Церковь, но не в силах отвергнуть соблазны, начинают понимать эти слова всего лишь как метафору. И разве не более как метафорой становится для них само Евангелие? Тогда мы слышим из уст таких умствующих христиан, что «соблазны вообще угодны Христу», ибо в них «нужда есть». На самом же деле,

слово о противодействии соблазнам — буквальное правило борьбы с грехом. Имея перед глазами самый жестокий образец сопротивления соблазнам, то есть злу, представляемому дьяволом как благо, — отторжение от себя руки или ока, люди, согрешающие сначала в помыслах, должны успеть остановиться прежде, чем дело дойдет до крайности.

Вообще мерило добра и зла для христиан — это Господь наш Иисус Христос, Его Заповеди, Его Слово. Он Сам говорит об этом столь жестко, что не оставляет нам никакого выбора, кроме того, чтобы быть с Ним. Или с сатаной, что для христианина не приемлемо. Иже не со Мною, на Мя есть. Иже не собирает со Мною, расточает (Мф. 12, 30).

Никакой «золотой середины», никаких тихих заводов, покойных местечек для трусов, бездельников, маловеров, надеющихся без особого труда, одним бездействием, как в добре, так и во зле, спастись, христианство не предусматривает: Кто не со Мной, тот на Меня, то есть тот против Меня!

«Некоторые говорят: «Я христианин и поэтому должен быть радостным и спокойным». Нет, это не христиане. Это равнодушные, это радость мирская, — учит Паисий Святогорец. — Тот, в ком присутствуют эти мирские начала, — не духовный человек. Духовный человек — весь сплошная боль, то есть ему больно за то, что происходит, ему больно за людей.

Если кто-то не начнет воевать против зла — то есть не начнет обличать тех, кто соблазняет верующих, — то зло станет еще больше».

И как воевать против зла, — бескомпромиссно, жестоко, стойко, — тоже заповедано в Евангелии, тут и к старцам не надо бегать, спрашивать, стоит ли идти на брань, стоит ли обличать согрешающих. Но сколько же сегодня трусящих и надеющихся, что вот возьмет старец и не благословит их противодействовать злу, скажет, как многие и говорят: «Не время еще!», и как-нибудь на духовной войне без них обойдутся. Но ни один старец не отменил для нас святых Евангельских слов: Аще же согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем едином: Аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего. Аще ли тебе не послушает, пойми с собою еще единого или два. Да при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол. Аще же не послушает их, повеждь церкви. Аще же и церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь (Мф. 18, 15–17).

По сути это и есть истинная любовь к ближнему — обличение его грехов, воспитание его души, ограждение ее от соблазнов. Мало кому из ближних наших понравится это, и мы принуждены воевать за их души либо воевать с ними как с носителями зла, как с «мытарями и язычниками». Путь, не сулящий покоя и тихой мирской радости!

Обратите внимание, как точно соотносится с этими словами другое чтение из Евангелия от Матфея: «Не судите, да не судими будете. Имже бо судом судите, судят вам, и в нюже меру мерите, возмерится вам» (Мф. 7, 1–2). Эти слова обычно истолковывают, как правило, против осуждения ближнего, и на всякое наше слово обличения злодея тот же самый злодей готов заткнуть нам рот — не судите, мол, Христос не велел. Но разве в этих словах есть запрет суда? Здесь просто предупреждается, что, если ты решил судить ближнего, ты должен быть не хуже его, твои грехи не должны превышать его прегрешений. Ибо собственный тяжкий грех не может позволить человеку судить праведно, правильно другого, грех судьи мешает вынесению праведного решения над подсудимым, как бревно в твоём глазу мешает видеть сучок в глазу твоего ближнего. И вправду, разве может судья-убийца судить другого убийцу, у него нет на то права, как не могут, не имеют права власти крадущие, разоряющие страну и убивающие народ, пытаться насаждать в том же народе покорство законам и проповедовать бескорыстие, честность, а также наказывать своих граждан за разор, кражи, беззакония. Суд таких властей не будет иметь для народа никакой пользы, от суда таких властей никто не исправится. Напротив, той же мерой — мерой беззакония возмерится и им. Так что евангельские слова о суде вовсе не

запрет на суд, а повеление тому, кто судит, быть нравственно выше, чище, лучше судимого.

О необходимости же суда, о непреложности рассуждения в обличении грехов, о защите своих святынь благодаря умению верно судить о добре и зле говорят следующие слова Христа: Не дадите святая псом, не пометайте бисер ваших пред свиньями, да не поперут их ногами своими, и вращеся расторгнут вы (Мф.7,6).

Вот где ключ понимания слов Не судите, да не судимы будете, ибо нравственное превосходство христианина, его моральная высота позволяют ему видеть дурное в других, дают ему право обличать зло и тем защищать святыни, защищать для того, чтобы посягнувшие на святыни и все самое драгоценное, что есть у человека — Бога, Отечество, народ, — все эти «псы и свиньи» не разодрали, буквальный перевод слова расторгнули, — его самого. Высшая святыня для христианина — Господь Бог, Пресвятая Троица. И вот сегодня повсеместно к Господу воспитывается небрежение, равнодушие, допускается даже богохульство. Выходит на экраны фильм Скорцезе «Последнее искушение Христа», публикуются гнусные книжонки, порочащие евангельскую историю. И что же православные? Молчат, в лучшем случае проводят пикеты и митинги. Богохульникам все сходит с рук. Потому что православные христиане безмолвствуют в отличие от мусульман, которые приговаривают к смерти за осквернение своих святынь, за поругание Аллаха или пророка Мухаммеда. Вот почему осквернители боятся воинов ислама, но презирают «рабов» Христа. Это видно даже по обсуждению введения в школьное образование курса «Основы православной культуры», против которого поднялась вся жидовствующая интеллигенция России, но почему-то она не коснулась другой темы, — еще бы! попробуй тронь! — в Татарстане уже несколько лет преспокойно обучают в школах «основам исламской культуры».

Заповедано в Евангелии: Не дадите святая псом, не пометайте бисер ваших пред свиньями, да не поперут их ногами своими, и вращеся расторгнут вы (Мф.7,6). Слова эти читаются в церкви в день архистратига Михаила, защитника христианских святынь, как предупреждение, что без Святынь — без Бога, без Отечества, без нации — человек гибнет.

В пример история жизни старца Самсона Сиверса, который подвизался в Александро-Невской Лавре как раз в тот ужасный час, когда большевики пришли разорять мощи святого благоверного князя Александра Невского. Старец свидетельствовал о себе и о других, как монахи стояли и молились за «псов и свиней», глядя на попираемую ими святыню. Трудно сейчас сказать, почему они вели себя так безвольно: из страха ли смерти, или из внушенной им ложной идеи непротivления злу силой, упорно внедряемой на протяжении не одного столетия в умы христиан. Вот только спустя всего несколько дней иноки сами были разодраны, растоптаны, расстреляны. Но это их мученичество не было вольным, как если бы они встали на пути богборцев, защищая свою святыню. Это мученичество было подневольным, оно явилось Божьим попусшением за отступление и малодушие перед врагами Божьими. Так что одно дело, когда ты принял вольную смерть, смело обороняя святое — преграждая собой поругание Господа от сатанистов и иноверцев, защищая Земное Отечество, прикрывая ближних своих. Это мученичество свято, не зря по-гречески, на языке Евангелия мученик зовется мартириос, что значит свидетель, тот, кто своим подвигом, своей готовностью умереть за Христа свидетельствует о незыблемости и истинности святынь христианских. И совсем другое дело, когда тебя вытаскивают из норы, куда ты закопался в надежде, что беда пройдет стороной, и распластывают в муках невольных, — бессильного, одинокого, оставленного Богом, тогда тебе только и остается, что исповедать свой грех малодушия и трусости и молиться за врагов своих.

Надо понимать без иллюзий, что порой приходят на Русь времена, когда малодушно избегать вольного мученичества — значит рано или поздно претерпеть мученичество невольное, которое, безусловно, тяжче и горше первого, ибо не всякий проходит его с честью.

Именно о готовности на вольное мученичество за свои святыни говорит Господь Иисус Христос в словах, засвидетельствованных и Евангелием от Матфея, и Евангелием от Марка, и Евангелием от Луки, но тщательно обходимых современными духовниками: «И призвав народы со ученики своими, рече им: иже хочет по мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по мне грядет. Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою мене ради, и Евангелия, той спасет ю» (Лк. 8, 34–35).

Крест Христов — вольный подвиг за Бога и други своя, подобный пути, пройденному Самим Господом. Вольный, потому что христианин хочет ити за Христом, по собственной воле отвержется своих удобств, покоя, житейских радостей, мирских удовольствий. Потому что христианин готов за Христа и святыни свои умереть! Вот в чем смысл истинного несения креста Христова, оно во всем подобится жертвенному подвигу Господа, пошедшего за нас на крестную смерть, оно подобно крестоношению Иисуса Христа прежде всего силой любви к Богу, Отечеству и ближнему, любви столь великой, что за них добровольно человек готов отдать жизнь. Много ли сегодня среди нас способных хотя бы шаг шагнуть по этому крестному пути?

Вспоминается недавний случай, когда в огне, охватившем дом, остались двое маленьких детей полутора и трех лет, мальчик и девочка — ингуши. Успевшие выбежать из горящего дома родители безвольно стояли во дворе, уже смирившиеся с неизбежной гибелью детей. Столь же безучастны были собравшиеся вокруг соседи. И только одна русская женщина, подбежав к пылающему остову здания, вошла в пламень и вытащила детей. Истинно христианский подвиг — спасти пусть даже ценой собственной жизни гибнущую чью-то жизнь, ибо если попустить ребятишкам сгореть заживо, то как после этого жить самому, как глядеть в глаза соседям, как улыбаться и смеяться?

В этом смысл христианского креста — по доброй воле идти на риск, на гибель, глядеть в глаза смерти, буквально попереть льва и змия, встречая опасность лицом к лицу, потому что невозможно смириться со злом, невозможно терпеть зло, нестерпимо соглашаться со злом. Родители-мусульмане побоялись вступить в огонь, ибо страшились собственной смерти, а русская православная женщина, не рассуждая об опасности для себя, думала только об одном: «Как жить то после такого?» Истинный христианин не может уживаться со злом, потому берет крест свой и идет, жертвуя собой, за Христом.

А во что у нас превратилось понятие нести свой крест? Ныне так говорят о людях, которые терпят страдания, болезни, материальные лишения, издевательства родных, семейные и прочие несчастья. Но все эти житейские перипетии, если точно следовать слову Евангелия, крестом не являются, ведь они не добровольно возложены на себя страдальцами, это, как правило, «плата по счетам», «отдание долгов», наказание человеку от Господа, милостиво ожидающего отстраждущего, оттерпящего беду, искреннего покаяния и слезной молитвы. Но сколь утешительно и одновременно искусительно такому страдальцу верить, что таков его крест, посланный от Господа, и благодаря набежавшим на него несчастьям чувствовать себя исполнившим долг христианином.

Каков же истинно крест наш ныне, во времена тяготеющего над Русью жидовского ига? Крест наш — добровольный выбор пути христианского — прежде всего спасение русских от физического истребления и духовного рабства. Из-за сокращения территории исторической России, ухода из нее народов, когда-то получивших кров и защиту русских, впервые за несколько столетий мы, русские, стали подавляющим большинством в своей собственной стране. Это страшно напугало врагов России и Православия, и они принялись физически истреблять нас — абортами, алкоголем, наркотиками, непосильными условиями жизни. Они взяли за наши души, растлевая больших и малых, а тех, кто носит имя христианина, заводят в ложь иудео-христианства или отваживают в дебри псевдоязычества.

Сколько же крестов разбросано ныне по нашей земле. Поднимай, воздвигай себе на плечи какой по силам. Только тогда можешь надеяться, что Господь, приняв твою вольную жертву, не свергнет тебя в невольное мученичество.

Глава VI. Как истребляют воинский дух православия

Православное воинство, как свидетельствует русская история, — непобедимо, всегда вело исключительно оборонительные войны, но действовало сокрушающе. Единственное, что остается врагам Православия, пытающимся раз за разом разрушить Православный мир и его крепь — Россию, это раскрошить, надломить в нас стержень Веры. Как это делается? Ответ старца Паисия Святогорца: «Сегодня стараются разрушить Веру и, для того чтобы здание Веры рухнуло, потихоньку вынимают по камешку. Однако ответственны за это разрушение мы все: не только те, кто вынимает камни и разрушает, но и мы, видящие, как разрушается Вера, и не прилагающие усилий к тому, чтобы ее укрепить. Толкающий ближнего на зло даст за это ответ Богу. Но даст ответ и тот, кто в это время находился рядом: ведь и он видел, как кто-то делал зло своему ближнему и не противодействовал этому» (Старец Паисий Святогорец. Духовное пробуждение. М., 2007, стр. 24).

Дух воинства Христова, дух сопротивления злу, нависшему над миром должен сохраняться неизблемым в России, иначе не устоит и мир. А камни православного сознания, уже почти изъятые из оплота нашей Веры, мы обязаны восстановить, вернуть на их законное место, ибо каждый из нас даст ответ Богу за то, что сделал в эти тяжело трудные годы.

//- Почему терпеть, смиряться и быть в послушании — христианские добродетели — //

С детских лет мы слышали злобное определение Православной христианской Веры воинствующим сатанизмом «религия — опиум для народа». Но если всмотреться в состояние сегодняшнего православного клира, то ему навязывают ныне именно такое Православие. Каждый, кто ходит в храм или смотрит православные телепередачи, или читает книги о Православии, разве не ловит себя на мысли, если, конечно, он честен перед собой, что Православие ему моделируют как сладкую сказку, помогающую отвлечься от трудностей сегодняшней жизни, как волшебную грезу, позволяющую забыть о невзгодах своих и Родины. Из Православия часто цинично делают хобби, вроде филателии или моржевания, стояние же в храме и беседу с духовником порой — даже подумать страшно! — уподобляют посещению экстрасенса или гадалея.

В понимании наших молитв, в воспитании христианских добродетелей произошел роковой сдвиг смысла, кто-то упорно и кропотливо трудится над истончением, ослаблением нашей Веры, ловко подменяя подлинные понятия на мнимые.

В молитве Свете Тихий, к примеру, слово тихий в отношении к Господу давно понимаем по-русски, думаем, что это еле видимый, с трудом различимый нежный свет. А ведь Тихий Свет по-славянски значит — Свет утешительный, наполняющий душу смыслом бытия. Ибо тихий родственно слову тешить, а оно исконно подразумевало исполнять радостью, правдой, Верой, — всем, что делает человека светлее и чище, что приводит его к Богу. Царю Небесный, Утешителю, — обращаемся мы молитвой к Духу Святому, понимая, что наитием своим Он исполнит нас правдою Божьей. Свете Тихий, — обращаемся к Сыну Божьему, веруя, что Он раскроет нам смысл нашего жизненного пути. Именно такое определение некощунственно приложимо к Господу Иисусу Христу, именуемому в молитве — Свете Тихий.

Или вот к Матери Божьей обращаемся — Теплая Заступница рода христианского, и опять нам неверно внушают, что это значит нежная, уютная, милая. Хотя ровно наоборот, Теплая Заступница по-славянски означает — горячая защитница наша. Теплота по-славянски —

горячность. Почему и теплохладность — хуже холодности в Вере, ибо, смешивая кипение пристрастия и лед враждебности, получают вязкую жижу равнодушия и безразличия.

После таких вот смысловых подмен у церковнославянских слов тихий и теплый нам говорят, что теплота и тишина — отличительная особенность нашего русского Православия! Господь Иисус Христос предстает в таком истолковании нежным и тишайшим, а Матерь Божия нежной и уютной. Так из Православия изводят его коренную особенность — воинский дух, наполняют нашу Веру одной лишь созерцательностью, тишиной, теплотой, нежностью — одним лишь душевным комфортом.

В то же время страшные болезни духа среди православных и грехами сегодня считать уже не принято. Ну, кто сегодня искренне исповедуется вслед за Святителем Иоанном Златоустом: Господи, избави мя от всякаго неведения и забвения, и малодушия и окамененнаго нечувствия.

Неведение — бессовестность, когда человек не ведает, что творит зло, когда совесть сожжена, один серый пепел в душе. Забвением именуется утрата памяти смертной, стертость мысли о том, что за всякий свой поступок придется платить, забвение — это когда нет и малости памяти о Страшном суде Христовом. Малодушие сегодня не кажется опасным для человека, его толкуют как предтечу трусости, нерешительность в борьбе, не более, но на самом деле малодушие должно пониматься буквально, когда в человеке мало души, все существо его занято плотским, телесным, земными страстями, собственным благополучием, когда в малую душу его не вмещается мысль о Боге, любовь к Нему и к ближнему своему. Малодушие — когда ищут мелких, эгоистичных выгод в Вере и забывают, что основой и крепью Православия было не одно только обеспечение себя на этой земле здоровьем, богатством и прочими благами. Разве не малодушие, когда мы норовим с помощью Божьей устроить свои делишки и не замечаем при этом, что страна охвачена войной, но ни утрата территорий, ни нашествие иноплеменников нас не удивляют и не трогают, мы все о своем — об исцелении от болезни, о получении квартиры, о хорошей работе, о том, о сем. Но на войне спастись в одиночку — дезертирство, и чье-то отдельное спасение, а вернее стремление благоденствовать, когда стонет в мучениях наша страна, — мерзость в очах Божиих.

Нам малюют наше Православие тихим, теплым, уютным, покойным. Нам кроят Православие без Страх Божьего, который есть суть и основа Веры. Вспомним слово Псалмопевца: «Начало Премудрости — Страх Божий». Для нас Страх Божий — корень

русского мужества, православной воинской отваги, основа решимости противостоять неправде. По слову Иоанна Златоуста, «именно Бог, а не другой кто потребует от нас отчета во всех делах наших». Великий святитель уже в свое время видел, как иссякает Страх Божий в христианах: «Но порядок этот извращен. Ибо ныне мы не столько боимся Того, Который некогда воссядет на судилище и потребует от нас отчета в делах наших, сколько страшимся тех, которые вместе с нами предстанут на суд». В этом равны между собой и правитель, и слуга, и судья, и подсудимый, и мучитель, и мученик.

Страх Божий крепит всю русскую жизнь. Ведь спрос на Страшном суде Христове будет жестким, и прежде всего за личное преуспеяние, если оно куплено кровавыми слезами ближних. Именно Страх Божий рождает в русских людях качества, которые в Православии именуются добродетелями и составляют основу характера русского народа.

Смирение ныне толкуют как самоуничужение. Неправда! Слово смирение самим корнем раскрывает перед нами свой смысл — состояние мира и меры в душе человеческой, какое бывает после горячей исповеди или искреннего раскаяния, добродетель смирения по-гречески передается словом симметрия, и оно тоже говорит нам о равновесии и мире в человеческой душе. Смирение — это когда не по нашему хотенью, а по Божьему изволенью, это когда не нашим умом, а Божьим судом. Со смирением наши воины побивали врагов Отечества, со

смирением наши монахи молились о сокрушении нехристей-супостатов. Не личные страсти вели их в бой и становили на молитву, а смиренное осознание себя орудием Божьей Воли.

Есть среди русских природных добродетелей послушание, но только не стоит понимать его как телячью покорность чужой воле, нет! Изначальное значение слова послушание — «свидетельство». Христианское послушание — свидетельство святости воли Божьей, — святой Воли, которую человек видел и в православном Царе своей страны, и в своем духовном отце, и в своих родителях. Вот такое послушание выше поста и молитвы. Послушание же нечестивым правителям, лжепастырям, одержимым греховными страстями отцу-матери — это не послушание, ибо святости в таких людях нет никакой!

И вот еще терпение, оно тоже рождено страхом Божиим. Но только в старину это слово было лишено значения тупой безгласности, покорного безмолвствования в ответ на оскорбления и обиды. Корень слова терпение сродни слову трепет. В православном понимании терпение — это благоговейный трепет перед Господом, Его святостью и всем, что посылает Господь человеку как испытание. Терпение — это готовность принимать Волю Божию, то есть стойкость, ибо сказано в Псалтири: «Потерпи Господа, и да крепится сердце твое». А вот терпеть врагов Божиих, то есть благоговейно трепетать перед ними есть грех великий, а не добродетель. За такое терпение нам еще и отвечать перед Богом придется. Так что ставшее притчей во языцех русское терпение не безропотно. Наше терпение — это наша стойкость, она готовит нас к самому жесткому отмщению врагам Божиим и супостатам, поднявшимся против нашего Отечества.

Смирение — мир и мера в душе христианина.

Послушание — свидетельство о святости Воли Божьей в наших поступках.

Терпение — стойкость православной души.

По сути это три важнейших качества Воинства Христова, устрашаемого только страхом Божиим и потому не имеющего ни перед кем, кроме Бога, ни боязни, ни трепета.

//- Что означают «покаяние» и «прощение» — //

Когда наступают великопостные дни, мы, православные, читаем ежедневно молитву св. Ефрема Сирина: Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми, дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Что такое дух праздности? Слово праздный по-славянски не значит одно только сидящий без дела, но прежде всего порожний, опустошенный, вот и дух праздности не означает одно лишь безделье, ведь и безделье бывает порой вынужденным, а бурная деятельность подчас может оказаться бессмысленной или во зло. Преподобный Ефрем Сирин говорит в молитве именно об опустошенности души, когда в душе нет Бога, и это упраздняет, убивает душу, как обескровленность убивает плоть.

Дух праздности увлекает человека в уныние, избавиться от которого молит прп. Ефрем Господа. Уныние не столь безобидно, как нам порой кажется, уныние изначально разумело смертную тоску, вопль безысходности, от которого один шаг к отчаянию.

Любоначалие и празднословие — повседневные грехи суетной человеческой жизни, страсть к начальствованию, верховенству над ближним и пустоловие — речь, за которой нет ничего доброго для Бога и сердца.

Когда мы избавляемся от этих недугов души, то, по слову Ефрема Сирина, мы проникаемся

духом целомудрия, а целомудрие в славянском языке не означает только девственную чистоту, оно должно быть понято буквально, как постижение полноты христианской истины, это дар Божий, а не наука, и потому целомудрен может быть и неграмотный, нецеломудренным, развращенным, буквально — повернутым спиной к истине, может быть самый ученый богослов.

Завершающие слова молитвы: Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, — называют призывом к покаянию и прощению своих ближних.

Но что изначально стояло за этими словами, ведь сегодня покаяние — признание вины, а прощение — забвение обид, нанесенных ближними и врагами твоими.

В русской христианской традиции принято просить Бога оставить, отпустить грехи (здесь отражен древнееврейский обычай отпускать в пустыню козла — козла отпущения, возложив на него все прегрешения еврейского народа за год) и еще чисто по-русски принято молить Господа простить грехи.

Слово простить восходит к прилагательному простой, то есть прямой. У нас это значение сохранилось в выражении простой путь, что значит — прямой, есть еще слово простоволосый, когда волосы прямы, расправлены, не убраны под шапку или в косу.

В Евангелии сказано: Да будет око твое просто — призыв к тому, чтобы взгляд был прям. На Литургии возглашают: Премудрость прости. Услышим Святаго Евангелия чтение. Это означает: при слушании Премудрости будьте прямы, то есть примите Св. Писание без искажений.

Итак, простить исконно означало выпрямить, исправить. И это подсознательно понимает каждый ребенок, который, провинившись, говорит матери: мама, прости, я больше не буду.

Русское Православие понимало прощение грехов именно как их исправление. В этом, пожалуй, наша национальная особенность. Поэтому когда нашу Веру враги христианства в запале обличения нашей мнимой слабости именуют всепрощающей, они напрасно думают, что уязвляют русских. Русское Православие действительно имеет волевое начало и стремление прощать, то есть исправлять грешников, искоренять зло на земле.

Много сегодня говорят о покаянии, и почти всегда в понимание покаяния вкрадывается заблуждение, что покаяться значит признать вину на исповеди, не более, скажи только «виноват, батюшка», и вмиг свободен и чист. В этом понимании слово покаяние поддерживается его греческим соответствием метанойа, что значит перемена мышления, изменение взгляда на мир. Но русское воззрение на это понятие более глубоко и конкретно, оно основывается на исконном значении корня кай-в славянском языке.

В современном русском языке у слова покаяние, как и у слова раскаяние, как и у слова окаянный, как и у слова неприкаянный, как и у слова каяться, и это все однокоренные речения, — у них почти уже стерт исконный смысл. Давайте восстановим его.

Слово каять изначально понималось так — назначать цену, выкуп за грех. Вот почему окаянный — это человек, который обязан искупить грех, а покаянный — это тот, кто уже платит цену за свое преступление. Неприкаянный же человек — это не искупивший своей вины, не пришедший к покаянию. Вспомним выражение ходить как неприкаянный, оно означает, что человек, не расплатившись за свою вину, буквально не находит себе места на этой земле. Недаром цена (в древнем звучании — кайна) и покаяние — слова одного корня, хотя сегодня совсем не похожи друг на друга. Итак, покаяние есть наша вольная, осознанная плата за грех, выкуп за свое преступление. Но плата и выкуп — вещи конкретные. Тут одной виноватостью не обойдешься. Конечно, если ты обидел друга, приди, повинись перед ним, это будет соразмерной греху платой. Но если ты ограбил человека, твое покаяние — возврат награбленного, а не причитание перед ограбленным или перед священником, виноват, мол, больше не буду. Если убил неумышленно — повинной головой не обойдешься, искупи вину — воспитай сирот, поддержи вдову — вот твое покаяние! Когда же убийство с умыслом, злонамеренное, то

покаяние преступника именуется казнью, и само слово казнь, в старину оно звучало — ка-язнь, есть искупление вины кровью согрешившего.

Вот что такое покаяние — вольное, осознанное искупление нами наших личных грехов не только словом, но и делом. Мы, по слову Евангелия, должны принести плоды покаяния.

Но есть грехи народные, в которых повинны всем народом, и все вместе несем за них наказание, как потомки, отвечающие за дела своих дедов и отцов. Вот как говорит об этом св. прп. Лаврентий Черниговский: «Русские люди будут каяться в смертных грехах, что попустили жидовскому нечестию в России, не защитили Помазанника Божия Царя, церкви православные и все русское святое. Презрели благочестие и возлюбили бесовское нечестие».

Давайте вдумаемся: если мы, народ русский, согрешили и своими руками разрушили Самодержавие огнем и мечом, а это так, и каждый из нас еще в недавние годы был болен и отрицанием монархии как исконного пути для России, и хулой на св. Царя-мученика, то нашим соразмерным греху покаянием должно стать восстановление Русского Царства огнем и мечом, спасение Родины воинским подвигом, искоренение бесовского, жидовского нечестия в России. Таково должно быть наше подлинное покаяние — вольное и осознанное искупление греха народа православного передлицем Божиим.

Кто принесет такое покаяние Господу? Афонский схимонах Никодим говорит: «За русский народ, за освобождение его от сатанинской власти недостаточно одних молитв, хотя бы и преусерднейших, — требуется всенародное покаяние с глубоким сознанием великого и тягчайшего греха — отвержения Божией власти над собой в лице Помазанника».

Что такое всенародное покаяние? Кто это — весь народ? Нам внушают, что это все жители державы от мала до велика, все без исключения и без изъятия. Но если мыслить весь народ так, то всенародное покаяние — вещь недостижимо фантастическая, в нее, что душой кривить, никто и не верит сегодня.

Да и где примеры, когда мы шли на покаяние и побеждали всем, без изъятия населением страны? С Евпатием Коловратом против татар собрались только лучшие, смелые, то есть те, кто посмел воспротивиться игу, и было их всего тысяча семьсот человек. С Дмитрием Донским на Куликово поле вышли самые отважные, презревшие свой страх и силу врага, и было их не более пятисот тысяч. С князем Дмитрием Пожарским встала калиброванная русская совесть и сила, но так ли многочисленна она была. Даже в Великую Отечественную воевала и работала на войну не вся страна, как сейчас принято думать, а всего 17 процентов населения, остальные, как и сегодня, просто жили, трудились, воспитывали детей, они, конечно, болели душой за победу, но не шли на смерть и жертвы за Отечество. И потому весь народ — это самые лучшие, самые смелые, самые отважные люди, — калиброванная русская сила и совесть, те, кто смеет встать против сегодняшнего инородческого ига. Так что призыв к всенародному покаянию — воззвание не ко всем, воззвание к лучшим из русских, и воззвание не к плачу о грехах, плачем мы о них уже много лет, а к ратному подвигу. И этой калиброванной русской силы, как в былые времена, хватит для победы!

К покаянию за грехи призывают русский народ и открытые наши враги, для себя разумея под этим плачущего, бьющего себя в грудь, рвущего на себе волосы в сознании вечной собственной вины русского Ивана. Но мы, русские православные христиане, помним, что действительное всенародное покаяние — это деятельное искупление наших грехов перед Богом и Родиной, мы с вами должны так покаяться, чтобы никому из врагов наших мало не показалось.

Две главные заповеди даны нам Господом Иисусом Христом для богоугодной христианской жизни и спасения души. Это заповедь «Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслию твоею». Вторая же подобна ей: «Возлюбиши искренияго твоего, яко сам себе», так написано в Евангелии от Матфея (Мф. 22, 37, 39). То же читаем и в Евангелии от Луки: «Возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим, и ближняго своего яко сам себе» (Лк.10,27). А еще в Евангелии от Иоанна: «Сия есть заповедь моя, да любите друг друга, якоже возлюбих вы. Больши сея любви никтоже иматъ, да кто душу свою положит за други своя» (Ин.15, 12–13).

Искренний, ближний, друг — таковы в Русском Православии имена тех, кого Господь призывает любить, за кого мы должны быть готовы на самопожертвование. Значения этих слов ныне размыты, извращены.

Ближним сегодня нам предписано называть всякого встречного-поперечного, любого оказавшегося рядом, «в контакте» с нами — христианами. Другом именуется у нас просто хороший знакомый. А слово искренний и вовсе вызывает удивление, ведь для нас ныне это означает откровенный, не ложный ответ на вопрос, не более. И получается, что христианский призыв возлюбить искреннего, ближнего, друга своего понимается нами сегодня неверно, ибо эти слова в русском языке резко изменили свои значения.

Обратимся к исконному смыслу этих слов, чтобы увидеть, кого русский православный христианин должен почитать своим другом и ближним.

Слово искренний в славянском языке родственно понятиям искра и корень, означало — высеченный из общего кресала, духовно или кровно родной человек, ветвь одного со мною корня. Христианство всегда мыслилось единым духовным кресалом для всех, кто, взяв крест свой, идет за Господом Иисусом Христом, и потому понятие искренний мой именуется только православного христианина, более никого!

Христианское выражение ближний мой имеет еще более узкий смысл. Согласно евангельской притче о милосердном самарянине, оказавшем помощь раненому разбойниками человеку, ближний — оказавший тебе милость, тот, кто откликается на твой зов о помощи, кто всегда готов быть близ тебя, рядом (Лк.10,29–37). На Руси же только родного человека называли близок. Вот и духовно родной, близкий — православный христианин — именуется нами ближним.

И совсем строго понималось искони славянское слово друг, означавшее только одно — соратник, разумело оно, что рядом с тобой другой такой, как ты. Други-воины на Руси составляли дружины. И слово друг родилось как обозначение ратников на поле боя, плечом к плечу отстаивающих свою правду, свою свободу, свою Веру.

Кто же христианину друг? Единомысленный, единокоренный, соратник. Более никто! Вот за кого призывает Господь в заповеди положить душу свою. И при этом Он властно отделяет нас, христиан, от всех прочих, называя верных Ему друзи мои: «Друзи мои есте, аще творите, елика аз заповедаю вам» (Ин.15,13).

Но когда сегодня в друзья и ближние православным набиваются все иноверцы и, что невозможно еще недавно было вообразить, даже иудеи, это подрывает основы нашей Веры, выставленной в виде непотребной женщины, готовой всякого заключить в свои объятия.

Заповедь любви, по слову Христа Бога, состоит в самопожертвовании за своих, в отдании всего себя за спасение жизни и души своих ближних: «Сия есть заповедь моя, да любите друг друга, якоже аз возлюбих вы. Больши сея любви никто же не иматъ, да кто душу свою положит за други своя. Вы друзи мои есте, аще творите, елика аз заповедаю вам» (Ин.15, 12–14). Это правило христианской жизни, на которое русская душа откликается с радостной готовностью,

сегодня пытаются замутить ложными толкованиями, навязывающими нам сомнения в правильности слов Господа.

Читаем, к примеру, в Толковой Библии самоуверенные рассуждения некоего богослова: «Господь пока говорит здесь о самопожертвовании для друзей, а не для всех людей (какое Он проявил Сам). Это ограничение объема самопожертвования объясняется тем, что Господь жалел своих смущенных предстоящей разлукой учеников и не хотел предъявлять к ним требования, для них слишком тяжелые». За нелепо канцелярскими фразами об «объеме самопожертвования» отчетливо проступает страх этого так называемого богослова, что христианин нового времени вдруг, как в добрые старые времена, станет делить мир на своих и чужих, что он ополчится на чужих за своих. А как иначе понимать эти Христовы слова? Ведь очевидно, что самопожертвование за своих во исполнение заповеди любви к ближнему возможно только, если им грозит опасность от чужих, от врагов. В минут смертельного риска заповедано православному христианину заступиться за други своя.

Но евангельская любовь к ближнему выдвигает и жесточайшие требования, ибо согрешающий друг или брат твой — живой укор тебе, не пресекающему его грех. Как в дурном воспитании детей виноваты родители, так и в грехе твоего ближнего есть доля твоей вины перед Господом. Господь полагает перед нами правило строжайшего спроса с наших ближних за зло: «Аще же согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между собою и тем едином. Аще ли тебе не послушает, пойми с собою паки единаго или два, да при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол. Аще ли не послушает их, повеждь церкви (то есть собранию верующих. — Т.М.). Аще же и церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь» (Мф. 18, 15–17).

Христианская любовь к ближнему — не слепое уступничество, а упорное требование к другу и брату твоему отвратиться от зла. Сила любви и мера требовательности в каждом человеке определяется высотой духа человека. Полководец, жертвующий собой во имя спасения Родины, терпящий лишения, преодолевающий собственный страх, не будет жалеть и воинов, следующих за ним, предъявляя им столь же суровые требования, как и к себе.

Сказано Господом «Возлюби ближняго своего, яко сам себе». Любовь к себе — жертвенность, готовность защищать Веру, милостыня, суровый пост, неустанная молитва, — дает право требовать того же от друга и брата, — от искреннего твоего, то есть так же сурово и строго, как себя, любить ближнего. У нас же почему-то принято считать, что любовь к себе — это эгоистическое потакание собственным прихотям, потому и исполняем заповедь любви к ближнему, как плохие няньки, балующие дурное дитя: ни тебе выпороть, ни прикрикнуть, чтобы опомнилось, ни в угол поставить. И когда нам говорят, что в желании спасти Россию надо каждому начать с себя, измениться нравственно, перестать грешить, тогда-де переменятся и все вокруг тебя, а нам кажется эта проповедь неисполнимой, ну, в самом деле, может ли целая страна — сегодня сплошь наркоманы, алкоголики, блудники, — вдруг разом перемениться к лучшему, — мы должны вспомнить, что жесткость и даже жестокость по отношению к грехам самого себя дают нам право быть суровыми и с другими людьми, требовать от них того же, что и от себя. Значит, исправившийся алкоголик должен воевать с этой болезнью в других, бывшие блудники и развратники открывать гибельность этого пути остающимся таковыми. Наркоманы, добившиеся исцеления, во спасение России обязаны вызволять коснеющих в страшной болезни. А люди, бросившие вызов безбожной власти сами, вправе звать на этот жертвенный путь других отважных.

В этом смысл личного самосовершенствования ради спасения всего народа, иначе каждая улитка в своей раковинке может сколько угодно заботиться о себе любимой, толку от этого не будет даже для самой улитки.

Наши святые подвижники уходили в пустыни для спасения своей души, но, пройдя

жесточайшие испытания, вынеся лишения, получали от Бога благодать требовать с тех, кто приходил к ним за окормлением, исправления грехов, налагать на них прещения, благословлять на подвиги. Мы же ждем сегодня от старцев, чтобы они нас пожалели, несчастненьких, приголубили, напороочили чего-нибудь утешительного, и обижаемся, когда получаем обличение — дескать, не по-христиански как-то. Так вот, любовь к ближнему сурова у тех, кто сам к себе суров, жестока у тех, кто сам к себе жесток, требовательна у тех, кто сам с себя требует. И только такая любовь, а не слезливая жалость к грехам и немощам, есть поистине любовь христианская.

//- О языке молитвы — //

Святой Иоанн Златоуст сравнивает молитву с водой, та питает деревья, молитва — душу человека неодолимой крепостью. Еще молитва подобна несокрушимой крепостной стене и непоколебимой страже против сил бесовских. Молитва — свет для души, как солнце — свет для тела. Старца Паисия Святогорца спросили однажды: «Как усиливается Вера?» Он отвечал: «Вера усиливается молитвой. Человек, не возделавший в себе Веру из млада, но расположенный к этому, может возделать ее молитвой, прося у Христа прибавить ему Веру».

Благотворное влияние слов молитвы человек всегда познавал опытным путем: по молитве люди исцелялись, молитвами избавлялись от несчастий и бед, благодаря молитве сохраняли волю и присутствие духа в тяжких испытаниях. Причем давно замечено, что помогает в беде и молитва самого страждущего, и молитва о нем других людей, порой даже не знакомых ему, но доброго духа и святой жизни. Необычайно действенна молитва отца и матери за своих детей.

Наука сейчас сумела лишь приблизиться к тому, что называется у нас мистическим действием молитвы. Но даже в этом первом приближении становится ясно, как влияет на нас молитва к Богу. Выдающийся русский генетик П.П. Гаряев установил, что помимо молекулярной структуры, ДНК, — то есть наследственный аппарат всех живых организмов, обладает квантовой структурой, которая образует электромагнитные поля, излучающие информацию подобно антенне. Эти информационные поля по способам передачи и приема сигналов похожи на человеческую речь. Подобные друг другу в умении модулировать электромагнитные поля информации генетический аппарат и человеческая речь имеют способность принимать и понимать язык Творца, по гипотезе П.П. Гаряева, передаваемый также электромагнитным путем. Три речеподобные принимающие и излучающие информацию субстанции — Создатель всего сущего, именуемый в человечестве Богом, а также человек с врожденно дарованным ему знанием языка и его биологическая оболочка — тело с генетическим аппаратом, который уже при рождении содержит голографический проект нашего взрослого организма, — эти три субстанции взаимодействуют при помощи излучений волновой природы, из которых нам явственно доступна лишь человеческая речь.

Эта теория, подтвержденная экспериментально, доказывает, почему наша молитва к Богу бывает услышана, как бывают услышаны чужие молитвы о нас, и мы чудесным образом, без применения физических действий, способны исцеляться. Эта теория обосновывает даже чудо воскресения мертвых по молитве живых, она показывает возможность и злого воздействия словом со стороны злонамеренных людей, что ведет к сбою генетических программ человека, на которого обращено злое слово, и это также пресекается при помощи молитвы к Богу.

Верно сказано, что картина нашего языка — картина нашего мира. И покуда в нашем языке есть слова молитвы — наш мир рядом с Богом.

Первое, с чего начинают христиане молитву, это священные слова Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Древняя формула во имя сохранилась в русском языке, мы говорим: во имя чести, во имя славы, во имя детей, во имя дружбы, во имя любви, что означает для чести, для славы, для детей, для друга, для любви, то есть сделать что-то во имя — значит принести себя в жертву, причем в жертву в высочайшем смысле этого слова — бескорыстно отдать всего себя. Сознвая, что значит жить во имя чести, во имя славы или любви, мы никогда не признаем жизнь во имя наживы, во имя денег, во имя удовольствий.

Когда мы говорим Во имя Отца и Сына и Святаго Духа — мы себя в тот миг полагаем к подножию Пресвятой Троицы, мы себя и жизнь свою осознаем жертвой, такой же, как и жертва Господа Иисуса Христа, во имя тех же ценностей и идеалов. Это очень ответственные и высокие слова, потому с них и начинается Богослужение и молитвенные правила христиан — наши служение и жертва во имя завещанного, заповеданного Богом.

В молитвах своих мы обращаемся к Богу, и в именах Божиих выражаем свое познание Творца.

Первое имя Бога — Сый, что значит Сущий и Истинный, — Бог Истины, существующий вечно и беспредельно, безначально и бесконечно, несотворенно и нетленно. Сый — вечность и истинность Бога. Потому и взываем в молитве Святому Духу: Царю Небесный Утешителю, Душе Истины, Иже везде Сый и вся Исполняй.

Благий — другое имя Бога, оно означает праведность, святость и благодать Его.

Мы величаем Его Господь и Владыка, потому что Он господствует в мире. Именуем Царь и Вседержитель, потому что Он царствует в мире. Называем Творец и Создатель, ибо Он создал все сущее. Он для нас Пастырь и Спаситель, потому что опекает созданных Им и как Учитель наставляет своих учеников.

Все это — Господь Вседержитель, Спаситель Всеведущий, Царь Небесный, Всевышний Создатель, Пастырь Добрый, Творец Благий, Владыка Всемиловитый, — суть имена, отражающие наше понимание Господа, наше отношение к Нему.

А вот имена врага рода человеческого — дьявола люди так часто произносят всуе, не задумываясь о том, что по призыву имени бесовского и входят бесы в человека, чертыхаться, все равно что бесноваться. Дьявол — из греческого языка, сатана — по имени первого падшего духа — Сатанаила — тоже заимствовано нами из греческого языка, а греческим взято из еврейского. И слово демон — греческого происхождения.

В славянском языке два наиболее распространенных названия дьявола — черт и бес. Бес происходит от глагола бояться, слово с этим корнем в других языках означает — мерзость, гнусность, все отвратительное. Бес — нечто мерзостное, чего следует бояться. Слово черт родственно корню чары, что значит «делание зла, ненависть», то есть черт — ненавидящий и ненавистный одновременно. Беса по-русски и по-славянски называются словом враг, — тот, кто извергнут, отвергнут.

Вот и получается, что бес — мерзость и гнусность в очах Божиих, черт — ненавистный Богу и ненавидящий Всевышнего, враг — извергнутый из Лона Создателя и Творца нашего. Подумайте, как часто мы поминаем эти богопротивные имена, а ведь слова эти еще больше распаляют в нас ненависть, потому что духи злобы поднебесной немедленно откликаются на призыв, приближаются к нам, норовят уловить, ухватить, подхватить.

У дьявольских сил есть и другие имена, которые более отчетливо раскрывают их суть. К примеру, дьявола называют по-славянски клеветник. Прямое родство с клеветой, а клевета от глагола клевать, ловить значит. Сравните: у птицы — клюв, им она ловит добычу, рыба клюет, то есть ловится. И потому клеветник — ловец, расставляющий сети клеветы для своей жертвы.

Дьявола еще называют лжец или отец лжи. Ложь, если вдуматься, — когда на человека возлагают не должное, для него оскорбительное, обидное. В русском языке до сих пор

существует выражение обложить непотребными словами. Отец лжи этому способствует.

И многие из нас переживали чувство огромной тяжести на сердце от оскорбления словом. Буквально, когда нас обложили черными словами.

Еще дьявола называют льстец, ведь лесть признается дьявольскими кознями. Сегодня не видит русский язык в этом слове ничего опасного, льстить — говорить в лицо человеку приятное, ему не свойственное и не присущее, задабривать его, втираться в доверие. Однако исконно лесть от глагола лить, — то, чем обливают, обволакивают, подобно гусенице в коконе, чтобы в приятной оболочке лести сделать человека нечувствительным к правде, непроницаемым для истины. Не страшным и грозным свойственно сатане завлекать грешника, а именно приятным, заманчивым. Лесть и льстец — самые подходящие для него слова.

Еще одно сатанинское имя — лукавый, в нем выражена суть искривления прямого пути к Господу. И последнее в этом ряду бесовских имен — неприязнь. Мы говорим в молитве «Но избави нас от неприязни». Неприязнь — не принявший Бога, еще одно имя дьявола.

Итак, слова, именующие Господа, имеют великую силу приближать нас к Творцу, делать слышимыми наши молитвы. Сатанинские же имена погружают человека в омут безверия и отчаяния, ибо несут в себе злой дух. Словом, мы сами определяем и выбираем, с кем идем по жизни, с Богом или с исконным врагом рода человеческого.

//- Как русский перевод меняет смысл Слова Божьего — //

Заповеди закона Божьего мы чаще слышим в русском переводе, но очень часто переводы грешат неточностями в выборе слов и вводят нас в неправильное понимание уже самих заповедей. Давайте сравним Заповеди закона Божьего на церковно-славянском языке и на русском.

Первая Заповедь: Азь есмь Господь Богъ твой, да не будут тебе бози инии разве мене. — Я Господь Бог твой, чтобы не было у тебя других богов кроме меня.

В русском переводе говорится о сонмище богов, среди которых надо выбрать Бога своего. Церковнославянский же текст Заповеди говорит только об одном — Боге Истинном, подчеркивает: Да не будут инии — бози — вот подлинный смысл, он в том, что все иное — идолы, силы природы, златой телец, страсти человеческие, словом, все, что склонен обожествлять человек, не является на самом деле божеством. И только Аз есмь Господь Бог твой.

Вторая Заповедь: Не сотвори себе кумира и всякаго подобия елика на земли низу и елика въ водахъ под землею да не поклонишия имъ ни послужиши имъ — Не делай себе идола и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, что в водах под землею, не кланяйся и не служи им.

Не сотвори себе кумира. Непонятно, зачем здесь понадобился переводслова кумир? Ведь кумир — это и есть идол, которому поклоняются как богу. Всякое подобие земного, тварного не сотвори для поклонения, — говорит Господь Бог в Заповеди, а в переводе что видим? Вместо подобия возникает изображение, что абсолютно неверно. Подобие — сходство в лучшем, ибо корень доб-имеет значение добро. Этот корень есть не только в слове добрый, но и в бытовых понятиях удобный, сдоба, удобрение. Не чужды этому корню и слова, обозначающие высокое, к примеру, — преподобный. Подобие — это сходство в добром, в благом, вот почему у нас святые именуются преподобными — подобные Всевышнему в добре, во благе, источником которого является Господь. Заповедь предостерегает, чтобы люди не наделяли подобием — добром высшим, свойственным только Богу — земные тварные существа или вещи. А от чего

предостерегает русский перевод этой заповеди: не делай себе никакого изображения., не кланяйся, ни служи им. В числе изображений того, что на земле — наши святые подвижники, того, что на небе — святые ангелы. То есть в русский перевод заповеди подспудно заложена идея иконоборчества, имеющая иудейские корни. Ибо именно иудеи отрицают всякое зримое изображение святости.

Третья Заповедь: Не приемли имене Господа Бога твоего всуе. — Не произноси имени Господа твоего напрасно.

Всмотримся в слово всуе, означает оно запрет поминать имя Божие в суете, без молитвы. Русский же перевод подсовывает иной, искажающий смысл, ведь напрасно значит без пользы, зря, то есть христианами подсознательно усваивается прагматический смысл обращения к имени Господа. Нас убеждают русским переводом, что к Богу надо прибегать не напрасно, а, значит, только с какой-либо целью. И эта опасная мысль въедается в сознание православных, которые даже молитву начинают воспринимать как торг: мы-де Тебе, Боже, приносим свои моления, аужТы нам подай, его просим!

Четвертая Заповедь: Помни день субботный еже святити его: шесть дней делай ми сотвориши в нихъ вся дела твоя, въ день же седьмый, суббота, Господу Богу твоему. — Помни день субботный, чтобы проводить его свято: шесть дней работай и совершай в них все дела твои, а день седьмый — день покоя, да будет посвящен Господу Богу твоему.

Вот малопонятное выражение: Помни день субботный еже святити его — но оно вовсе не означает проводить день свято, в переводе к тому же лукаво вставлено — в покое. Ведь тогда мы уподобляемся иудеям, запрещающим в субботу всякий труд, и святое времяпровождение понимающим только как чтение своего талмуда в синагогах, в то время как трудятся за них в этот день гои — иноверцы, уподобляемые евреями животным. Святити день субботный — говорит о том, чтобы, как жертву, посвящать этот день Богу. Как русские православные приносят Господу зримые жертвы: святят куличи, урожай, скот, принося, отделяя часть Богови, так и, по крайней мере, один день в неделю человек обязывается уделять Господу — служба в храме, бескорыстное служение ближнему, проповедь Веры христианской, все то, чем мы можем послужить Богу, а не только себе.

Пятая Заповедь: Чти отца и мать твою, да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли. — Почитай отца своего и мать свою, чтобы тебе хорошо было и чтобы ты долго жил на земле.

Церковнославянское Да благо ти будеть — вовсе не соответствуют русскому переводу — чтобы тебе было хорошо. Хорошо бывает за трапезой, на отдыхе, на природе, в бане, наконец. И только благо — высшее добро, которого человек удостоивается от Бога. Получается, что этим вот неправильным русским переводом нам лукаво внушается мысль о том, что почитание родителей влечет за собой земные удовольствия, а не благословение Божие. Таков подход к пониманию пятой заповеди можно расценить как вовлечение в жидовство, поскольку стремление человека, чтобы «ему было хорошо», расценивается Православием как греховный эгоизм, а вот иудеи как раз стремление к земному процветанию всячески приветствуют.

Церковнославянское выражение Да долголетен будеши на земли — тоже не соответствует русскому чтобы ты долго жил на земле. Долголетие — это не физическое пребывание наше в земной жизни, а благоденствие нашего потомства из рода в род, долголетие человека на земле, это когда, по слову пророка Давида, семя твое наследит землю. Но высокий смысл Пятой Заповеди в русской интерпретации умышленно переводят в личную плоскость — чтобы ты и только ты, бранный, то есть сотворенный из брения — грязи человек, долго жил на бранный земле!

Шестая Заповедь Не убий по-русски передана без искажений — Не убей.

А Седьмая Заповедь Не прелюбы сотвори переводится — Не прелюбодействуй. Прелюбы — если переводить на русский, буквально — измена любви, ведь приставка преили по-русски пере-означает через; сотворить пре-любы — переступить через любовь. Поэтому Седьмая Заповедь должна быть понята так — не изменяй любви, не преступай через любовь. Значение гораздо выше, чем предостережение против одного только прелюбодеяния, супружеской неверности. Нельзя изменять духу любви в дружбе, возбраняется отвращаться от любви к детям, к народу своему, к Отчизне, — ко всему, к чему Господь заложил любовь в природу человека.

Восьмая Заповедь звучит по-церковнославянски: Не укради. По-русски же зачастую читаем — Не воруй. Не укради — даже единократное посягательство на чужое не допускается, а не воруй относится только к закоренелому вору.

Девятая Заповедь: Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна. — Не произноси на другого ложного свидетельства. Эта заповедь против лжи. Не послушествуй — не свидетельствуй. Свидетель и послух означают разные виды свидетельств — через слух или зрение. Интересно вдуматься при этом в слово послушание, которое ныне настойчиво объясняют только как повиновение, и требуют от православных беспрекословного послушания-повиновения властям, начальству, родителям, духовнику, любому ближнему. К добру ли такое покорство? Полагаем, что изначальный смысл слова послушание есть именно свидетельство, именно этот смысл высвечивается в Девятой Заповеди. Если же мы проявляем послушание в виде повиновения требованию власти, начальства, духовника, родителя, то мы тем самым свидетельствуем о том, что данное нам приказание, требование или совет благие и не противоречат Заповедям Христовым. Здесь единственный раз русский перевод не искажает, а уточняет смысл заповеди.

Десятая Заповедь: Не пожелай жены искреняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего елика суть ближняго твоего. — Не желай жены ближнего своего, не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, никакого скота его, и вообще ничего, что принадлежит ближнему твоему.

Заповедь против зависти, которая вместе с гордыней самый тяжкий из грехов человеческих, ибо из зависти и гордыни произрастают все остальные грехи. Зависть и гордыня — грехи сатанинские, ими одержим дьявол, посягнувший в самовозношении-гордыне стать выше Господа — Творца и Создателя всего сущего, возжелавший в зависти к Всемогуцеству Творца соперничать с Богом.

Заповеди Закона Божьего воспитывают лучшие качества, без которых человек — не человек, так — дрянь и мразь. Четыре Заповеди посвящены Богу — они утверждают боголюбие, верность Имени Божьему, запрет святотатства, утверждение жертвенности. Шесть Заповедей — основа нравственности: почитание предков (по сути — утверждение национализма как нравственного закона человеческой жизни), запрет на убийство ближнего, запрет на присвоение имущества ближнего, заповедь против измены любви, возбранение лжи, отвращение от зависти. Так будем жить по Заповедям Божиим, как понимали их наши предки, читая и осваивая Закон Божий на церковнославянском языке, будем жить, правильно понимая смысл заповедей, отрицая жидовское нечестие их новых переводов.

//- Жжет душу грех — //

Слова из славянского языка, обличающие наши грехи, от времени и частоты употребления стерты в своих значениях, потому и скользят мимо нашего сознания. Так давайте вдуматься в их

исконный смысл.

Грех — поступок, противный Закону Божию, вина перед Господом. Слово происходит от глагола греть, грех — это то, что жжет душу, совесть человека. Совесть называют гласом Божиим в душе. Потому любой человек, верующий и неверующий, не суть, согрешив, испытывает угрызения совести, совесть буквально грызет душу. Другие названия греховных поступков в церковнославянском языке — скверна, то есть мерзость, нечистоты души, беззакония, душетленные страсти.

Слово страсть резко изменило свое значение в русском языке, ныне это сильная любовь, безудержное влечение, но славянский язык хранит исконное значение этого слова, связанное с понятием страдания, страсть по-церковнославянски — именно страдание, страсти Христовы — нечеловеческие муки, которые принял Господь Иисус Христос. Но есть и страсти душетленные, страдания души, которые губят ее, ведут к духовной смерти. Если такой человек молится, перед тем не покаившись, слышит ли его Бог? Большой вопрос, ведь сегодня толпы губителей Отечества и народа, сознательных убийц, воров, грабителей, которые важно стоят в храмах, величаво кланяются и прикладываются к иконам, молятся, наверное. И что? — их молитва, их жертвы, их поклонение угодны Богу? Думать об этом скорбно. Но вот ответ на мучающий нас вопрос у Григория Богослова: «Угодно ли знать отличительные свойства лукавого нрава? Это ненависть, зависть, клевета, это кичливость и гордость, корысть, страстное желание, это недуг славолюбия. Этими чертами отличается образ дьявола. Поэтому если очернивший себя подобными сквернами будет призывать Отца, то какой отец услышит его? Тот отец, что состоит в родстве с призывающим его человеком, а это отец не небесный, но отец преисподний».

Чтобы слышал наши моления не отец лжи, дьявол, а Отец наш небесный, Господь Бог, мы каждый вечер и перед святым причащением исповедуем свои грехи, то есть осознанно, открыто и искренне говорим о них в молитве к Богу. Грехи именуется вольными и невольными — то есть совершенными сознательно, по воле человеческой, и нечаянно, невольно. Обратите внимание на названия греховных страстей, когда читаете, к примеру, молитву перед святым причащением: слово гнев родственно слову угнетать, то есть подавлять другого, печалить ближнего — печь, как на углях, его душу; гордиться — значит уподоблять себя горе, высящейся над человечеством; завидеть — заглядываться на чужое добро, зариться на него, и тем уязвлять, то есть ранить свое сердце. Среди названий грехов есть редкие, почти забытые ныне слова — свада и нерадение. Свадить-значит сталкивать, ссорить людей, а не радеть о молитве или о ближнем означает не заботиться о них.

В повседневном исповедании грехов встречаем и другие забытые теперь именованные дурных поступков: многостяжание — стремление к обогащению, скверноприбытчество или как мы сегодня это понимаем — лихоимство, доход от злых дел, противных Господу, редкое слово мшелоимство значит ростовщичество, ведь древнее речение мшел означает нарост (сравним слова мох — то, чем обрастает что-либо, и замшелый — обросший). Вот и мшелоимство есть доход, полученный в результате прироста данных в долгденег.

Помимо житейских грехов, связанных с земным существованием человека, есть болезни духа, которые сегодня подчас грехами и не считаются. Их называет святитель Иоанн Златоуст в своей молитве: Господи, избави мя от всякаго неведения и забвения, и малодушия, и окамененнаго нечувствия. Эти грехи можно понять, если вспомнить, какие им противопоставлены добродетели. Что такое неведение — бессовестность, отсутствие совестного осознания своих поступков. Забвением именуется утрата памяти смертной, той драгоценной мысли о Страшном Суде Христовом, которая может остановить даже самых тяжких злодеев. Малодушие сегодня не кажется опасным для человека, его толкуют как предтечу трусости, нерешительность в борьбе, не более, на самом деле малодушие должно пониматься буквально,

это когда в человеке мало души, все существо его занято плотским, телесным, земными страстями, собственным благополучием, когда в душу его не вмещается мысль о Боге, любовь к Нему и к ближнему своему. Наконец, окамененное нечувствие — страшная духовная болезнь, которая еще именуется теплохладностью, — свойственное нашему времени животное состояние людей вне Веры в Бога, вне любви, даже вне страха, когда у человека сохраняются лишь животные рефлексy, когда он уподобляется скотам несмысленным и безропотно покоряется чужой злой воле.

Страшно, что сегодня человечество многие свои богопротивные поступки старается не считать греховными. И хотя совесть наша прекрасно все различает, ее усыпляют лживыми увещаниями, что безбрачное сожителство, к примеру, это тоже брак, только гражданский, а вовсе не блуд; что работа банкира и жизнь на проценты с банковских вкладов никакого отношения к мшелоимству не имеют; что взятки чиновников — нормальная человеческая благодарность, а совсем не скверноприбытчество; что милицейский беспредел на улицах — исполнение обязанностей, а не лихоимство; что аборт — обычная медицинская операция, а не детоубийство. Но как бы нас не увещевали, не убеждали в обратном князья мира сего, каждый человек все равно совестью своей чувствует греховность содеянного им, но, попуская грехи, он все более и более сжигает свою совесть, ибо, напомню вам, слово грех происходит от слова греть, не очищенный покаянием грех становится очередным поленом, подложенным в костер, где горит, корчась в муках, наша христианская совесть. И сколько ходит по земле людей, у которых совесть сожжена дотла.

Есть в нашем лукавом мире и другая горькая крайность. Когда убийство или гнев без рассуждения принимаются за лютые грехи. Да так ли это? Как в таком случае понимать слова святителя Иоанна Златоуста о необходимости пресекать святотатство казнью осквернителя Божьего Имени, как исполнять его слова «подойди и освяти руку свою раною», если при тебе хулят Бога Истинного. Действительно эти слова великого святителя, творца нашей литургии, противоречат духу мира сего быть толерантными, терпимыми по отношению к осквернителям икон, поджигателям храмов, хулителям нашей Веры. За годы проповеди непротivления злу силой, за время пропаганды ереси толстовства, которую почему-то незаметно присвоили себе многие современные христианские проповедники, мы получили стада православных непротivленцев, не способных не то, что Веру свою оборонить от хулы, детей своих не умеющих защитить от поругания, от насилия на улицах, от явного их порабощения иноплеменниками. Да, эти православные непротivленцы не грешат против заповеди не убий, их грех страшнее: находясь в состоянии окамененного нечувствия, они отступают от первой заповеди Закона Божия, указующей на то, что Един у нас Господь Бог, Ему одному следует служить и поклоняться, а не потворствовать кумирам собственной трусости или малодушия.

Глава I. Диагноз — «электорат»: технологии демократических выборов

«Мир сошел с ума» — в последнее время мы повторяем это все чаще и чаще, уставая от обилия нездоровых лиц в метро, нервных срывов близких, истеричных выпадов сослуживцев, а, главное, от весьма далеких от здравого смысла рассуждений знакомых и незнакомых людей. Безрассудство на грани безумия свойственно сегодня многим нашим соотечественникам. Порой кажется, что это о нас сказал православный провидец: наступят времена, когда весь мир будет сведен с ума, а тех, кто сохранит здравый рассудок, объявят безумцами.

//- Телевизионный транс: для одних — путь во власть, для других — в психушку — //

Ощущение всеобщей эпидемии сумасшествия не иллюзия, это действительное состояние многих людей, которое можно назвать повальной шизофренией. Признаки шизофрении, как их описывают психоневрологи, в точности совпадают с психическими эффектами, что возникают у вполне нормальных людей в современном обществе, которое называют «информационным». Нарушение способности думать проявляется в наивно упрощенном восприятии мира вещей и событий. Причем у больного может сохраняться способность анализировать факты и делать собственные выводы, но связь события и суждения о нем — случайна, к примеру, о погоде будет сказано, что «идет дождь, потому что синоптики обещали плохую погоду». Психически нездоровый человек не критичен в своих размышлениях. Некритичность больного ума выдают рассуждения типа «Путин повысил пенсию на шесть процентов, молодец, о людях заботится!». Шизофреник и говорит без речевых ошибок, и предложения строит внешне правильные, но все это лишь пустая умственная жвачка.

Вглядимся в человека, сидящего перед экраном телевизора, вслушаемся в его размышления по поводу увиденного и услышанного. Большинство телезрителей мыслят как психически больные люди. Вот как это происходит при восприятии новостных передач.

Теле- и радио новости сегодня — калейдоскоп быстро сменяющихся друг друга репортажей из разных концов мира. В одном новостном блоке могут с равной значимостью подавать годовщину Сталинградской битвы, затопление поселка в Ростовской области, смерть от передозировки «звезды» наркомана из американской рок-группы, слух о возможной очередной свадьбе Аллы Пугачевой. Молниеносная сменяемость сообщений не позволяет даже на миг представить ни величия подвига наших дедов в окопах Сталинграда, ни горя людей, лишившихся в одночасье и крова, и имущества из-за потопа, а уравнивание этих трагических событий со скорбью о не известном никому в России наркомане и озабоченностью семейными дрызгами поп-дивы вовсе обезкураживает зрителя. Карусель новостей не оставляет времени ни для их обдумывания, ни для оценки информации. Суждения зрителя о них в силу случайного сопоставления фактов лишаются и логики, и критических выводов. Налицо симптомы шизофренического поражения мышления, которое усугубляется тем, что зритель не может повлиять на события, о которых он только что узнал, его мысли вслух — всего лишь пустое резонерство.

Изменение личности — психиатрический диагноз. Человек с изменением личности не распознает «иерархии мотивов своего поведения»: когда ему дано выбирать между чашкой кофе и визитом к больной матери, он выберет кофе и найдет своему выбору весомые оправдания, вроде того, что мать-де о нем мало и плохо заботилась. У больного с диагнозом «изменение личности» сформированы патологические потребности, часто выступающие в виде навязчивых

идей. Он может стремиться делать большие и дорогостоящие покупки или чрезмерно много есть, или навязчиво приставать к женщинам. Свои действия больной не в состоянии контролировать, его легко заразить новой «манией». Но разве не то же самое происходит с телезрителем, сосредоточенно следящим за новостями и рекламой по телящику. Разве вдальбливаемый в голову рекламный «слоган» «Кофе Чибо — это все, чтобы сделать вашу жизнь прекрасной!» не является шизофреническим нарушением иерархии мотивов? Услышав подобные слова от соседа или сослуживца, да от любого другого, хоть случайного попутчика в метро, вы непременно подумаете, что у того, как говорится, «крыша съехала». Но ведь масса рекламных текстов, несущихся из теле- и радиоэфира, строится как раз по этой придурковатой схеме: «Сделай свою жизнь прекрасной — носи подтяжки фирмы «Мечта удавленника». Усиленное поглощение подобной рекламы вызывает у внешне здорового человека патологические стремления. Вот шквалом обрушивается на нас с экрана пропаганда пива и заставляет миллионы мальчишек и девчонок шизофренически замороженно разгуливать по улицам с пивными бутылками в руках, в затычку прикладываться к ним с видом истомленных жаждой. Если спросить, зачем они так много и озабоченно пьют, ответом послужит шизофреническое, вдолбленное в их головы через экран: «не дать себе засохнуть».

Нарушение мышления, изменение личности — еще не все симптомы, которые сближают телезрителя с шизофреником. Шизофреникам свойственны галлюцинации — видения, к которым больной относится как к реальности, по сути живет в параллельном действительности мире. По уверениям психиатров, галлюцинации настолько жизнеподобны, их образы так ярки и чувственны, что убедить больного в том, что перед ним лишь плод его воспаленного воображения, невозможно. А ведь галлюцинации шизофреника по своей психологической природе сходны с живой экранной картинкой, которую впитывает с экрана телевизора зритель. Чувственность и достоверность образов, яркость впечатлений переживают и тот, и другой. Именно так, как развивается шизофреническая болезнь — от потери логики сознания до ярких, убедительных галлюцинаций, — вырабатывается шизофреническое, галлюцинативное мышление у теле-и радиослушателей, навязываемое им особыми приемами подачи информации. И когда мы с горечью вздыхаем, что мир сошел с ума, то интуитивно ставим миру правильный медицинский диагноз.

Кто же и зачем, используя преступные информационно-психологические технологии, цинично и расчетливо сводит общество с ума?

Главная цель разработчиков информационных технологий — манипулировать массами, чтобы гарантированно иметь власть, получаемую на всеобщих, прямых, равных и тайных выборах, которые еще в XIX веке умные люди России называли «четырёххвосткой», очень точно сравнивая выборы с плеткой, которой в Древнем Риме повелевали рабами. При помощи технологии внушения человек разумный переделывается в «человека голосующего», в микроэлемент людской биомассы, которая, послушная внешним импульсам-командам, действует как машина для голосования. Манипуляция людьми получила ученое название нейролингвистического программирования.

Существует множество определений нейролингвистического программирования, среди них есть и заумные, основанные на стремлении «пустить пыль в глаза», затушевать преступную суть этого явления, например: «НЛП — это создание многомерной модели структуры и функции человеческого опыта». Определения попроще более откровенны: «НЛП — это речевое воздействие человека на человека с целью создания у последнего новых программ поведения и действия». Еще нас убеждают, что НЛП — это всего-навсего «процесс ускоренного обучения и переучивания, избавления от нежелательных стереотипов поведения, создания новых программ поведения». Но во всех этих формулах четко проговаривается, что некто посторонний для

личности составляет ей новую программу поведения, избавляет ее от «стереотипов», нежелательных этому стороннему лицу!

Отношение стороннего к своему «подопытному» на языке нейролингвистического программирования звучит предельно цинично: «Карта — это не территория», то есть, твое восприятие мира, ничтожный, глупый человечиска, — это еще не сам мир. Нейролингвисты берутся менять облик наших с вами душ, то есть «карт», делая их более точным отражением «территории» — окружающего мира. Выходит, носитель нейролингвистических технологий один владеет истинным знанием о мире и исповедует властный подход к остальным: «Человек — это текст, который можно и нужно править».

Что же собирается «править» нейролингвист, проникающий в наш мозг своими хищными щупальцами? Генетические программы, переданные нам от предков? Память детства — самые чистые впечатления души? Опыт, приобретенный в жизненных невзгодах? Убеждения, воспитанные в нас родителями, вынесенные из книг и споров? Именно в этот мир бесцеремонно вмешивается некто, называя наши разум и душу «неправильным текстом», готовый одно стереть из памяти, другое изменить на противоположное, втемяшить в качестве приятного то, что тебе до глубины души противно. Как ни трудно поверить, что сегодня, при всех провозглашенных на словах идеях гуманизма, возможно такое откровенное и бесцеремонное вторжение в человеческую душу, на деле происходит именно так, методики нейролингвистического программирования провозглашают идею порабощения наших душ: «Человек, общаясь с другим, представляет для последнего его территорию, которую он сам формирует согласно его собственной карте». На захваченной агрессивным чужаком «территории» осуществляется «побуждение к реакции, противоречащей, противоположной рефлекторному поведению организма, ведь нелепо внушать что-либо, что организм и без того стремится выполнить».

Дадим честное определение нейролингвистическому программированию, открыто применяемому сегодня в выборных игрищах, на политических ристалищах. Нейролингвистическое программирование — это психологический захват души, насилие над личностью, которая может почувствовать агрессивное вторжение и тогда в ответ резкий отпор насильнику «не лезь в душу!», а может и не почувствовать. В последнем и состоит дьявольское искусство технологов нейролингвистического программирования, которые, уже открыто и нагло бахвалясь, называют себя «жрецами-лингвистами», чтобы жертва их насилия не почувствовала воздействия, чтобы психические перемены произошли в человеке незаметно для него самого.

Нейролингвистическое программирование — это чужое вмешательство в подсознание человека, чтобы управлять им незаметно для него. То, что политтехнологи, эти «жрецы-лингвисты» называют подсознанием, христиане именуют глубиной человеческой души и всякое вторжение в нее очень точно определяют как соблазн и искушение.

Вторжение в подсознание осуществляется прежде всего путем гипнотического транса. Гипнотический транс — особое состояние человека, когда он способен легче всего воспринять и усвоить внушение, чужую программу, команду извне.

Эта технология открыта психиатром Милтоном Эриксеном в конце XIX века и долго применялась в лечебных целях, но бурное развитие телевидения позволило политтехнологам применить ее к совершенно здоровым людям. Введение в телевизионный транс полностью совпадает с технологией введения в лечебный гипнотический транс.

Человек должен находиться в удобном для него положении, например, лежать на диване или расслабленно сидеть в кресле после рабочего дня. Его внимание должно быть сосредоточено на каком-либо предмете, и таким предметом как раз является телевизионный экран — яркое пятно с постоянно меняющимися красками, само собой притягивающее взгляд. Человек ни о чем не должен думать и не иметь в эту минуту никаких забот, — именно в таком

состоянии опускается на свой диван телезритель, отрешившись от служебной и домашней суеты. Такова отправная точка телевизионного транса, во всем подобная профессионально-гипнотическому трансу.

Затем технологи «расщепляют» сознание и подсознание клиента, выключают разум, убедив человека ни о чем не думать. В состояние легкой дремоты или медитации телезрителя приводит цепь быстро сменяющихся изображений, на которых невозможно сосредоточиться, сознание выключается само собой.

Глубина такого транса может быть различной. Хорошо, если человека теребят дети, просят проверить уроки или почитать книжку, замечательно, когда недовольно ворчит жена, раздраженная тем, что муж не смотрит любимый ею сериал, просто отлично, если вдруг зазвонит телефон или сбежит молоко на кухне. Гипнотический транс не любит таких «вдруг», его спугивает внешняя суета, и тогда душа человека остается малоповрежденной. Но если всего этого нет, и Вы замороженным взглядом сосредоточились на волшебном мерцающем экране, тогда Ваша душа в чужой и очень опасной власти. Именно тогда и происходит беспрепятственное «формирование программ поведения человека, его целеустановок».

Простейшие операции введения в гипнотический транс — присоединение к источнику внушения, подчинение этому источнику, закрепление в состоянии гипнотического транса с выключенным сознанием, но открытым подсознанием, управление путем внушения новых для вашего жизненного опыта программ — такова азбука нейролингвистического программирования. И пускай бы этими методами лечили психически больных, но нейролингвистическое программирование применяют к людям здоровым, которые, получив дозу внушения, начинают вести себя как психопаты.

С отключенным сознанием, как бы в полусне, человек не фильтрует поступающие ему информацию и команды, они беспрепятственно проникают в подсознание и переправляются в сознание. В результате мотивы своих поступков жертва гипнотического транса не может объяснить даже сама себе, об этом знает только тот, кто записал ей команду на «подкорку».

Помнится, в июне 1996 года с нами на даче жила моя старая знакомая — пожилая пенсионерка, бывший бухгалтер, перебивавшаяся на скромную пенсию и имевшая на попечении взрослого сына-наркомана. За два дня до выборов она вдруг неожиданно для себя и для нас засобиралась домой в Москву.

— Зачем?

— Голосовать! — не терпящим возражения тоном ответила старушка.

— За кого?!

— За Ельцина!

— Но ведь он же вас всего лишил, даже болезнь вашего сына — его вина, это он допустил разгул наркомании в стране!..

Увещевали бесполезно. Старушка, подхватившая через телевизор импульс-команду голосовать за Ельцина, подобно тому, как промозглой осенью слабый здоровьем человек подхватывает тяжелый грипп, стала жертвой выборной президентской кампании. Таких, запрограммированных на избрание «любимого кандидата», можно наблюдать во время любых выборов, когда на избирательный участок приходят растерянные, озабоченные, несколько подавленные люди, рассеяно берут бюллетень, долго и напряженно вглядываются в длинный список, будто силясь что-то вспомнить, и затем ставят галочку против какой-то им самим неведомой фамилии. Специалисты по выборным технологиям, рекламируя свои услуги, хвастают, что «по разным оценкам, посредством воздействия на подсознание избирателей можно привлечь от 2–3 до 10–15 процентов голосов от числа проголосовавших». Американские консультанты после победы Ельцина в 1996 году, когда говорили об эффективности своих

избирательных технологий, назвали цифру в 35 процентов. Примерно такое же число дал опрос населения после президентских выборов в июне 1996-го года: «Для 32 % из тех, кто голосовал за Б. Н. Ельцина, его победа была безразлична, и лишь 67 % были удовлетворены ею» («Коммерсант-Daily», 1996, 29 августа). Командный импульс голосовать за Ельцина был сильным, но кратковременным, и уже в сентябре 1996 года уровень доверия к только что избранному президенту составил по данным ВЦИОМ всего 12 %.

//- Информационные «отмычки» для взлома наших душ — //

Внедряясь в подсознание, специалисты по нейролингвистическому программированию преодолевают особые «фильтры» души, которые процеживают поступающую информацию. Эти «фильтры» хранят рассудок от грубых повреждений, стараясь не допустить помрачения ума. Подсознание может выключать память, спасая от «перебора» сведений, заведомо не нужных ее хозяину. И если вы твердо убеждены, что не пойдете голосовать, так как выборы — смесь махинаций и профанаций, то все кандидатские имена со всех углов и столбов будут скользить мимо вашей памяти.

Подсознание работает как «фильтр», не воспринимая, отбрасывая от себя нежелательное. Когда старому коммунисту пытаются объяснить, что компартия, которой он предан всю жизнь, запятнала себя репрессиями и уничтожением православных священников, он тут же «затворяет свой слух».

Человеческое подсознание в угоду хозяину способно все оправдать, все объяснить, все простить. Получив внушение любить президента, как отца родного, человек на уровне подсознания принимается оправдывать, обеливать его, очищать от всех преступлений, грехов и ошибок: во всем виноваты окружение, помощники, подчиненные, пришельцы с Марса, солнечная активность, но только не президент. Что бы ни случилось, будьте уверены, оправдание любимому президенту всегда найдется.

Самый устойчивый из психологических барьеров подсознания, спасающий человека от информационного вторжения в душу, — его убеждения, которые в терминологии политтехнологов значатся как «барьер мифов». Для взлома этого барьера политтехнологи разработали особо хитрые «отмычки». Так, убежденно верующего православного может подвигнуть идти голосовать православный священник или православный кандидат, чем пиарщики очень активно пользуются, выпуская на арену агитации лукавых людей, ряженых в рясы и убеждающих голосовать «по воле Божьей».

По той же причине пиарщики любят «подавать» своих кандидатов в пейзажах с церквями и крестами. Подсознание верующего без сопротивления принимает подобный сигнал: «свой — православный!».

Крепким барьером на пути чужеродного вторжения в подсознание является частокол профессиональных знаний. К примеру, люди, профессионально занимающиеся словом, — писатели, журналисты, филологи, артисты, психологи, политики, — только посмеются над дешевым выборным шантажом «голосуй, а то проиграешь», не поверят актеру, с восторгом уверяющему, что книга Ельцина «Записки президента» как «Война и мир» Толстого, тот же масштаб, яркость мысли, художественное мастерство.

Серьезным препятствием для проникновения чужаков в подсознание является и так называемый межличностный барьер, та волна неприязни, что вздымается в человеке, когда он слышит о ненавистных по опыту жизни людях. Разве можно было расположить избирателя к Ельцину, собравшемуся во власть на новый срок, разрушившему страну, спустившему жуликам

народную собственность, развязавшему гражданскую войну? Но и этот кажущийся непреодолимым барьер подсознания сумели взломать политтехнологи. Они не стали придумывать Ельцину новый «имидж», а, словно забыв о своем подопечном, взялись менять «имидж» его соперников-коммунистов. Переименовали их в «краснокоричневых», внушили, что при «красно-коричневых» в России будут голод и гражданская война, и тем самым изменили к ним отношение населения. Накопив огромный опыт взлома подсознания, политтехнологи без особого труда раз за разом проводят в президенты В.В. Путина, определенного Б.Н. Ельциным в свои преемники и все это время остающегося верным продолжателем Б.Н. Ельцина в разрушении России. А надо будет и ненавистное народу имя Чубайса принудят воспринимать с благожелательным добродушием: не тряпка, жесткий, волевой, сумел навести порядок в энергетике, наведет его и в России.

Каждый человек имеет свои, порой очень личные барьеры подсознания из верований, знаний, убеждений и ими заграждается от чужих непрошенных вторжений в свою душу, следовательно, во время таких массовых кампаний, как выборы, искателям душ нужно одновременно находить ключики для миллионов людей. Есть ли такие универсальные отмычки? Да, есть. Все теле- и радиоканалы строго контролируются или властью, или их хозяевами, и сведения поступают к зрителю и слушателю в упаковке комментария или с «биркой» оценки их журналистом. Военная хроника из Чечни в 1995-1996 годах могла не содержать никаких рассуждений репортера, но, рассказывая о противоборствующих сторонах, тележурналисты русских солдат называли «федералами», а чеченских бандитов — «партизанами», «полевыми командирами», и зритель на подсознательном уровне сочувствовал «партизанам», героически сражавшимся с непонятными «федералами». Даже интонация репортера формирует мнение телезрителя. Вот свидетельство Виктора Шендеровича, большого мастера подобных эффектов:

«Передо мной — две кассеты. Два репортажа, сделанные одним и тем же журналистом.

Оба посвящены встречам Лукашенко и Путина. Между ними — всего полгода, но как изменился автор репортажей! Тонкое, нескрываемое ехидство (осень 1999-го, НТВ) и граничащее с восторгом уважение к лидерам союзного государства (весна 2000-го, РТР)».

Сегодня в результате бешеной конкуренции между владельцами телеканалов кухня приготовления информационного варева приоткрылась, из нее вырываются зловонные пары от тех продуктов, которыми нас потчуют телетехнологи. Тот же Шендерович описывает свое столкновение по поводу акцентов в освещении войн в Чечне и Югославии с тогдашним директором НТВ Добродеевым: «Армия эта не моя, и война не моя» (о чеченской кампании), «Олег, тебе нужны Балканы?» (о войне в Югославии).

Лжезакон свободы информации втолковывает наивным гражданам, что средства массовой информации в демократическом обществе показывают то, что хочет видеть большинство телезрителей, что это-де «народный заказ». И что, кто-то действительно поверит, что катящий с телеэкрана вал насилия, секса, лицемерия, подлости жаждет видеть народ? Да если какой космический пришелец, ничего не зная о нашей цивилизации, судил бы о ней только по тем фильмам, которые вышли на экраны за последние годы, он вынес бы твердое убеждение, что Россия — страна убийц, проституток, алкоголиков и наркоманов. А ведь нас всерьез убеждают, что мы именно такие, какими нас показывают, нам внушают, что мы агрессивны и злы по своей природе, и телевидение объективно, прямо-таки зеркально отражает наше лицо и нашу натуру.

Бдительность зрителя усыпляют внушением, что средства массовой информации несут плюрализм мнений, и тогда голоса, которые доносятся с экрана, не кажутся зрителю опасно навязчивыми, так как эти голоса рассуждают по-разному, а, следовательно, не может быть опасности психологического давления.

Нас убеждают, что «черный ящик» в углу комнаты — наш друг, наше окно во Вселенную,

наше око, следящее за самым интересным в мире. Это подкупает нас доверять экрану, как собственным глазам, что вкупе с раскрытыми при помощи телевизионного транса вратами нашего подсознания и делает зрителя послушной игрушкой в руках политтехнологов.

Покажем, как телеманипуляторы играют с нами в «кошки-мышки», где зрители всегда «мышки», обреченные быть проглоченными.

Обыватель приходит с работы, ложится на диван или плюхается в кресло, включает телевизор и расслабленно поглядывает на мелькание рекламных картинок. Если среди этого мелькания внезапно на 2–3 секунды застынет яркий во весь экран глаз, наш зритель непременно встрепетается и уткнется взглядом в мерцающий экран, потому что у человека веками выработан рефлекс общения — глаза в глаза, чужой, упавший взгляд он обязательно встречает ответным взглядом. Но у манипуляторов, поместивших глаз на экране, свой замысел, — зритель должен сосредоточить внимание на одной точке, тогда эффективное введение его в телевизионный гипнотический транс обеспечено.

Теперь, когда зритель и расслаблен, и сосредоточился, на экране вновь мелькают рекламные сюжеты на очень высокой скорости. Запомнить их невозможно, никому не под силу даже успеть понять, о чем эти сюжеты, столь коротки секунды их появления.

Зато их запоминает наше подсознание, которое потом заставит человека действовать: покупать ненужный ему товар или голосовать за незнакомого, а то и вовсе ненавистного ему человека. Мельтешня сюжетов «расщепляет» сознание зрителя, выключает его как неспособное считывать информацию с телеэкрана, и потому вслед за мельканием обывателю кажутся пространные сюжеты. И вот их, уже пребывающий в телевизионном полусне телезритель, воспринимает безропотно и запоминает надолго.

«Расщепление» сознания может достигаться самыми хитроумными способами. На экране возникает известное всем с детства по репродукциям в учебниках живописное полотно «Охотники на привале», на котором с удовольствием останавливается наш взгляд, интуитивно возрадовавшись образам детства и школьных лет, и вдруг изображение начинает оживать, охотники встают, собаки вскакивают, а зритель, естественно, вздрагивает, на миг поверив, что все это ему чудится и что он сходит с ума. Эта мгновенная потеря ощущения реальности сама собой расщепляет сознание и вводит человека в гипнотический транс.

Когда доза информации попала на подсознание тележертвы, зрителя немедленно выводят из состояния полузабытья. Чаще всего это происходит при помощи серии ярких вспышек, на которые реагирует глаз и мозг, как бы пробуждаясь от усыпления. На это пробужденное сознание снова воздействуют еще более усиленной дозой информации, которая проникает в человеческий ум и память в состоянии постгипнотического внушения, очень благоприятном при управлении человеком извне. Такова схема активного воздействия на подсознание человека техническими приемами телерекламы.

А теперь представьте, что все эти приемы бьют в одну и ту же точку, преследуют одну и ту же цель: заставить народ голосовать за нужного властям кандидата, за удобный правителям выборный думский блок. Получив сверхдозу такого внушения, человек, все защитные барьеры подсознания которого взломаны, все фильтры души уничтожены, просто заболевает манией любви и преданности, становится сам не свой, в нем отчетливо проступают симптомы психического изменения личности. И запретить делать из граждан России психопатов правители никогда не пожелают, других способов удержаться у власти у них просто нет. Только обман, манипулирование и телевизионное внушение.

Реклама и новости, ток-шоу и интервью, сериалы и реалити-шоу, — все жанры телевидения служат выборам, и их воздействие на зрителей особенно агрессивно в горячие дни выборных кампаний. Число жертв информационных технологий многократно увеличивается, некоторые впадают в депрессию, растет число самоубийств, люди становятся беспричинно злобны, мучаются страхами или, наоборот, заболевают апатией.

И это не удивительно, ведь в нас, без спроса, даже без нашего ведома закладывают информацию, запускают командные импульсы, вырабатывают симпатии и антипатии, не свойственные нам по природе, которые вызывают мучительное чувство раздвоения личности, разрушают психику.

Рассмотрим, как делаются диверсионные «закладки» информации в наше подсознание. Вмонтированный в видеопленку «25-й кадр» не виден глазом, но хорошо улавливается подсознанием. Классический пример его использования в рекламе поп-корна во время проката кинофильмов в США всегда сопровождается лживым заверением, что ныне такая наглая манипуляция людьми просто невозможна, поскольку «25-й кадр» запрещен как преступный беспрепятственный вход в подсознание, при этом монтаж, якобы, легко обнаружить и, дескать, рекламодатели и телетехнологи боятся неприятностей. Такие заверения лишь усыпляют наше внимание к тому, что мы получаем с экрана. Выявить «25й кадр» на телевидении практически невозможно, для этого необходима специальная компьютерная программа, появившаяся в России в 2002 году и показавшая очень низкую продуктивность из-за перегруженности «25-ми кадрами» всех телепередач на всех каналах. Когда эту компьютерную программу по чьей-то оплошности начали рекламировать, Министерство печати и информации России проговорило, что «25-й кадр» используется сейчас практически в каждой телепередаче и в каждой рекламе. Что конкретно внедряется в наше подсознание через «25-й кадр» — неукротимое желание пить пепси, навязчивая идея поклоняться будде или кришне, а, может, мания исступленно любить Жириновского, — нам не ведомо. Можно, к примеру, заставить толпу разгоряченных болельщиков бить витрины и поджигать машины на улицах, передав им через «25-й кадр» на огромных уличных телеэкранах сигнал лютой злобы. А потом в ответ на спровоцированную бойню срочно принимать в Думе закон о противодействии экстремистской деятельности, карающий всех негодных власти.

Есть и иные пути влезть в наши души и мозги, подкинуть в наши головы-гнезда «роковые яйца». Это так называемая «свертка» информации в легко усваиваемый образ и «развертка» ее в сознании зрителя в виде твердого убеждения. В 1996 году накануне очередных президентских выборов придворный режиссер Эльдар Рязанов снял документальный фильм о том, как гостевал у Ельциных. Его принимали запросто, на кухне, суетливая Наина Иосифовна мелькала на экране с капустным пирогом, что-то нечленораздельное мямлил Президент, но главным событием фильма стал, стул, да, самый обыкновенный стул, на который, как бы случайно опустился Рязанов икак бы нечаянно порвал себе брюки. Какая замечательно выигрышная сцена! Зритель огорочен: у Ельцина из стульев гвозди торчат! Простой, скромный человек, совсем как мы, грешные! Гвоздь и порванные штаны Рязанова — вот образ, в который была свернута пространная информация о том, что Ельцин-де не вор и не злодей, обесчестивший великое государство, а скромный, простой, наш, свойский. А «свой» плохим быть не может!

Технология «свертки информации» на широкую ногу была поставлена в передаче «Без галстука» на НТВ, где нам представляли «одомашненных» политиков — на кухнях и дачах, с женами и детьми, собаками и кошками, попадались субъекты с верблюдами. Чего они только ни вытворяли с идиотским искренним лицом под одобрительные понукания талантливой ведущей. Премьер-министр Черномырдин бацал (нельзя же это назвать игрой!) два притопа — три прихлопа на гармошке, саратовский губернатор Аяцков демонстрировал искусство верховой езды

на верблюде, секретарь Совета безопасности Лебедь пыхтя отжимался и наяривал утюгом пододеяльники, премьер-министр Кириенко с подростковым энтузиазмом пырлял японским кухонным ножом воображаемого противника. Выставление себя полными идиотами делалось героями передач ради одного — показать избирателю, что они свои, простые, доступные, такие, как все. Посмотрят обыватель и его благоверная, как Черномырдин живет, и вроде у Черномырдина в гостях побывали, рядом с ним на стуле посидели, гармошку его хрипатую послушали, супругой его полюбовались, заметили, где что на полках стоит, на чем хлеб-соль едят. А если ты у человека в доме был, он же своим становится, родной совсем, почти что брат. И поет не лучше пьяного соседа, и баба его еще толще моей Нюрки, и пес его шелудивый, такие и в нашем дворе бегают. Ну как есть свой! А за своего, знакомого, родного, за его Нюрку, гармошку и пса — как не проголосовать, рука сама бюллетень нашаривает. Один мой знакомый, очень недовольный деятельностью Лужкова, после такой вот передачи, где очень крупно показали жену московского мэра, сочувственно произнес: «Я ему все простил, мученику!»

Через мимолетный образ, как бы нечаянную деталь, вроде бы случайное действие закладывается в душу человека продуманная информация и растекается, заполняя сознание убежденным мнением о скромном и честном труженике Ельцине, о свойском мужике Черномырдине, о добропорядочном семьянине Жириновском. В выборных кампаниях эту технологию считают важнейшей. Если политика показывают потеющим в тяжелом физическом труде, скажем, рубит дрова на даче, значит, нас хотят убедить, что трудолюбив наш будущий избранник, хозяйственный. Если демонстрируют политика глядящим лошадь или собаку, треплющим за уши кота, насторожитесь, вас хотят убедить, что он добрый и отзывчивый человек. Кот, собака и лошадь очень часто не имеют к герою ни малейшего отношения. Хитрющая Маргарет Тэтчер ради имиджа выгуливала перед телекамерами совершенно незнакомую ей собаку. Предвыборный лабрадор господина Путина, если бы не был его собственным, тоже мог быть взят напрокат из какого-нибудь собачьего клуба, причем именно лабрадор — добродушное существо, кидающееся лизать в нос всякого встречного-поперечного и вызывающее умиление избирательниц. Демонстрировать в роли путинского любимца кровожадного бультерьера телетехнологи вряд ли бы решились. Показать кандидата в президенты, глядящего экзотическую бородавчатую жабу или миниатюрного домашнего крокодила, — такие семейные любимцы есть у некоторых оригиналов, — пиарщики вообще наотрез откажутся, равно как не предложат клиенту прогуляться с черным каракумским тарантулом на плече или с парой породистых белых крыс на изящной золотой витой цепочке.

Особенно критично относитесь к идиллическим репортажам о политиках в окружении детей, как своих, так и чужих. Маленькая дочка забралась к папе на руки и прижалась к нему румяной щечкой. В душе зрителя мед и патока — этот человек никому не сделает зла, ведь он так любит детей! Он и о наших детях позаботится не хуже, чем о родных! И сколько таких идиллических картинок из «детского альбома» припасли политехнологи для доверчивого избирателя: тут тебе и посещение клиентом детского дома с подарками, и его визит в детскую больницу с лекарствами. Обездоленные дети, исстрадавшиеся личики, с трогательным ожиданием искренние глаза — тот вазелин, с помощью которого цинично пролезают в души избирателей депутаты и президенты. Вот откуда постоянный сюжет предвыборных новостей: жена президента со слащавой улыбкой гладит по головке детдомовского сиротку, мэр города собственноручно привозит мед в детский приют и торжественно проводит там публичное чаепитие, Президент чуть ли не каждый день бывает на уроках в школах, самолично объясняя второклассникам свою предвыборную программу. Для здравого ума — бездарнейшее времяпровождение руководителя. Люди при столь важных должностях, обремененные кучей государственных дел, занимаются сущими пустяками. Смешно мэру работать раздатчиком меда,

а Президенту учить второклассников Конституции, но с точки зрения выборных технологий — это в высшей степени полезные и мудрые шаги — избиратель уронит скупую слезу и до самого заветного дня выборов будет неотвязно помнить, что талантливо навязанный ему избранник необыкновенно, исключительно, замечательно добрый человек!

Заметьте, не все стороны жизни своих обожаемых вождей видят избиратели в этих «электоральных пасторалях». Никто никогда еще не показал, как какой-нибудь кандидате аппетитом поглощает черную икру, да даже простую свиную отбивную еще никто из них на экране прилюдно не скушал. А почему? Да потому что это интуитивно не по нутру обывателю, который, поглазев на жующего, непременно решит: «Ох, и прожорлив! Такого к власти нельзя — всех сожрет!».

Точно также никто из пиарщиков не посоветует своим «клиентам» показать себя моющимся, причесывающимся, одевающимся, а вот в бане, непременно в парной, с экрана телевизора успели покрасоваться многие — ведь это образная информация о русскости и здоровья человека. Но моющийся, скажем, под душем, вооруженный мочалкой и мылом кандидат непременно даст зрителю повод подумать: «Видать, шибко грязный, если нужда прилюдно мыться». А поскольку подсознание метафор не приемлет, то и образ грязного во всех отношениях человека закрепится за «клиентом» навеки.

Важной технологией внушения, проникновения в наши мозги и души оказываются авторские программы на политические темы. Их воздействие основано на особой роли монолога. Вопросы, ответы, споры, возражения, то есть привычный в нашей повседневности диалог дает возможность каждому анализировать, сомневаться, думать. Монолог же, когда один говорит, а другие его только слушают, в обычной жизни возможен, когда говорит старший — начальник, учитель, руководитель, родитель, хозяин, словом, авторитет, которого принято не перебивать, которому будет лучше не возражать, с которым себе дороже спорить. Но монолог с экрана телевизора в авторских программах создает ситуацию, когда мы, зрители, не можем возразить ни Сванидзе, ни Познеру, ни Радзиховскому, ни Млечину, глаголющим с экрана. Мы принуждены только слушать их, как будто они нам отцы родные или учителя, начальники или хозяева. Благодаря телемонологу у большинства зрителей, вопреки их собственной воле, вырабатывается привычка, даже потребность соглашаться с тем, что вещает им с экрана «говорящая голова». Слова «говорящей головы» с экрана всегда кажутся весомее и значительнее слов рядом живущих, будь они стократ умнее познеров и шустров. Ведь с умным соседом можно поспорить, можно даже в ухо ему дать, чтоб не шибко умничал, а с экранной головой, пусть даже наипустейшей в мире, не поспоришь, в ухо не заедешь. Вот психологическая причина высоты экранного пьедестала, создающего культ из любой серости. Ну, заметили бы вы Хакамаду на улице? Если бы и заметили, то исключительно благодаря ее внешней безобразности на фоне привычно красивых славянских женских лиц. Нагловатая дамочка с навязчивой одесской манерой умничать, самоуверенная мастерица торгово-спекулянтского «бизнеса» местечкового масштаба. Сидела бы она в своем кооперативе и доньне, считала бы дебет и кредит приватизированных народных богатств, в перерыве обедая пакетом обезжиренного йогурта, но вот взобралась на экранный пьедестал, не сама, конечно, единоплеменники подсадили, и крикливая кооператорша «с привозу» превратилась в глубокомысленного политика, потом в думского вице-спикера, и почти что в нашу родную мать и строгую учительницу жизни.

Увеличительная телелинза, наведенная на исполнителя монологов — телекомментатора, депутата, президента, банкира, удивительным образом умножает объем мозгов и значимость слов всякого, на кого умело наведена. Вспомним, как подавали с экрана речи больного и пьяного Ельцина в бытность его Президентом России: вырезали нетрезвые детали, несуразицы и глупости, произнесенные им «не в себе», отредактированные монологи выдавались за тронные

слова, которые, представьте, многих брали за душу! Он говорит, а ты молчишь, ты же подсознательно оказываешься в роли провинившегося сына пред очами строгого отца. А разве отца выбирают, разве отца можно судить? Вот так волшебная линза телеэкрана из визгливо твякующей моськи делает многозначительно трубящего слона, из лилипута — Гулливера. И мелкотравчатые властители с такими же мелкотравчатыми, под стать себе, невзрачными мыслишками и блеклыми речешками, косноязычные и заики, картавые и шепелявые с помощью волшебной линзы предстают на телеэкране могучими, авторитетными, неукротимыми златоустами.

Безропотное послушание «говорящей голове», конечно, оказывают не все. Замечено, что эти самые «головы» эффективно воздействуют на людей довольно высокого интеллекта, которые, что называется, «легко обучаемы», потому что выдрессированы жизнью и работой перенимать опыт у любого авторитета. Но на многих людей, по натуре своей непокорных и неподатливых, а также на несообразительных, не любящих учиться и слушать умные речи, убедительные монологи «говорящих голов» не действуют. Такие неслухи и в детстве отца-матери не почитают, на работе перечат начальству, сутяжничают по пустякам. Ловушкой для не готовых участвовать в заклинательных «сеансах» говорящих голов является другая виртуозная технология внушения, отработанная в телевизионных техниках «ток-шоу».

Ток-шоу представляет собой диалог — ведущий или ведущие расспрашивают приглашенного на передачу гостя или гостей. Зритель, наблюдающий беседу на экране, — это третья, созерцающая действо сторона. Кажется, столкновение мнений, горячие споры, резкие возражения делают наблюдающего вольным выбирать, с кем согласиться и кого поддержать сначала душой и сердцем, а потом головой. Спорщик и неслух наверняка уловят в гвалте полемики мнение по душе. Но свобода выбора одного из двух или нескольких мнений здесь также иллюзорна, и вот почему. Вы, наверное, обращали внимание, что в ток-шоу обязательно присутствуют зрители, плотным кольцом окружающие собеседников. Аудитория эта по большей части молодежная, набрана из студентов, илиженская. Где добывают такое количество праздных домохозяек, неведомо, скорее всего они вообще являются штатными единицами телеканалов. Вот с этой аудиторией, с ее мнением, ее чувствами, ее впечатлением и сливается душой, сердцем и головой зритель. Не каждый, конечно, но психологи установили, что треть человечества непременно хочет быть как все, не отстать от других, подпевать общему хору. На солидарности во мнениях, на автоматическом присоединении телезрителя к зрительской аудитории ток-шоу и строится расчет программирующих нас политтехнологов. Ведь мнение зрительской аудитории ток-шоу абсолютно управляемо. К примеру, в передаче Познера «Времена» активную роль играл некто невидимый телезрителю, зато хорошо видимый трибунам, и когда этот человек хмурился, возмущался, подсмеивался, начинал аплодировать в нужных по сценарию местах, вслед за ним и трибуны хмурились, возмущенно протестовали, хохотали, всплескивая руками, дружно подхватывали аплодисменты, давая звучащему на арене мнению нужную манипуляторам эмоциональную оценку. Вот и мы, продавливая свои диваны у телевизоров, не по своей воле, а исключительно по диктату суфлера ток-шоу хмуримся и возмущаемся, хихикаем и аплодируем. Мой коллега, будучи приглашенным на «Времена» к Познеру, заметил манипуляции суфлера. Убедившись, что трибуны кидаются хлопать в ладоши по звуку его первого хлопка, он принялся хлопать в «неурочный час», и «увел» за собой трибуны, они азартно аплодировали словам, в ответ на которые, по замыслу Познера, должны были топтать ногами. Конфуз в программе «Времена» был полный, а результат манипуляции зрительским мнением практически нулевой.

Заметьте, что ток-шоу на телевидении представлены в широчайшем ассортименте, охватывая все социальные группы не любящих думать и учиться людей, на которых логика факта не действует. Это большей частью женщины, а они весьма добросовестные избирательницы, при

отсутствии телевизора дни напролет проводили бы у подъездов на лавочках, пересуживая соседей, родню, начальство и всякого встречного-поперечного, но там, на лавочках, управлять их мнением невозможно, и для выборов эти люди были бы потеряны. А вот управлять ими, слившимися в одну коллективную душу с трибунами ток-шоу, очень удобно. И политтехнологи умело управляют, играя на любопытстве телезрителей к «грязным темам» извращенной любви, супружеских измен, к тайнам черной магии и вредительского колдовства, к каббале и гаданиям, да мало ли житейской грязи, на которую глупое женское любопытство клюет, пересиливая стыд, отвращение, осторожность и брезгливость. Одна только передача «Жди меня», занимающаяся поиском беглых мужей, скрывающихся от алиментов, и блудных сыновей, забывших о родителях, так прикует зрительницу к экрану, что и плач родного дитя не оторвет от мерцающей голубой линзы ее зачарованного взгляда. Эта почти маниакальная привязанность к ток-шоу делает бедных женщин послушным стадом любимого пастуха — ведущего передачи. И в заветный час этот манипулятор произносит заветное слово, по которому сотни тысяч его поклонниц как главную задачу своей жизни выполняют порученное им телеведущим.

Еще одна технология внушения — это художественные сериалы, изо дня в день приковывающие население к экранам, так что стар и мал забывают про сон и питье, ждут не дождутся узнать, кто кого победит в бандитской разборке, выйдет ли Роза-Мария-Изабелла замуж за Дона Диаболиса, чьим сыном является ребенок Лючии. Сериалы воспитали особый тип зрителя-телемана, приучив большую часть населения страны сжиться с телевизором, не отходить от телевизора, мыслить телевизором. Из жизни большинства людей ушли другие источники информации — книги и газеты, с которыми человек чувствует себя гораздо более свободным в суждениях. Сегодня большинство пенсионеров вместо молитвы и воспитания внуков, естественного состояния старого человека, пережившего время страстей и думающего о спасении души, пребывают в наркотическом полусне, нашептанном виртуальными страстями мильных опер. Место «Тропиканки» и всяческих «Рабынь» теперь заступили отечественные сериалы про «нашу жизнь». Их задача, привязав к себе взрослое население страны, неспешно перевоспитывать его в соответствии с задачами, поставленными властью. Все герои сериалов черно-белые, несмотря на яркость цветных кинолент: добрые и отважные борются, воюют, противостоят негодьям и злодеям. Усложнения не допускаются вовсе не потому, что того не желает телезритель — потребитель многочасовых ежедневных порций двуцветного кино. Уж наш-то любитель кино умел разобраться в сложных натурах Гамлета — Смоктуновского и Андрея Рублева — Солоницына. Черно-белые герои сериалов служат совсем другому, они программируют зрителя, навязывая ему новые представления о жизни, предельно ярко обозначенные в черно-белых символах-героях, они ненавязчиво, но настойчиво формируют наши новые симпатии и антипатии.

К примеру, сериал «Кодекс чести», показанный в начале 2003 года по НТВ, — один из воспитывавших в преддверии выборов декабря 2003 года именно национальные симпатии и антипатии. В нескольких фильмах по несколько серий каждый показаны бывшие спецназовцы, честные и смелые, душой радеющие за державу, среди них пятеро русских и два еврея. Враги же, с которыми воюют российские командос, — это чеченцы, собирающиеся взорвать атомную станцию, это русский продажный генерал, торгующий химическим оружием с арабами, это бандит-эстонец, контролирующий калининградский порт. А вот друзья и верные помощники кто? Не трудно догадаться: еврей Аарон, бывший советский разведчик, сбежавший некогда за границу и ныне тоскующий по России, смелая еврейская девушка-агент Моссада, спасающая ценой своей жизни Россию от

чеченского атомного взрыва. Следующие фильмы этого сериала продолжают список национальных симпатий-антипатий, без сомнения, в том же направлении. Кавказцы, эстонцы,

русские, арабы заведомо будут противостоять спецназовцам, а евреи останутся верными товарищами по оружию, причем во славу России. И так вот, ненавязчиво, не в лоб, а исподволь, через сюжет, через образ доброго старого Аарона и отважной героини-моссадовки, через еврея-лейтенанта Семена, павшего смертью храбрых, у зрителей формируется чувство, да, пока только чувство глубокой симпатии к любому Аарону, который затем предложит себя в депутаты, в губернаторы, в мэры и президенты. А все наше негодование о бедах Отечества мы изольем на головы ловко подsunутых нам «виновников» наших бед — кавказцев, арабов, эстонцев.

Технологии внушения угрожают психическому здоровью человека. Наша справедливая неприязнь, понятная всем ненависть, праведный гнев к врагам Отечества, а таковыми, безусловно, являются и Ельцин, и Черномырдин, и Путин, и Жириновский, и Чубайс, и прочие подобные им «агенты Моссада», это здоровое чувство справедливого возмущения политтехнологи перепрограммируют на любовь. Представьте, вы терпеть не можете Чубайса, знаете, что это наглый без чести и совести разграбитель страны, убийца, ведь по его команде при отключении электросетей в больницах на операционных столах гибли люди, в роддомах умирали новорожденные! А семьдесят пять погибших при аварии на Саяно-Шушенской чего стоят! Но вдруг вы обнаруживаете в своей душе упрямо ворохающуюся там симпатию к Чубайсу, к этому, как вы его называли? — «омерзительному рыжему таракану»! Откуда вам знать, что вкрадчивые «25-е кадры», базарные ток-шоу, нахрапистые авторские программы, разудалые «герои дня», наглые «свободы слова» дружно и разом навалились на вас и «обработали» вашу душу так, что теперь ее не только родная мама не узнает, но и сами себя вы узнать не можете, и мучаясь от раздвоения личности, приходите в отчаянье. Выход из этого омута один: не смотреть их, не слушать их, и уж во всяком случае, не верить ни одному их слову.

//- Демократический электорат — армия психопатов — //

Здоровое чувство отвращения к завораживающему душу экрану знакомо многим. Это прекрасно знают манипуляторы-политтехнологи. И для того, чтобы люди не могли осознать себя жертвами технологий внушения, чтобы они не сумели изжить в себе ненормальную симпатию к врагам Отечества, нагло пожирающим нашу Родину при всенародном молчании, для этого через средства массовой информации народ обрабатывают словесным «дустом», отравляя сознание людей, создавая из них целые армии психопатов.

Во-первых, это вживление в человеческое сознание словесных матриц, определяющих мироощущение человека, его понимание сегодняшнего устройства жизни. Власть имущим в России будет спокойнее от того, что ее народы не имеют притязаний на лучшую жизнь. Взгляд человека на происходящее в России программируют набором таких нехитрых понятий:

Наша жизнь плоха, потому что во всем мире плохо. Чтобы не стало хуже, надо больше и лучше работать. Чтобы не стало хуже, нельзя допустить войны и крови.

Как на деле осуществляют подобное программирование? «Во всем мире плохо», — эта мысль навязывается телетехнологиями через упорное нагнетание катастрофизма, когда первые строки всех новостей занимают убийства, взрывы, землетрясения, аварии, самоубийства, покушения. Зрителей погружают в омут отчаянья и безволия, соблазняют примером уйти из этой постылой, бессмысленной, жестокой жизни. Три девочки в Подмосковье выбросились из окна. Три дня телевидение назойливо показывало распостертые детские тела, называло имена, смаковало подробности детской жизни, находило все новых родных, знакомых, свидетелей. И следом пошла волна подобных самоубийств — другие несчастные девочки тоже захотели быть знаменитыми.

Как в земной ад погружает нас телевидение в бедствия всего мира, а для чего? Чтобы внушить одно: если другим несладко живется, то и тебе вроде не так обидно терпеть. Именно ради этого варят и потчуют нас телевизионным хлебом из аварийных, самоубийственных, катастрофических новостей, внушают русскому человеку: главное, чтобы не стало хуже! И в подспорье объясняют, как сделать, чтобы не стало хуже: «Не допустить войны и крови». Со всех эфиров проникающее в сознание ежедневное заклинание «Лишь бы не было войны!». Убийственная, вредоносная, сокрушающая дух человека и народа запрограммированность поведения. Следа бы не осталось от России, дозволяй она своим вождям вооружиться этим лозунгом. Вы только представьте себе Владимира Мономаха, Александра Невского, Иоанна Грозного или Петра Первого, Суворова или Ушакова, Жукова или Сталина с этим заклинанием, с этим причитанием, с этим нытьем, с этим скулежом на устах. Иноземцы давно бы стерли нас в пыль, а землю нашу растащили по своим огородам. Но в наши головы упорно вживляют программу терпимости и покорности: бедствуй, недоедай, мерзни, умирай, но терпи, русский человек, лишь бы не было войны.

На наших глазах этой вредоносной, губительной для России программой изничтожается национальное мышление и национальный тип поведения русских — народа воинственного, однако и многотерпеливого, и добродушного. Колдовское заклинание «Не допустить войны и крови!» ослепило людей. Война — вот она, всю хозяйничает, крошит страну на куски, режет по живому, пожирает людей по три с лишком миллиона в год, а люди, уготовленные к закланию на этой самой войне, все одно талдычат уже накрепко усвоенное «Лишь бы не было войны!». Ни зарплат, ни пенсий, голодный народ, как в блокаду, от истощения падает в обморок, беспризорных детей больше чем в войну, зато жиреют воры, жируют олигархи, — где закон, справедливость, порядок? «Перетерпим, — хором в ответ, — лишь бы не было войны!» Молодежь спивается, гибнет в наркотическом угаре, — где суровое возмездие развратителям? А нам в ответ о мире и согласии: «Лишь бы не было войны!»

Другой речевой импульс, внушающий, принуждающий, что делать, чтобы не стало хуже: «больше и лучше работать, много работать, работать без сна и отдыха». И вроде русские ленью никогда не отличались, но ведь как ловко на них самих все беды списать: «Плохо работаете, товарищи, вот и живете худо». Когда подобная программа оккупирует разум, человек чувствует, что он в тупике. Трудолюбивому и честному русскому, привыкшему кормить себя и семью собственным трудом, своими руками и головой, настойчиво внушают: работать лучше и больше. Вкальвая по-черному, но мало получая, и в таком положении находятся сегодня восемьдесят процентов населения России, трудяга все время ищет, где бы ему еще приработать, и получается, как в анекдоте про врача, которого спросили, почему он всегда трудится на полторы ставки: «Да потому что на одну — есть нечего, а на две — некогда». Но работают и на двух, и на трех, а куда денешься — иначе не выжить. И тогда ни учителю, ни врачу, ни строителю не только есть некогда, детей растить и учить некогда, думать некогда, некогда остановиться и задуматься — для чего устроена вся эта гонка? Человек становится тупой машиной по лихорадочному добыванию денег — заработать, потратить, снова заработать и опять потратить, да еще с испуганной оглядкой, чтобы курс доллара и рубля не упал, не съел заработанное. Смысл самого труда, его качества, цель человеческой жизни — все отходит на задний план. В мозгу тяжело ворочается единственная запрограммированная мысль — надо больше, больше, больше работать.

Как проникают в наши головы эти вредоносные программы поведения? Идея «лишь бы не было войны» подается в упаковке военных сводок из Чечни, в устрашающих репортажах о бессмысленной гибели там русских солдат, в кричащих документальных фильмах о захватах заложников. Эти шоу, ввергающие зрителей в информационный шок, телевидение разыгрывает

регулярно. Одна телепанорама зрительного зала — поля битвы с террористами на Дубровке в Москве с точки зрения политтехнологов дорогого стоит — кровь, много крови, мертвые женские тела. Панорама смерти, особенно мертвые молодые женщины, шокирует обывателя и укрепляет в нем одну-единственную мысль лишь бы не было войны, любой ценой, любыми жертвами, готовностью тысячекратно терпеть и молчать, «лишь бы не было войны».

Программа «надо больше и лучше работать» внедряется в подсознание навязчивой демонстрацией обеспеченного человека, выдаваемого за идеально счастливого — чаще всего это актер, политик, предприниматель и банкир — всегда под одним соусом «он добился этого, потому что всегда много работал».

Впитывание таких программ вводит человека в ненормальное психическое состояние одержимости многочисленными фобиями — беспричинным страхом перед собственным будущим и перед будущим своей страны.

Другие словесные матрицы, внушаемые обывателю, нацелены на то, чтобы управлять духовно-нравственным состоянием человека. Здесь нас буквально «переписывают» заново, помните, исходная позиция манипуляторов-нейролингвистов «человек — это текст, его можно и нужно править». Задача авторов «новых текстов» — воспитание человека в духе служения своему чреву. Эгоист живет только ради своего удовольствия, и потому наиболее управляем, мотивы его поступков всегда ясны, поведение предсказуемо, и убедить его в целесообразности любых шагов, предпринятых властью, — вплоть до сдачи государства Российского в аренду Соединенным Штатам Америки сроком на тысячу лет — не составит труда, главное внушить массовому обывателю: «ты от этого только выиграешь». Но сначала надо добиться, чтобы принцип «жить для себя» стал основой существования миллионов. Это делается весьма успешно внедрением в наше подсознание словесных матриц «удовольствия» и «наслаждения»:

Надо жить для своего удовольствия и наслаждения.

Удовольствие и наслаждение приносят еда, секс, веселые зрелища.

Все, что мешает удовольствию и наслаждению, гони от себя.

Перевоспитание населения в духе рабства собственным прихотям, служения собственному чреву целенаправленно и мощно осуществляется в России. В основу его заложен инстинкт собственности. Словесным стимулированием этот инстинкт обостряют до навязчивого желания проглотить весь мир. Удовольствие от обладания — едой, здоровьем, женщиной, мужчиной, красотой, имуществом — вот смысл и цель жизни субъекта с «переписанным текстом» души.

Яркие рекламы заклинаяют: «Жизнь- это наслаждение, наслаждение вкусом!», «Живите с удовольствием — попробуйте шоколад «Дав», «Детское питание Бле-вота (bleu water — это не шутка) — это все, что нужно вашему малышу», «Ты достойна самого лучшего: купи шампунь «Вши-вота!».

Особенно активно, без критики и подозрения, эти установки впитывает молодежь. Не имеющие опыта собственной жизни, не наученные послушанию родителям, их души представляют для захватчиков-политтехнологов не занятую ничем и не освоенную никем территорию, которую те и кроют по своему вкусу, внушая через рекламу, эстраду, кино все поглощающую мысль «Ваша цель — наслаждение!». Законы словесного воздействия срабатывают здесь помимо воли молодого человека, ионе тупым упорством начинает стремиться к наслаждению — в еде, в любви, в любом своем поступке, ища только этого и интуитивно избегая всего, что может помешать наслаждению — избегая жертвенного служения Отечеству, нарушая сыновний долг, скрываясь от армии, пренебрегая родительскими обязанностями, никогда не рискуя перед лицом опасности жизнью, ведь ею велено лишь наслаждаться.

Очень активно словесные матрицы удовольствия внушаются через бесчисленные «развлекаловки» и «хохмы» — юмористические программы жванецких, хазановых, петросянов,

винокуров. Люди, собирающиеся на эти зрелища в огромных залах и у телеэкранов, жаждут одного — «поржать». Не посмеяться, не улыбнуться тонкой шутке, игре слов, а именно «поржать», «погоготать», «повизжать», — какие еще животные термины приложить к этим звукам, которые издают зрители, схватываясь за животы, икая, обливаясь слезами и фыркая. Такой смех ненормален, но не плоские и пошлые шутки его вызывают, а эпидемическая искра, передающаяся от одного зрителя к другому. Состояние, в которое впадают пришедшие за удовольствием люди на «сеансах» смеха, сродни психически болезненному состоянию эйфории, когда «деятельность больных расторможена, наблюдается дурашливое поведение и расстройства критического мышления». Но главная опасность юмористических программ — в стремлении создавать у зрителя потребность и удовольствие от впадения в психически болезненное состояние эйфории.

Сама жизненная программа, которая навязывается людям, склонным к удовольствиям, сродни психозу эйфории, при котором больной не может воспринимать и здраво оценивать происходящее.

Особое внимание политтехнологи уделяют словесным внушениям, формирующим рефлекс равнодушия к судьбам своей страны и своего народа. Для того чтобы этот рефлекс был стойким у огромных народных масс, требуется кропотливая предварительная обработка человеческого сознания. Такая обработка идет по трем основным направлениям.

Первое. Это уничтожение памяти — цепкого удержания в уме событий и лиц, которые влияли и влияют на судьбу страны. В борьбе с народной памятью очень важна передозировка информации. Человеческая память не безгранична, она веками приучена вбирать в себя только необходимое в быту, в работе, в духовном становлении. И когда в человека впихивают, вбивают, грузят тонны информации ему не нужной, праздной, глупой (в Самаре чуть не взорвали дом, Путин не хочет идти в президенты на третий срок, нет, хочет, ах, опять не хочет, Алина Кабаева вроде бы родила ребенка от Путина, а может, еще не родила, а может, и не от Путина), память рушится под непосильной ношей вестей, отказывается служить человеку в разумном осознании настоящей жизни, в понимании вихря настоящих и мнимых событий. Лужков в 93-м призывал стрелять в народ? — не помню, а мэр-то был щедрый. Зюганов в 96-м выиграл президентские выборы и сдал победу Ельцину? — и знать не хочу! пускай теперь с Путиным и Медведевым соревнуется!.. Так уходит осмысление, размышление, мирозерцание, жизнь превращается в одни рефлексы, которые культивируют телескотоводы.

Второе. Это лживое изображение истории нашей Родины. Радзинские, Парфеновы, млечины, сванидзе делают это умело и расчетливо, возводя камень за камнем кособокое и шаткое здание виртуального прошлого великой Российской Империи. Изолганные исторические факты выдают не в виде собственных гипотез и предположений, нет, они программируют наши мозги абсолютной уверенностью «так было!». В их виртуальной истории национальные герои, вожди, правители России — непременно злодеи и сумасшедшие, особенно ненавистны им Иоанн Грозный и Иосиф Сталин. Царь великой воли и мужества Николай Второй, больше двух десятилетий сохранявший Россию от великих потрясений, с неистовой злобой именуется у виртуальных летописцев кровавым и слабовольным, а измена и заговор против него величают великой бескровной Февральской революцией. Победы Отечества выставляют поражениями, и Куликовская битва, мол, татарского владычества не уничтожила, и на Бородинском поле еще неизвестно кто кого побил, и в Великую Отечественную столько людей положили, какая, мол, это победа. Достижения и открытия русских людей в виртуальной телеистории оборачиваются лишь рабским подражанием, а той вовсе воровством западных технологий, именно об этом разглагольствовали имитаторы нашей истории в канун 50-летия отечественной атомной бомбы, удержавшей Америку от ядерной агрессии. Главное в создающейся лжеистории — разрушение

идеала национального вождя, кого ни возьми сегодня — царя ли русского, полководца, героя войны — все имена изолганы, истоптаны, а маяками на пустынном горизонте российского прошлого лишь фигуры еврейских «гениев» Троцкого, Михоэлса, Сахарова.

Но не только виртуальное прошлое состряпано для потребления русским народом, чтобы не мечтал он больше ни о новом Петре Великом, ни об Александре III, ни о Сталине, ни о Жукове, ведь кого ни возьми, все они на экране телевизора — убийцы, диктаторы, параноики — так твердят нам радзинские и сванидзе, уполномоченные кагалом программировать нас. Современная Россия тоже предстаёт экранов в виртуальном изображении — придуманный образ нищей страны, не способной ни прокормить себя, ни защитить, и такой же лживый образ народа — пропойного, неумелого, неразумного, вороватого, спасти который может лишь иноземная опека.

Наглядевшись войны и терактов в художественных сериалах, человек и настоящую войну, гибель соотечественников, взрывы домов, слезы идущих за гробами матерей и жен начинает воспринимать как художественное кино — отстранение и равнодушно. Пока показывают — сердце стучит, кровь приливает к вискам, душа болит, а убрали с экрана картинку — и вроде ничего не произошло, кино да и только!

Следом, в подсознание человека в хорошо унавоженную почву беспамятности, исторического космополитизма, отстраненности от боли и бед родной страны, проникают словесные матрицы апатии и безразличия:

Судьбу страны решают без меня, поэтому надо думать только о себе (в вариантах: о семье, о детях, о родителях);

Что я могу сделать один, когда вокруглишь негодяи да провокаторы;

Если буду сопротивляться в одиночку, могут убить (в вариантах — выгнать с работы, расправиться с детьми).

Страх перед жупелом насильственной смерти, трепет перед мнимой опасностью для семьи и фантом вездесущего провокаторства, парализующие волю совестливого человека (бессовестные граждане давно сагитированы призывами жить ради удовольствий и наслаждений), — все это воспитывается исподволь через ряд хитроумных словесных трюков. Нас запугивают, внушают шарахаться от малейшей опасности для себя и близких, проводя через шквал сюжетов криминальной хроники. Не столько потому, что это лакомо обывательскому любопытству, а именно потому, что обыватель, наблюдая на экране преступный разгул и беспредел, становится пугливым как мышь, которая трусливо поводит усиками, выглядывая из своей норки бусинками настороженных глаз, готовая при любой опасности нырнуть в глубокое подполье, залечь, притаиться, замереть в смертельном страхе. Вспомним реакцию москвичей на захват заложников — зрителей мюзикла «Норд-Ост». Дело было ночью, но уже на следующее утро в вагонах метро вмиг стало пустынно, жители микрорайонов, осторожно озираясь, выходили из своих подъездов, под каждым кустом высматривая притаившегося чеченца с гранатой. Москвичи жаловались друг другу, что боятся зайти в гастроном, могут взорвать.

Именно стремление запугать является причиной того, что нынешние правители России навязчиво употребляют в речи «феню» — блатной жаргон, преступную терминологию и черную матерщину. Здесь четко срабатывают законы словесного воздействия: приученный экраном и газетами бояться крутых бандитов и жестоких насильников, крепких тренированных «качков», обыватель неосознанно уже страшится и говорящих на преступной фене пухлых и дряблых смуглолицых господ в жилетках и смокингах, он покоряется их воле безропотно, как отдал бы на большой дороге кошелек грабителю, безотчетливо оправдывая свою трусость и непротивление злу навязанной ему телетехнологиями мыслью «Что я могу сделать один?».

Так поодиночке выбивают из строя честных и совестливых людей, приучая их жить в

постоянном страхе за себя и за жизнь своих детей. Страх глушит совесть, возмущение, протест. Мы приучаемся внимать событиям равнодушно, инертно: «А! Делайте, что хотите, мне все равно».

Такая запрограммированность поведения погружает человека в омут апатии, которая сродни болезненному состоянию, свойственному шизофреникам. Подобная апатия, по определению психиатров, «характеризуется тем, что деятельность больных лишена произвольности, целенаправленности, они не могут самостоятельно делать выбор, принимать решения по собственной воле».

Психологический настрой «что я могу сделать один» формирует массы психопатов с ярко выраженным синдромом «окамененного нечувствия», равнодушия к судьбам своей страны и своего народа.

//- Как защитить себя от выборных технологий — //

Различные психопатические фобии, шизофреническая эйфория и столь же болезненная апатия — так переписывают «тексты наших душ» политехнологи. Всем этим состояниям сопутствуют крушение памяти, дезориентировка во времени и в пространстве, а главное невозможность трезво и здраво, согласуясь с рассудком, принимать решения, делать самостоятельный выбор.

Такие программы поведения, как: «лишь бы не было войны», «лишь бы не стало хуже», «жизнь — это наслаждение», «что я могу сделать один», закладывают в людях зачатки психических расстройств, превращая их в человеческие стада, которые легко направить в заранее уготованные стойла — кабинки для голосования: пошли, родимые, безмозглые, безвольные, беспамятные, равнодушные, мечтающие лишь о наслаждениях и удовольствиях — вперед, голосовать!

Человек голосующий, обработанный спецпрограммами психопатического поведения, теперь с готовностью воспримет сигнал голосовать «за»:

«голосуй за... а то станет хуже» (это для людей с прочной жизненной программой страха перед будущим);

«голосуй за... а то проиграешь» (это для людей с устойчивой жизненной программой получения удовольствий);

«голосуй за... потому что из двух зол лучше выбрать меньшее» (это для людей со сформированной жизненной программой равнодушия к судьбам страны).

Опыт думских и президентских выборов последнего десятилетия показал, что психопатические программы поведения зловещим вирусом поражают людей. Особенно интенсивно насилие над душами совершалось во все президентские кампании, которые ни в коем случае нельзя назвать свободным волеизъявлением нации. Напротив, в этих действиях был достигнут полный паралич воли народа, к концу избирательной гонки доведенного до иступленного беспамятства и безрассудства.

Есть ли спасение от психопатического программирования поведения, от информационного заражения, или оно достанет нас везде, где есть средства связи, книги, газеты, телевидение? Можно ли противостоять тем, кто захватывает наши души, поработает их незаметно для нас самих? Да, есть и противоядие, и оборона, и возможность воевать с властями, возомнившими себя безраздельными повелителями масс, когда они нас держат за гоев, скотов.

Противоядие вирусу безумия, поражающему с помощью нейролингвистических технологий, давно известно. Это — молитва к Богу, в нашей православной церкви звучащая на

церковнославянском языке. Об этой очищающей силе молитвенного слова знают не только православные верующие, давно привыкшие, что спасительный девяностый псалом, прозванный в народе «Живые помощи», удивительным образом

просветляет разум человека, даже ни слова в нем не понимающего. Есть свидетельства, как люди, читавшие про себя эту молитву на допросах в тюрьме, умели устоять перед внушением профессионального гипнотизера подписать самооговор и ложные показания. Воистину, живая помощь Божия нисходит на человека по слову этого псалма.

О молитве, как противоядии внушению, говорят не только в Русской Православной Церкви, но и в Церкви католической. В руководстве святой инквизиции «Молот ведьм» инквизиторы Шпренгер и Инститорис утверждали, что молитва «Богородице Дево, радуйся» — проверенный опытом способ освобождения людей от одержимости и бесноватости, от помутнения рассудка, вызванного колдовством. Современные нейролингвисты, которые не скрывают, что «в своих истоках нейролингвистическое программирование развивалось на базе изучения деятельности магов, колдунов, шаманов», и с великим сожалением признают, что «молитвы осуществляют контрсуггестию», то есть препятствуют внушению! Так что самым верным средством спастись от напасти программирования является слово молитвы, с которой мы прибегаем к Богу, к Высшей Силе, от Него получая ограждение и вразумление, ибо сказано в псалме девяностом: «Оружием оградит тебя Истина Его, и не убоишься...».

Есть еще одно надежное средство защиты, делающее человека не восприимчивым к техникам внушения, «переписывающим текст» людских душ, — это генетическая память человека, отрицать существование которой наука сегодня уже не решается. Да и как отрицать эту таинственную кладовую, где хранится информация о нашем прошлом, не о собственном, а именно историческом прошлом, если самое парадоксальное явление — то, что благодаря включению генетической памяти ребенок в течение трех первых лет жизни в совершенстве овладевает родным языком. Это удивительное явление известно каждому по собственным детям. Какова глубина генетической памяти, каков объем хранящейся в этой памяти информации, какова широта охвата генетической памятью истории рода у каждого конкретного человека — на эти вопросы пока нет ответа. Но главное известно, и оно очень смущает нейролингвистов: такая память есть, она хранит информацию о далеких предках и именно благодаря стойкости этой памяти некоторые люди абсолютно не восприимчивы к внушению, «тексты их душ» невозможно переписать, их «установки» никто не в силах поменять, и именно такие личности способны в грозную минуту всколыхнуть души своих соплеменников, пробудить их на решительное сопротивление узурпаторам, заставить их слышать зов предков, построивших великую Российскую Империю. Так что «голос предков», «зов крови» — не только поэтические метафоры, это сокровище нашей генетической памяти, не раз спасавшее русских от порабощения.

Каждый из нас может и должен бороться против психопатического заражения — надо только уметь распознавать технику внушения, понимать и ощущать, когда вы являетесь объектом словесного насилия. Вызов политтехнологам и возможность им противостоять — это изучение используемых ими техник, точно так, как саперы изучают виды мин и секреты минирования противника, танкисты и летчики — броневую и крылатую вражескую технику, и мы ничем не отличаемся от них.

Пора, наконец, осознать, что против нас в России развязана жесточайшая война. Нацеленно ведется подавление опорных точек нашего духа, нашего национального сознания — рассудка, памяти и воли. Цель войны — полное порабощение народа. И весь рассмотренный выше политтехнологический арсенал, включающий стратегические виды оружия массового поражения, такие как нейролингвистическое программирование, преследующее цель с

помощью иллюзии свободы волеизъявления народа привести к власти людей, возомнивших себя повелителями рабов, — все это свидетельства самой масштабной в истории России войны. Не знать этого, не понимать происходящего, не осознавать всего драматизма творимого с нами, значит, не иметь возможности оказывать должного и равносилового сопротивления. Мы должны принять вызов, и, если не желаем погибнуть, осознать необходимость ответного удара.

Глава II. Кризисы и страхи: технологии управления государством

Внушенный страх, умело используемый властью имущими, позволяет сатрапам и деспотам надолго удерживать в руках рычаги управления государством. Наваждение подобных фобий заставляет народы подчиняться очевидным преступникам, попирающим справедливость и даже само право народов на жизнь. Именно с целью удержания власти узурпаторы манипулируют и жонглируют страхами, раздувают, разжигают, добиваясь своих преступных целей. Русский народ не стал исключением в череде запуганных и обезволенных страхом народов. Рассмотрим механизмы воздействия внушаемых нам фобий, которые использует сегодня власть.

//- Куда пропало русское бесстрашие — //

Русский народ издавна был известен как народ смелый. Ему свойственны черты, прославленные в мировой истории, — удасть, напор, стойкость, бесстрашие. Именно бесстрашие, то есть отсутствие страха перед лицом опасности или угрозы, считалось типичным русским свойством. Теперь это качество не характерно для русских, их повсеместно одолевают страхи и боязливость. Осторожность, опасливость становятся доминирующими чертами характера даже у мужчин. «Страх, — дает определение В.И.Даль в своем Словаре, — страсть, боязнь, робость, сильное опасенье, тревожное состояние души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия». Как видим, условие возникновения страха — это грозящее или воображаемое бедствие. Чем же так напуганы русские люди, если страх сегодня связывает волю и характер почти каждого из нас, почему-то не унаследовавших бесстрашия своих далеких предков.

Характер русского народа складывался издревле на огромных пространствах Восточной Европы, которые сильно отличались от перенаселенных территорий Европы Западной, стесненных невысокими горами, неглубокими долинами, зажатыми со всех сторон морями и иссеченными мелкими речушками. Перед русскими всегда простирались бескрайние леса или степи, русские имели дело с великими реками Днепром, Доном, Волгой, Десной, Окой, Обью, Енисеем, Ангарой, Амуром. Русский народ всегда видел перед собой бесконечный горизонт, и бесконечность земли была его собственной, обещала ему свободу, но и таила в себе множество опасностей и неожиданностей. Степь изрыгала из своих недр орды кочевников — половцев, татар, турок, лес кишел дикими зверями, реки — полные неведомого водные пути только на берегах сулили покойное пристанище, отчего и родственны издревле слова берег и беречь. Привычка к постоянной опасности — вот была основа бесстрашия русского человека, готового встретить ее всюду, отчего и пошла хладнокровная поговорка: «На всякую беду страха не напасешься».

Природа России исконно сурова в отличие от мягкого климата Западной Европы. Своенравие стихий, сильные морозы, степные ветра и бури, лесные пожары, засухи и распутица по полгода кряду, — все это веками убеждало русского человека в тщетности расчета, в бесполезности рассудительности, и заставляло на своенравность погоды и климата отвечать упорством и упрямством характера. Понимая, что расчет при разгуле стихий бессилён, потому что, как учит народная мудрость, «человек предполагает, а Бог располагает», русский противопоставлял природе собственное своенравие по принципу — «клин клином вышибают». Вот почему нам так свойственны упорство, переходящее в упрямство, и одновременно наша

русская нерасчетливость в надежде поймать удачу и подразнить счастье.

И еще одна черта наша связана с климатом родной земли. Лето у нас коротко, времени для земледельческого труда отпускает мало, день летний кормит крестьянина весь год. Поэтому русские привыкли дорожить каждым рабочим днем, когда нужно спешить, выкладываться в рабочем поту, трудиться до изнеможения. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению в труде, как русский. Вот откуда наше русское «глаза боятся, а руки делают». Все эти черты мы узнаем в себе и в других своих, русских, и они же сделали русский народ мало восприимчивым к страху, который преодолевали русским упорством и напряжением сверх человеческих сил. О страхе же мы всегда говорили пренебрежительно и насмешливо: «У страха глаза велики, а ничего не видят».

Но помимо природных пространств русское бесстрашие воспитывалось историческими обстоятельствами, испытаниями, выпавшими на долю нашего народа. Русские много воевали в своей истории. За годы монголо-татарского нашествия с 1228 по 1462 год Русь вынесла 90 внутренних усобиц и 160 внешних войн. 250 военных походов за 234 года! Так что преодоление страха в народе основывается на привычке к нашествиям и войнам. Покуда Россия отражала нашествия, крепилось ее могущество. Половецкие набеги в XIX веках сдвинули Русь с насиженных днепровских мест и погнали народ на север, на восток осваивать новые территории. Так было положено начало бескрайним пространствам Руси. Батыево иго, длившееся триста лет, помогло Руси стать единой державным могущественным государством, а не то распалось бы оно на сотню мелких княжеских уделов, как это случилось с Империей Карла Великого. Выходит, даже иго инородцев оказалось благотворным для русской государственности. Тоже и в Смуту 1612 года, когда воцарившаяся династия Романовых окончательно прекратила споры за владычество среди бояр Рюриковичей, рвавших Русь на вотчины и готовых ради мелкой своей властишки предать Веру. Так что Смута явилась причиной будущей русской мощи и единства. Воистину прав св. Иоанн Кронштадтский: «Россию куют беды и напасти». К этому давно привык русский человек, потому не пугался пришедшей к нему на порог беды, а спокойно и враскачку готовился к отпору. Долго запрягал, быстро ездил, и приговаривал — «не было бы счастья, да несчастье помогло». Кто знает, может, и нынешнее смутное время дано нам в укрепление для окончательного освобождения от нового страшного ига, тяготеющего над страной и народом. Только бы народ наш остался в прежнем бесстрашии.

Однако за последние сто лет резко изменилось качество русского народа. Слишком мало осталось наследников лучших русских — бесстрашных, упорных, способных к сверхусилиям. Известный генетик, член-корреспондент АН СССР Л.В. Крушинский однажды задал прямой вопрос социологам: «Скажите, наши обществоведы изучают такие проблемы, как генетические последствия Октябрьской революции и Гражданской войны или генетические последствия коллективизации? Ведь, наверное, при социальном анализе никак нельзя игнорировать качество населения, генофонд нации, страны?» И точно. Революции, Гражданская война, коллективизация, политические репрессии, Великая Отечественная война, — все это миллионы и миллионы сгинувших, цифры сегодня называют страшные, но главное даже не количество, а качество погибших людей. Это были люди молодые, активные, жизнеспособные, наименее восприимчивые к страху. А кто в большинстве выживал? Те, кто оставался поодаль от судебных страны, кто сторонился воюющих на баррикадах, что по одну, что по другую сторону. Те, кто умел и хотел приспособиться, подладиться под власть, смириться с несправедливостью, да и просто больные, немощные, никуда не годные, — они тоже были вдали от битв и бурь. Выживали боязливые, выкарабкивались из водоворота исторических катаклизмов, бушующих в России, те, кто накопил в себе генетический багаж страхов, не смог с ним расстаться, а после воспитал в наследственном страхе потомство. И потомство это живет теперь и тоже неустанно

страшится и пугается.

Что же это за страхи такие, мучающие нас, словно грехом нажитые деньги, страхи, переданные от предков по наследству и терзающие, жгущие, палящие нас призрачными видениями. Это страхи, сквозь толщу веков пронзившие поколения, переданные нам, потомственным трусам, от предков, наверное, тоже не отличавшихся смелостью. Первый подсознательный страх — страх перед нашествиями и войнами, архетипом заякоривший наш рассудок, страх, выплеснувшийся в формуле «лишь бы не было войны». Голос разума бессилён убедить население, что война против русского народа идет вот уже второе столетие, и именно сейчас она разгорается с новой силой. Поджавши хвост, в обнимку с зомбирующим их телевизором трусы причитают: только бы не война! Яснее ясного становится тогда, где были их предки в минувшую войну, где пережидали и прочие смуты в государстве, — где угодно, только не на полях сражений.

Еще один подсознательный страх — страх перед голодом. Тупой ноющей болью крутит он кишки вполне сытых людей, наполняет их безумной потребностью накапливать богатства, опасаясь призрака нищеты без куска хлеба. Эти потомки пристроившихся возле теплых сытных местечек предков и сами несут в себе подсознательный инстинкт собирательства и запасливости, который неизбежно оборачивается отбиранием добра у своих же братьев. Трижды в прошлом столетии страна голодала, в Гражданскую, когда грянула prodразверстка, в лихолетье раскулачивания, в Отечественную и после нее, пока не вернулись с фронтов хлебопашцы. Но наследственный страх перед голодом победил не всех, а лишь тех, кто не голодал тогда, отбирая хлеб у других. И этой патологической жадностью больны сегодня их потомки, многие из которых выросли в олигархов, в банкиров, в топ-менеджеров.

И еще один подсознательный страх как постыдное наследство от недостойных предков досталось многим из нашего народа — это страх перед политическими репрессиями. Вот он-то сегодня самый живучий и въевшийся в наш рассудок. Он парализует волю, он сковывает человека по рукам и ногам, заставляя клонить голову перед негодяем, этот страх заставляет язык прилипнуть к гортани, приказывая молчать в ответ на бесчинства. Слишком много в истории минувшего века соглашательства со злом, пресмыкательства перед злом, покорности воинствующему злу. А ведь русская пословица разрушала эти страхи коротко и премудро: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся!» Дескать, всякое бывает и такое в жизни, горе — не беда!

Ныне важно понять, что мучающие нас страхи — это во многом отголоски наследственных прегрешений наших предков, передавших нам свою трусость, соглашательство со злом, отступничество от правды, всеохватывающую боязнь. С этим нельзя в себе мириться, ибо наши наследственные, генетически врожденные, а также приобретенные в течение жизни страхи, если их не изживать и не перебарывать, как дурная болезнь, сведут в могилу и нас, и наше потомство.

//- Катастрофическое сознание граждан в обществе риска — //

И все же, почему русские — народ исторически бесстрашный, не имеющий в своем прошлом позорных страниц отступления и бегства от опасностей, — ныне стал боязливым и нерешительным? На наш взгляд, тут дело не только в том, что русские изменились качественно, что сегодня это в большинстве своем потомки выживших в годы войн и репрессий, а значит, потомки наиболее осторожных, осмотрительных, пугливых и несмелых людей. Дело еще и в том, что сегодня страшливость и пугливость в России культивируются подобно вирусам заразных болезней в бактериологических военных лабораториях. Вирус страха, размножившись в

многочисленных своих формах, поражает население и парализует его волю.

Попробуем разобраться, как это происходит. Советское общество, как мы его помним, было основано на стабильности жизни. Каждый знал, что ему гарантированы образование, если захочет учиться, медицинское обслуживание, если заболеет, работа, чтобы прокормить себя и семью, пенсия, если он до нее доживет. Грядущее прорисовывалось ясным и безмятежным, будущее детей выглядело надежным, только учись, работай, служи и не слишком возникай со своим мнением. Но обрушившиеся на страну в период правления М.С. Горбачева катастрофы стерли представление о безмятежности и стабильности советского бытия. Землетрясение в Армении, железнодорожная катастрофа под Уфой, Чернобыль и война в Афганистане напугали народ непредсказуемостью таящейся где-то рядом опасности, убедили многих, что все обещанные гарантии беспечного бытия рассыпаются в прах из-за ненадежности самой социально-политической системы, допускающей подобные катастрофические ужасы. Представление о стабильности советского социализма дало трещины, в эти трещины противники режима стали лить воду лукавого словоблудия о преимуществах капиталистического строя, и раскололи государство, на обломках которого народ возмечтал о личной инициативе, свободе мнений, частной собственности и возможности обогащаться.

Надо ли говорить, что эти ожидания были пустым обманом. Мы все оказались в ином мире, который не совпал с нашими мечтами и с обещанными нам перестройщиками благами. Неожиданно для себя мы обнаружили, что живем в обществе, которое в последние годы именуется социологами и политологами обществом риска.

Первое, чего мы лишились тотчас же, это социальные гарантии социалистического строя: право на работу, образование, бесплатную медицину, гарантированную достойную пенсию. За образование и медицину надо теперь платить, а хорошие работа и пенсия стали символом удачи, а не плодом усердного труда. Перспективы жизни сразу обрели зыбкие очертания. Что будет с тобой, если заболеешь, сможешь ли заплатить за лечение? Что будет с твоими детьми, если нечем будет платить за их образование? Что будет с твоей семьей, если потеряешь работу? Сможешь ли сохранить свое жилье, если в очередной раз взлетят цены на коммунальные услуги? Как жить на старости лет на предоставляемую ныне нищенскую пенсию?

Естественной реакцией на эти вопросы для человека, привыкшего к иным условиям жизни, является страх. Мы все очутились в государстве, где нам никто ничего не гарантирует, где твою жизнь, будущее семьи и детей определяют не твои таланты, не твоя работоспособность, не твое образование, а случай, такой поворот судьбы, как причастность к семейному клану олигарха или правителя. Эта случайность выбора счастливых загоняет население в тупики безволия и бессилия, ведь что ни делай, как ни шевелись, как ни пробивайся к светлому будущему трудом и талантами, тебя опередят не более трудолюбивые или талантливые, а пронырливые сородичи и сослуживцы власть и деньги имущих. Так была создана у нас основа общества риска.

Дальше на этот вездесущий, повседневный страх перед будущим собственной семьи в наших душах наложились страхи от катастроф, рожденных именно обществом риска. Как раз те самые случайные счастливицы и удачники, родня и приятели власть и деньги имущих, оказавшихся у руля государства тоже по случайности, а не по уму и таланту, разумеется, не могут быть специалистами ни в какой из управляемых ими областей. Ради денег и прибылей эти, так называемые менеджеры, гробят страну: промышленность, сельское хозяйство, энергетику, науку. В результате — большие и малые катастрофы, самым ярким примером которой стала авария на Саяно-Шушенской ГЭС. Каждый день мы слышим о падающих самолетах и вертолетах, об автокатастрофах, о крушениях поездов, об экологических бедствиях, утечках ядовитых веществ, от которых задыхаются целые города. Всем памятен и московский «конец света» в метро в 2005 году, и трагедия подлодки «Курск», которую не сумели поднять, и затонувший батискаф на

Камчатке, и страшная авария на шахте «Распадская», и эпидемия пожаров жарким летом 2010 года по всей России. Эти катастрофы — вовсе не плод природных стихий, а рукотворные трагедии, следствие принятия неправильных, безответственных решений необразованными, бессовестными, алчными управленцами, не понесшими за это никакого наказания. Люди в обществе риска, где им не гарантирована стабильная жизнь в соответствии с их трудом и талантами, оказываются под прессом многократно возросшего числа техногенных катастроф, вызванных решениями и деятельностью случайно удачливых, а потому безответственных, неграмотных, непрофессиональных управленцев и собственников предприятий. И теперь мы постоянно ждем, что откуда-нибудь да грянет беда. И каждый день получаем известия о новых авариях и катастрофах.

Помимо страхов, сопровождающих нашу жизнь объективно, в силу особого устройства общества риска, в нас живут страхи, насаждаемые в наших душах специально, целенаправленно и расчетливо. Инициаторами и проводниками таких страхов являются средства массовой информации. Они последовательно и методично выстраивают перед нашими глазами целые галереи различных фобий. Нас запугивают криминализацией общества, этому успешно содействуют бесконечные детективные сериалы и всевозможные программы криминальной хроники. Находкой для СМИ являются маньяки, садисты и извращенцы, которые особенно сильно давят на психику родителей, впадающих в панику в трепете за своих детей. Нас заставляют бояться эпидемий — сначала СПИДа, потом коровьего бешенства, затем птичьего и свиного гриппа. Хотя настоящие социальные болезни общества — туберкулез (численность заболевших по сравнению с советским периодом увеличилась в разы), завшивленность, которая поражает даже московские школы и детские сады, онкологические заболевания, статистика которых катастрофична, сердечные заболевания, от которых эпидемически гибнут мужчины трудоспособного возраста, алкоголизм и наркомания, наконец, проходят мимо внимания журналистов.

И еще одна страшилка, запугивающая людей в теле- и радиоэфирах, в газетах и Интернете — это терроризм. Взрывы домов в Москве, «Норд-Ост», Беслан, взрывы в московском метро, теракты на стадионах, в аэропортах, взрывы самолетов и поездов нагнетают в людях страх, зато позволяет властям, ссылаясь на террористическую опасность, применять к обществу любые методы насилия, уничтожать демократические свободы, лишать население выборов и свободы слова. Сам народ под страхом терактов готов принять любое усиление гнета в государстве, лишь бы не взрывали.

Мы незаметно для себя оказались в обществе риска, в обществе роковых случайностей, где предотвратить надвигающуюся опасность невозможно в принципе. Ситуации и процессы в таком обществе неуправляемы, аварии и катастрофы неизбежны, потому что никто не просчитывает их вероятность, никто не пытается их предупредить. Общество риска находится на грани сползания в тотальную катастрофу, где в любой момент может сработать эффект домино во всех сферах нашей жизни. При этом коренной причиной перехода страны из стадии риска в стадию катастрофы являются управляющие государством и опасными производствами люди, решения и действия которых преступны, но никто их за это не наказывает. Жизнь в обществе риска лишена всякой мысли о будущем, мы все существуем по принципу лишь бы не стало хуже, и погружаемся в апатию безвольного прозябания, сознавая свое бессилие предотвратить катастрофы.

Но, именно такое население, зараженное фобиями, подавленное апатией, и требуется нынешним правителям общества риска. Когда народ ничего хорошего от жизни уже не ждет, ему достаточно пообещать от лица президента и премьер-министра, что хуже, чем сейчас, не будет. А в то, что будет лучше, все равно давно никто не верит. Человек, подавляемый собственным

страхом, умело разжигаемым в его душе внешними силами, теряет присутствие духа и рассудительность, впадает в панику, бесплодно суетится или цепенеет в безволии. Паника и оцепенение являются наиболее удобными состояниями, если нужно подчинить людей чуждой им, враждебной воле, это питательная среда всенародного покорства любому узурпатору власти.

Но у общества риска, грозящего скатиться в стадию сплошных катастроф, — есть одно неудобное для властей свойство — многие люди в кризисном государстве привыкают к постоянной опасности и устают бояться. До их сознания доходит, что хуже быть уже не может. А если не может быть хуже, чем сейчас, значит, любое наше действие, любое наше сопротивление власти, погрузившей население в страх и трепет, приведет к тому, что будет лучше. Лучше, чем сейчас, потому что хуже не бывает. Преодоление в себе страха и апатии — вот первый шаг к победе над властителями, парализовавшими наши души трусостью.

//- Роль страхов в выборных технологиях — //

Социологи установили шесть ключевых причин, которые угнетают сегодня большинство населения страны и умело поддерживаются в средствах массовой информации в виде навязчивых фобий:

1. Неожиданные, внезапные, непредсказуемые природные катаклизмы: неурожаи, наводнения, засухи, лесные пожары, землетрясения, цунами.
2. Ожидаемые и предсказываемые экологические катастрофы: уничтожение среды обитания человека, глобальное потепление, исчезновение видов животных.
3. Социальные, внутривластные потрясения длительного действия: революции, восстания, бунты.
4. Бедствия, порождаемые внешними враждебными силами: войны, террористические акты, ядерный удар.
5. Техногенные катастрофы: аварии, крушения, взрывы, обвалы, отключения, утечки ядовитых веществ.
6. Социально-экономические потрясения: голод, бездомность, нищета, массовые эпидемии, отсутствие медицинской помощи.

Многие из угроз искусственно обостряются только для того, чтобы загнать нас всех в состояние страха, обезволивающего, подобно завораживающему взгляду змеи. Страх является мощным способом управлять волей человека, манипулировать его действиями в интересах власти, вот почему он применяется в выборных кампаниях, многие из которых, начиная с 90-х годов, опирались именно на раздувание искусственно созданных угроз и связанных с ними страхов.

Первые демократические выборы современной России — выборы начала 90-х годов в Верховный Совет СССР строились на обострении экологических угроз, их по социологическим опросам боялись 42,4 процента населения СССР, а также на взвинченной истерии об угрозе ядерной войны, исходившей, по мнению либеральной оппозиции, пробиравшейся тогда к власти, именно от Советского Союза (этой опасности боялось 48 процентов населения). Сейчас, спустя двадцать лет, уже столкнувшись с реальными экологическими бедствиями, такими как исчезновение питьевой воды в крупных российских городах, тяжелейшее загрязнение воздуха в столицах и промышленных центрах, химическое и геномодифицированное загрязнение продуктов питания, мы понимаем, что экологические угрозы начала 90-х были фикцией, обманом, воображаемым бедствием. Но этот обман успешно сработал тогда, как выборный манок. Разумеется, что и ядерная угроза в 90-х, когда страна была великой атомной державой, не

представляла никакой реальной опасности в условиях возможности для США получить ответный удар оружием ядерного возмездия, в отличие от сегодняшнего дня, когда наша обезоруженная страна не может защититься даже от налета эскадрильи американских бомбардировщиков.

В 1996 году, когда подошли очередные выборы Ельцина, и его рейтинг составлял мизерных два процента, что у социологов равняется статистической погрешности, американские политтехнологи, взявшиеся обучать выборным уловкам новую российскую власть, выбрали иную стратегию угроз и страхов. Рычагом управления избирательскими предпочтениями стали страх перед тиранией, диктатурой и беззаконием, именно так именовали угрозу возвращения коммунистов к власти, и этого боялись тогда 66,7 процентов населения, а также нагнетался страх перед очередями и нищетой, к которой, якобы, могли нас привести все те же коммунисты, если, как утверждали манипуляторы выборами, они придут вместо Ельцина рулить страной, этого боялось 67, 2 процента жителей России. Как видим, тогда вмиг были забыты экологические бедствия и ядерная угроза, лишь назойливый слоган «коммунисты — это беззаконие, нищета, очереди» пугал обывателей и заставлял их желать, чтобы Ельцин остался у власти. И вновь, если взглянуть на эти страхи с расстояния пятнадцати прошедших лет, мы увидим, что беззаконие и нищета — эти состоявшиеся факты сегодняшнего дня и плод именно ельцинского правления, а тогда, по сравнению с сегодняшним днем, люди были еще вполне благополучны, устроены, и правосудие, в отличие от нынешнего, худо-бедно, но действовало. Так что и эти угрозы были предвыборной фикцией, нужной лишь для одного — вызвать панический страх перед тогдашними главными соперниками Ельцина — коммунистами.

Вспомним теперь, какие страхи были возбуждены в народе перед выборами 1999 года. Новый кандидат в президенты Путин, выходец из спецслужб, представлялся в СМИ сильной рукой, которая сможет умело остановить беззаконие, коррупцию и криминал. Поэтому населения принялись возбуждать иные страхи. В лидеры страхов вывели полное беззаконие — это беспокоило 60 процентов населения, криминализация общества — этого боялись 58 процентов населения, коррупция властных структур — это тревожило 56 процентов населения. И именно эти усиленно нагнетаемые страхи обещал погасить кандидат в президенты Путин, которого наглые политтехнологи раскручивали как профессионала-силовика, который непременно сумеет навести порядок в стране. В лидерах страхов оставалось и обнищание. Нищеты страшились 69 процентов населения. И это понятно. Ведь конкурентом на выборах у Путина, как и у Ельцина, по-прежнему, оставались коммунисты. Страх перед нищетой удовлетворялся прямо в процессе выборной гонки, что укрепляло позиции блеклого наследника Ельцина. Но главная находка выборной кампании 1999 года — впервые в выборные технологии запустили страх перед терроризмом. Эту фобию пробудили взрывы жилых домов в Волгодонске и в Москве. Они упорными слухами ныне приписываются тогдашнему кандидату в президенты России Путину как единственному человеку, заинтересованному в результатах немислимой прежде кровавой акции. Этот новейший для политтехнологий страх в 99-м году дал Путину 35 процентов избирателей.

На глазах вспучившийся в общественном сознании страх перед терроризмом демонстрирует нам, как осуществляется предвыборное наваждение различного рода фобий. Телеэкранный с утра до вечера транслирует в прямом эфире репортажи с места захвата заложников, как в «Норд-Осте», или Беслане, или с места взрывов, как на Варшавке или в Печатниках, или с подорванных шахидками станций метро «Павелецкая», «Парк культуры», «Охотный ряд». Постоянные тревожные импульсы с места трагедий, истошно взрывающие кареты «Скорой помощи», пожарные машины, милицейское оцепление, не сходящие с телеэкранов очевидцы и пострадавшие дают запрограммированный результат. Под прессом страха население начинает

совершать бессмысленные поступки, многие просто теряют здравый смысл. Начали взрываться жилые дома, и тут же города захлестнула истерия добровольных гражданских патрулей, в основном из женщин и пенсионеров, обшаривающих чердаки, подвалы, подъезды, с подозрением приглядывающихся ко всякому прохожему. Глупость немислимая, ибо что стоит боевикам заткнуть рот дежурной патрульной пенсионерке. После «Норд-Оста» масса людей неделями отсиживалась дома, боялась выходить в магазины и в театры. После взрывов в московском метро многие с сердечным трепетом спускались под землю, а иные и вовсе отказались от подземки.

Особый случай — возбуждение страха перед терроризмом на этнической почве, изощенный детонатор фобий последнего времени. Моя знакомая, уехавшая в Америку и вышедшая там замуж за армянина, заявила, что она никогда не привезет своего мужа в Россию, потому что здесь убивают на улицах лиц кавказской национальности и вообще нерусских. В ответ я заметила, что статистика преступлений на межнациональной почве со стороны русских людей по отношению к инородцам насчитывает около трехсот происшествий в год, а вот преступления пришлых против русских в России составляют около пятидесяти тысяч ежегодно. Еще более изумилась моя новоявленная американка, когда я сказала ей, что не мужу-армянину, а ей, светловолосой и голубоглазой, опасно ходить по улицам нашего города, ибо в Москве лиц славянской национальности, русских, украинцев и белорусов, вместе взятых, проживает всего 42 процента, мы — в меньшинстве, остальные — лица неславянской национальности. Очевидно, что мы сталкиваемся здесь с искусственным наваждением страха, в данном случае страха перед русским экстремизмом и агрессивностью, умышленным нагнетанием фобии, которая вызывает ответную ненависть всех нерусских именно к русским.

Предвыборные страхи, искусно искусственно возбуждаемые в обществе от выборов к выборам, диагностируются по ряду признаков. Эти фобии безотчетны, они не поддаются логическому осмыслению, человек, охваченный таким страхом, боится запечатленной в его мозгу страшилки, не имеющей к нему никакого отношения. Такие страхи носят характер эпидемии, они, подобно вирусу, повально заражают население и заряжают его паникой. В панике народ, как известно, безволен и пассивен, он не ищет самостоятельно выхода из тупиков страха, куда загнали его пиартехнологи, а тупо ждет спасителя, который пообещает ему «свет в конце тоннеля». Это тупое ожидание и есть искомый результат, которого добиваются накануне выборов представители кандидата в президенты от власти, представляя его публике возжеланным спасителем.

Нагнетаемая истерия, стучащая в мозг каждого — я боюсь! я боюсь! — означает: я ищу защитника от угроз, которыми меня пугают. В итоге таким защитником предстает кандидат в президенты от власти. И напуганный электорат с облегчением голосует за своего «защитника и спасителя»!

//- Как отличать мнимые страхи от действительных опасностей — //

Так какие же страхи — действительные, оправданные, а какие — воображаемые, вызванные наваждением? Как разобраться, если тебе дуют в уши со всех телеэкранов и газетных полос о бедствиях, угрозах, катастрофах и опасностях?

Последнее двадцатилетие нас постоянно стращают виртуальными угрозами, которые адскими тенями заполняют воображение. Мнимые опасности, время от времени выдвигаемые властями на повестку дня, — для чего они выдуманы?

Ужасающий население фантом — опасность голода. Страх перед голодом подогревали в период горбачевского правления, когда страна была сыта, и граждане ее поголовно были

накормлены. Всем хватало на хлеб и кров. Но эта всегда готовая к употреблению угроза неизменно держится про запас властями на случай парализации воли населения, ведь когда человек постоянно боится умереть с голоду, у него срабатывают животные инстинкты выживания любой ценой. Эти инстинкты заслоняют понятия о долге, о совести, о справедливости. Человек, обработанный угрозой голода, превращается в двуногое животное, заботящееся лишь о том, чтобы предупредить и утолить предрекаемый в будущем голод. Он делает запасы, он копит деньги, он вьет гнездо, роет нору, обустроивает логово... Но, вдумайтесь, возможен ли в России голод при таких просторах необработанных, пустующих полей. Да каждый из нас на своем дачном огороде в случае чего окопается весной и создаст тыловой запас самых простых продуктов на целый год, если припрет. Другое дело, коли придут мародеры, или власть объявит продрозверстку, или разразится многолетняя война, выбивающая рабочие руки. Но это уже не голодом именуется, а бездарной и беспринципной властью! Вот она и замаячила перед нами — опасность подлинная, а не мнимая.

Другая угроза, помнится, ее внушали профессиональные лжецы Чубайс с Гайдаром — страх перед гражданской войной. Оплакивая смерть ненавидимого народом Гайдара, вдохновителя ельцинских реформ, его поделщик Чубайс навязчиво и нахально напоминал, что Гайдар предотвратил гражданскую войну. Никакой гражданской войны Гайдар и не думал предотвращать, для нее не было тогда причин и предпосылок. Просто они с Чубайсом умело возбудили страх населения перед гражданской войной и тем самым подавили взметавшиеся против преступлений так называемых реформаторов протестные пламя, разожженное вопиющей несправедливостью распределения народных богатств. Фантом гражданской войны запускается всякий раз, когда власть начинает делить народную собственность, отваливая своим прихлебателям куски пожирнее, облапошивая народ, угрожая при этом: если восстанете, будет гражданская война. Тут же нашествие умных голов на телеэкранах, публицистов, писателей и прочих прихлебателей антинародного режима, денно и ночью трубящих, рассусоливающих, что Россия свой ресурс на гражданские войны и революции исчерпала. Очередной мнимой угрозой ретушируется подлинная опасность — у народа отбирают страну, приватизируют ее по кусочкам, распродают национальное достояние иностранцам.

Мнимый страх возвращают в население и перед русским национализмом. Его сначала выигрышно использовали при позднем Ельцине, обозвав русских националистов сначала «красно-коричневыми», потом «фашистами» и тем блокировав всплеск национальной энергии для восстановления порушенного реформаторами государства. При Путине и Медведеве, и снова при Путине, страх перед русским национализмом продолжают эксплуатировать под ярлыком «экстремизма». Любая критика преступлений властей и защита интересов титульной русской нации, других коренных народов России выставляются как экстремизм и разжигание национальной розни. В нас старательно возвращают мнимый страх перед собственным национальным самоопределением, перед любовью к собственному народу, всех, кто любит и защищает свой народ, записывают в экстремисты. Подавление же национальных чувств грозит вымиранием народа. А вот это как раз зримая, статистически ощутимая ныне опасность, именуемая «русский крест» — угроза исчезновения русскихлица земли.

Чем еще нас пугают? Разумеется, кавказским терроризмом! Обкатанный, много раз проверенный путь разжигания мнимого страха, позволяющего власть имущим творить что угодно под знаменем борьбы с терроризмом: создавать огромное количество так называемых антитеррористических структур и подразделений, которые готовы подавлять, конечно же, не кавказцев. Эти подразделения создаются для нас с вами, они давно уже превышают численность армии и армию готовы, если взбунтуется, тоже зачистить.

Страх перед кавказским терроризмом мало того, что оправдывает создание многочисленной

вооруженной армады МЧС, ФСБ, МВД, ФСО, он направляет гнев населения на ложную цель, вбрасывая на политическое поле лозунг «Хватит кормить Кавказ!». И если взрывы негодования вырвутся из-под крышки клубящегося российского котла, то они ожгут инородцев на рынках и обойдут стороной действительных виновников российских бед. На коренные народы России власти перенацеливают гнев русского населения, дозволяя безнаказанно гулеванить распоясавшимся кавказцам среди подавленных и обнищавших русских, переселяя дагестанцев и ингушей в среднерусские и сибирские земли под предлогом переизбытка рабочей силы на Кавказе. Эти злонамеренные действия могут привести к распаду России. Уже звучат где лукавые, а где идиотские призывы якобы из националистического русского стана — отделить от России Северный Кавказ. Вот это действительная опасность, которую, как взрывчатку, закладывают в щурфы русского государства власть имущие, разжигая и провоцируя кавказский терроризм.

Не будем останавливаться на более мелких, мимотекущих мнимых страхах кратковременного действия, таких как опасность заразиться сначала птичьим, потом свиным гриппом, потом просто гриппом — это ведь всего-навсего бизнес-страхи, изготовленные для получения сверхприбылей отдельными коммерческими структурами — фармацевтами, торговцами импортным мясом и прочими дельцами. Есть в арсенале политтехнологов приемы возбуждения страха для создания конкретным лицам хорошей репутации, доброго имени. Упорные слухи о реформе русского языка в 2000 году, вызвавшие ужас русской интеллигенции, были опровергнуты слухами о том, что эту реформу отменили по личной просьбе жены президента Людмилы Путиной. Сколько напуганных грядущим кризисом печати и мысли граждан, причем из числа интеллектуальной элиты, стали думать о бывшей стюардессе с заочным образованием как о высококультурной покровительнице наук и искусств! Или вот Союз промышленников и предпринимателей высказал намерение удлинить рабочую неделю с сорока часов до шестидесяти, чтобы прибыльней стал труд рабочих на их предприятиях. Ужас охватил поработенную страну, люди живо представили себе, что потеряют последние крохи времени для воспитания детей и восстановления сил. И тут на съезде профсоюзов добрый Путин великодушно заявил, что он не допустит этого. Слава великому Путину! — вздохнула угнетенная масса, в очередной раз узрев в нем спасителя, разогнавшего тучи страха. А это всего-навсего технология такая — разжигаешь страх, как костерок в непролазном, забитом сухим валежником лесу, и потом сам же его аккуратненько затаптываешь, когда все вокруг голосят об угрозе огненного шквала. В обществе вмиг наступает блаженный покой и умиротворение, и благодарная любовь к тому, кто выручил народ из беды.

Мы определили важнейшие фобии, которые парализуют нашу национальную волю к жизни. Умело применяемые властями, они четко выполняют свои функции — держать население в слепом повиновении, управлять впавшим в оцепенение от ужасов обществом, сдерживая взрывы народного гнева или умело перенацеливая этот взрыв на ложную мишень. А еще сохранять в населении детскую привязанность к правителям как спасителям от всяческих несчастий. Но при этом страхи, внушаемые народу, как правило, мнимые, эти призрачные фантомы опасностей умело камуфлируют то, чего мы с вами действительно должны опасаться.

Нам ведь действительно есть чего бояться! И страх может быть очень полезной вещью. Страх, если он не внушен, а осознан, страх перед действительной, а не воображаемой опасностью имеет очень высокий потенциал для мобилизации народного духа. Сопротивляться, чтобы устранить опасность, сойти со зрительских трибун, чтобы побороться с бедой — вот благотворный результат действительных страхов, которые очень полезны. Только надо определиться, какие опасности настоящие и какие страхи полезны.

Страх перед вымиранием русского народа позволяет нам осознать, что мы и наши дети можем погибнуть, притом погибнуть бесплодно, бессмысленно, зря — да, именно зря, то есть

сторонне наблюдая за событиями, безвольно созерцая катастрофу, которая непременно сметет нас самих. И это подлинная опасность — реально существующий в стране геноцид нашего народа.

Катастрофическое вымирание населения России — настоящий геноцид в том определении этого слова, которое дает Уголовный кодекс Российской Федерации: «Действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы, — наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью» (ст. 357 УК РФ). Создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение нации — вот основная вина власти в нынешнем демографическом коллапсе. Действуя так и пытаясь скрыть свои преступления, пока не доведут население до полного изнеможения и деградации, после которой никакое возрождение уже невозможно, правители России срочно провели внеочередную перепись населения, сфальсифицировав ее данные. Согласно первичным подсчетам (а итоговые результаты переписи обещаются опубликовать только в 2013 году, разумеется, после президентских выборов,) за восемь лет с 2002-го по 2010 год, население страны сократилось на два миллиона 200 тысяч человек. Причем, как отмечают статистики, на фоне миграционного прироста. Это само по себе страшно, ведь подобная убыль человеческих душ означает, что Россия потеряла за эти годы всех жителей, к примеру, Новосибирской или Иркутской областей. Но и такие ужасающие цифры, нагло объявляемые «естественной убылью», не соответствуют действительности.

Моя знакомая, руководившая переписью в московском районе Арбата, так описывает должностное и уголовное преступление, в котором она участвовала: «По спискам в районе проживает 16 тысяч человек. Пришло на перепись не более тридцати процентов жителей. Но нам сверху спустили цифру в 28 тысяч человек: столько мы должны были переписать народу в этом московском районе». Выходит, в одной лишь Москве, где убыли населения нет, а есть только прибыль со всех концов обнищавшей России, приписки в переписи составляли до семидесяти процентов? Что же говорить о вымирающих пространствах северной и средней России, Сибири, Дальнего Востока?! Там власть еще пуще скрывает повальный мор. Вывод из подобной фальшивой переписи населения только один: сколько миллионов русских людей в России вымерло за последние восемь лет, преступно утаивается властью, чтобы в обществе не сумели распознать развязанный властью против народа России самый настоящий геноцид.

Но даже в фальшивой насквозь переписи не удалось утаить убедительное свидетельство геноцида: сверхвысокую, катастрофическую смертность мужчин трудоспособного возраста. Ныне мужчин на 10 миллионов 515 тысяч меньше, чем женщин, при том, что мальчиков всегда рождается больше, чем девочек. Значит, не менее десяти миллионов мужчин сегодня — это погибшие в мирное время люди. Перед нами реальное подтверждение того, что против нас ведется самая настоящая война. Именно на войне гибнут в первую очередь молодые мужчины. Возможно, страх вымирания, повальной гибели сыновей встряхнет чадолюбивых родителей, сегодня все еще опасующихся, что любой их протест против убийственных условий жизни повредит семьям. Может, так до них дойдет, что этническую чистку русского народа, запущенную двадцать лет тому назад, можем остановить лишь мы сами?

Реальная опасность нашего времени — эскалация техногенных катастроф. Взрывы на газопроводах, утечки ядовитых веществ на химических предприятиях, крушения поездов, энергетические катастрофы, прорывы теплотрасс, отключения электроэнергии, падения

самолетов. Не предугадаешь, где рванет в следующий раз, потому что экономика разрушена, денег на восстановление порушенного дельцы, расхватавшие промышленные предприятия, не тратят. Мы вступаем в эпоху техногенных катастроф, которые неизбежны на устаревших, необновляющихся, добываемых ради сверхприбылей предприятиях, с которых увольняют настоящих специалистов, потому что они дороги. Страшиться наступления таких событий, сопротивляться им, пытаться предотвратить есть наша с вами борьба за жизнь. И она представляется властям очень опасной. Недаром волну протестов, поднявшуюся после аварии на Саяно-Шушенской ГЭС, власти спешно подавили, заткнув рот потерпевшим и осиротевшим откупными и отступными деньгами.

История энергетической отрасли последних десяти лет вскрывает причины шквала техногенных катастроф, обрушившихся на нашу страну. В 2005 году пламя, вспыхнувшее на подстанции «Чагино», высветило все промахи и провалы команды А.Б. Чубайса, с 1998 года захватившего РАО «ЕЭС России» — самую совершенную энергосистему в мире. «Московская энергосистема в течение 35 часов буквально вползала в беспрецедентную катастрофу», — так оценил чагинский пожар и паралич нескольких районов Москвы и Подмосковья Булат Нигматуллин, бывший заместитель министра энергетики СССР.

Беспомощность руководителей была предсказуемой: из 15 членов Правления РАО «ЕЭС России» у 14 человек в графе «Квалификация» красовалось слово «отсутствует». Авария на Саяно-Шушенской ГЭС явилась продолжением безграмотного и алчного управления энергетической компанией, где после московского «конца света» выводов сделано не было, и вскоре последовала новая катастрофа.

75 процентов членов Совета директоров и Правления ОАО «Русгидро», владеющей Саяно-Шушенской ГЭС, не имели на момент катастрофы квалификации в области энергетики. Всего три члена Правления «Русгидро» — трое из девяти — имели профильное инженерное образование! Профессионалов из отрасли разогнал Чубайс, уже в первые годы своего руководства уволивший 90 процентов директоров энергокомпаний.

Но после катастрофы со всех специалистов Саяно-Шушенской ГЭС взяли подписку о неразглашении технических обстоятельств трагедии. Родным погибших понятно, зачем это было сделано. Рассказывает вдова Андрея Малика, мастера турбинного цеха: «Про вторую турбину давно говорили, что она на ладан дышит. На ремонт отводили нереально короткие сроки. Андрей со своей бригадой работал порой по три смены подряд! В последнюю неделю муж ходил расстроенный и хмурый, постоянно повторял: быть беде, быть беде! И поминал недобрым словом кровососов, что любой ценой хотят выкачать из станции максимум денег. Турбинный цех находится на 315-й отметке, муж говорил: «Если что случится — мы первые костями ляжем». Так все и произошло: ниже, на 310-й отметке, работали маляры, из них тоже никто не спасся».

Угробили три бригады, всю рабочую смену. Те же, кто в погоне за прибылью сэкономил на ремонте, как ни в чем не бывало остаются на своих местах, даже грамоты получают и медали, как главный инженер Саяно-Шушенской Андрей Митрофанов, получивший медаль МЧС в тот самый день, когда парламентской комиссией был назван в числе виновных в катастрофе.

«Вы посмотрите, все виновные в трагедии пермской «Хромой лошади», сидят за решеткой, — говорит председатель комитета «Ступени к жизни» Николай Жолоб. — У нас бывший директор Саяно-Шушенской ГЭС Николай Неволько переведен на почетную должность эксперта в «Русгидро» — это хозяйка Саяно-Шушенской. Мы ведь не зря требовали выплатить всеми семьям погибших по пять миллионов рублей. Именно столько получал в месяц этот самый директор Саяно-Шушенской Николай Неволько. Семьям выплатили по миллиону рублей единовременного пособия — расщедрились чубайсовские выкормыши!»

«Должно сесть все руководство Саяно-Шушенской гидроэлектростанции, включая начальника

турбинного цеха, который принял в марте 2009 года из ремонта в эксплуатацию несбалансированную турбину со ржавыми гайками и повышенной вибрацией, — убежден Николай Жолоб. — Но также должны ответить руководители и специалисты «Русгидро».

Все эти топ-менеджеры, бизнес-единицы, что непосредственно курировали «Саянку».

Они были прекрасно осведомлены о недопустимых вибрациях, но дали отмашку начальству станции: «Работайте!». Вы поинтересуйтесь, сколько среди этих менеджеров гидротехников, энергетиков? Ни одного! У них в Акционерном обществе первым пунктом шло «получение максимальной прибыли», а все инженерно-технические заморочки воспринимались как статьи затрат, снижающие финансовый поток».

В результате катастрофы на Саяно-Шушенской осиротели 164 ребенка, круглых сирот -19. «Сердце разрывается, когда видишь, как дети целуют отцовскую фотографию, — это говорит вдова Андрея Малика, мастера турбинного цеха. — Ребятишки в детских садах рисуют мир черно-коричневыми красками. Они строят во дворах из снега гидростанцию, которая обваливается, и дети с криками разбегаются в разные стороны. Это у наших детей теперь такие игры. Местный священник отец Андрей Кобижаев в открытом письме к президенту приводит разговор двух пятилетних малышек на детской площадке. Один мальчик говорит: «Когда будет наводнение, мы убежим», — другой ему отвечает: «Нет, не успеем, папа говорит, всего 20 минут до прихода воды». Восемилетняя дочка спрашивает отца: «А сколько нам еще жить осталось, когда эта ГЭС упадет?»

На самом деле катастрофа на Саяно-Шушенской — это модель нашей страны. Чубайсы, запрограммировавшие ее катастрофу, отвалят на свои виллы в распахнувшие для них объятия Америки и Европы — проедать нахапанное. Их прислужники, весь этот менеджмент и технический персонал, тоже успеет умчаться подальше из страны, ведь сигналы о начинающейся трагедии к ним поступят в первую очередь. А мы с вами? Что будет с нами и с нашими детьми? Будем задавать себе вопрос, как та восьмилетняя девочка отцу: «А сколько нам жить осталось, если эта ГЭС упадет?» Сколько нам осталось жить, если «упадет» наша страна? — Ровно столько, сколько мы отведем этой жизни себе и своим детям. Ясно одно, пока по нашей земле ходит безнаказанный Чубайс, пока ему служат такие же безнаказанные, алчные и беспринципные менеджеры и инженеры, срок жизни у нашей страны и у нас с вами не долог. Эта страшная катастрофа не послужила уроком властям. Они вывели виновных руководителей отрасли, и прежде всего Чубайса, из-под наказания, отдав под следствие лишь пятерых исполнителей их преступных приказов — мало что значащих сейчас пенсионеров, которым вменяется лишь халатность, но не убийство.

Этим власть показала, что никто не собирается отвечать, да никто ни с кого и не спрашивает ни за аварии, ни за катастрофы. Даже гибель десятков людей не становится поводом для спроса с Чубайса. Он по-прежнему неуязвим, и уже, как метастазы Чубайса, входят в силу и во власть его подручные. Для народа России это и есть главная опасность для жизни — непрофессионализм, базарно-рыночный интеллект захватить, продать, присвоить, — который будет, непременно будет оборачиваться новыми людскими жертвами и катастрофами. Меч над нашими головами занесен. Он может обрушиться на нас в любом месте в любое время.

Действительными опасностями являются и поглотившие наш народ социальные язвы — алкоголизм, наркомания, беспризорность, нищета, бездомность. Это социальные плоды режима, но ведут они к национальной катастрофе — к вымиранию и деградации русского народа. И вновь страх перед вымиранием собственного народа должен подвигнуть каждого из нас противостоять социальным бедствиям. Этот страх благотворен, он заставляет сражаться не только за себя и свою семью, этот страх мобилизует нашу волю заставлять и других исправляться. История Егора Бычкова из Нижнего Тагила, второго по численности населения

города в Свердловской области, где из 370 тысяч жителей ежегодно умирает до 400 человек в возрасте от 15 до 35 лет, «что обусловлено высочайшим уровнем спроса на наркотики и количеством наркозависимых», показала, что власть боится людей, осознающих реальные угрозы нашему народу и готовых им сопротивляться. В начале октября 2010 года Дзержинский районный суд Нижнего Тагила приговорил Егора Бычкова, основателя движения «Город без наркотиков», к 3,5 годам лишения свободы за принудительное лечение наркозависимых с разрешения и по просьбам их самих или их родителей. Позже под давлением возмущенного народа Свердловский областной суд отменил это решение и назначил ему 2,5 года лишения свободы условно с испытательным сроком в один год. Власть снова наглядно демонстрирует, что страх, побуждающий нас бороться с социальными пороками, для нее смертельно опасен.

Подлинную опасность сегодня представляет также экологическая катастрофа в России. Безоглядное вырубание лесов, загрязнение рек, вредные продукты питания и грязная вода, нехватка чистого воздуха и отравленные реки и пруды, мусорные свалки, подобные городам. Среда обитания русского народа гибнет, и вместе с ней погибаем мы. Борьба за родную землю — вот ожидаемый результат осознания этой опасности. И такой страх тоже полезен, ибо заставляет нас почувствовать себя хозяевами родной земли, чьи бы роскошные коттеджи на ней ни стояли. Движение защитников Химкинского леса и упорное противодействие ему со стороны властей демонстрирует, насколько правящий слой пугают перспективы русских притязаний на русскую же землю. Вспомним знаменитый поход молодежи на Химкинскую управу, дружная атака чувствующих справедливость своих требований русских людей и испуг правоохранителей, сбежавших со службы, не желавших злить и без того яростную толпу.

Мнимые, инспирированные властью страхи парализуют волю народа, делают его беспомощным и трусливым, переводят стрелки с истинных виновников бед на мифические фантомы. Такие угрозы надо разоблачать, высмеивать, обнажать их призрачность. Страхи действительные перед опасностями подлинными и грозными, напротив, заставляют народ очнуться и действовать. Каждый на своем месте может приложить усилия к сопротивлению этим опасностям. Здесь не работает трусливый принцип: что я могу сделать один. Один может увлечь многих. Один способен организовать протестное действие и повести за собой массы. Разве это не здорово — победить на маленьком плацдарме, опробовать свои силы, укрепиться в своей правоте и двигаться дальше. Спасая себя и страну от подлинных опасностей, мы можем встать в ряды сопротивления, и пусть это будут общества трезвости и борьбы с наркотиками, экологические и женские движения, родительские комитеты, общества против абортот, комитеты по защите населения от техногенных катастроф, фонды помощи беспризорным детям. Только не сидите, сложа руки, только не будьте праздными зрителями на трибунах! Действуйте! Иначе лавина техногенных, экологических, демографических катастроф погребет под собой всех без разбора.

//- Кризис — это способ ухода власти от ответственности перед народом — //

Нагнетание страха перед мифическими опасностями и обещания властей на очередных выборах избавить нас от этих мнимых угроз, осыпать с ног до головы радужными, как мыльные пузыри, радостями жизни — вот и вся нехитрая система управления народом, применяемая в нашем государстве со времен перестройки.

Но вопрос об ответственности власти перед народом встает тем жестче, чем больше обещаний раздадут президент и премьер в надежде продлить пребывание у руля страны еще на несколько сладких для них лет. Как же выкрутиться изовравшимся правителям, которые раз за

разом не исполняют своих обязательств?

На обещания и посулы ни Путин, ни Медведев, ни их приближенные не скупались никогда. В декабре 2002 года «Независимая газета» опубликовала Манифест партии «Единая Россия». Партия власти клятвенно заверяла, что улучшит народную жизнь: «Мы утверждаем, что XXI век будет веком России. Мы стоим на пороге беспрецедентного роста национальной экономики, какого еще не знала мировая история. Через 15 лет, к 2017 году, Россия будет ведущей мировой державой. Мы займем достойное России место в мировой экономике и политике. В России будет развитая транспортная инфраструктура, доступная по цене любому гражданину и делающая легко достижимым любое место нашей необъятной Родины. Благодаря передовым технологиям в энергетике и новым источникам энергии Россия будет осваивать новые территории и ресурсы, приумножая ее богатства. Благодаря быстрому росту экономики рабочих мест будет больше, чем рабочих рук, спрос на рабочие руки будет превышать предложение, каждый сможет реализоваться в той сфере, в которой захочет. Каждый россиянин будет иметь доход, достойный гражданина великой страны. Благодаря бурному росту экономики будет возможным использование на практике всех достижений отечественной науки. В свободной стране каждый сможет реализовать свои образовательные, культурные и духовные запросы в полной мере».

Заманчивы перспективы России, очерченные в Манифесте 2002 года! Как хотелось в них верить и ждать, что все это настанет, тем более что сроки исполнения своих обязательств партия власти называла самые что ни на есть точные: «После победы на выборах в декабре 2003 г., сразу, в 2004 г. начнется: программа модернизации энергетического комплекса; массовое строительство индивидуального жилья; программа развития новой транспортной сети России; технологическая революция в российском сельском хозяйстве; быстрый рост доходов всех категорий граждан. В результате, уже:

— в 2004 г. каждый житель России будет платить за тепло и электроэнергию в два раза меньше, чем сейчас;

— в 2005 г. каждый гражданин России будет получать свою долю от использования природных богатств России; — в 2006 г. у каждого будет работа по профессии;

— к 2008 г. каждая семья будет иметь собственное благоустроенное жилье, достойное третьего тысячелетия, вне зависимости от уровня сегодняшнего дохода;

— к 2008 г. Чечня и весь Северный Кавказ станет туристической и курортной «Меккой» России;

— к 2010 г. будет построена транспортная магистраль Санкт-Петербург — Анадырь, Токио — Владивосток — Брест и другие».

Аж дух захватывало от обещанного. За такую программу граждане голосовали обеими руками. Партия «Единая Россия» убеждала сомневающихся: «Скажете, что этого не может быть? Это будет! Мы — партия «Единая Россия» — сделаем это! У нас есть общественные силы, готовые поддержать возрождение России. Мы на пороге взрывного роста национальной экономики и мы сделаем этот шаг. Через 15 лет Россия будет лидером мировой экономики и политики. И весь мир на это посмотрит».

Теперь, спустя много лет после выхода Манифеста, задумаемся, что это был за документ? Насмешка, розыгрыш, надувательство и изощренное издевательство? Нет! Это была циничная и весьма примитивная технология удержания присвоенной власти в государстве. Еще на годика четыре, а потом? Ведь потом все равно придется отвечать на множество «почему». Почему в 2005 году лучшую энергосистему в мире — российскую РАО «ЕЭС» — расчленили, и тарифы выросли во много раз? Почему никто, кроме двухсот тысяч самых богатых граждан России, так и не воспользовался природной рентой от ресурсов страны? Почему безработица составила в

стране более 10 процентов? Почему жилье недоступно никому, кто зарабатывает на жизнь собственным трудом, а не эксплуатацией человека человеком?.. Ну, и про дороги.

После таких вот Манифестов, после невыполненных обещаний, среди которых едва ли не самым циничным является обязательство обеспечить жильем ветеранов Великой Отечественной войны, естественно следует признать полное банкротство власти и необходимость ее немедленной смены. Главное: уйдя из власти, и Путину, и Медведеву, и всей их «Единой России» за ложь и воровство придется отвечать перед разгневанным народом.

И вот чтобы обнадеженные посулами, а потом обманутые граждане не возроптали на свою невыносимую жизнь при нынешней власти, ведь и скот способен роптать, если жизни попросту нет никакой, власть им объяснила, что в стране кризис, а при кризисе — успехи и достижения отменяются. И потому выполнение программы Манифеста, как и прочих обещаний, посулов, обязательств президента и правительства, откладывается.

Перед нами ловкий политический трюк: списать все неудачи, провалы, воровство, все проблемы списать на кризис. И мошеннически прикрываясь якобы кризисом, резко сократить зарплаты, выгнать с работы «лишние рты», остановить строительство жилья и больниц, сделать оставшиеся дороги платными, обрезать финансирование жизненно важных отраслей промышленности и социальной сферы.

Ловкачи в правительстве, прежде всего Кудрин, министр финансов российской олигархии, поделщик Чубайса, стали сокращать выплаты многодетным и одиноким матерям, на питание школьникам, на стипендии студентам. Кто теперь вспомнит про Манифест «Единой России» — доступное жилье, гарантированная работа, уменьшение тарифов. Стенограммы заседаний Государственной Думы доносят до нас эти жуткие отказы в помощи народу. Зато семь триллионов правительство при поддержке Государственной Думы, в первую очередь депутатов «Единой России», отвалило на поддержку финансового сектора — банкам. Семь триллионов рублей! Запомнили? А теперь читайте и сравнивайте. Цитирую «Стенограмму заседания Государственной Думы 15 апреля 2009 года. Бюллетень № 87». Депутат Государственной Думы Плетнева Тамара Васильевна: «Мы просим депутатов увеличить субсидии бюджетам субъектов Федерации на пособия детям. 100 рублей, которые сегодня выплачиваются, — это уже не деньги, это уже просто смешно. Все это отдали на откуп субъектам Федерации, некоторые из которых уже 100 рублей платить не могут. Дополнительные средства на детей — это самый главный вопрос, если будет не 100 рублей, а 500, как мы предлагаем, это будет хоть что-то». Заместитель министра финансов Нестеренко Татьяна Геннадьевна: «Не можем сейчас поддержать эту норму, она вносит дисбаланс в бюджет». Председатель Комитета Государственной Думы по бюджетам и налогам (фракция «Единая Россия») Васильев Юрий Викторович: «Комитет не поддерживает данную поправку».

А теперь обратите внимание, как валят все предложения по улучшению жизни народа депутаты «Единой России», которую, судя по результатам выборов, якобы всей душой любит народ. Они просто не голосуют! Вот как это делается: за предложение Плетневой -92 чел., против — 0, воздержалось — 0. Не голосовало (!) — 358 чел. Естественно, не принято! Далее Плетнева Т. В. просит увеличение субсидий на обеспечение социальной поддержки ветеранов труда и тружеников тыла. Не принято! Увеличение выплат с 1 тысячи рублей до 2 тысяч рублей учителям на классное руководство. Сегодня во многих регионах учителя не получают вообще никаких дополнительных выплат, за исключением основной ставки, хотя правительство утверждает, что увеличило зарплату. «Небольшое увеличение, — молит Т.В. Плетнева, — но все равно это даст им возможность хоть как-то сегодня существовать. Я просила бы поддержать наше учительство». Кудрин А.Л., заместитель Председателя Правительства Российской Федерации — министр финансов Российской Федерации: «С учетом снижения фондов оплаты в

среднем по экономике — вы знаете, что на многих предприятиях сейчас снижается заработная плата, сокращается численность работников, — зарплата в условиях кризиса станет ниже, снизится, — говорит министр, и что в его словах больше, наглости или цинизма, судите сами. — И в этом смысле с учетом того, что по бюджетным учреждениям мы не снижаем зарплату, у нас идет сближение зарплаты бюджетников и зарплаты в экономике. Поэтому мы считаем, что нет необходимости в специальном трансферте». Не принято! Депутат Коломейцев Н.В.: «В России двадцать шесть миллионов детей, а выделенных денег хватает только на то, чтобы оздоровить пять миллионов. Мы предлагаем на 5 миллиардов за счет сокращения расходов на чиновников увеличить расходы на оздоровление детей в Российской Федерации и просим поддержать эту поправку, потому что 5 миллиардов по сравнению с 7 триллионами, выделенными финансовым воротилам, — это вообще мелочь». Кудрин А.Л.: «Мы не поддерживаем, поскольку считаем, что форма поддержки детской оздоровительной кампании за счет Фонда социального страхования, за счет бюджетов субъектов для данного этапа нормальная, а основные средства должны идти сейчас на антикризисные меры, потому что, если не будут работать взрослые, родители, не будет денег в семьях для того, чтобы поддерживать детей. Поэтому нам придется сегодня больше уделять внимания антикризисным мерам». Не принято! Коломейцев Н.

В.: «Принятые нами законы сделали абсолютно неравными возможности матерей, которые сидят с детьми, по детским пособиям. В Москве имеют 1 тысячу рублей, в Московской области — 1 тысячу рублей, во многих других субъектах детские пособия составляют позорно малую составляющую — 70 рублей. Поэтому мы просим поддержать поправку 98, которой предполагается добавка по всем детским пособиям — 500 рублей». Кудрин А. Л.: «Я не согласен с информацией: не 70 рублей, есть и 100, и 300, и больше. Поправку не поддерживаем». Не принято! Депутат Кашин Б. С. просит поднять стипендию аспирантам с полутора тысяч рублей до 8-10 тысяч рублей в месяц. Не принято! Депутат Смолин О. Н. настаивает на увеличении студенческих стипендий в средних специальных учебных заведениях до 800 рублей. Напоминает, что, «во-первых, речь идет о студентах средних учебных заведений, студентах преимущественно из малообеспеченных семей. Во-вторых, в послесоветский период стипендия упала по отношению к прожиточному минимуму примерно в восемь раз: была 55 процентов, сейчас — 7 процентов от прожиточного минимума». Не принято! Смолин О. Н. просит увеличить до 1500 рублей стипендию студентам высших учебных заведений. Не принято! Депутаты просят выделить дополнительно 25 миллиардов рублей на питание детей, прежде всего в начальной школе и малообеспеченных детей в средних и старших классах школы. «Существующая сегодня система школьного питания не обеспечивает качественного, сбалансированного питания школьников и является основной причиной различных болезней школьников, в том числе задержки роста, заболеваний желудочно-кишечного тракта, более чем у 30 процентов детей. То есть мы сознательно наших детей обрекаем на болезни. По данным Центральной военно-врачебной комиссии Минобороны Российской Федерации, при выдаче приписного свидетельства ежегодно освобождаются от военной службы по состоянию здоровья из-за недостаточного питания свыше девяноста тысяч семнадцатилетних юношей. Вообще не питаются в начальной школе в России 17 процентов детей, в средних классах — почти 40 процентов детей, а в старших — почти половина детей». Не принято!..

Ни копейки не перепало ни детям, ни матерям, ни студентам. В то же самое время правительство, напоминая, изыскало семь триллионов рублей государственных средств банкам — частным банкам для преодоления кризиса. Для погашения невыплат по кредитам, например. Это когда хозяева предприятий, пользуясь кризисом, не торопятся отдавать средства, взятые займы, и объявляют себя банкротами. Их деньги «бедным банкирам» возмещает щедрое государство. Оно же, родимое, помогает олигархам выжить в трудную годину кризиса,

финансово поддерживая их частные предприятия.

Совершенно очевидно, что кризис — это такой способ государственного управления народом, когда народ можно вообще не кормить, когда все обязанности по обеспечению населения условиями элементарного выживания власть может с себя сложить. Помните знаменитую поговорку: война все спишет. У нас опробована технология безответственного распоряжения властью по принципу: кризис все спишет.

И на него списывают! Дешевое жилье не строят — кризис! Больницы и школы не финансируют — ну, кризис же! Университеты и профессиональные училища закрывают — так ведь кризис! И время от времени население обнадеживают слабыми проблесками близящегося экономического расцвета: нефть повышается в цене, десять офицеров из миллиона нуждающихся получили служебные квартиры, в районные больницы Урюпинска завезли кресла-каталки для инвалидов. Надежда — она ведь умирает последней. И власть продолжает тешить нас тщетной надеждой. Да, народу сегодня трудно, безработно, голодно, несправно. Но завтра будет лучше, непременно лучше, непременно будет. Смотрите, даже у олигархов, которые потеряли миллиарды! Не то что мы, нищие, свои жалкие гроши, — и у тех жизнь налаживается.

Как наладилась у российских олигархов жизнь, наша страна вскоре узнала из очередного номера журнала «Forbes», в 2009 году опубликовавшего список самых богатых людей планеты. Россия, в которой уровень доходов самых бедных десяти процентов населения отличается от уровня доходов самых богатых пяти процентов населения в сто раз! уверенно заняла третье место в списке миллиардеров. В список «Forbes» вошли 62 представителя России, на тридцать человек больше, чем в 2008 году.

Их в России стало вдвое больше по сравнению с предыдущим годом, и денег у них тоже стало гораздо больше. «Самым богатым россиянином» назван председатель совета директоров Новолипецкого металлургического комбината Владимир Лисин с 15,8 миллиарда долларов. Михаил Прохоров имеет доход в 13,4 миллиарда долларов, Михаил Фридман — 12,7 миллиарда долларов, Роман Абрамович — 11,2 миллиарда долларов, Олег Дерипаска — 10,7 миллиарда долларов.

Если исходить из этих цифр олигархического состояния, не в сто раз учитель и врач, получающие зарплату в 10 тысяч рублей, беднее далеко не самого богатого Олега Дерипаски с его 10 миллиардами долларов дохода, а в сто тысяч раз! Для олигархов подъем после спада наступил, а у нас пока кризис не закончился. Ждем-с. И будем вечно ждать, пока будем оставаться вечной бедой России — дураками, развесившими уши сначала на Манифесты о грядущем процветании, а потом на заявления власти о кризисе. Но если попробовать избавиться от одной извечной российской беды — задавить в себе самих дурацкую доверчивость, и тогда можно будет взяться за исправление второй беды

России — наглости ее власть имущих. Наше прозрение может явиться началом избавления от страха и кризиса.

//- Страх и кризис как формы государственного управления — //

В России не принято говорить об истинных творцах реформ минувшего двадцатилетия, присуждая лавры реформаторов одним лишь Гайдару с Чубайсом, даже Ельцина нороят при этом увести от ответственности, а уж о его последышах Путине и Медведеве и вовсе поминают лишь в том смысле, что вот-де тяжелое им досталось наследство от прежних правителей. На деле же «шоковая терапия», прописанная как горькое лекарство нашей стране, — это особая форма порабощения государства, когда не требуется ни войн, ни вторжений, ни бомбежек.

Захват экономики, разрушение обороноспособности, уничтожение нации происходит без всякого сопротивления благодаря рукотворным кризисам, словно смерч или землетрясение, приводящих население в шок, сеющих в людях панику и оторопь.

Родоначальник «шоковой терапии» — Милтон Фридман, профессор экономики Чикагского университета, вот откуда пошло прозвище, прилагаемое к его ученикам — «чикагские мальчики». Он же — крестный отец так называемых «неоконсерваторов», последние двадцать лет обосновавшихся в Белом доме США. Принципы, исповедуемые Фридманом, основаны на еврейском национальном духе алчности, пренебрежения законами, разрушения государства, в котором действуют, и паразитирования на чужом национальном достоянии: «Во-первых, правительства должны отменить все правила и законы, которые мешают накапливать прибыль. Во-вторых, они должны распродать государственные активы, которые корпорации могут использовать для получения прибыли. В-третьих, они должны резко снизить финансирование социальных программ. Налоги должны быть одинаково низкими как для богатых, так и для бедных. Правительства не должны защищать местных производителей и местную собственность. Любую стоимость, включая стоимость труда, должен определять рынок. Приватизации подлежат здравоохранение, образование, пенсии по старости, национальная оборона». Как это все удивительно знакомо нам по вчерашней, а главное, и по сегодняшней российской действительности. Шаг за шагом последыши Ельцина упорно проводят в жизнь политику разрушения страны, которую опробовали уже в десятках стран, начиная с Чили, где свергли социалистическое правительство Сальвадора Альенде, распространили потом этот опыт репрессий и разрушения по Латинской Америке: в Боливии, Аргентине, Бразилии, затем отработали в Азии, захватив национальные экономики Малайзии, Филиппин, Южной Кореи, наконец, добрались до Европы, отточив мастерство на Югославии, Польше, по пути распяли Ирак, обязанный своими несчастьями не жестокостям Саддама Хусейна, а национальным нефтяным богатствам, уничтожили Муамора Каддафи и его процветающую Ливию, вгрызлись в Грецию, Португалию, Испанию. Кто бы ни был следующий в этом списке стран с захваченной клубом миллиардеров экономикой, центральное место в нем принадлежит именно России. Захват России, демонтаж в ней социалистической системы, заманчивой для многих государств и народов скромным, но гарантированным достатком для всех граждан страны, — вот тот рубикон, после которого американский капитализм перестал договариваться о социальных гарантиях с гражданами стран капиталистической системы.

Действительно, когда Советский Союз сохранял дееспособность, люди по всему миру могли выбирать, какую идеологию они хотят себе «купить», поскольку существовал двуполярный мир и множество возможностей лавировать между двумя полюсами. Вот почему капитализму приходилось бороться за потребителей, за симпатии своих граждан, за выпуск качественной продукции. С падением СССР все резко изменилось. «И в новых условиях капитализм получил свободу обрести свою самую дикую форму, и не только в России, но и по всему миру», — так пишет журналистка Наоми Кляйн, разоблачившая «доктрину шока». Итак, капиталистическая система освободила себя от конкурента в лице социалистической системы и на свободе в полной мере проявила себя как антисоциальная, антидемократическая и просто хамская.

Но для того, чтобы провести захваты стран, их имущества, ресурсов, интеллекта, необходимо было применять особые методы вторжения, которые внешне не распознаются как вторжение или оккупация, иначе в каждой стране можно было бы получить ответные мощные партизанские национально-освободительные движения. Искусственное создание кризиса — вот, по утверждению «чикагских мальчиков», лучший способ захвата страны под видом «шоковой терапии», ибо только когда страна по-настоящему страдает, она соглашается принять горькое лекарство.

Приведем откровения адептов Фридмана, осуществлявших шоковую терапию по всему миру. Майкл Бруно, ответственный за экономику развивающихся стран во Всемирном банке, сулит пребывающим в шоке странам непереносимый благоприятный исход: «Политическая экономика при глубоком кризисе стимулирует проведение радикальных реформ с положительными результатами, и нужно заблаговременно сократить помощь, чтобы эти кризисы стали серьезнее. По мере углубления кризиса государство может постепенно отмирать. Тяжелый шок может на самом деле способствовать благополучию». Дэвидсон Бадху, бывший сотрудник Международного валютного фонда, напротив, свидетельствует о том, что шоковая терапия равносильна предсмертной агонии государства. Вот его открытое письмо директору МВФ Мишелю Камдессю: «Сегодня я ушел из Международного валютного фонда, где проработал 12 лет. Я продавал технологии стабилизации экономики и прочие трюки Фонда народам и правительствам Латинской Америки, Карибских островов и Африки. Мое увольнение — бесценное освобождение, и я хочу сделать первый важный шаг в моем путешествии туда, где смогу отмыть руки от крови миллионов бедных и голодающих людей. Этой крови так много, что она течет реками. И она отвратительна, она засохла на мне, мне кажется, что в мире не хватит мыла, чтобы я мог отмыться от всего того, что я вам делал». Бадху в порыве раскаянья говорит о том, что все требования реформ, предъявляемые со стороны МВФк преследуемым им странам, — это масштабная пытка, когда «народы, кричащие от боли, вынуждены опуститься перед нами на колени, сломленные и испуганные, и умолять нас, как о милостыне, о снисхождении. Но мы нагло смеемся им в лицо, и пытка продолжается с прежней жестокостью».

Итак, пережитые нами за последние двадцать лет экономические и политические кризисы, припадки мнимых страхов — это универсальные способы погружения населения страны в шок, чтобы мотивированно потом лечить Россию методами «шоковой терапии», заключающимися в дерегуляции (недействительности законов страны), приватизации (разграбления государственной собственности и общенародных ресурсов), снижении социальных расходов. Власть в государстве номинально переходит в руки группы местного нажившегося на «шоке» олигархата, а реально принадлежит мировому правительству, концентрирующему свою власть в МВФ, Всемирном банке, резервной системе США.

Разгром России стал отправной точкой всевластия этого правительства. Очевидно, что и выход из болевого шока именно России будет знаменовать освобождение мира от паучьих сетей еврейского политико-экономического монстра. Наша историческая память хранит множество примеров русского прорыва, раздирающего щупальца, опутавшие множество государств. Поэтому управление русским народом методами искусственно насаждаемых кризисов и внушения мнимых страхов обречено на крах захватчиков и оккупантов.

Глава III. Культ без личности — технологии насаждения президентов

Почти каждый здравомыслящий человек сегодня, наблюдая за экранной суетой государственных деятелей, президентов, министров, депутатов и прочих чиновных субъектов (а где их еще увидишь? — только в телевизоре), так вот каждый сохранивший еще рассудок гражданин России недоумевает, как эти серые, мышеобразные персонажи попадают на политический Олимп, какими неведомыми нам крысиными ходами пробираются к вершинам власти? Ведь допустить, что таких ничтожных людей выбрали сограждане за их человеческие, деловые, профессиональные качества, просто невозможно. Добрая половина депутатов и министров не прошли бы в советские времена простой фейс-контроль во власть, ибо лица их либо откровенно тупые, либо преступно пронирливые. Ни одна из тугоумных глав нынешних Генеральной прокуратуры и Следственного комитета, не говоря уже о милицейских начальниках, не имеет внешности порядочного человека. Ни одно из лиц не носит на своей физиономии печати ума и честности. И, тем не менее, все эти люди как-то вскарабкиваются на вершины российской власти и восседают пусть и на шатких тронах, но удерживаясь на них десятилетиями. По-видимому, секрет их головокружительного успеха не в них самих, а в пиарщиках, применяющих особые технологии политического имиджа, благодаря которым легко возвести пирамиду культа любой личности, даже если и личность сама по себе никакая.

Мы исследовали эти технологии, распечатав их, как многослойную роскошную упаковку бракованного и бесполезного товара, который агрессивно навязывают гражданам менеджеры от политики. Только вот беда в том, что бракованного президента, не годного ни на что премьера, никчемного генерального прокурора, бесплодного председателя Государственной Думы на помойку потом выбросить не удастся. Они впиваются и вгрызаются во власть, и обманутым избирателям остается только горевать о своей наивности и доверчивости.

Расскажем об этих технологиях летописно, чтобы на примерах возведения во власть первых лиц государства Путина и Медведева предостеречь наивных и доверчивых от следующих ошибок.

// - Назначение наследника — //

Очередная смена премьера не сулила ничего судьбоносного. Тогда, в августе 1999 года, Ельцин снял Степашина, что уже неоднократно проделывал со своими предполагаемыми преемниками, и во всеуслышанье заявил, что следующим президентом хочет видеть назначенного на этот пост некоего Путина. Единодушный отклик всех, кто хоть сколько наблюдал за ситуацией, был тогда даже не отрицательным, а скорее презрительным: как же ты надоел, старый алкоголик! Сидел бы и не высовывался, а то только позоришься по наущению своих клеветов. Объявленного же преемником Путина пожалели: как теперь ему, бедному, жить с клеймом ельцинской рекомендации.

В эту пору в стране буйствовала вакханалия рейтингов. Вообще рейтинги, эти пресловутые списки популярности, очень хороши не только для открытого шантажа тщеславных политиков: будешь себя хорошо вести — попадешь в рейтинг, послужишь службишку — президенту ли подтякнешь, или осудишь «русских фашистов», или подольстишься к Чубайсу — повысишь рейтинг, но рейтинги важны и в другом: в сознании электората они резко очерчивают круг избранных некими силами лиц, которые, по мнению этих сил, должны и могут публично

вершить судьбы страны. Остальные, рейтинга не заработавшие, не выслужившие доверия, — не должны и не могут.

Рейтинг — сильное средство психического давления на человека. Руководитель центра «Общественное мнение» Александр Ослон откровенно заявлял, что составляемые его центром еженедельные предвыборные рейтинги, торжественно оглашаемые по телевидению как последнее слово российского избирателя, на самом деле не являются ни предсказанием, ни прогнозом, ни тем более последним словом избирателя, и будь выборы завтра, рейтинг Ослона вряд ли бы совпал с ними по результатам. «Но, — подчеркивал А. Ослон, — рейтинг необходим, чтобы показать населению общее настроение». Так что никто и не скрывает от избирателя, что рейтинговый список популярности — это психическая атака на человека, ведь вслед за переменной рейтинга меняется и настроение толпы, в которой, так уж устроено большинство людей, все хотят быть как все, не отстать от других, подпевать общему хору, словом, психоманипуляции с рейтингами весьма эффективны в подавлении воли человека. Вспомним, как стремительно пополз вверх рейтинг большого Ельцина накануне выборов 1996 года: в феврале за него проголосовало бы четыре процента избирателей, а в июне — уже 35 процентов, и ведь именно 35 процентов голосов обеспечиваются выборными технологиями.

Точно такие же манипуляции проделали и с рейтингом Путина. Тогда, в августе 1999-го, его вообще никто не знал. Лезли вверх показатели Юрия Лужкова (социологи с готовностью объясняли, что население ждет крепкого и ушлого хозяйственника), рос, как на дрожжах, рейтинг Евгения Примакова (нам толковали, что народ истосковался по руководителю брежневского типа, что устал от реформ и хочет отдохнуть), потом Сергей Степашин резко повысил рейтинг (а это потому, внушали политтехнологи, что мы желаем в правители мягкого, неагрессивного либерала). И вот в рейтингах замелькал Владимир Путин, и сразу оказалось, что все прежние симпатии побоку, народ заждался ежовых рукавиц «силовика». Тогда Путин выглядел случайным, подвернувшимся под руку Ельцину угодником. Россия с интересом зрителя, наблюдавшего за растасовкой карт в крупной игре, скептически рассматривала очередного надутого политтехнологами туза.

Но прошло несколько месяцев, и оказалось, что изредка просыпавшийся, чтобы заехать в Кремль, алкоголик Ельцин, утративший работоспособность, подчинявшийся сомнительным нашептываниям, все же настоял на своем решении или на решении своих клеветников, он практически обеспечил избрание вторым президентом России того человека, на которого указал в августе 1999-го.

Вот так избиратели, мечтавшие о скором конце эпохи Ельцина, убежденные в том, что этот погубитель России досиживает в Кремле последние месяцы, что от него уже ничто не зависит, и ждавшие, когда следующий, уже с умом выбранный президент начнет каленым железом выжигать из президентской администрации и правительства ельцинских «крысят», всех этих Дьяченко, Юмашевых, Волошиных и многочисленную их челядь в генеральских погонах и без них, все мы, простодушно надеявшиеся на непременно справедливое возмездие если не самому Ельцину, то его Семье, разворовавшей, пустившей в распыл страну, даже не заметили, как эти надежды стали рассыпаться прямо на наших глазах. И уже с октября 1999 года те, кто рассчитывал на перемены в стране, могли при этом уповать только на... самого Ельцина, а вдруг он взбрыкнет и закатит — назло Волошину и Юмашеву, а заодно Чубайсу и Березовскому — еще одну «сильную рокировочку». За полсуток до Нового, 2000 года и эта слабая надежда угасла.

Нежданым стал тогда новогодний подарок президента Ельцина измученному им народу, уже накрывавшему праздничные столы, чтобы заглушить стопкой водки мысль о грядущих в очередном 2000 году бедах и трудностях (на лучшее, как показывают соцопросы, давно уже никто не надеется). Это был точно рассчитанный ход: две недели всенародного беспробудного

новогоднего и рождественского загула с неприменным похмельем давали новичку Путину, оказавшемуся вознесенным на самую высокую кремлевскую высоту, время оглядеться, привыкнуть к «золоченому стулу», все же остальное в его жизни вряд ли изменилось. Ведь именно тогда стало очевидно, что с уходом Ельцина из власти конец ельцинской эпохи не наступит — место Ельцина, его президентское кресло ушло вместе с ним. Путин же, его преемник и верный слуга, занял совсем другое место, являющееся президентским лишь по названию, ровно настолько, насколько можно считать престолом королевское седалище в театральной постановке шекспировского «Ричарда III». И каждый новый день из президентского срока Владимира Владимировича Путина становился лишь новым подтверждением марионеточности этого президента.

//- Кролика вынули из цилиндра фокусника — //

Был ли Путин «чертиком из табакерки» для ельцинской Семьи, как стал им для ошарашенного электората? Нет, не был. Никак он не мог быть похмельным капризом вздорного, накачанного лекарствами Ельцина.

Проект «Уходящий Ельцин» существовал года три. Путин рассматривался как возможный преемник с самого начала», — признал политтехнолог Глеб Павловский, не таивший своего участия в «проекте».

Это означает, что с августа по декабрь 99-го все политические и военные действия со стороны правительства и президентской администрации уже четко и слаженно работали на будущую президентскую кампанию Путина. Вспомните, что потрясло общество в осенне-зимние месяцы последнего президентского года Ельцина — взрывы домов в Москве и Буйнакске, которые без расследования приписали «чеченским террористам», ответный ввод российских войск в Чечню, новые зачистки, гибель русских солдат. У нормального человека душа содрогнется принять все это за «избирательную технологию». Но разве Березовский и Волошин, Дьяченко и Юмашев, не будем тревожить полуживого тогда Ельцина, мнения которого вряд ли кто из них спрашивал, разве эти люди, год за годом убивавшие страну и народ, являются нормальными? Да один только страх возмездия при смене власти за все разворованное и уничтоженное в России должен был удесятить их энергию остаться у руля любой ценой. Вполне логично, резонно допустить, что такой ценой могли стать погибшие под развалинами многоэтажек московские семьи, разбомбленные чеченские села, брошенные на смерть русские солдаты. Продуманность действий избирательной команды Путина в 1999 году не оставляет сомнений: им было за что бороться, было что спасать!

Голосовавшие за Путина в марте 2000 года 52 процента избирателей — вот кто поражает потрясающим легковерием и легкомыслием. Что за личность Путин, никто из них не знал, повлиять на него или хотя бы на его дальнейшие дела избирателям было не дано, ведь уже тогда было ясно, что у этого кандидата в народные избранники совсем другие повелители, но, тем не менее, мы его избрали и терпеливо ждали, как эта не ведомая никому фигура проявится в делах. Так в очередной раз важнейший вопрос в государстве — вопрос о власти — разрешился для народа экспериментом на собственной шкуре. К концу первого президентского срока Путина этому эксперименту был подведен горький итог: перевалившая за два миллиона ежегодная убыль населения, четыре с половиной миллиона беспризорных и бездомных русских ребятишек, почти половина населения России на грани вымирания — не на что жить. Маховик уничтожения нации и развала государства, запущенный при Ельцине, раскрутился при его преемнике на полные обороты. При этом Россия продолжала оставаться страной-производителем самых

богатых в мире людей. Ходорковский и Абрамович удвоили за 2002 год свои капиталы — соответственно до восьми и шести миллиардов евро. А, главное, Ельцин и его Семья никуда не «ушли», живы-здоровы, процветали, путешествовали и развлекались, наслаждались роскошью, отняв средства даже для нищей жизни у миллионов соотечественников.

Чудовищный эксперимент под названием «правление президента Путина» продлился и второй срок, нам снова навязали этого президента, именно навязали, потому что выбор зависел не от нас, роль граждан России в этих грандиозных выборных шоу сводилась лишь к одному — обеспечить явку к избирательным урнам, послушно прийти, а еще лучше и проголосовать, как надо нынешним хозяевам России.

Наш опыт участия в подобных экспериментах — это опыт подопытных кроликов, нужные рефлексы которых вызываются в основном мощными разрядами телевизионных информационных технологий. Для тех, кто однажды уже был кроликом, почувствовал себя им и больше не хочет, этот опыт бесценен. Осознание, что тебя принуждают к выбору всеми разрешенными и запрещенными способами, должно заставить человека выйти из шока, очнуться, увидеть свою душу распростертой для препарирования и возмутиться этим.

Вглядимся же в те выборные технологии, с помощью которых привели к власти Путина, а потом Медведева, а потом снова Путина, используя нас как слепое орудие в руках преступных правителей, обманно добывающих нашими голосами себе мандат на «царствование», еще и кичащихся своей «всенародной избранностью».

//- Путин опроверг пословицу «насильно мил не будешь» — //

Когда Борис Ельцин с ловкостью фокусника вытащил из своего цилиндра бывшего помощника Собчака, бывшего подручного Бородина, бывшего подхватного Валентина Юмашева и провозгласил его своим преемником, многим не верилось, что этот серенький, невзрачный человек, без году неделю пробывший директором ФСБ и премьер-министром, станет Президентом государства Российского. Тогда к назначению Путина премьером и преемником отнеслись как к очередной ельцинской похмельной загогулине.

В тот момент все предполагали, что Путин — очередная попытка выиграть время в лихорадочном поиске подходящего заместителя Ельцину. Тем не менее Путин, именно он, человек без лица, «с наклеенной улыбкой и стеклянными глазами», стал всенародно избранным уже в первом туре 26 марта 2000 года. Число желавших видеть его президентом прямо накануне выборов по разным опросам колебалось от 47 до 56 процентов! Это был невиданный показатель, с которым мог соперничать только Ельцин накануне своих первых президентских выборов. Но Ельцин в те романтические годы был символом героя-одиночки, вставшего против государственной машины КПСС и генсека Горбачева. А Путин кто? Как же принудили русских людей самозабвенно, буквально потеряв голову, безумно, бездумно «полюбить» Путина?

Социологическая фирма «Валидейта» опросила тех, кто 26 марта собирался голосовать за Путина. Путинский электорат оказался велик, и это были люди совершенно разных политических настроений. Двум группам избирателей во Владимире (одна из голосовавших на минувших думских выборах за КПРФ, другая — некоммунистический электорат), и таким же, абсолютно не похожим друг на друга двум группам избирателей в Москве (одна — преуспевающие молодые люди, отстаивающие ценности рыночной экономики, другая — бедные пенсионеры, считающие себя пострадавшими от реформ), задавали вопросы о Путине. Единодушная любовь к ельцинскому служке людей с разным жизненным опытом, богатых и бедных, про- и антикоммунистически настроенных, просто ошеломляла, и это в век так

называемого «плюрализма мнений». Они говорили о Путине одно и то же, высказывали одинаковые надежды и опасения. А это означает, что в современной России в результате применения избирательных технологий разницы в воззрениях нищего пенсионера-оборонщика, голосующего за КПРФ, и преуспевающего менеджера тридцати пяти лет, отдавшего свой голос Союзу правых сил, практически нет!

У людей спрашивали, чего они ждут от будущего президента, которым, как они надеются, станет Путин. Все отвечали расплывчато: «чтобы лучше стало жить народу», «чтобы поднялся престиж страны», «чтобы зарплаты росли быстрее». Ничего конкретного социологам услышать не удалось. Люди даже обижались настойчивости вопросов: «Как мы можем знать, что он будет делать? Откуда мы знаем, какие конкретные шаги? Пусть сделает нормальную жизнь». Зато все опрашиваемые сходились в одном — Путин правильно делает, не оглашая до времени никакой программы: «Сразу на него набросятся. А ему нужно получить власть — зачем ему сейчас с кем-то ссориться».

«Осторожный», — так отмечали во всех группах главную человеческую черту Путина. Это не особо жалуемое русским человеком свойство природы, сходное с трусостью и зачастую являющееся ее деликатным синонимом, вдруг почему-то выросло в глазах избирателя в достоинство, за которое человека, оказывается, можно даже полюбить. Вообще эпитеты, которыми поклонники-избиратели наделяли будущего президента Путина, очень знаменательны: «аккуратный, деловой, подтянутый, сдержанный, скрытный, умный, жесткий, толковый, хитрый, себе на уме...». А вот характеристики внешности: «незаметный, блеклый, с холодным взглядом...». Да разве в России таких людей когда-нибудь любили? — озадаченно разводили руками трезвые аналитики. Ведь буквально накануне та же социологическая фирма исследовала представления русских о русском национальном характере, и разные люди по возрасту, по профессии выделяли одно и то же, что в России народ открытый, душа нараспашку, щедрый и удалой, рисковый. Именно таким привык видеть себя русский человек, именно эти черты он отмечает с уважением и симпатией. Но ведь Путин, согласно представлениям тех же самых людей, весь состоит из свойств, прямо противоположных этому идеалу.

Единственное качество, свойственное русской натуре и отмеченное участниками соцопроса у президента Путина, — его скромность. Но даже путинская скромность и та отличалась от общепринятой у русских. О нем говорили: «Скромный, не выставляется. Жену повсюду не возит». А о русской скромности иное: «В том смысле, что вот тебя спросят, мол, можешь ли ты это сделать? А ты говоришь: не знаю. А сам можешь сделать лучше всех». Так что и здесь русский человек и наследник Ельцина вроде бы не сошлись характерами. Но ведь полюбили же! Это же как нужно было исказить, извратить сознание русских людей, видевших прежде в своих героях-идеалах Илью Муромца, Минина и Пожарского, Евпатия Коловрата, побеждавших с такими вождями, как Жуков и Сталин, — наше представление о вождях как людях непременно волевых, бесстрашных, самоотверженных и, разумеется, абсолютно самостоятельных!

Обратите внимание: у избирателей не было иллюзий о характере будущего президента. Им, например, задавали вопрос: «Если все наши известные политики живут в общей коммунальной квартире, что в ней делает Путин?» После недолгих раздумий, избиратели отвечали так: «За всеми наблюдает, изучает»; «Сидит в своей комнате, закрывшись, и до блеска чистит ботинки»; «У него все по часам расписано: когда завтрак, когда в ванную». «А если все работают на заводе?» — следовал новый вопрос. Кто-то представил Путина главным инженером, кто-то мастером, а вот москвичи дружно согласились: «типичный начальник первого отдела». И вновь изумление социологов: давно ли начальник первого отдела стал кумиром российского избирателя?!

Оказалось, что Путин нравится электорату именно таким — не по-русски закрытым, даже

скрытым, себе на уме. Принужденные политтехнологами полюбить своего избранника, люди себе в оправдание ревностно искали в Путине хоть черточку, действительно достойную любви. И представьте, даже лицемерные слезы на похоронах Собчака, а какой пятидесятилетний русский мужик проливает их перед телекамерами, ведь не отца-мать хоронит (отец у Путина умер в бытность его премьером, и он прилюдно на похоронах не плакал), а тут похороны бывшего начальника, причем подлого и преступного, и все это знают, и Путин в том числе, но и эти притворные рыдания у микрофона радиостанции «Балтика» избиратель воспринял с надеждой на путинскую искренность. Плач по Собчаку добавил Путину сторонников. «Вы хотели бы иметь такого человека в друзьях?» — спрашивали избирателей. Многие, особенно женщины, с готовностью кивали: «Да. Он надежный. Собчака не предал». Путинскую верность Собчаку, как оказалось, одобрили все его избиратели, в том числе и те, кто самого Собчака, мягко скажем, не любил. Такова сила технологии: герой-разведчик, роняющий скупую мужскую слезу на гроб учителя, поддерживающий твердой рукой убитую горем вдову и прижимающий к груди осиротевшую дочь покойника. Мизансцена хорошо поставленной мелодрамы, рассчитанной на миллионы зрителей. За кулисами же вдова Людмила Нарусова и герой деловито вытирают слезы и договариваются о наследстве. Вдова получает в распоряжение на прокорм фонд с деньгами для узников немецко-фашистских концлагерей, затем должность члена Совета Федерации от Тувы, дочь — возможность безбедно и праздно жить, безнаказанно проедавая наворованное папой, по слову Путина, «порядочного человека с безупречной репутацией».

Принужденность путинских сторонников его любить, натужность и вымученность их симпатий читаются во всех ответах избирателей в соцопросах. К примеру, тридцатилетний банковский работник, москвич, всем сердцем отстаивая Путина, все же дружить с ним не склонен: «Нет, дружить, пожалуй, не надо. А вот в начальники — в самый раз. Только не непосредственным, а начальником начальника». Пенсионерка Зоя Васильевна, называющая себя «активной общественницей», высказалась еще определенной и, главное, за всех: «Ну и что, что нам многие путинские черты в людях не нравятся? Президент — совсем другое дело».

Самое парадоксальное, что избиратель горячо полюбил и оправдал немецкое «прошлое» Путина, и это несмотря на нашу крепнущую нелюбовь к Западу, несмотря на неприязнь к Германии, воспитанную двумя мировыми войнами. Из путинского немецкого прошлого народ вынес какую-то дурацкую надежду на будущую мудрость Путина-президента. Во всех группах соцопроса путинская работа в Германии рассматривалась только в одном ракурсе: пожил на Западе — многому научился. О том, что кандидат в Президенты России служил в Дрездене заурядным оперуполномоченным КГБ, никаким не засекреченным агентом, он даже жил в доме Министерства государственной безопасности ГДР — «Штази», если верить его собственным воспоминаниям и мемуарам его жены, и слыл среди тамошних коллег лишь большим любителем пива и вояжей на природу с сосисками, об этом факте немецкой путинской биографии никто не задумался. Избирателю внушили иное: «Попал туда молодым человеком, сумел воспринять и понять тамошнюю жизнь», «он Запад изучил, это не значит, что он будет слепо копировать, но все хорошее сможет перенести сюда», «он настоящий разведчик, весь законспирированный». На пустом месте сотворили образ Путина-резидента, от которого всего шаг до Путина-президента.

Да, Путина электорат полюбил, полюбил, несмотря ни на что, наперекор неприглядному и непонятному прошлому. В чем же причина такой скорой и сердечной привязанности? В том, что нас просто-напросто поймали на голый крючок технологий. Без наживки поймали! Эта «любовь к Путину» — психологически выверенная, навязанная нам, внушенная технологами, мастерски и цинично просчитанная, и сам «Президент Владимир Владимирович Путин» это прекрасно понимал и своей веры в победу выборных технологий над душами избирателей никогда не скрывал: «Для победы нужны профессионалы, технологи для работы по предвыборной

кампании» («От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным», с. 105).

Ну что ж, попробуем отделить подлинного Путина от Путина пиаровской конструкции, которую нам создали технологи-профессионалы. Поскольку во всех выборах, и минувших, и грядущих, избиратель должен решать лишь одну задачку: уметь находить отличия нарисованного пиарщиками образа кандидата в наши властители от его подлинной физиономии. Поделимся же опытом отыскания таких отличий.

//- Как начинал «самый богатый человек в Европе» — //

Вопрос «кто такой Путин?» возник у журналистов с политологами, дай у простых граждан сразу же после объявления Путина наследником Ельцина в конце декабря 1999 года. Правдивой информации о новом главе государства было очень мало. Журналисты изошрялись в сочинении легенд и сказаний, отыскивали путинскую родню то в тверской деревне, то в Коканде, то в Ярославле, даже намекали, что отчим отца Путина еврей Эпштейн, и отсюда у Владимира Владимировича ярко выраженная симпатия и расположенность к этому племени, и впрямь любимые учительницы — Гуревич и Юдицкая, любимые тренеры — Рахлин и Ионович, милейшие еврей-соседи по коммунальной квартире. Статистика привязанностей впечатляла.

Не сняла, а лишь добавила вопросов спешно выпущенная к выборам книжка «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным». Ну, что нам говорит о Путине его собственный ответ из книжки на вопрос о работе в Дрездене, на основе которой политтехнологи «слепили» образ героического разведчика? Вопрос: «В какой должности вы приехали в ГДР?» Ответ: «Я был старшим оперуполномоченным. Следующая должность — помощник начальника отдела. И вот это считалось уже очень хорошим ростом. Я стал помощником, а потом еще старшим помощником начальника отдела.» Как говорили в любимом фильме, «старший помощник младшего конюха». Вопрос: «За что же Вас, интересно, повышали?». Ответ: «За конкретные результаты в работе — так это называется. Они измерялись количеством реализованных единиц информации. Добывал какую-то информацию из имеющихся в твоём распоряжении источников, оформлял, направлял в инстанцию и получал соответствующую оценку» («От первого лица.», с. 65–66). Кстати, именно таким, оформляющим и направляющим «по инстанциям» бумажки, запомнил Путина и его начальник в бытность путинской службы в Ленинграде, всемирно известный предатель, бывший генерал-майор КГБ, а ныне гражданин Америки Олег Калугин, который в интервью журналу «Коммерсантъ-Власть» на вопрос: «Как же Вас так подвела профессиональная интуиция и Вы не обратили внимание на Путина?», пренебрежительно ответил: «У меня было три тысячи подчиненных. Он, по-моему, работал одно время даже в секретариате, сидел, бумажки перебирал. Это, конечно, тоже нужная работа. Я помню его такое бледное лицо. И не более».

Вообще Владимир Владимирович Путин в своей первой официальной публичной биографии, изложенной в форме беседы, предстает этаким кристально-прозрачным, без пятен и пороков, а какие свои недостатки и признает, то искренне в них кается, что читателю понятно и приятно, — сами не ангелы. Перед нами мужской вариант сказки про Золушку. Мальчик из бедной трудовой семьи, шпана и троечник, ставит перед собой высокую цель — стать разведчиком и целеустремленно идет к ней, поступает в университет на юрфак, где конкурс 40 человек на место, трудится в КГБ, учится в Краснознаменном институте разведки.

Перед читателем образ примерного, любящего сына, свято почитающего мать-труженицу, хотя и позволяющего себе вместо помощи матери просадить все заработанные в стройотряде деньги на отдыхе в Гаграх. Избиратель, впрочем, это легко прощает, кто из нас не грешен перед

родителями. Затем возникает образ отважного патриота-разведчика, до сих пор скрывающего секретную информацию о своей деятельности, хотя, по собственному признанию Путина, «то, что мы делали, оказалось никому не нужным» (там же, с. 76). Но, может, потому и умалчивает о своей «разведработе» Путин, чтобы не удивить нас ее мизерностью? И потом, как соединить этот самый супершпионский образ со словами самого Путина о том, что накануне развала Союза он «потихоньку начал думать о запасном аэродроме» (там же), впрочем, и в этом преступном равнодушии огромная масса избирателей, беспрекословно принявшая развал родной страны, Путина понимает и оправдывает. Немало штрихов в палитре путинского образа уделено семье, жене и детям, причем подчеркивается, что для Владимира Владимировича, беззаветно любящего дочек, семья не самоцель, он умеет жертвовать ее интересами, и это замечательно потрафляет избирателю, которому как раз опостылело ельцинское чадолюбие и диктат кремлевской Семьи. Наконец, щедрыми красками расписан образ Путина как мудрого правителя, бескорыстно и истово выполнявшего свой долг высокого чиновника сначала в Петербурге, затем в Москве. Неустанный труд Путина-хозяйственника подан с намеком, что эти-де обязанности ему душевно тяжелы, что Путин по натуре не диктатор, а просто добрый человек, но с необыкновенным, почти сверхчеловеческим чувством долга. При этом в сказке про Золушку-Путина аккуратно вырваны важные для понимания этого человека страницы. Мы так ничего и не узнали о реальных делах кэжэбэшника Путина, кроме разве воспоминаний его приятеля о том, что Путин частенько стоял в оцеплении вокруг православных храмов на Пасху. В биографии как-то мутно помянуто о причинах ухода Путина из КГБ на мелкую и непрестижную работу помощника проректора Ленинградского госуниверситета.

Общими словами отделяется Владимир Владимирович и о своей деятельности на посту заместителя Собчака, практически ничего не говорится о работе будущего президента России в должности заместителя Бородина, Юмашева, а ведь все это не только высокопоставленные лица страны, но и лица, скандально известные своей криминальной деятельностью! Именно при них верным оруженосцем состоял Владимир Владимирович, и надо же, чист, как надраенный на валенке пятак. Наконец, очень старательно подчищены те кадры из хроники его жизненного пути, где Путин становится верным слугой Семьи Ельцина. На имена Дьяченко, Абрамовича, Мамута в биографии Путина наложено своего рода табу. А Березовский и Чубайс показаны как люди, с которыми Путин встречался не по дружбе и общности интересов, а исключительно по службе. То есть книжка про Владимира Владимировича Путина «От первого лица» не содержит в себе достоверной путинской биографии, она изготовлена по заказу этого самого первого лица, и заказ выполнен весьма умело: лести — в меру, восхвалений столько, чтобы не пересластить, есть даже острые вопросы, на которые тщательно составлены уклончивые ответы, которыми вопросы эти как бы исчерпываются, а у читателя-избирателя после знакомства с книжкой вкус немного приторной, но в общем весьма приятной мятной подушечки во рту, и ни малейшего подозрения, что начинка в этой самой подушечке с ядовитой горечью лжи.

Вершиной угодливого строительства предвыборного образа Путина стала заказная психолингвистическая экспертиза устных его выступлений, глубокомысленно, на самом «высоком научном уровне» обнаружившая в путинских тирадах, что будущий президент — «человек, склонный замечать лучшее в людях и человеческих отношениях, остро переживать внешнюю событийную канву», что «в системе его индивидуальных ценностей наиболее высок рейтинг понятий дружбы, мужества, порядочности» («Эксперт», 2000, № 6, с.57).

Конечно, научная экспертиза несомненного лидера выборной гонки, лидера по административному статусу, а не по личным лидерским качествам, такая экспертиза вряд ли может претендовать на объективность. Впрочем, сама ссылка на авторитет науки, на независимость научных критериев исследования является выборной технологией.

Неискушенный избиратель, мало разбирающийся в алгоритмах научного анализа, но благоговейный перед учеными степенями, всю душу верит, что наука не обманет, что экспертиза — это как аптечные весы, измеряет с точностью до миллиграмма и выдает истинный «вес» политика. Однако это не так. Научные экспертизы, анализы и эксперименты — удобная кулиса, за которой идет умелая подтасовка выводов, их прилаживание к интересам заказчиков от власти.

После «строго научного, абсолютно объективного исследования» оглашают искомый результат: скрытность, к примеру, объявляют скромностью, трусоватую нерешительность величают сдержанностью, ледяное бесчувствие называют спокойствием, а малодушную робость выдают за молчание, которое «дороже золота». Был бы заказ, а уж щедро заплаченные, вооруженные научными званиями исполнители распишут вам под заказ любой портрет, хотите, к примеру, психологический портрет мужественного героя-разведчика, пожалуйста, не потому молчит, что косноязычен и страшно боится не угодить хозяину, и не потому вовсе, что хорошо усвоил расхожее «молчи, за умного сойдешь», оказывается, он вовсе не молчит, он привычно сдержан в словах, чтобы случайной проговоркой не выдать государственной тайны. В таком вот духе, мазок за мазком, ляпается под заказ любой портрет.

Но не всегда наука в прислугах у власти. Мы провели свою профессиональную психолингвистическую экспертизу речей Путина, взвесив значимость его словес на научных «аптечных весах». И вот что обнаружилось: о личности президента России по его устным выступлениям накануне избрания (письменные, понятно, составляются спичрайтерами, то бишь речеписцами) ничего определенного сказать невозможно. Наш, прямо скажем, малоразговорчивый народный избранник всегда произносил абсолютно бесцветные, ничего не значащие речи, по которым не определишь ни величины, ни своеобразия натуры, из которых не поймешь, добрый он или злой, умный или глупый, вспыльчивый или уравновешенный. Из его слов даже сейчас, годы спустя, не видно, кто он. Вот как об этом не без недоумения говорит вполне официальное, лояльное к власти лицо, причем зависевшее от нее в бытность директором ВЦИОМа, Юрий Левада: «Путин силен своей неопределенностью. Он ни левый, ни правый. Ни такой, ни сякой. До сих пор половина людей отвечает, что не знает, кто он. Никакой программы он не показывает. И если мы говорим, что 70 с хвостиком процентов одобряют его деятельность, это означает, что каждый видит в нем того, кого хочет» («Коммерсантъ-Власть», 2002, 4 июня, с. 14). Даже выдавшего виды, прожженного, всей душой преданного и проданного властям социолога озадачило необычайное, но очень типичное для сегодняшней России явление: «На вопрос «Одобряете ли вы политику Путина?» больше 70 процентов отвечают «да». Но несколькими строчками ниже идет вопрос: «В чем состоит политика Путина?» — и 60 процентов только что утверждавших, что одобряют политику Путина, честно отвечают «не знаю». Не знают они, что за политику проводит президент, но одобряют ее.

Ничего не определивший результат нашей независимой психолингвистической экспертизы путинских речей — тоже результат. Он отвечает на вопрос, почему за все годы правления мы так ничего и не узнали о президенте Путине, хотя постоянно слышали его выступления в новостях и силились понять, кто же перед нами.

Можно, конечно, предположить, что такова пиар-технология, рекомендованная Путину еще в предвыборный период. Дескать, политтехнологи могли обязать Путина скрывать свои мысли, чувства и политические симпатии до времени, чтобы разделенные баррикадами ненависти российские граждане, голосуя за президента, поверили каждый в своего Путина и выбрали именно его как воплощение собственных чаяний. Естественно думать, что и сам Путин интуицией угодливого слуги, до этого умевший услужить таким разным хозяевам от Собчака до Бородина, от Волошина до Ельцина, от Березовского до Абрамовича, научился так увертливо и

скользко говорить, чтобы, с одной стороны, не вызвать недовольства своих очередных хозяев, заказчиков его выборной гонки, но и при этом не дать повод избирателям подумать, что он угодничает перед Семейей.

Пристальное изучение речей наследника Ельцина уверяет нас, однако, в ином: речи Путина безликие и пустые не потому, что он такой хитрый, изворотливый, осторожный, а потому, что он сам такой серый и безликий, — пустой. Никакой! Ведь как бы ни прятался человек за официальными формулами предвыборных обещаний и послевыборных резолюций, натура в его языке обязательно проявится, промелькнет доброта и открытость, если наш избранник добр, сверкнет юмор, если он умеет пошутить, обнажится воля, если он самостоятельно принимает решения. Но даже и малых проблесков подобного в языке Путина нет. Единственное, что просматривается отчетливо, — страх сказать что-то не то и боязнь обозначить свою несостоятельность. Эту несостоятельность хорошо маскирует высокопарная риторика — многочисленные рассуждения о благе простого народа. То и дело слышим от Путина: «На народ надо опираться прежде всего», «Опирается нужно только на народ», «В конечном итоге решение всегда останется за народом», «Все мы, кто находится сегодня у власти, получим на это моральное право только в том случае, если хоть что-нибудь сделаем для улучшения жизни народа», «Если правительство действует успешно на основных направлениях своей деятельности, то тогда правительство не может не встречать поддержку населения, поддержку народа, простого человека».

Два путинских президентских срока и один премьерский ясно показали, что это порожняк, что пустопорожние о благе народа словеса, взятые напрокат из речей на партсобраниях эпохи застоя и уже тогда воспринимавшиеся населением как пустая болтовня, лицемерный ритуал цековских карьеристов-идеологов, так и не повлекли за собой никаких действий во благо народа. Вот формула, которую Путин эксплуатировал после своего назначения премьером — «отсутствие политической стабильности». Ведь эта фраза абсолютно пустая по смыслу. В отличие от более точного слова «нестабильность», которое обязывает тут же указать на причины и виновных, «отсутствие политической стабильности» освобождает Путина от необходимости принятия каких-либо решений.

Еще замечательнее, что после восьми лет правления Путина это «отсутствие политической стабильности» быстренько заменили термином «политическая и экономическая стабильность», — вот, дескать, результат правления президента. Но перед нами вновь слово без конкретного смысла, с нерезультативным, расплывчатым значением. И эта демагогическая фразеология освобождает Путина теперь уже не от принятия решений (время прошло), а от ответственности за бездеятельность.

Лингвисты исследовали соотношение слов, обозначающих активные и неактивные действия в речах Путина еще первого предвыборного периода и в течение первого полугодия его президентства, применительно, разумеется, к управлению страной. Оказалось, что слов со значением активного действия в президентских речах всего 28 процентов, а вот слов неактивного действия в путинских тирадах аж 72 процента. За всем этим, безусловно, стоит страх проговориться, самоцензура серости, строгая установка изображать одни абстрактные благие намерения.

В своих речах Путин всегда избегает высказывать даже свое отношение к соратникам и противникам его как президента. Хотя именно президент по статусу обязан оценивать работу всех ветвей власти, всех подчиненных ему ведомств и министров, и эти оценки, если судить по состоянию российской экономики, должны быть крайне негативные. Но Путин как раз ускользает от оценок, ничем не выражает своего мнения, боится выступить судьей, занять решительную позицию. Это понятно, ведь президентская оценка деятельности ведомства или

министра с необходимостью влечет за собой действенные решения, президент, критикующий ведомство или министра, берет на себя ответственность за разрешение кризиса. Путин же не оказывает ни малейшего давления на своих вроде бы подчиненных, ни одним словом не задевает их, видимо памятуя: они меня породили, они меня могут и убрать!

Даже когда он говорил о прощальной встрече с Ельциным в Кремле, казалось бы, такое яркое событие (если в разговоре о Путине вообще можно говорить о чем-то ярком), он даже это умудрился подать в отстраненно-репортажном стиле: «Это был вообще день такой, насыщенный эмоциями. Но Борис Николаевич держался очень мужественно. Откровенно говоря, я даже не ожидал, что он так может собраться. Действительно, я сам там чуть не расслабился. Я считаю, что мы должны продемонстрировать очень доброе и человеческое отношение к Президенту». Обратим внимание на это безличностное, расплывчатое «мы». В этой скользкой, извилистой фразе отсутствуют подлинные чувства Путина к Ельцину, хотя можно предположить, что это были благодарность и демонстрация прежней подчиненности. И прощальные ельцинские слова от его преемника Путина народу услышать не удалось, все то же увиливание от прямого ответа: «Они (слова Ельцина. — Т.М.) были с пафосом, но сказаны очень по-доброму, человечески».

Речевое поведение Путина, когда он говорит о политических друзьях и врагах, — типичное поведение несамостоятельного человека. Определения, которыми Путин наделяет и друзей, и врагов, опять же максимально нейтральны — смелость (смелый, мужественный, волевой), порядочность (приличный, порядочный, честный), иногда всплывают «умный» (о Примакове), «независимый, уважаемый» (о депутатах), «хитрый» (о террористах). Путин умудряется не обидеть своими речами даже террористов! Они для него всего-навсего «хитрые». Еще очень интересно, что в его речах практически нет таких терминов, как политик, лидер, депутат, народный избранник, государственный деятель, член правительства, а все больше человек, люди и лишь изредка вдруг выскочит «опытный работник» (о Патрушеве).

Конечно же, не политтехнологи научили Путина выступать именно в таком духе, это его собственная блеклость и вялость мысли, вечно подчиненное его положение продиктовали ему серый стиль речи, заурядность поведения, трусливую осторожность в оценках. Но есть приемы, которые, несомненно, Путин перенял по рекомендации своих пиарщиков. Таково обилие риторических вопросов в речах президента, причем они возникают там, где от президента ждут не вопросов, а как раз ответов и решений, и решений действенных. Вместо этого избиратель получает очередной вопросец, а по сути дела ловкое увиливание от ответственности: «Разве можно вести политические разговоры с террористами?», «Если ценой этих отношений (с международным сообществом. — Т.М.) является распад нашего государства, то зачем такие отношения?», «Как можно обеспечить армию на Северном Кавказе, если у нас нет доходов в бюджет?». Риторический вопрос выгоден тем, что легко привлекает внимание к выступающему, но не более. Рано или поздно на такие вопросы все равно нужно отвечать, иначе президент будет восприниматься как вопросительный знак, и только. Применительно же к Путину риторический вопрос всегда служит лишь удобной маскировкой президентской бездеятельности — удачная пиаровская находка для безвольного человека.

По рекомендации политтехнологов Путин все время подчеркивает свое происхождение «из простых»: «Я помню, как у меня папа на пенсию уходил. Он самый был простой человек, работал мастером на заводе всю жизнь», «К таким условиям работы, как в Кремле, я конечно не привык. У нас в Питере такое только в Эрмитаже можно увидеть. Здесь своеобразная обстановка, такая дворцовая, я никогда к этому не стремился». По замыслу политтехнологов, это должно резко отделять его от так называемой «элиты», выдвинувшей Путина в президенты, от Семьи и олигархов, купающихся в немыслимой роскоши. Все делается для того, чтобы избиратели после таких откровений президента не доверяли публикациям о строительстве

Путиным в бытность замом Собчака элитной дачки в заповедном месте, об изготовлении для Путина личной яхты по образцу царского «Штандарта», о зарубежной земельной собственности Путина в Испании, о реконструкции под президентскую резиденцию великокняжеского дворца в Стрельне., и прочем прикарманенном достоянии этого «не привычного к дворцовой обстановке» человека.

Но бывает, что иногда «прорвет» Путина, и он разразится хлестким словцом, таким выразительным, которое крылато облетит всю страну, станет визитной карточкой президентской жесткости и обнадеживающей решительности. Так возникли всем памятные — «мочить в сортире» (о тех, кто подорвал дома в Москве), «сделать обрезание» (обещание террористам), «выйдут — сядут» (о толпах протестующих, перекрывавших транссибирскую магистраль сидением на рельсах), «нам не нужны военные, которые сопли жуют» (о жесткости задач армии в Чечне). Вырвется странновато-диковатый «афоризм» из путинских уст, потрясенным эхом прокатится по газетам, по телеэкранам, обдаст обывателя смрадным духом грязных питерских подворотен, и вновь перед нами, как ни в чем не бывало, скучный господинчик в сером пиджаке. Лишь к концу президентского срока раскрылась эта интригующая тайна «сортирных» филиппик Путина. Она со всей ясностью проявилась в его пресс-конференции, когда расслабившийся Президент великой когда-то страны, сделавшейся при его участии слабой и нищей, в предвкушении долгожданных удовольствий, которые доставит ему звание самого богатого человека в Европе, вдруг выплеснул на журналистов и зрителей целый фонтан дурно пахнущих «сточных словесных вод». Особенно пахучи были его ответы на так называемые «острые» вопросы, где Путину явно приходилось врать. Так требования ОБСЕ в отношении наблюдения за выборами в России он обозвал «хотелками» и порекомендовал влиятельной европейской организации «пусть жену учат щи варить там». Отрицая всякую возможность грядущей денежной девальвации, Путин разразился истеричным «вы что хотите, чтоб я землю ел из горшка с цветами или на крови клялся?». Ну, и самое гадливое чувство, которое сродни разве отвращению, когда нечаянно вляпываешься в навозную кучу, вызвала у слушателей возмущенная тирада Путина на вопрос о его богатствах. Цитирую стенограмму: «Вопрос Ассошиэйтед пресс: Некоторые газеты писали о том, что Вы — самый богатый человек в Европе. Если это правда, каковы источники Вашего богатства? В. Путин: Это правда. Я самый богатый человек не только в Европе, но и в мире: я собираю эмоции, я богат тем, что народ России дважды доверил мне руководство такой великой страной, как Россия, — считаю, что это самое большое мое богатство. Что касается различных слухов по поводу денежного состояния, я смотрел некоторые бумажки на этот счет: просто болтовня, которую нечего обсуждать, просто чушь. Все выковыряли из носа и размазали по своим бумажкам. Вот так я к этому и отношусь». Момент, когда «прорывает» Путина, когда он напрягается, чтобы не показать, что испугался или смущен, или загнан в тупик вопросом. И в этих прорывах Путин настоящий, подлинный, без привычной непроницаемой маски.

Речи Путина, его публичные устные выступления без бумажки с головой выдают все естество этого человека, через всю свою жизнь пронесшего замашки и речевки питерской шпаны, все то, что, когда успешно, а когда и тщетно, пытались прикрыть пиаровскими средствами кремлевские пиартехнологи. Зритель подчас «клевал» на наживку имиджмейкеров, и потому время от времени возникали навязчивые разговоры о том, что Путин до времени скрывает свою истинно патриотическую позицию, что у него-де связаны руки обязательствами перед наставником Ельциным, придет час, и мы увидим настоящего Путина — бесстрашного чекиста, героя разведки. Два президентских срока плюс премьерский срок надеялись увидеть, да так ничего и не увидели. Мы смотрели в пустой стакан и уверяли себя, что он наполнен чем-то хорошим, нам полезным и необходимым. Но стакан пуст, хотя многим и сегодня очень не хочется

верить в очередную пустоту. Это политтехнологи, как всем известные трудолюбивые портняжки голого короля, усиленно питали наши иллюзии, напрасные надежды, ничем не обоснованную веру в волевого, сильного, жесткого, умного и решительного Путина.

Все так называемые «компоненты имиджа», необходимые государственному деятелю, правителю, лидеру, — сила духа и воля, недюжинность ума, яркая внешность, компетентность и обаяние, которое политтехнологи именуют харизмой, — словом, все то, что задевает за живое человека, ждущего появления достойного вождя Отечества, что заставляет восторгаться и воскликнуть: «Вот он!», — у Путина «на нуле». Каждая черточка его внешности и характера подвергалась тщательной ретуши, подмалевке имиджмейкеров, иначе при всех административных ресурсах власти кандидатура его никогда бы не прошла.

Взять хотя бы внешность. Если ее честно и непредвзято описать физиономисту, забывшему на минуту, что перед ним Президент России, впечатление будет удручающим. Вот отзыв журналистки Елены Трегубовой о первом знакомстве с Путиным: «Во главе стола был едва заметен маленький скучный серенький человечек. Он почему-то нервно двигал скулами. В нем явно происходила какая-то внутренняя работа — он то ли боялся какого-то неприятного вопроса, то ли, наоборот, напряженно ждал, чтобы кто-нибудь этот вопрос задал. При этом глаза его оставались не просто безучастными — они вообще отсутствовали. Было невозможно даже понять, куда именно он смотрит, взгляд его как бы растворялся в воздухе, размазывался по лицам окружающих. Этот человек внушал собеседникам ощущение, что его вообще нет, мастерски сливаясь с цветом собственного кабинета» (Елена Трегубова. Байки кремлевского диггера, М., 2003, с. 141–142).

Что же сделали имиджмейкеры, чтобы создать внешнюю привлекательность такому непривлекательному человеку, как Путин? Как они ретушировали дефекты, какими ухищрениями навели на Путина хрестоматийный лидерский глянец? И ведь так навели, что прежнего невзрачного мужичонку-подростка с утиным носом и беспомощным выражением глаз — как не бывало. Во-первых, это строгая регламентация видеосъемки, которую ныне дозволено проводить только официальным кремлевским операторам. Путина вообще нежелательно снимать, уж больно лицо некиногеничное. А когда снимают, то выбирают лишь средний, а лучше дальний план и вид в профиль или в полупрофиль, в том удачном ракурсе, который скрывает заискивающее выражение глаз и заурядность лица. Чаще же в информационных сообщениях предстает фотопортрет Президента с весьма специфическим наклоном головы, который психологи трактуют как «угрожающий». Именно ощущение угрозы, исходящей от фотографического путинского лица, наклоненного чуть вниз, со взглядом исподлобья (в нас генетически заложено понимать такую позу как угрожающую), это ощущение успешно заслоняет собой читающийся в чертах комплекс неполноценности.

В начальственных кабинетах появилось множество рисованных портретов Путина, имеющих с оригиналом лишь отдаленное сходство. У выполненного маслом президентского лика уже и взгляд стальной, и нос прямее, и губы без тени чувственности, твердо сжаты. Глядят расплывшиеся российские начальники на вззирающего строгим, мужественным взглядом президента и проникаются именно таким Путиным, хотя это всего-навсего портрет, заказанный опытными имиджмейкерами расторопному художнику, на лету хватающему спрос заказчика.

Нежелательной является для имиджа Путина съемка его рядом с выразительными лицами, значительными фигурами, тем же Лукашенко, например, горой вздымающимся над скромной фигуркой российского Президента, или с Туркменбаши, со времен членства в Политбюро ЦК КПСС умевшим принимать бронзовый вид. Нашего же избранника такому искусству обучить так и не удалось, и соседство на экране с сановитыми коллегами всегда не в пользу Путина, который рядом с ними выглядит болезненным, малокровным, страдающим от недостатка витаминов

мальчиком. Зато маловыразительные физиономии, с отпечатком порока, как у Буша с его вечно виноватым взглядом застарелого алкоголика, или как у Кучмы, всегда имевшего глуповато-растерянный вид, вполне годятся Путину в пару. Неплохо Путин смотрится и на фоне корейца или негра. Лица иной расы интуитивно неприятнее нам даже самых непривлекательных, но привычно бледнолицых физиономий.

Труднее всего имиджмейкерам ретушировать такой серьезный дефект путинского облика, как тихий и робкий голос, обычно свойственный людям неволевым. Отсутствие воли у президента великой державы показывать никак нельзя. Поэтому Путин очень редко выступает без бумажки, без шпаргалки он теряется, голос его дрожит, срывается, едва слышен даже с микрофоном. Читать же написанный спичрайтерами текст гораздо легче, можно уже не думать о словах, как и что сказать, а сосредоточиться на звучании речи — произносить ее делано командирским голосом, с нотками металла, с мужественными интонациями, с суровостью во взоре. Чтобы усилить впечатление решительности и воли, имиджмейкеры советуют Путину насупливать брови, и он по сей день старательно, как первоклассник, выполняет эту рекомендацию, отчего его лицо приобретает мученическое выражение, будто ему все время жмут ботинки.

Искусственность и принужденность читаются во всех путинских явлениях на экране в роли лидера, президента, руководителя страны. Глядя на него, многие сочувствуют Путину, видя, как трудно тому не на своем месте, приказали бедняге здесь служить, он и служит, хоть не по Сеньке шапка.

Но если дефекты внешности, дефекты речи, никак не соответствующие нашим представлениям о вожде, правителе, спрятать все же удастся, то как создать впечатление его духовной мощи, воли, если их нет и в помине ни в характере, ни в биографии, ни в поступках? Для создания образа волевого, духовно сильного Путина политтехнологами создана легенда о Путине-спортсмене, Путине — мастере боевых искусств, исключительно здоровом и физически сильном человеке, всегда готовом вступить в единоборство с противником. И внушают нам газеты постоянно, что «Владимир Владимирович практически каждый день плавает по километру, делает зарядку, причем набор физических упражнений придумал для себя сам. Не забывает и о дзюдоистском татами, умеет скакать на лошади.» (АиФ, 2003, № 16).

Слава мастера дзюдо — эффектная находка путинских пиарщиков, которые тренированность Путина выставляют за его духовную мощь, с цирковым искусством фокусника подменяя понятие силы духа спортивными достижениями. Прямо-таки вал информации о физической крепости Президента: найден его тренер в школьную и студенческую пору, растиражированы интервью и воспоминания о его спортивных успехах, даже издан учебник «Дзюдо: история, теория, практика» (СПб., 2000), на титуле которого красуется имя Путина. Президент посещает спортивные соревнования по дзюдо, дарит победителям подарки, да и сам то и дело наряжается в кимоно. Электорату навязывается, в головы избирателей продавливается мысль, что Путин — боец по натуре, по духу и свои бойцовские качества непременно реализует в президентской работе. При помощи телетехнологии осуществляется виртуальный переход от якобы необычайной физической силы Путина к впечатлению о его духовной силе и государственной воле. Классический образчик пиаровского мошенничества, когда юношеское увлечение самбо и дзюдо раздувают до высшего профессионального мастерства, и на этом фоне лепят легенду о необыкновенных бойцовских качествах человека, а потом эти напридуманные бойцовские качества переносят на всю прошлую и настоящую, уже совсем не спортивную, а политическую жизнь.

Технология, как видим, незатейлива, но сколько миллионов простаков доверилось виртуальному впечатлению о волевой, смелой и решительной натуре Путина. При помощи

подобной технологии имиджмейкерами построен и другой образ Путина — компетентного руководителя, уверенного правителя державы.

На самом деле Путин, как руководитель, — никакой, он им никогда не был, ведь до самого президентства Путин всю жизнь прослужил на подхвате, в помощниках от проректора ЛГУ и питерского мэра Собчака до Бородина и Юмашева. И так ему было хорошо, сытно и уютно вечно за чьей-то спиной, что когда Ельцин дал ему самостоятельный пост — директор ФСБ! — Путин, будь на то его воля, на это никогда бы не согласился. Он так прямо и говорит в своей книге «От первого лица»: «Не могу сказать, что обрадовался. У меня не было желания второй раз входить в одну и ту же воду».

Понимаете, все-таки в военизированных организациях очень тяжелая служба. Бумажки все секретные, то нельзя, это нельзя.» («От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным», с. 124–125). Преданно и нагло услужив Семье на этой должности своим участием в афере с кассетой лжекомпромата на Генерального прокурора Скуратова и разгромом ведущих контрразведывательных управлений ФСБ, бдительно отслеживавших финансы, не допуская утечки промышленных объектов в загребущие лапы иностранного капитала, Путин получил звание преемника вместе с должностью премьер-министра. Но даже возглавив ФСБ, Путин самостоятельности не обрел. Кремлевские сидельцы вспоминают, как в бытность его директором ФСБ в коридоре Кремля можно было слышать раздраженный крик Тани Дьяченко, у всех на глазах отчитывавшей Путина, вытянувшегося перед ней в струнку, руки по швам.

Повторяю, единственной «боевой заслугой» Путина на самостоятельном посту директора Федеральной службы безопасности Российской Федерации стал разгром. Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Четкую и жесткую профессиональную оценку Путина на посту директора ФСБ дал Генеральный прокурор Юрий Скуратов в своей книге «Вариант дракона»: «Путин, находясь в свое время во главе ФСБ, постарался особо — расформировал самые опасные для всякого суперкрупного ворюги управления — экономической контрразведки и контрразведывательного обеспечения стратегических объектов. Первое раскручивало самые громкие экономические дела последних лет, второе — не давало, чтобы предприятия, составляющие славу России, позволяющие ей защищаться, уходили за бесценок в руки иностранцев. Теперь этих управлений нет. Похоже, что шеф ФСБ — теперь уже бывший — исполнял чей-то заказ» (Юрий Скуратов. Вариант дракона, М., 2000 г., с. 181). По указке, сценарию Березовского, разогнал директор ФСБ Путин и самое боевое Управление ФСБ — Управление по разработке и пресечению деятельности преступных группировок, — последний оплот ФСБ в борьбе с организованной преступностью.

Чтобы заретушировать явно выраженную, прямо-таки в лицо впечатавшуюся путинскую нерешительность, несамостоятельность, политтехнологи придумали, как изобразить из него вождя, вперед смотрящего кормчего. Они в прямом смысле слова стали навязывать нам образ Путина-рулевого. Его постоянно показывают держащим в руках штурвал управления, то он на командном посту подводной лодки, то за рычагами всамделишного танка, то за штурвалом истребителя в летном шлеме, то за штурвалом комбайна. Везде Путин у руля, непременно крупно, назойливо — руль управления в надежных, крепких руках.

Тщательно и хитроумно подобранные картинки обыкновенные люди воспринимают без обиняков, попросту — Путин умеет управлять — не важно — самолетом ли, подлодкой, танком, в подсознание людей закладывается, что, стало быть, Путин умеет управлять всем, а значит, и государством. Помните, как нам назойливо внушалось: «Партия — наш рулевой!» Теперь очень тонко, при помощи виртуальной пиаровской технологии внушают

«Путин — наш рулевой!». Создается виртуальное впечатление о все знающем, все умеющем кандидате в президенты, потом о собственно президенте, впечатление, настолько вживленное в

наши головы, что и по сей день большинство избирателей убеждены, что «идеологические и стратегические установки поступают от президента» («Российская Федерация сегодня», 2003, № 8, с. 26).

Надо отдать должное политтехнологам Путина, у них хорошо оборудованная мастерская для конструирования виртуальных президентов. С выдумкой работают, черти! К примеру, через демонстрацию встреч Путина с представителями разных религий мастерят наше представление о том, что он близок людям всех конфессий. Он открывает московскую синагогу и дружески шепчется с раввинами, он христосуется с Патриархом и ставит свечи в провинциальной церкви, потом ловит монетку ртом в тазике с простоквашей на мусульманском празднике в Казани. Все это не из-за большой любви Путина к иудаизму, православию или исламу. Это всего лишь технология — искренне верующим людям разных религий хотят внушить, что Путин их понимает, он уважает их веру, он верующий, как они, а, значит, честный и искренний, ведь перед Богом фарисействовать и лицемерить верующий себе не позволит! И когда потом этот человек с печатью «честности и искренности» обещает улучшить жизнь народа, этот самый народ, разных вероисповеданий и религий, верит ему безраздельно и голосует с радостью за честного и искреннего человека. Тем более что вольно или невольно подыгрывая политтехнологам, православные передают друг другу, что у Путина-де есть духовник — настоятель Сретенского монастыря Тихон Шевкунов, а раввины в хедерах уверяют иудеев: «Путин — наш человек».

А вот как технологи соткали из Путина образ президента все-то знающего, все-то понимающего, и чем живет, и чем дышит страна. То с творческой интеллигенцией Путин сбежится о судьбах России потолковать, то к военным прилетит — в очередной раз пообещать им повышение довольствия, то с ткачихами повидается — о житье-бытье покалякать. Женщины особенно милы на встречах с Путиным, тают от его присутствия, вздыхают, любят им, а он глазки скромно опускает, вежливый, воспитанный, деликатный, как писала одна поэтесса «ласковый, приветливый и кроткий», просто котенок какой-то, а не президент гигантской страны. Показ таких встреч по телевизору согревал души избирателей сознанием, что президент-де знает их нужды и беды как свои, что и у него душа не на месте от народных невзгод, и дай срок, поможет, пособит, все переменит к лучшему. Жаль разочаровывать очарованный электорат, но и эти встречи — всего лишь циничная, трюкаческая технология, умелое воздействие на подсознание творческой интеллигенции, военных, ткачих, шахтеров, учителей, врачей: «Путин — свой, он знает ваши проблемы!»

Технологию, как организуется хождение Путина в народ, наглядно продемонстрировала газета «Московские новости». В сентябре 2000-го Россия с умилением созерцала по телевидению встречу Владимира Путина с жителями деревни Кузькино Самарской области, что неподалеку от правительственного санатория «Волжский утес», и как крестьянка Кузьмина от души угощала Владимира Владимировича собственного приготовления маринованными грибами.

Потом жители Кузькина — председатель сельхозкооператива «Кузькинское» Владимир Фомин, приготовивший тогда президенту целый ворох жалоб и просьб о помощи, и мастерица солить грибы Валентина Кузьмина, оказавшаяся, правда, вовсе не крестьянкой, а заезжей дачницей, — рассказали корреспонденту «Московских новостей», «как это было». Их рассказ еще раз подтверждает, что не для познания жизни народа, не для заботы о нем, погибающем в нищете и беспросветности, ездят по городам и весям преемники президентской должности, а для съемки себя на фоне народа, которую потом народу же и показывают.

Вот свидетельство хлебосольной дачницы Валентины Кузьминой: «В Кузькине за сутки до приезда Президента как начали бегать все! Чуть ли не с мылом дорогу мыть. Оказалось, что Путин приезжает. Когда стал он выходить, то все начали хлопать и кричать «ура». Ая как-то

посчитала, что это неприлично — «ура» кричать. Я просто взяла и поздоровалась с ним громко: «Доброе утро, Вовочка!». И вот так рукой помахала. Он сначала, ну, обалдел. Он в жизни не ожидал такого. Он только из школы вышел и сразу ко мне: «Здрасьте!» А я говорю: «Я же с вами уже здоровалась». Он говорит: «Я слышал. Так здорово!» Ну, что-то они разговор начали, ну, надоедает все про политику, и Титов Константин, губернатор Самарской области, говорит: «Что, лес вроде рядом, а грибов нет?». Я поняла, что ему хочется еще подольше пообщаться, Вовочке-то. А темы нет. А как грибы-то помянули, президент говорит: «Что, есть еще грибы?». Я говорю: «И намариновала, и нажарила». Он говорит: «А можно посмотреть?» Я говорю: «Пожалуйста». И он меня берет за плечи. Мы, говорит, пошли на грибочки».

Председатель сельхозкооператива Владимир Александрович Фомин, хозяин Кузькинской экономики, тогда тоже был не прочь пообщаться с президентом, но у него не получилось, не захотел президент разговаривать с кузькинским хозяином. «Я стоял позади него, — вспоминает Фомин о своей неудаче. — Мне очень понравилось, как у него охрана работает. Вот про грибочки с Кузьминой поговорили, он поворачивается, — и я уже стою далеко от Путина. И никто меня не подымал, никто не толкал.»

Было что сказать председателю сельхозкооператива, местному крестьянину, жилы из себя тянущему, чтобы выжила деревня. О том, например, что тонна удобрений стоит как восемь тонн озимой ржи. Или об отсутствии в России страхования крестьянских рисков. Или о том, что народу на селе не осталось. Хорошо, конечно, что президент школе кузькинской компьютеры подарил, да учиться на них скоро будет некому. В прошлом году в Кузькино с зерновыми вышел полный «пролет»: цены на рожь снизили в четыре раза. Пшеница полегла, пожгла жара. Энергетики отрубили в хозяйстве свет, хотя перед этим Фомин отдал им 50 тысяч живыми деньгами. Еще недавно было в кузькинском колхозе две тысячи коров, когда Путин приезжал — их еще три десятка оставалось, а теперь — ни одной! «Но с президентом это не связано, — оправдывается Фомин. — А связано это с тем, что сельское хозяйство в стране заброшено». Жалеет Фомин, что с президентом не удалось поговорить, мечтал пожаловаться: «Только мы пытаемся голову поднять. «Ах ты, собака, еще живой». И по ушам!» Но Путина только грибочки и заинтересовали!

В то время как крестьянин Фомин, собравшийся поговорить с президентом о деле, отирался на улице, в домике дачницы разворачивалось весьма выигрышное для имиджа действие, тщательно фиксируемое президентскими операторами. Дачница Кузьмина рассказала об этом так: «Приехали. Прямо в дом зашли. Охранников — полно! Взяла банку грибов, но мне их не открыть. Владимир Владимирович говорит: «Сейчас сделаем», взял, открыл ее. Я говорю: «Щас тарелочки, все остальное принесу». Он говорит, Вовочка: «Из тарелок меня каждый день кормят. По десять раз. Не хочу! Вилки принесите, и все». Он был до того простой и такой интеллигентный. Мы с ним грибы прямо кушали из банки. И выпили еще! У нас водка была, с поминок мамы моей оставалась. Принесли, распили. Очень культурно все, очень мило.» («Московские Новости», 2003, № 17).

Вот такое хождение в народ. Такова пиаровская технология. Обратите внимание, с какой готовностью, исполнительной дисциплиной «вписывается» в эту технологию сам президент. Ведь не дела ищет, не беду народную прямо на месте, в деревне у мужиков узнать стремится, даже глазами здешнего председателя не поискал, кто тут главный? В деревню приехал — подарки отдать да с бабами грибочков под водочку покушать. К мужикам и не сунулся, обидеть могут ненароком, о чем-нибудь неприятном спросить. Идеальный актер! Ни на шаг от заданного сюжета. Однако и сценаристы, имиджмейкеры, надо отдать им должное, — молодцы. Те убогие таланты, которыми располагает Путин как актер, они раскручивают на полную катушку.

Автором феномена под названием «всенародная любовь к Владимиру Путину» называют обычно Глеба Павловского, которому в прессе приписывают много чего еще из «исторических завоеваний демократии»: победу в 1996 году и отставку в 1999-м Ельцина, увольнение Степашина и назначение Примакова, назначение Путина наследником и разгром блока Лужкова — Примакова, развязывание второй чеченской войны и создание партии «Единство». Павловский ни от чего не отказывается. Если верить тем же слухам, именно он ввел в российскую политику термин политтехнология и политтехнолог.

По представлению журнала «Профиль» Павловский — одессит по рождению, еврей по крови и историк по образованию. Будучи студентом Одесского университета, он дал показания на своего приятеля Вячеслава Игрунова, обвинявшегося в хранении антисоветской литературы. Того посадили в психушку, Павловского отпустили. Это, наверное, была первая «политтехнология», позволившая Павловскому убедиться в успехе беспринципного, циничного подхода к жизни. Карьера историка его, очевидно, не прельщала, и в Москву Павловский прибыл с амбициями диссидента, рассчитывая на щедрые субсидии своей деятельности из-за рубежа и возможную свою зарубежную карьеру, — привычный путь, которым в то время шли Буковские, Щаранские, Назаровы и прочие. В Москве Павловский стал поклонником и чуть ли не учеником историка Гефтера, демонстративно бросал камни в окна районного суда, изображая протест против тоталитарной «империи зла». Мелкодиссидентская деятельность Павловского закончилась, однако, не почетной эмиграцией, а арестом в 1982 году, чистосердечным раскаянием и, по-видимому, сдачей подельников, поскольку вместо тюремного срока Павловского отправили в ссылку в Коми АССР, откуда он, трудясь на должности маляра и кочегара, отправлял властям шизофренические письма с рекомендациями, как спасти Советский Союз. Послания Павловского, как вспоминал впоследствии он сам в своих интервью, действительно были довольно истеричные, участковый их читал, хохотал и подшивал в дело.

Прошлое Павловского — бурные всплески истерии, которую можно расценить и как умелый розыгрыш из себя придурка ради того, чтобы, повинувшись авантюризму натуры, потом легко уходить от ответственности. Следует помнить, что подобное поведение в прошлом власти не без основания часто метили психиатрическим диагнозом. К началу перестройки, когда Павловский вернулся из ссылки, у него была устоявшаяся репутация «стукача», подозреваемого диссидентами в работе на КГБ. Нарботанные навыки Павловский стал приспособлять к новым условиям жизни. Он умело вбрасывал слухи и компромат, которые будоражили общество. В 1994 году Павловский запустил «утку», под названием «Версия I» о государственном перевороте, который, якобы, готовила группа ельцинских министров. Провокационную дезинформацию напечатала «Общая газета», имевшая к тому времени ничтожный тираж и мечтавшая об увеличении издания. Павловского уличили в провокации, газете вынесли предупреждение, а автор «Версии» приобрел репутацию не брезгующего грязной работой, которую очень скоро стали деликатно именовать «черным пиаром».

Шизофреническая способность придумывать и вбрасывать всевозможные «версии» быстро пришлась к кремлевскому двору. В 1996 году Павловский привлечен Игорем Малашенко к созданию «положительного образа» президента Ельцина, а, главное, к строительству «отрицательного образа» КПРФ. Эта искусственно возведенная конструкция с наглым слоганом «Коммунисты — голод, нищета, очереди» сместила здравомыслящих людей, но большинство избирателей приняли ложь за правду.

Павловский убежден, что именно он вселил в Татьяну Дьяченко и Чубайса надежду на

возможность нового избрания Ельцина: «Тогда, в конце девяносто пятого, было два человека, считавших, что Ельцин избираем и очень избираем. Чубайс и я».

После ельцинского «триумфа» Павловский уже неотступно обслуживает власть, через созданные им интернетиздания запускает всевозможные слухи, компроматы, раскручивает скандалы. Считается, что в 1997 году при его непосредственном участии в прессу попала скандальная расшифровка телефонных переговоров Гусинского и Березовского, якобы строивших козни против президента Ельцина. Расшифровка оказалась «липой», и тогда Павловский открестился от нее, приписав авторство как нельзя кстати разбившемуся в автомобильной катастрофе Андрею Фадину, обозревателю «Общей газеты».

В 1999 году по совету Дьяченко удачливого информационного шулера, профессионального провокатора привлекли к новой выборной кампании — кампании высокой степени риска. Кремлевское семейство, спасая свои властные позиции и наворованные капиталы, нуждалось в людях, свободных от интеллигентских комплексов, способных на любую ложь, любой скандал, любой политический ход, даже на кровавый исход, лишь бы достичь своей цели. Тут Павловский удивил многих: он стал убеждать Семью отойти от выборной гонки, уступив место премьеру Путину.

Павловский не скрывал в интервью, что «Путин рассматривался как возможный преемник с самого начала, но многих отталкивало его специфическое прошлое». Павловского не отталкивало. Его собственное прошлое было еще специфичнее, и кто знает, может быть, бывший оперуполномоченный КГБ и бывший стукач КГБ просто хорошо понимали друг друга.

Стиль работы Павловского, если судить по его пиаровским заслугам, впрочем, теперь этот стиль стал визитной карточкой кремлевских политтехнологов, это, во-первых, вброс слухов и компромата, очерняющих политических противников, во-вторых, строительство «образа врага», из борьбы с которым заказчик должен выйти победителем, в-третьих, искусственное нагнетание и даже конструирование провокационных ситуаций. И все это строится на откровенной лжи, мошенничестве и готовности идти на любые преступления для достижения своих целей. В подтверждение процитируем журнал «Профиль», добросовестно пересказавший все элементы сценария, как считается, придуманные именно Павловским по созданию народной любви к кандидату в президенты Путину: «Многие приписали Павловскому план победоносной военной кампании в Чечне, не говоря уж о кампаниях против партии Примакова — Лужкова. Выступая перед прессой в августе 1999 года, он заметил: пока Примаков не дал окончательного согласия присоединиться к «Отечеству», играть против Лужкова можно по правилам.

— А если присоединится? — спросил корреспондент.

— Тогда обычные картежные приемы уже не подействуют, надо начинать прыгать через стол, — улыбнулся Павловский.

«Прыжки через стол» начались очень скоро, причем без прямого участия Павловского: дело борьбы против главных претендентов на престол взял на себя Сергей Доренко. Тем не менее, Глеб Олегович сочинил и даже опубликовал несколько фельетонов, в которых доказывал, что Лужков — это Катилина нашего времени и что его борьба против Ельцина есть в сущности «легальный заговор».

Авторы этих строк знают людей, которые всерьез уверяют, что и московские взрывы осени 1999 года — дело рук Павловского. Сам Глеб Олегович ответил на это исчерпывающе: «последствия тех взрывов были непредсказуемы. Нация могла сплотиться вокруг Путина, а могла во всем обвинить Кремль». По счастью, грамотный аналитик был тогда на стороне Кремля. А не на противоположной» («Профиль», 26 марта 2001 года, с. 77).

Когда читаешь подобные «сценарии», да еще опубликованные после их осуществления, зловещий холодок морозит душу. Как легко «сценаристы» рассуждают о погребенных под

завалами детей, целых семьях, раздавленных бетонными плитами, разорванных на куски. Для путинских технологов, даже если допустить, что взрывы те были не заказными, изуродованные детские трупы — страшно сказать — удачная возможность продемонстрировать героичность своего кандидата в президенты. Даже за готовность сыграть в президентской гонке на горе и страхе людей перед новыми взрывами мы не можем считать политтехнологов психически нормальными людьми, тем более того, кто в любую минуту способен «прыгнуть через стол», чтобы завалить противника.

Многочисленные телепередачи с участием Павловского и интервью с ним позволяют нам представить психологический портрет типичного кремлевского пиартехнолога. Он получает от управляющих государством теневых лиц широкие возможности стать пружиной власти, не тайным, а явным советником и одновременно всемогущим магом, уверенным, что изрекает предсказания и двигает массами человеческих стад, что заставляет эти массы падать ниц в испуганном обожании какого-нибудь вчера еще ничтожного маленького человечка, наименованного преемником президента, и в остервенении раздирать портреты недавних своих кумиров и любимцев. Вообще воображение пиартехнолога явно поражено болезненной гордыней, он считает себя в силах изничтожить или возвеличить любого, если уж из Путина сотворили президента, — этакий Бонапарт политтехнологий, свысока вззирающий на копошащиеся послушные миллионы «двуногих тварей». На самом же деле кремлевский пиартехнолог — просто информационный шулер, мошенник, провозгласивший свою преступную по сути деятельность «эффективной политикой» или «суверенной демократией».

Вновь взглянемся в примелькавшегося на экранах телевизоров Павловского (другие пиарщики преемников президентской власти предпочитают пребывать в тени) — один ли холодный расчет, помноженный на ум «гениального технолога», движет им? Когда Павловский начинает оглашать свои пиаровские идеи с экрана ли телевизора или в газетных интервью, возникает острое чувство общения с сумасшедшим. Главный вопрос, который должен беспокоить сегодня каждого из нас, действительно ли это сумасшествие, психическая болезнь, привязавшаяся к Павловскому с молодых студенческих лет, или это умелая симуляция, одесское хохмачество, розыгрыш «лохов» с тем, чтобы к нашему монстру политтехнологии относились как можно менее серьезно.

Психолингвистический анализ речей профессионального имиджмейкера Павловского может дать ответ на этот вопрос.

Во-первых, Павловский открыто говорит, что Путин — это не реальный человек, а «продукт» деятельности политтехнологов, то есть наш Бонапарт от политтехнологии видит президента простым рупором своих имиджмейкерских идей: «Путин — это как бы своеобразное, может быть, единственное подлинное средство массовой информации у нас» («Эксперт», 2002, № 16, с. 18). «Он — единственная политическая коммуникация в стране, ось и устой нового режима, это политический производственный комплекс. Комплекс Путина производит, судя по всему, основную массу политических коммуникаций, поддерживающих в системе стабильность и доверие.» (там же, с. 19). «Путин выступает как менеджер и координатор этих слоев, которые я условно называю городскими активными группами» (там же, с. 19). «Путину придется действовать. Это должна придумывать его политическая голова и люди, которые входят в состав этой головы» («Эксперт», 2000, № 1–2, с. 20).

Политическая голова Путина, как мы понимаем, — это сам Павловский, намеревающийся при помощи такого нехитрого устройства, как президент-марионетка, и далее управлять, как он говорит сам, «этими вот нашими непутевыми гражданами». Воспаленное воображение Павловского представляет «непутевых граждан» как послушную его волшебной дудочке толпу идиотов, действующих по тем программам, которые он пишет: «Это именно то, что ищут

массы... Они ищут альтернативы в самой власти. из Ельцина харизма власти вытекала, а в него (Путина. — Т.М.) втекала» («Эксперт», 2000, № 1–2, с.

18). «У народа был внутренний страх от того, что хозяин (Ельцин. — Т.М.) уходит, а другого нет» (там же, с. 18). «В каком-то смысле народ получил ответ на вопрос, кто вместо Ельцина, и успокоился. Он теперь ждет от власти определенных действий. И даже не просто действий, а определенного стиля действий» (там же, с. 20). «Путинская стабильность это и есть режим доверия между массами и элитами. Все крутятся, все недовольны, все ворчат на правящих, но в принципе все-таки готовы принимать руководство» («Эксперт», 2002, № 16, с. 19). «Избиратель у нас очень ценит, что Путин осторожен и расчетлив в движениях, что он спокоен в ситуациях крайней опасности. И, кстати, избиратель очень неодобрительно относится ко всему, что пахнет возвращением к антагонизму, зовет на фронты и баррикады» (там же, с. 20). Спрашивается, откуда Павловский так детально знает народ, ведь со времени его работы маляром в Коми много воды утекло. Но по весьма специфическим, мягко сказать, представлениям этого жуликоватого одесского «гения» течь может не вода, а харизма, а также из одного лидера вытекать, а в другого — втекать. Все эти рассуждения очень похожи на уверенность подростка, севшего за компьютерную игру, где он заведомо повелитель марионеток, и если они вдруг будут действовать против его воли, так ведь компьютер всегда выключить можно, а марионеток стереть из памяти виртуальной игры.

Разглагольствования «политической головы президента» — политтехнолога Павловского о том, как этот самый президент взаимодействует с электоратом и правящими элитами, непременно должны привлечь внимание психиатра: «Есть масса тонких условий принятия сигнала снизу, которые Путин, похоже, чувствует кожей. Вот почему заточка формул идет до последнего.» («Эксперт», 2002, № 16, с. 18). «Путин ощутил перегрев осевого канала коммуникаций, превратил ощущение в систему корректирующих команд и передал по цепи дальше. Важно адекватное реагирование Путина на сигналы, получаемые при взаимодействии с обществом» (там же, с. 19). «Путин «вдруг» немотивированно активизируется и ломает сценическое равновесие шоу-политики» (там же, с. 19). «Вот когда процесс разбалансируется, Путин начинает сам давить на систему, пересылать сигналы своему правительству и непосредственному окружению» (там же, с. 19). «Путин понимает, что без быстрой коррекции следующим шагом или там через два шага система вернется в состояние, в котором она перестает быть управляемой вообще. И Путин начинает очень жестко наезжать на шоу-политику и на мнимую вертикаль власти» (там же, с. 20). «И только постепенно проступил дефицит нашей политической индустрии — политическое одиночество Путина порождает «вторичную виртуализацию», подрывающую ось доверия... Надо проложить параллельную коммуникацию к массам» (там же, с. 21).

Во всей этой безумной нагроможденности умных слов — вертикалей власти, режимов и осей доверия, актуализаций и немотивированности — отчетливо проступает виртуальное, оторванное от действительности представление кремлевского политтехнолога о нашей стране, о народах России, об их действительных нуждах и чаяниях. Он видит себя конструктором некоей абстрактной информационной системы под именем «президент России», которую надо то и дело отлаживать, менять ей платы, заправлять картриджи, запускать новые программы, и верит: что он, Павловский, нарисует на экране дисплея, то и воплотится в реальной жизни реальных людей.

Откровения Павловского обнажают всю марионеточность фигуры президента в России, его полную несамостоятельность, более того, послушливость Президента командам, поступающим от плохо ориентирующегося в живой действительности имиджмейкера. Речи Павловского — тирады человека нездорового, погруженного в выдуманный им самим мир «перегреваемыхся

осевых каналов, пересылки сигналов и параллельных коммуникаций».

Президент — марионетка в руках сумасшедшего политтехнолога? Получается, не только он, но и большинство из нас. Это ведь мы с бараньей покорностью по команде Павловских ли, Сурковых возлюбили Путина. Потом нам было приказано возлюбить Медведева, поскольку Павловские с Сурковыми решили, что и «он избираем, и очень избираем». Затем вновь вспыхнула любовь к Путину, по их же наущению. Неужели и дальше будем покорно влачиться в толпе, восторженно приветствующей всякого, на кого укажет нам рука воинствующего психопата? Да, зябко оказаться вне толпы, не просто стряхнуть с себя мороку экранного гипноза, трудно все время быть начеку, зная, что тебя обманывают, но разобраться, как возомнившие себя наполеонами технологи лепят нам президентов, а попутно скручивают мозги избирателям — это важнейшая задача всякого человека, желающего сохранить рассудок и душу неповрежденными.

//- Как это делается — //

Публичное согласие стать кандидатом в Президенты — фактический старт выборной гонки. В конце 1999 года Владимир Владимирович облачился в черную мантию и сообщил соотечественникам, что дал согласие выдвинуть себя на пост Президента России. С этой целью он уехал из Москвы в Санкт-Петербург, на родину, чтобы, «проанализировав поступившее ему от инициативной группы граждан предложение», все взвесить, просчитать, обдумать и принять историческое решение. Церемония вручения регалий почетного члена ученого совета юридического факультета Петербургского университета как нельзя кстати подошла для знаменательного оглашения. Черные мантии и колпаки почетных профессоров, раболепно склонившиеся перед новым «выбором» России, подобострастные улыбки свиты и тщательно отобранного студенчества, символизировавшего собой молодую поросль страны, ее будущее. Над всем этим взмывает «Он» — молодой, со строгим и одновременно скромным лицом, весь — воплощенная надежда России.

Ритуал продуманный и торжественный: мантии и колпаки, регалии и награды действуют на зрителей завораживающе. Люди науки в сознании обывателя сродни небожителям, им одним доступно высшее знание. На этом и строился расчет технологов, представивших «судьбоносное» решение Путина как послание свыше, как божественный дар России, авторитетно утвержденный ученой профессурой.

Подобную церемонию однажды уже разыгрывали в Екатеринбурге-Свердловске, где о своем «судьбоносном» решении объявил в 1996 году Ельцин. Ритуал сочли подходящим и для ельцинского последыша, имевшего перед Ельциным одно большое преимущество: о Путине, в отличие от Ельцина, у «дорогих россиян» никаких воспоминаний пока не было, одни радужные, как разноцветные мыльные пузыри, надежды. Впрочем, Медведева возить в Питер на церемонию не стали, чтобы не проявились негативные ассоциации. Его попросту провозгласили наследником «избранные мужи Отечества» Б. Грызлов, С. Миронов, М. Борщевский.

Поездку Путина в Питер для обнародования «исторического решения» никто не посмел назвать предвыборной технологией. Ведь Путин, как было заявлено сотрудниками еще ельцинской Администрации, не собирается агитировать за себя, сами дела и. о. президента должны говорить о нем лучше всяких предвыборных слоганов. Уточним, что за граждане, собравшись в московском «Президент-отеле», проявили инициативу, на которую откликнулся Путин: Анатолий Чубайс, Рэм Вяхирев, Марк Захаров, Михаил Боярский, Юрий Любимов и другие, уже собиравшиеся вместе за четыре года до этого дня, чтобы поддержать Ельцина. Теперь «лучшие люди страны», как они именовались захлебывающимися от восторга

комментаторами, спешили засвидетельствовать свое почтение наследнику Ельцина, успевали обозначить поддержку и понимание, безусловную любовь и восхищение.

Точно такое же ликование изобразили примерно те же люди — люто любимый населением Чубайс, всенародной ненавистью обожаемый Гайдар и ряд других проверенных в мошенничествах против государства Российского личностей, когда очередным преемником президентства назначили Д. Медведева. Как говорят в таких случаях врачи, прогноз, судя по результатам правления поддерживаемого все тем же Чубайсом Путина, для России был — весьма неблагоприятный. И он оправдался в годы медведевского правления.

Тогда, на презентации Путина как преемника президентства, особенно лизоблюдничали люди искусства, которые, видать, с большевистских времен запомнили горьковское с угрозой произнесенное «С кем вы, мастера культуры?». С тех пор не устают льстиво заглядывать в глаза властям: с вами, конечно, с вами, как всегда с руководящей и направляющей. Певица Елена Образцова назвала Путина «настоящим мужчиной» (такие обнадеживающие похвалы обычно расточают не совсем уверенным в себе юношам) и заявила, радостно глядя в телекамеру: «Мы поддержим сейчас Путина, а он, став президентом, будем надеяться, поддержит культуру». Актриса Лидия Смирнова, такта вообще обнаружила у Путина важное для президента достоинство — красивую походку, как будто нам предстояло выбрать его в топ-модели.

Деятели культуры давно рассматривают себя как неотъемлемый элемент политтехнологий, цинично торгуя своим телом, голосом и лицом, своими «заявлениями в поддержку». В ельцинскую пору, к примеру, Марк Захаров, заглядывая в глаза стоявшему напротив него Ельцину, громко, в микрофон, сравнивал книгу «Записки президента» с романом Толстого «Война и мир» и не краснел, и присутствовавшие на торжественной презентации не краснели, понимающе кивали — такая работа. Вот и на этом историческом собрании Константин Райкин затмил своим артистическим холуяжем всех, он поведал трогательную историю о том, как, оказывается, Путин со своей будущей супругой Людмилой познакомился на концерте Аркадия Райкина. «И я надеюсь быть в дальнейшем тоже полезен Путину», — загадочно добавил Райкин-младший, оставив зрителей в недоумении, уж не предложит ли пронырливое чадо Райкина-старшего на своем концерте Путину кого-нибудь помоложе. К концу президентского срока стало ясно, что борьбу за доступ к телу Путина выиграл ловкий Никита Михалков, оставив своих соперников по культуре и искусству далеко за дверями президентского кабинета. К великому сожалению Михалкова, со сменой хозяина властительного кресла актерская челядь не передается по наследству новому президенту вместе с кабинетом и ядерным чемоданчиком. Так что и бойкому Никите, и Константину Райкину, и Илье Глазунову, и Марку Захарову предстояли новые «гонки на выживание» в дворцовых покоях Кремля.

Тогда, при объявлении Путина преемником, изо всех сил к нему подольщались и политики, многие из которых еще накануне расточали комплименты московскому мэру

Лужкову и готовились поддержать кандидата в президенты Евгения Примакова. Как всегда, показал пример политической гибкости Ментимер Шаймиев в вечной готовности целовать фаворита. Татарский президент, основатель движения «Вся Россия», стоявший у истоков блока «Отечество — вся Россия», который так и не сумел выбиться в партию власти, теперь неожиданно, возможно и для самого себя, обнаружил и радостно объявил, что «и в Татарстане, и в российском обществе в целом идет консолидация вокруг фигуры Владимира Путина», закрепляя за собой место мудрого политика, не желающего расставаться с властью над огромным куском российской территории. За ним последовал Муртаза Рахимов, башкирский бай, публично пообещавший собрать для Путина столько денег, сколько тот запросит.

Поддержка региональных политиков — тоже своего рода технология выборов. Избиратели в регионах не то чтобы ориентируются на мнение своих часто ненавидимых ими региональных

хозяев, но видя, как съезживаются, раболепно подтягивают увесистые животы губернаторы и мелкопоместные президенты, глядя на угодливые их физиономии, на склоненные перед маленьким Путиным дебелие фигуры, «электорат» наметанным глазом определяет: эти холуи скорее шляпу съедят, но нового хозяина на кремлевское кресло подсадят. Значит, все решили без нас, нечего и рыпаться.

Ну, ладно бы, политики и политологи, они, как и полагается в их древнейшей профессии, «любят» власть. А мыто с вами, граждане когда-то великой державы, с какого перепою «полюбили» сначала Вовочку, потом Димочку, а затем снова Вовочку? Да потому что с самого первого появления так называемого преемника на президентском горизонте, пиартехнологами накладывается строжайший запрет на его критику.

Это проявилось в 1999-м, как раз на церемонии объявления судьбоносного решения Путина стать народным вождем. Церемония хоть и была списана с ельцинского сценария, и обставлялась той же научно-профессорской бутафорией, и состав инициативной группы был тот же самый, и мастера культуры засвидетельствовали свое почтение, и губернаторы с президентами изобразили благоговение, все же у путинской церемонии была особенность. Члены инициативной группы Санкт-Петербургского университета по выдвижению и. о. президента В.В. Путина кандидатом в президенты России ректор Л. Вербицкая и декан юридического факультета Н. Кропачев выступили в прессе против программы НТВ «Куклы», которые вызывают у них «чувство глубокого возмущения и негодования и могут служить красноречивым примером злоупотребления свободой слова, с чем в преддверии президентских выборов граждане Российской Федерации все чаще сталкиваются». По мнению профессоров Санкт-Петербургского университета, будущего Президента России и их выпускника пытаются «шельмовать с особым озлоблением и остервенением, не считаясь с его честью и достоинством». Высокочтимые ученые правоведы требовали квалифицировать действия обидчиков Путина по статье 319 УК РФ, дела по которой возбуждаются «независимо от воли и желания того лица, которое они затрагивают». Страсти, оказывается, разгорелись даже не из-за самой путинской куклы, а больше из-за мотивчика известной песенки, под которой появилась кукла Путина: «Я его слепила из того, что было, а потом что было, то и полюбила». Кукла вкуче с песенкой очень не глянулась инициативной группе. Путин, поблагодарив университетских наставников через пресс-секретаря за сочувствие, подчеркнул, что сам он ничего такого от них не просил, однако тут же включил бдительную профессуру в число своих доверенных лиц на президентских выборах. Вперед смотревшие наблюдатели осознали, что золотое времечко плюрализма мнений на телевидении истекло, хозяева Кремля рисковать своими интересами ради соблюдения идей демократии не намерены и будут жестко продавливать, пробивать, пропихивать своего кандидата.

//- Гиперспектакль политтехнологов — развязанная война в Чечне — //

Подлинная выборная кампания началась, как всегда, задолго до официального старта.

Ее начало совпало с кошмарными ночными московскими взрывами, которые повергли страну в цепенящий обезволивающий ужас. Каждый москвич, каждый обитатель многоэтажек почувствовал себя приговоренным к смерти, родной дом перестал быть крепостью и в любой миг грозил обернуться могилой. Началась паника, которая умело подогревалась ежедневными сообщениями о безуспешном поиске злоумышленников с «кавказской внешностью».

В кровавом сентябре 1999 года многие увидели, согласно официальной версии, бунт вконец обезумевших чеченских боевиков, обещавших и сдержавших свое слово перенести войну в

российские города. Но можно и иначе, циничным взглядом политтехнолога Павловского взглянуть на эти события, как на выпавшую Путину счастливую возможность начать новый поход на Чечню и стать в глазах избирателей их защитником, победителем злобных и жестоких врагов России. О том, что именно так, с откровенным цинизмом, смотрят на развязанную чеченскую войну режиссеры-постановщики избирательных кампаний, свидетельствуют слова политтехнолога Григория Островского, сказанные в интервью журналу «Эксперт»: «Властью становится тот, кто вдохновляет. Причем я вовсе не имею в виду такую частность, необычайно важную и значимую, но при этом все-таки частность, как чеченская война. Потому что важна не война, важна демонстрация того, что власть готова брать обязательства и их выполнять» («Эксперт», 2000, № 1–2, с. 23). А вот свидетельство кремлевской журналистки о единственно выигрышном пиар-трюке для «раскручивания Владимира Путина в президенты»: «После августовского провозглашения преемником рейтингу Путина был просто копеечный — 2 %. Это, как известно, вообще в пределах статистической погрешности. Я специально пользуюсь здесь данными Фонда «Общественное мнение», это предельно лояльная Кремлю служба социологических исследований. Но даже она не питала насчет Путина никаких иллюзий. На протяжении как минимум месяца вся политическая тусовка (за исключением самих авторов проекта под названием «Путин») от души смеялась над его президентской потенцией. Даже у Степашина рейтинг в тот момент был гораздо выше: в августе его готовы были выдвинуть в президенты 10 %. Причем за время его премьерства очевидна была динамика: с мая количество поддерживающих Степашина в качестве кандидата в президенты выросло на целых 7 %. Рейтингдоверия к Степашину, судя по ФОМовским исследованиям, рос с огромной скоростью: в мае ему доверяли 14 %, в июне — уже 23 %, а в июле — 28 %. А в августе (то есть ровно к тому моменту, когда Волошин и Семья решили отправить Степашина в отставку) рейтинг доверия к нему достиг целых 33 %. Путину же, сидевшему в тот момент во главе ФСБ, в смысле «доверия населения» блеснуть было нечем. В августе 1999 года доверяли ему всего 5 % населения. А НЕ доверяли Путину в августе 1999 года — целых 29 % населения.

Зайдя к опытному пиарщику Алексею Волину в РИА «Новости», я поинтересовалась у него:

— Ну, как тебе Путин? В смысле как потенциальный клиент? Ты бы взялся его раскручивать в президенты?

— Не приставай с глупостями. Безднадежен, — отмахнулся от меня Лешка и продолжал заниматься какими-то более важными текущими проблемами. Но я не отставала:

— Лешка, вот давай предположим такую гипотетическую ситуацию: у тебя на руках вот такой безнадежный клиент, с таким вот низким рейтингом и вот с такими никакими публичными данными. Давай смоделируем ситуацию: существует ли хоть что-то в мире, чем его пиар-команда могла бы резко поднять его рейтинг и сделать из него президента?

Лешка почесал репу и ответил:

— Да, есть. «Маленькая победоносная война».

Заочный рецепт Волина (пришедший, очевидно, в голову не только этому пиарщику) был выполнен безнадежным пациентом с пугающей точностью. Начиная с 9 сентября, после того как был взорван девятиэтажный жилой дом в Москве на улице Гурьянова, рейтинг Путина стал расти как огурец в Чернобыле: по 3–4 % в неделю. И к декабрю, на пике вновь развязанной операции в Чечне, достиг 45 %. Кстати, глава ФОМа Александр Ослон тоже неоднократно подтверждал мне, что, даже по их исследованиям, главной составляющей дрожжей, на которых вспучивало путинский рейтинг, была именно война. Удачно преподнесенная общественному мнению» (Елена Трегубова «Байки кремлевского диггера», М., 2003, с. 202–203).

Для политтехнологов Островского и Волина гибнущие в Чечне русские солдаты — живая бутафория, расставленная на чеченской земле, как на громадной крови залитой сцене, ради

одного — ради предвыборной демонстрации вдохновляющей роли будущего президента Путина. Поверить в это жутко! Еще страшнее оказаться беспомощным безмолвным статистом в жестокой драме, разыгранной ради удержания власти в стране. Невозможно поверить, что только ради этого представления тебя привезут грузом «200» к обезумевшей от горя матери или что гробики твоих детей и жены, раздавленных гексогеновыми взрывами, по сценарию этого вот спектакля, будут аккуратным рядом стоять на Митинском кладбище, ожидая своей очереди на отпевание.

Но вслушайтесь в слова политтехнологов, демонстрирующих свои выборные технологии, разве не об этом в них речь: «Сегодня настоящая идеология не может позиционироваться через текст, потому что слишком много текстов в мире. Идеология сегодня может позиционироваться только через гипердраму, гиперспектакль» («Эксперт», 2000, № 12, с. 23). Еще раз медленно и внимательно перечитайте только что процитированное жуткое откровение политтехнолога, чтобы усвоить хоть толику ужаса, чинимого над нами командой Путина. Ведь это сказано в самом начале 2000 года, в самом разгаре гиперспектакля со страшным названием — война. Тогда действительно избирателям перестали быть интересны предвыборные программы других кандидатов, эти самые тексты, которые, как уже успело убедиться большинство населения, никогда не выполнялись, нечего на их чтение и время терять. Но спектакль, но драма, а еще захватнее — трагедия, да если она вершится на соседней улице, — от такого избиратель содрогнется и оцепенеет и день за днем будет замороженно следить за разворачивающимися событиями, что тщательно отслеживает телевизионное око.

Что избирателю за дело до соперников Путина, что ему альтернативные программы кандидатов в президенты! Для избирателя сейчас важно только одно — возмездие за теракты в российских городах, он ждет победоносной военной кампании по пресечению террора. От кого ее можно дожидаться? Только от действующей власти. Потому Путин — главное лицо гипердрамы, гиперспектакля. Он, как первый человек в государстве, естественно выступает защитником народа и с готовностью обещает «мочить» террористов везде, где их найдут, в сортире так в сортире. Он, как Верховный главнокомандующий, берет на себя роль отца солдата и в порыве единства с армией летит с женой в Гудермес, рискует собой, лишь бы быть в трудную минуту рядом с любимой им армией. И хотя чеченцы обещали его убить и вроде бы даже приговорили к смерти, он, отважный и смелый, ничего не боится, ездит по городам России, заставляя избирателя, трепещущего за его жизнь, с тревогой следить за президентским кортежем: взорвут — не взорвут? Наконец, он в случае победы, а победа должна была быть непременно к концу избирательной гонки, становится единоличным победителем Чечни. Он, как верховный победитель, прославляется, объявляется спасителем Отечества, выставляется хранителем его единства. Таков, вероятно, и был сценарий того гиперспектакля, где центральная роль отводилась Путину, а бессчетный пешечнопушечный строй, которым в пылу игры не грех и пожертвовать, были мы с вами — все граждане России, в первую очередь, русские солдаты.

Об этом мало кто знает, потому что одни бессовестно, трусливо промолчали, другие были участниками предвыборного полит-шоу, и не хотели, боялись подпортить так хорошо начавшийся гиперспектакль, его лучшую, ударную, ключевую сцену — Путин, рискуя своей жизнью, жизнью дражайшей супруги, летит на войну, чтобы лично, прямо на поле боя, правда, в присутствии целого самолета прилетевших с ним журналистов, поздравить воюющую армию с Новым годом. А то, что этот спонтанный, предвыборный пиаровский, рекламный трюк-полет Путина стоил жизни 16 (шестнадцати!) геройским бойцам разведгруппы, честно и мужественно рассказала лишь одна «Новая газета».

Для обеспечения безопасности вдруг свалившегося, как черт с неба, исполняющего обязанности президента Путина, охранять подступы к грозненскому аэропорту «Северный» стянули все имеющиеся резервы, в том числе сняли с марша и туда же бросили — Путина

стеречь — десантный батальон, задействованный в операции по уничтожению крупного соединения чеченских боевиков в Чеберлойской горловине. Из-за этого высадившаяся накануне вечером штурмовая разведгруппа и уже вступившая в неравный бой с намного превосходящими силами противника, оказавшись без подкрепления, потеряла 16 человек. Тринадцать убиты на поле боя, еще трое умерли по пути в госпиталь («Новая газета», 2000, № 19).

В развертывавшихся кровавых сценах гиперспектакля Путину отводилась заглавная выигрышная героическая роль. Он вступал в символическое единоборство с жестоким и беспощадным врагом — многоликим, тысячеоким, вездесущим чеченским терроризмом. Образ виртуального врага с лицом «кавказской национальности» был просто необходим в этом сценарии. Против такого врага легко поднять и сплотить Россию. Люди забудут разногласия, отдадут власть Путину — бери, побеждай, только бы жить спокойно! Враг — злой чеченец — был выгоден и в том отношении, что все внимание населения сосредоточилось на борьбе с ним, и вопрос об ответственности якобы «уходящей» кремлевской Семьи казался на фоне крови и взрывов мелким, второстепенным, неважным. Главное — обвинить во всех бедах России кавказцев. Блестящий избирательный ход! Все раздражение от тягот жизни, вся ненависть к власти поработителей умелой рукой политтехнологов направлялась на «черных», а тех, кто дал им безнаказно взрасти, кто вскормил чеченский сепаратизм и кавказскую рыночную наглость, просто не замечали, настолько была раздута страшилка под названием «выходцы с Кавказа».

Вторая чеченская кампания задумывалась как победоносный путь и. о. президента Путина к президентской власти. Горячее и искреннее обещание гражданам России, потрясенным взрывами густонаселенных домов в Москве, «мочить в сортире» всех, кто виноват в жестоких терактах, стремительное наращивание войск в Чечне, победные релижи о зачистках.

То, что дела в Чечне шли не так гладко, как о том рапортовали речистые генералы, стало ясно уже к середине декабря 1999 года, когда российские войска застряли у Грозного. И накануне торжественной передачи власти от Ельцина Путину войска ввязались в кровопролитные бои с боевиками, неся крупные потери. Пока было возможно, политики делали вид, что в Чечне все идет, как по маслу. Кремлю было принципиально важно, чтобы накануне выборов Путина, под которого и затевалась вторая чеченская кампания, граждане-избиратели пребывали в уверенности, что побеждаем легко, быстро и без потерь.

Все расчеты партии власти строились на популярности Владимира Путина, заработанной именно на развязывании войны. И вот же незадача! Ельцинско-путинские генералы увязли в партизанском сопротивлении.

Кремлевские имиджмейкеры запаниковали. Они прекрасно понимали, что три оставшихся месяца предвыборной кампании вряд ли пройдут под знаком военных удач. Перед ними встала новая технологическая задача — оторвать возможные военные провалы и саму чеченскую войну от Путина как исполняющего обязанности президента, Верховного главнокомандующего.

Это, безусловно, стало тогда находкой пиарщиков. Известно ведь, что за все происходящее в стране с неизбежностью несет ответственность первое лицо государства. В развале СССР в 1991 году виновен Горбачев, и время это названо «эпохой Горбачева».

За изничтожение России, как великой державы, за ограбление и истребление ее народа должен ответить Ельцин, и последнее десятилетие ушедшего века так и именуется позорным «временем Ельцина». Логично и ельцинского последыша связать со всеми деяниями, свершавшимися в период его пребывания у власти. Но весь фокус в том, что не связывали! Такая вот пиаровская технология!

«Котлеты отдельно, мухи отдельно, как учит нас президент Путин», — высказался один льстивый журналист в адрес президента. И президент Путин при этом действительно все время оказывался в стороне от неудач и провалов в управлении государством. Ловкий трюк

политтехнологов по уводу от ответственности первого в стране лица. Отрабатывать эту технологию принялись накануне президентских выборов 2000-го года, когда неудачи чеченской войны и сама война, от которой «избиратель устал», стали представлять как явление очень далекое от деятельности Путина. Поражения в войне не соединялись в информационных блоках с президентом, и они не оказывались благодаря этому поражением Президента, его личной политической неудачей. Кровь русских солдат не оставляла зловещих пятен на светлом образе Путина. Это были два параллельных мира — война там, далеко, неизвестно кем начатая и неизвестно когда будет закончена, а президент здесь, добрый, любимый, и всегда говорит только о хорошем, о радостном. Избиратель с Путиным забывал о войне, о крови, вообще о плохом, ведь Путин ему об этом не напоминал, такова была установка политтехнологов. Из Путина делали «наше светлое завтра», мечтая о котором как-то неприлично и неприятно вспоминать о темном и кровавом «сегодня».

Технология по отделению образа Путина от чеченской войны, нагло внедренная и успешно отработанная в три предвыборных месяца военных неудач в Чечне, в дальнейшем стала главным приемом имиджмейкеров по уводу Путина от ответственности за разразившуюся при его, путинском президентстве, катастрофу в стране. Сдал Путин Россию до последнего клочка земли, до последней капли нефти, до последней крупинки золота сдал. Это под его водительством мы лишились главных военных баз, позволявших хоть как-то противостоять глобалистским планам США, это по его воле уничтожена космическая станция «Мир», и Россия перестала быть великой космической державой. Это с подачи Путина полностью разрушена армия, а наемничество, продавленное им через реформу армии, и закон, позволяющий принимать на службу солдат-иностранцев, добьют ее окончательно. Это Путиным продавлены через Думу все грабительские законы, и главный из них — о продаже земли, окончательно делающий нас рабами в родной стране. Успешно реализован убийственный для России закон о ввозе в страну ядерных отходов со всего мира, обернувшийся устройством гигантской ядерной свалки — могильник «Русь» — в Челябинске, в географической сердцевине России. Отданы Китаю наши земли, а Норвегии — наше море, готовятся новые территориальные уступки.

Но с Путиным эти его преступные деяния в сознании электората не связывались. Они аккуратно выставлялись как волюнтаристские, стихийные действия Минобороны (военные базы и реформы в армии), Главкосмоса (МКС «Мир»), думских фракций (закон о земле), правительства Касьянова (реформы ЖКХ), министра Минатома Румянцева (закон о ввозе ядерных отходов), министра иностранных дел Лаврова (готовящаяся передача Японии Курильских островов), да мало ли Чубайсов и Грефов, на которых можно стрелки перевести, всех собак навешать, илишь Путина, одного его искусно уводили от ответственности за все, как будто не он подписывал законы, не он одобрял решения.

Даже анекдот по этому поводу среди журналистов появился.

— Разрешите взять у вас интервью?

— Почему у меня? Что я: дом — работа, работа — дом.

— Но, господин президент.

Не на пустом месте возникший анекдот. В жизни страны дело Путина — сторона. Его в новостях всегда подавали и подадут отдельно «от котлет, от мух», от войны и крови, от реформ, от слез народных, от беззакония и коррупции, творимых в стране властью. И во вторую президентскую кампанию в 2004 году эта технология увода Путина от ответственности за все совершенное им, именно им, ведь он являлся первым лицом в государстве, такая хитроумная технология стала главной движущей пружиной предвыборной гонки. Имиджмейкеры тогда привычно отделили в сознании избирателя образ Путина от разваленной им, дограбленной при нем России, сданной по его попустительству Америке и Израилю, вновь указали нам на

Вовочку, — «ласковый, приветливый и кроткий», — как на «наше светлое завтра», в мечтах о котором так не хочется вспоминать о несчастном «сегодня».

//- Игрушка для взрослых: раскраска белого пятна — //

Сразу же после президентских выборов 2000 года психологи Центра социального моделирования сделали потрясающее заключение из всего того, что они наблюдали в процессе выборной гонки: «На уровне иррациональном Путин воспринимался массовым сознанием как мощный «белый шум» — сочетание излучений на всех возможных частотах приема, как «активная пустота». И именно на этом уровне сработал феномен массового притяжения Путина, его превращения в «общенационального лидера на пустом месте» («Эксперт», 2000, № 13, с. 61).

Путин — никакой, Путин — пустое место, Путин — белое пятно — вот с чего начали политтехнологи Путина, именно путинской бесцветностью и безликостью воспользовались имиджмейкеры-мордоделы и принялись раскрашивать это ничто, это белое пятно. При этом путинские политтехнологи с самого начала предвыборного марафона усиленно сетовали, что их клиент пренебрегает правилами, плюет на имидж, беспечно относится к рейтингу. Весь его предвыборный штаб шумно галдел о том, что Владимир Владимирович не допускает, чтобы им манипулировали, что он сам умный и опытный политик, вполне рассудительный и прагматичный, да и вполне искренний, чтобы скрываться за маской имиджа. «Он сам себе пиарщик, а нам отводит решение оргвопросов», — наперебой твердили подхватные Павловского и Суркова, но при этом «сам себе пиарщик» почему-то не выходил за рамки и трюки, давно отработанные политтехнологами и наиболее эффективно действующие на избирателя: поездки по больницам и домам престарелых, встречи с ветеранами, дарение компьютеров с подключенным интернетом деревенским школам, бюджетникам обещается резкое повышение зарплаты сразу после выборов, а решение об увеличении пенсий подписывается прямо под телекамерами.

Такой вот неплохо задуманный пиаровский ход — талдычить на всех перекрестках, что Путину-де имидж не нужен, он перед вами такой, как есть, — одновременно разукрашивая белое пятно, озвучивая белый шум, наполняя путинскую пустоту. Но как азартно наполняли, даже радуясь тому, что Путин не личность, а зияющий провал! Ведь благодаря этому пиарщикам удалось привлечь к раскрашиванию путинского белого пятна, к наполнению путинской пустоты самих избирателей. Мало что зная об и.о. президента, вовсе ничего не зная об и.о. президента, каждый человек представлял его таким, каким бы он хотел видеть главу государства, и наделял его теми лучшими человеческими качествами, какими, по его представлению, должен обладать глава государства. В общем, каждый сам себе лепил в своем представлении Президента Путина и начинал в самом придуманное искренне верить, доказывая другим, маловерам, что именно такой и есть Путин. Надо сказать, что это вообще свойство русской природы — встречать новое без скепсиса, радушно, с надеждой на лучшее. Вот так и с Путиным вышло. Народ принялся приписывать Путину достоинства, которые считал лучшими в человеке. Тот, кто больше всего ценит в человеке честность, верил, что он честный, кристально честный человек, и никакие публикации, к примеру, сенсационное расследование «Новой газеты» о путинских преступных махинациях в Санкт-Петербурге, вышедшее аккурат к выборам — 23 марта 2000 года, не свернули с этих позиций избирателя, убежденного в порядочности и бескорыстности своего кумира. Желających поиграть в детскую книжку-раскраску вполне взрослых людей набралось ни много ни мало — 52,77 % от пришедших голосовать в 2000 году. Это они озадачили психологов рисовавшимися им образами Путина — сильными, яркими — и совершенно разными. В тесте с

детскими рисунками (изучались ассоциации политиков с образами животных) Путин представлял то в облике серого воробья, домашнего, бойкого, нестрашного, то в образе угрожающей и холодной акулы. То есть накануне выборов была создана психологическая ситуация обещания всем того, чего сами избиратели ожидали от лидера и вождя. Путин явился своего рода «зеркалом» ожиданий. Взглянув на него, каждый избиратель видел не подлинное лицо кандидата в президенты, а собственную надежду на исполнение своих заветных желаний.

Уже после выборов 2000 года оказалось, что эффект «белого пятна» срабатывает у Путина и в делах международной политики. Завсегдатай журналистского «кремлевского пула», освещающего иностранные визиты главы государства, Елена Трегубова свидетельствует: «Я поняла, что он — просто гениальный «отражатель», что он как зеркало копирует собеседника. Впоследствии мне приходилось неоднократно наблюдать этот его феноменальный дар во время встреч с лидерами других государств, которых он хотел расположить к себе. Это поражает даже на некоторых нынешних официальных фотографиях, где удачно схвачен момент — вместо, скажем, российского и американского президента там вдруг сидят и улыбаются друг другу два Буша. Или два Шредера. На какой-то короткий миг Путин умудряется с пугающей точностью копировать мимику, прищур глаз, изгиб шеи, двойной подбородок, и даже черты лица своего визави, и буквально мимикрирует под него. Причем делает это так ловко, что его собеседник этого явно не замечает, а просто ловит кайф» (Елена Трегубова. Байки кремлевского диггера. М., 2003, с. 167). Мимикрировать, то есть подлаживаться под своего оппонента на международных переговорах (а Америка или Германия, или Англия всегда были и остаются нашими оппонентами в мировой политике), — что может быть позорнее для главы Великой Державы и что может быть опаснее для народа Великой Державы, доверившего такому приспособленцу власть!

Раскрашивать белое пятно политтехнологам несравненно легче, нежели перекрашивать что-то, тем более если оно, это что-то, яркое и выразительное. В начале чеченской войны Путин-победитель должен был предстать перед народом в облике такого истинного арийца с «характером нордическим, твердым, беспощадным к врагам» (в одном из телеинтервью он высказался в том духе, что-де у него, у Путина, врагов нет, его враги — это враги России), с августа по декабрь 1999 года политтехнологи тщательно рисовали образ решительного и бескомпромиссного борца с терроризмом, человека, которому дорого не место, а судьба страны. Когда же победитель из Путина не получился, решено было резко сменить имидж. Вместо монументальной маски «железного Феликса» Путину напялили гуттаперчевую головку «самого человеческого человека», благодетеля и родного отца всех российских народов. Его сразу полюбили пенсионеры и дети. Женщины завалили благодарными, слезливыми, сопливыми «спасибками». Теперь Путин посещал не воинские части и хозяйственные активы, а детские больницы, промышленные цеха, дома престарелых. В непредсказуемую уличную толпу Путина, правда, так и не выпустили. Страх получить оплеуху или плевков, памятные по опыту Горбачева, прочно живет в российских политиках. Оплеванный кандидат в президенты мог бы навсегда распрощаться с мечтой о возделенной должности. Отсутствие же прямого общения с электоратом объясняли в штабе Путина просто: шеф, конечно же, не боится прямого разговора, просто времени не хватает. И тут же вспоминали новогодний полет Путина в Гудермес вместе с женой, шампанским и подарками, поздравить и наградить солдат. И.о. президента даже оправдывался, что вот-де и «жена увязалась». Так создавалась иллюзия: Путин — бесстрашный, склонен к неожиданным «сильным», как говорят в Кремле, ходам. Правда, этот сильный «ход» был предложен нынешним министром печати, специалистом по рекламе Лесиним, и жена вовсе не собиралась увязываться за Путиным на войну, а по ее собственным воспоминаниям, за несколько дней до «неожиданного и сильного хода» получила указание ехать. Так что перед

нами всегонавшего инсценировка смелого порыва Путина поздравить воюющих солдат. Еще один кусочек белого пятна затмился ярким мазком. А то, что этот мазок получился жутко кровавым и стоил жизни шестнадцати солдатам России, — так кто ж об этом знает, а кто и знает, уже не вспоминает.

//- Обновление имиджа — //

Никто не сомневался, что Путин будет избран президентом повторно. Президентские выборы 2004 года цинично называли голосованием за Путина, даже плебисцитом о доверии действующему президенту. Дело было предрешено по двум причинам. Во-первых, упускать власть ельцинская Семья по-прежнему не собиралась, и удобней марионетки, чем проверенный Путин, не сыскать. Во-вторых, механика продавливания Путина в президенты была уже отработана: не менее тридцати процентов избирателей, как мы убедились, автоматически голосуют за него под воздействием избирательных технологий. Недостающие до большинства двадцать процентов плюс один голос добиваются тем самым способом, за который, по-видимому, директор ФАПСИ Старовойтов сразу после избрания Путина в 2000 году закрытым Указом Президента получил «Героя России» и еще одну генеральскую звезду.

Но ведь и тридцать процентов избирателей, подчинившиеся воле технологов, не окончательно безмозглые куклы, просто они дурачки наивно верили в то, что Путин, о котором на все голоса говорили и говорят как о единственном выборе России, достоин этих высоких слов. Но и эти тридцать процентов блаженно верующих второй раз на мякине старых выборных фокусов было не провести, теми же самыми ухищрениями не облапошить. Требовалось изготовить что-то новенькое, неожиданное для избирателя, исхитриться сыграть на самых глубинных струнах человеческих душ и так мастерски подыграть этим струнам на волшебной дудочке телеэфира, чтобы избиратели замороженно последовали за Путиным вновь, плененные хитроумными сладкоголосыми обещаниями.

Путинские пиарщики это прекрасно сознавали, уверяя всех, что «на следующий срок должен быть избран другой президент, им вполне может быть и тот же человек с фамилией Путин, но с совершенно новой программой». Старую программу, все, что наобещал Путин в 2000 году, предстояло вытравить из памяти электората, чтобы о ней ни слыхом было не слышать, ни видом не видать, а то порой случалось, как с «Московскими новостями», которые в припадке демократического либерализма, захотев сделать «как лучше», — ведь эту газету никак не заподозришь в оппозиции к путинской клике, — попытались взвесить все, что натворено Путиным и при Путине на весах добра и зла, подсчитать решили, что перевесило в его политике в первом сроке правления. Вглядитесь сами в то, что получилось. «Позитив» — одни лишь общие словеса, заверяющие нас, что страна готовится к грядущему процветанию, «негатив» собрал многое из испытанного каждым на собственной шкуре:

«Позитив»

- медленный, но неуклонный рост средних показателей зарплат и пенсий;
- относительно небольшой темп роста потребительских цен;
- отсутствие новых очагов межнациональных конфликтов;
- некоторое восстановление международного авторитета России.

«Негатив»

- нищенская зарплата учителей, врачей и всех бюджетников;
- непосильные тарифы на оплату жилья и жилищнокоммунальных услуг;
- война в Чечне;

— война США в Ираке и потеря Россией внешнеполитического влияния.

Убийственный результат! За неимением реальных дел успехи правления Президента

России Владимира Путина «Московские новости» были вынуждены протащить «медленный рост зарплат и пенсий», «рост цен» и «отсутствие новых международных конфликтов», что в переводе на нормальный, всем понятный язык означает: спасибо «всемирно избранному» за то, что зарплаты при нем росли медленно, что цены росли, но относительно, и за то, что не успел разжечь войну в других регионах, как сделал это в Чечне! Впрочем, сам Путин «позитив» своей деятельности оценивал накануне нового президентского срока столь же карикатурно, не без гордости бахвалясь, к примеру, перед прессой государственной поддержкой сельского хозяйства: «У нас организована значительная поддержка сельхозпроизводителя, которая на первый взгляд незаметна» (Стенографический отчет о пресс-конференции Президента России В.В. Путина в Кремле для российских и зарубежных СМИ 20 июня 2003 г.).

Хорошая поддержка, если ее заметить и то трудно!

На чашу «негатива» к перечисленному «Московскими новостями» добавим то, что назвать газета, конечно же, не решилась, — это резкое социальное расслоение общества, криминальный беспредел, коррупция невиданных масштабов. Чтобы не звучал этот перечень голословным наветом, выразим путинские «достижения» всего в двух цифрах, в один и тот же день озвученных с телеэкрана. По официальным данным, средний вес 18-летнего призывника из сельской местности, крестьянского сына, бывшего всегда символом русского богатырства, составляет сегодня 51 килограмм (при норме в 71 килограмм). Такое возможно только от голода, от ежедневного блокадного недоедания, от сокращенной хлебной пайки, которой, сами недоедая, одевают своих детей крестьянские матери (ТВЦ, 22 июня 2003 г.). Другая страшная цифра: в детских домах Иркутской области при норме сахара в 5 граммов (меньше чайной ложки) на порцию каши детям дают три грамма, и на вопрос, о чем мечтаешь, детдомовский сирота говорит о тарелке манной каши. (РТР, 22 июня 2003 г.). Вот они, реальные «достижения» первого четырехлетия путинского правления!

О таких президентских заслугах, ясное дело, политтехнологи не поминали, их задача была убедить всех, что старая программа предвыборных обещаний «в общем и целом» выполнена, время ли теперь сирот по головам считать да новобранцев взвешивать. Настала пора новой программой народу мозги дурить, а под новое платье и румянец на щеках президента, то, что имиджмейкеры называют харизмой, требовалось основательно подретушировать. И мордоделы президента снова не покладали рук.

//- Многоголовая гидра солидаризма — //

Новым платьем президента на предстоящих выборах, последним писком моды выборного сезона, путинские политтехнологи предложили новую идеологию, глашатаем и символом которой должен явиться Президент Путин. Название новой идеологии, этому хиту выборов-2004, сыскали подходящее, чтобы сразу возвысить Путина над всеми соперничающими в России идеями демократизма, коммунизма, национализма — солидаризм! — и Путин для пробы уже озвучил его в своем президентском послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2003 года, как говорится, примерил: «Нам понадобится — консолидация политических сил общества. Консолидация всех властей. Объединение лучших интеллектуальных сил. Поддержка общественно-политических структур. Сотрудничество парламента и Правительства. Консолидация всех наших интеллектуальных, властных и нравственных ресурсов позволит

России достичь самых больших целей. Великих целей, достойных великого народа» («Российская газета» № 93, 17 мая 2003 г.).

Разумеется, красивые, ловко составленные спичрайтерами, ладно пригнанные друг к другу слова об объединении всех «здоровых сил» для создания «сильной России», при произнесении которых Путин «сурьезно» супит белесые бровки и строжит водянистый взгляд, являлись такой же театральной бутафорией, какой в бытность президентских выборов 2000 года был летный шлем и штурвал истребителя. Ведь учиться летать тогда Путин не собирался, вот и сейчас не думал вовсе собирать до кучи так называемые «здоровые силы». Он всего лишь демонстрировал намерения, недвусмысленно давая понять при этом каждому политику и избирателю, что если тот считает себя здоровым и хочет блага любимой России, то он просто обязан влиться в ряды сторонников президента. А все, кто в эти ряды вливаться почему-то не желает, ну не жаждет, «здрав штаны», за Путиным бежать, те, значит, блага России не желают. Вот так мило, просто и доступно: любить Путина, значит любить Россию, и наоборот, любишь Россию — значит обязан любить Путина. Никак не меньше. Известный перифраз на давно известный лад: мы говорим «Путин» — подразумеваем «Россия», мы говорим «Россия» — подразумеваем «Путин». Таков был очередной пиаровский ход.

Идеология солидаризма стала козырной картой Путина, но она же оказалась очень удобна всем политическим деятелям страны, которые мечтали прислониться к власти, покормиться от власти, хоть шматочек урвать у власти, не запачкав «имиджа» принципиального либерала или пламенного патриота. Путин по предписанию имиджмейкеров что обещал: тех, которые придут к нему, считать «здоровой, граждански ответственной силой», да и цель провозглашал благородную — созидать сильную Россию, «достойную великого народа». И собирались под путинские знамена солидаризма «граждански ответственные» полки: привел боевой отряд тимуровцев Чубайс, рядом семенили Немцов с Хакамадой, на другом фланге толклись коммунисты в ассортименте, ведь все они тоже очень хотели казаться здоровыми и вставить свой виртуальный кирпич в виртуальное здание «сильной России». Дефилировали перед Путиным они как бы порознь, но маршировали дружно и в ногу, строго по команде.

В рвении угодить Путину и подстроиться под власть все участники этого политического марша, перебивая друг друга, восхваляли «Владимира Владимировича», и в точь с расчетами политтехнологов в многоголосье льстивых дифирамбов каждый избиратель слышал то, что грело именно его душу. Православный патриот радостно читал в интервью «духовника» президента архимандрита Тихона Шевкунова, что «этот Президент будет управляться лишь Богом, своей совестью, любовью к России и здравым разумом» («Профиль», 18 сентября 2000 г.). Иудей брал на вооружение восхищенные оценки путинской деятельности, данные «Международной еврейской газетой» и обоими главными раввинами России. Для либерала мерилom деятельности Путина служили липкие, как сахарный сироп, безудержные восхваления Путина Марком Захаровым, Иосифом Кобзоном и Зурабом Церетели. Коммунисты оценили, как взвешенно корректен в своих оценках президента Геннадий Зюганов.

Чувство солидарности «народа» с президентом путинские политтехнологи старательно подогревали частыми раздачами премий и орденов в Кремле людям самых разных политических окрасов, соперникам между собой, оппонентам, открытым противникам, а то и заклятым врагам. Гостеприимно, по-отечески примиряюще собирал их всех Путин в Кремле и не только на раздачу наград, но и на праздники, то Конституции, то некой Независимости, то Нового года. Из них же по принципу «всякой твари по паре» путинские помощники формируют при президенте различные многочисленные комиссии, комитеты, советы, к примеру, совет по культуре при президенте, чтобы Никита Михалков привычно озвучивал заботу Путина о русском человеке, а Михаил Швыдкой доверительно вещал о преклонении Президента перед

общечеловеческими ценностями.

На самом же деле, солидаризм, выстроенный технологами под Путина с тем, чтобы обеспечить ему доверие всех слоев общества, был не многоголосый хор, слаженный и гармоничный, управляемый талантливым и волевым дирижером, — это была многоголовая гидра, каждая голова которой жаждала отхватить под корешок соседскую, и уж если не голову целиком, то на худой конец урвать, перехватить, откусить, надкусить у соседа тот жирный кус, что кидает власть каждой голове. Единственное, что их объединяло, так это хвалебные гимны, которые они, ревностно и ненавистно косясь друг на друга, воспевали Путину. Галдеж этих зубастых голов отвлекал избирателя от реально творимых в России преступлений, от того, что в экономике страны царит безудержный тоталитаризм Чубайса и Абрамовича, в культуре и средствах массовой информации Швыдкой и Лесин насаждают беспощадный сионизм, что православие и ислам усилиями Редигера, Кадырова, Шевкунова вырождаются в слепое угождение властям, которые, как обосновывают нам религиозные поводыри, — «от Бога». И все эти Чубайсы, Абрамовичи, Швыдкие, Лесины, а заодно с ними Редигеры и Шевкуновы, и кроме того, разумеется, Берл Лазары — соратники президента Путина, с которыми он «близко и тепло знаком».

Ведь очевидно же, что весь этот солидаризм, который нахраписто и нагло выдавался за новую национальную спасительную идею России, за панацею от всех бед, — гнилой плод политтехнологий, но посмотрите, с каким усердием и как успешно мордоделы президента заgrimировали Путина под художественного руководителя этой политической хоровой капеллы.

//- Колпак шута кроют под шапку Мономаха — //

В выборную кампанию 2000 года Путин многим был мил уже тем, что резко отличался от постылого Ельцина: физически здоров, может говорить почти без бумажки, не рискуя выдать «загогулину», не пьет, не играет в осточертевший всем теннис, не дирижирует оркестром в Германии, месяцами не пропадает на даче, «работая с документами». Впрочем, если судить по этим, так понравившимся народу качествам Путина, то на должность президента годится любой нестарый человек без вредных привычек. Принцип контраста так выгодно сработал на Путина, что имиджмейкеры не отказались от него и в последующие годы, лишь слегка подновляли краски. До сих пор в народе, не без напоминания телевидения, сравнивают трезвое поведение Путина с пьяным куражом Ельцина. Долго срабатывал гипноз дзюдоистского татами, езды на горных лыжах и поздравления населения с Новым годом на морозе без шапки как символ несокрушимого здоровья преемника немощного Ельцина. Но кремлевским пиарщикам стало со временем все труднее находить выигрышные ходы, срабатывающие на контрастах бывшего и нынешнего президентов. Этот технологический ресурс к 2004 году был практически исчерпан. И образ Путина медленно, но неуклонно начинал сливаться с образом Ельцина. Жизнь народа, что при том, что при этом, невыносима.

Образ Путина, как уверенного и умелого руководителя, если время от времени не подкрашивать его очередным сюжетом о катании президента на танке или крейсере, моментально блекнет, его требуется постоянно «освежать». Если не придумывать все новые и новые пиар-ходы, и вообще если все время не подмалевывать имидж Путину, а дать ему возможность побыть хоть короткое время самим собой, от слепого политтехнологами образа главы государства моментально камушка не останется, виртуальный идол в прах рассыплется. За примерами далеко ходить не надо. 8 апреля 2003 года Путин лишь заикнулся покритиковать правительство: «Я уверен, — сказал он, — что правительство должно ставить

перед собой более амбициозные планы. Нельзя успокаивать ни себя, ни страну недостаточно интенсивными темпами». 9 апреля, буквально на следующий день, ему в ответ, прямо в лоб: «Планирование бюджетной политики, исходя из более высоких темпов экономического роста, рискованно и опасно. Я не уверен, что мы должны существенно менять наши проекторки темпов экономического роста на среднесрочную перспективу». И от кого! Ладно бы от премьер-министра, или на худой конец кто из его замов громко и внятно на всю страну отчитал бы президента в хамской манере «Я не уверен», нет же, те посчитали ниже своего достоинства опускаться до такого пустякового спора, и оппонентом президенту они выставили мелюзгового клерка некоего Аркадия Дворковича (тогда всего-навсего заместителя Германа Грефа, министра экономического развития), и тот, нимало не стесняясь, а кого стесняться! и одернул президента за дерзость, чтоб не лез куда не надо.

Вот так, знай, кто в доме хозяин! А то, что Путин не хозяин, так, некое врио — временно исполняющий обязанности, явственно обнажается в его публичных, без бумажки речах. Взять хотя бы пресс-конференцию Путина в Кремле 20 июня 2003 года, то и дело слышится виновато оправдывающееся, заискивающее как бы кого не задеть: «будем стараться действовать в этом направлении.», «вы знаете, мне вообще не очень нравится слово «олигарх» применительно к представителям крупного бизнеса в России.», «мне бы, конечно, очень хотелось, чтобы мы строили работу вместе с парламентом.», «гораздо важнее, на мой взгляд, бережно относиться к людям.», «но мне кажется для того, чтобы она (статистика. — Т.М.) стала еще более прозрачной, нужно вывести эту статистику из самих правоохранительных органов.», «роль, значение русского языка в России невозможно переоценить, прошу прощения за такой штамп.», «могу вам доложить.», «что касается муниципалитетов, на мой взгляд, это очень важный вопрос.». «Мне кажется», «на мой взгляд», «могу доложить». Не юнец лепечет, раздавленный комплексами неполноценности, Президент говорит! руководитель все еще гигантского государства, в котором большая часть граждан живет в ужасающей нищете, а ежегодная смертность перевалила за два миллиона человек. Поднять на дыбу правительство, перераспределить доходы, дать людям работу и заработок, переломить демографический кризис поддержкой многодетных русских семей. Все это может и должен делать рачительный хозяин России. Но то хозяин, а врио Путин, посаженный на краешек президентского стула, пальцем не смеет шевельнуть, тем более что-то изменить, ведь настоящие хозяева, посадившие Путина на президентский стул, быстро могут на него рассердиться.

Вот почему президент даже словом боится обидеть правительство. Не сдержался раз, ведь только пальчиком мягко погрозил, ему сразу — в морду, и ничего, утерся, и дальше только блеет: «МЧС иногда, может быть, действует не совсем оперативно, но в целом удовлетворительно», «Что касается ответственности за правительство — конечно, я несу ответственность за его работу. Но правительство возглавляет премьер, и работает он неплохо. Много вопросов, много проблем. Хотелось бы еще лучше. Но в целом деятельность правительства нужно признать удовлетворительной», «Правительство есть за что критиковать, а есть и то, на что нужно обратить внимание в положительном плане и поддержать усилия правительства на этих направлениях» (Стенографический отчет о пресс-конференции Президента России В.В. Путина в Кремле для российских и зарубежных СМИ 20 июня 2003 г.).

Даже абсолютно лояльные к Кремлю «Московские новости» за год до президентских выборов 2004 года были вынуждены признать, что «представление о Путине, не накачанное особым PR-ходом, может оказаться таким: слабый правитель» («Московские новости», 26 марта 2003 г.).

И политтехнологи, эти хитроумные портняжки голого короля, хорошо понимали то, на что намекали «Московские новости», а потому принялись за грандиозный проект — лепить из

Путина «царя-батюшку» в прямом смысле этого слова. На первый взгляд, совершенное безумие — перелицевать колпак шута под шапку Мономаха. Не перегрелись ли окончательно «осевые каналы» и «оси коммуникаций» у Павловского со товарищи? Но это только на первый взгляд. У пиарщиков расчет хоть и циничный, но здравый. Ведь безумство, а особенно безумство идей может быть заразным, вот пиарщики президента и рассчитывали, что их технология «Путин — царь-батюшка» заденет самое глубинное в душах русских людей, разбудит в их генетической памяти веками хранящуюся в ней монархическую идею, и надеялись они на это не зря.

Путина стали навязчиво показывать в атрибутике царской власти. По-царски был отпразднован юбилей Санкт-Петербурга. Вбивали в мозги, что Путин, собрав великие державы в юбилейной Северной столице, воплотил то, о чем только мог мечтать Петр Первый: «Все флаги в гости будут к нам». Ни меньше ни больше: Великий Петр только мечтал, а Путин сделал. Не постояв за многомиллиардными расходами (в нищей-то стране, где 80 процентов населения страны не могут свести концы с концами, в голоде и холоде), отделяют для Путина под «морскую президентскую резиденцию» Константиновский дворец в Стрельне и с царским размахом строят роскошную яхту, а политтехнологи не только не стесняются все это рекламировать, наоборот, назойливо подчеркивают императорскую роскошь новоделов, сравнивая Путина с русским царем Николаем Вторым, у которого резиденция именовалась Александровским дворцом и тоже была вне столицы, в Царском Селе, а уж об императорской яхте «Штандарт» не известно разве что дошкольнику. Наконец, торжественное заседание Государственного Совета Путин собирает в Тронном зале Зимнего дворца — прямая аналогия с царем Александром Вторым. Чтоб сомнений в царском образе и подобии Путина не оставалось, телевидение то и дело прореживает показ Путина то фотографиями времен царя Александра Второго, то кинохроникой дореволюционных лет Государя Николая Второго. Следом официальный визит Путина в гости канглийской королеве, подобного которому (по указке политтехнологов это усиленно подчеркивает пресса) не было 150 лет, со времен все того же Александра Второго. То есть, конечно же, русские цари приезжали в Англию по-родственному, да и не только русские цари, кто только сюда не наведывался, и Горбачев бывал, и Ельцин, но чтобы в «таком формате», — давит нам на мозги, прессует наше сознание телевидение, — как принимали сегодня Путина, с таким почтением и благоговением, ну, точно, после Александра Второго подобного триумфа никто из историков не припоминает.

Образ Путина, умело вмонтированный в царские интерьеры Зимнего дворца и Кремля, волей-неволей заставлял избирателя примерять на него и корону, и горностаевую мантию императора, а дальше безудержно, по инерции внедренных ассоциаций, уже и наделять этот виртуальный образ качествами богоданного царя, имеющего право казнить и миловать, награждать и карать. Нам внушали и продолжают внушать, что этот некто, обитающий во дворцах, и есть подлинный отец нации, ее кормилец и радетель. Прорисовка батюшки-кормильца, народного благодетеля накануне выборов 2004 года делалась все активнее и обманнее. В Тамбове Путин демонстрирует царский жест — объявляет о выделении из государственного бюджета двух миллиардов рублей на страховую медицину для пенсионеров. Политтехнологи тут же завопили многоголосое «ура» по всем телеканалам, чуть не охрипли, бедные. Но не успели у них еще глотки остыть отликующего «Виват, президент!», и слезы восторга и умиления не успели просохнуть на глазах «осчастливленных» пенсионеров, как умные головы подсчитали, что два миллиарда рублей, поделенные между 60 миллионами пенсионеров, дают каждому из них жалкие два с половиной рубля ежемесячного обеспечения на лекарства и лечение. Но, во-первых, это уже потом подсчитали, во-вторых, цифра эта ни в какой комментарий не попала, растолковывать старикам как их дурят, никто не стал.

Действуя по принципу «больше наглости», пиарщики Путина и в этом случае добились

желанного — народ искренне возблагодарил благодетеля. Провал случился с другим «подарком» Путина, когда от «царских» щедрот своих он отвалил народу шестипроцентную прибавку к пенсии. После того, как в теленовостях показали стариков, отсылающих Путину издевательские тридцать рублей стариковского приварка, товарищи из пенсионного фонда и Минфина поспешили объяснить, что индексация была внеплановой, что ожидается еще одна, другая, всамделишная. «Царь-батюшка» Путин обещал провести ее в августе: «В абсолютных цифрах это будет примерно в среднем 121122 рубля». В который уж раз разбогатели наши старики!

Образ «царя-батюшки», кормильца народа по мере приближения даты президентских выборов лепился телевизионщиками из новых даров президента детям, солдатам, старикам, малоимущим, беженцам, музеям и библиотекам, церквям, мечетям и синагогам. Облагодетельствованные граждане принимались безудержно, с проникновенной слезой благодарить «нашего дорогого, любимого Владимира Владимировича Путина», а он с той же слезой скромно отнекивался от благодарности, и все эти до крайности трогательные сцены, хорошо отрепетированные и мастерски отрежиссированные, заставляли избирателя забыть о скверном сегодняшнем дне и, как всегда, дурачки наивно надеяться на светлое завтра с таким вот добрым, справедливым и благородным Президентом России.

Одновременно цензура телеканалов жестко ограничила информацию о гибели населения России. ОРТ, РТР, НТВ отныне старались показывать только хорошее, радостное, обнадеживающее, рапортовали об успехах, а если и вспоминали о бедствиях, то о стихийных, если заикались о катастрофах, то как о деле слепого случая. А на фоне стихийных бедствий и грозных катастроф Путин выглядел даже эффектно со своим видимым спокойствием, что так восхищает подверженных внушению избирателей, изумляющихся: «Как он спокойно, взвешенно говорит, в таких страшных обстоятельствах я бы с ума сошла!» За неимением других, волевых черт, это спокойствие воспринимают как главное достоинство правителя, страшно сказать! вымирающей невиданными темпами державы! Ведь это все равно, что восхищаться спокойствием могильщика, привычно опускающего гроб в яму в толпе рыдающей родни покойного. В чем, скажите, благодатность путинского спокойствия, толкуемого иными как признак твердого и решительного характера? Может быть, в том, что он смирился с вымиранием своего народа, тогда он выродок, достойный не возношения, а презрения. Может быть в том, что он не чувствует себя родным гибнущей нации, а только сторонним для нее гробокопателем, тогда он пришелец, чужак, посаженный на президентский стул захватчиками страны. Как бы то ни было, шапку Мономаха Путину мошенники-политтехнологи скроили, пошили из совсем не царских материалов.

//- Как из посредственности сваять культ личности — //

Хорошо понимая, что ни делами, ни авторитетом Путину вторично выборную планку не взять, одним «царским ресурсом» и идеологией солидаризма не наскрести вождельных тридцати процентов голосов, политтехнологи Путина не брезговали и прямым давлением на избирателя — за счетега безудержного, наглого восхваления создавали культ. Даже Александр Ослон, один из тех, кто помогал в 2000-м «делать Путина», заявил в интервью: «Сейчас Путин — как Брежнев» («Коммерсантъ-Власть» 2002, 4 июня, с. 12).

Конечно, говорить, что Путин — это Брежнев сегодня — явный перебор в сравнении, ведь и возрастом, и здоровьем, и умением четко произносить слова Путин превосходит «дорогого Леонида Ильича», да и правил он страной тогда ничтожно мало, а культ Брежнева начали ваять лишь через десять лет после его прихода к власти. Но вот стиль возношения Президента

Российской Федерации накануне выборов 2004 года по всем статьям превзошел стиль восхваления Генерального секретаря ЦК КПСС.

Уже через год после первого путинского избрания средства массовой информации стали старательно проталкивать тему «лучшего вождя всех времен и народов». Солидно, на высоком научно-социологическом уровне сооруженная таблица с оценками по пятибалльной шкале всех российских лидеров XX века была широко разрекламирована в печати. Из этой социологической эквилибристики следовало, что «Путин — абсолютный чемпион», по всем человеческим качествам обогнавший и Сталина, и Ленина, и Брежнева, и Хрущева. На последнем месте оказался Ельцин. «Лишь по лидерским качествам и то немного Путин уступает Ленину и Сталину, а по человеческим уверенно обгоняет всех» («Stringer», декабрь 2001 года).

Дифирамбы Путину стали упорной навязчивой идеей политики нашего времени. Как в застойные годы принято было во всех речах «лично Леонида Ильича Брежнева» благодарить за все хорошее, включая ремонт сантехники в собственной квартире («пришла весна, настало лето, — спасибо партии за это»), так накануне второго президентского срока Путина не помянуть прилюдно и всенародно добрым словом Владимира Владимировича становилось выражением явной оппозиции к власти. Что, от большой искренности и горячей любви к президенту каждый клерк в самом затрапезном жэке вколачивал в стену гвоздь и вешал на него фотопортрет Путина? Конечно же нет, просто все, от пронырливых политиков, желавших пристроиться в хвост партии власти, до шизофреников, как в зеркале отражавших в своем больном сознании извивы российской действительности, мгновенно уловили «тенденцию политического момента». Из чудовищной смеси хладнокровной конъюнктуры и судорожной психопатии возникла монументальная «путиниана» — воспевающая нового вождя всех времен и народов.

Как писала газета «Новые известия»: «Что Путин на подхалимаж «клюет», видимо, хорошо знают люди, давно с ним знакомые. И не забывают использовать. Давний соратник Путина по Санкт-Петербургу Сергей Миронов, как только был избран в декабре 2001 года по рекомендации Президента председателем Совета Федерации, сразу же отметил: «На всю жизнь запомнился стиль работы Путина с законодательным органом власти. Стиль просто замечательный, надо его рекомендовать всем на все времена». А через пару недель заявил, что считает необходимым увеличить срок полномочий президента с четырех лет до семи» («Новые известия», 2003, 20 февраля). От этого льстивого «всем на все времена» так и дохнуло обязательным ритуалом дифирамбов Хрущеву, Брежневу, Черненко., ритуалом, который очень эффективно действовал на умы граждан. Непререкаемость авторитета власти в глазах масс — вот результат лести и подобоострастия путинских соратников к нему.

В феврале 2001 года губернатор Ростовской области Владимир Чуб решил построить в поселке Красный Сад «храм в честь членов семьи Романовых и в память избрания Владимира Путина президентом» (НТВ, 13 февраля 2001 года).

В августе 2002-го года во Владивостоке мэр города Юрий Копылов к приезду Путина развесил на улицах растяжки «С Путиным победим!», «Путин — сила России». Растяжки висели почти полгода, значит, Путину понравились.

В октябре 2002 года президент Ингушетии Мурат Зязиков назвал именем Путина улицу в ингушском селе Ольгетти.

Именем Путина в 2003 году назван парк в Новосибирске.

В Изборске Псковской области открыли туристический маршрут «прогулка по местам пребывания в Изборске президента Владимира Владимировича Путина». «Экскурсовод проходит с туристами по маршруту Путина и рассказывает, что делал президент: как осматривал старинную крепость, общался с местными жителями, угощался малосольными огурцами,

пробовал блины, загадывал желание у специального дерева и пил воду из родника». Удивительно, что до сих пор то же самое не сделали власти в Кижях, где Путин «и рыбу поудил, и блинов из печки попробовал, и лосей покормил, и ткачеством позанимался, но с гораздо большим удовольствием слепил глиняный горшок» (журнал «Итоги», 4 сентября 2001 года). А еще в Кижях «вдом местной старожилки Марии Степановны» зашел, поговорил о житье-бытье, с детьми поиграл, в колокол позвонил, с английскими туристами пообщался. Впору мемориальную доску вешать и маршрут новый прокладывать для туристов «Путин в Кижях». Опыт еще не забыт: «Ленин в Горках», «Ленин в Разливе».

Вот уж кто впереди планеты всей, так это наше школьное образование. К началу учебного 2000-го года питерское отделение партии «Единство» решило воспеть Путина в учебниках. Книга для учащихся начальных классов посвящена Конвенции ООН о правах ребенка. Текст конвенции сопровождается в книжке оригинальными комментариями, сочиненными заместителем председателя регионального отделения «Единства» Виктором Юраковым: «Все мальчишки и девчонки знали, что Володя Путин настоящий друг и на него можно положиться. А тренер по самбо и дзюдо знал, что Володя настоящий боец с сильным характером, что он будет бороться до конца и никогда не предаст. А потом друзей стало так много — целая-целая страна, и они выбрали его президентом. И теперь все говорят: «Россия, Путин, «Единство». Летает на истребителе, спускается с гор на лыжах и ездит туда, где воюют, чтобы война перестала.». В книжке целых три портрета Путина: младенец на руках у матери, подросток, взрослый. Слащавый текст и фото маленького Вовочки — как все это напоминает советский букварь: «Когда был Ленин маленький, с курчавой головой, он тоже бегал в валенках по горке ледяной.» и тоже с портретом маленького Вовы.

Эстафету питерского «Единства» по воспитанию ребятишек в духе культа личности Путина приняло Томское отделение партии «Единая Россия», которое организовало в области детский конкурс под названием «Вовочка — 2002». Мероприятие, посвященное Владимиру Путину, прошло под девизом «Мама, я хочу быть президентом!». Учащимся старших классов предложили провести собственные избирательные кампании и выбрать главу государства. Семеро Вовочек прошли во второй тур выборов. Для большинства участников самым сложным оказался конкурс на эскиз новогоднего костюма для президента. Победителю финала «Вовочка — 2002» вручили главный приз — путевку во всероссийский лагерь «Орленок».

Молодые партийные функционеры «Единства» на фронте созидания культа Путина от старших товарищей не отстали, может даже, и опередили их. Создали движение «Идущие вместе», без всякой скромности и тени приличия так преуспели на поприще путинского холуяжа, что журналисты прозвали их «путинюгендом». Годовщину инаугурации Путина юные жертвы технологов и политической конъюнктуры отметили на Васильевском спуске митингом в его поддержку. Все выступавшие вопили одно, опять же очень знакомое: «Мы поддерживаем Путина за нашу счастливую юность!» Банальный перифраз известного всем «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!». Рефреном митинга было заливчатое «Все путем!». Майки верных юных путинцев украшал путинский скаल्प.

Вожди не каждой общероссийской партии, не всякий лидер думской фракции удостоиваются встречи с президентом, а вот руководителей этой демонстрации Путин принимал в Кремле. Выходит, понравилось, угодили! Их пример — другим наука.

Несмотря на откровенно заказное мероприятие и нескрываемое лицемерие подростков, акция беспронизышно подействовала на умы юных зрителей по ту сторону экрана. Сверстники, толкущиеся и орущие у стен Кремля, в их глазах — счастливчики. В Москве побывали, весело, празднично, интересно! Пригласил и ублажил юных путинцев сам президент! И потому на вопрос «Ради такой удачи в жизни, славу и честь Путину воспеть готовы?» — миллионы юных в

ответ прокричат «Всегда готовы!»).

Но основные каменщики, возводившие новый культ, конечно же, не дети, не подростки, а очень взрослые дяди, грамотные да умелые литераторы и беллетристы, всегда готовые поклевать с рук власти. Среди застолбивших участки в путинианской золотой долине как известные авторы Рой Медведев, Александр Рар, Вадим Печенев, так и неизвестные до последнего времени вовсе, как Блоцкий, но возраст, опыт, мастерство, известность не разделили их в оценках Путина, которые уложились в интервале от «выдающийся деятель современности» (Медведев, Рар) до «Вы гений, Владимир Владимирович» (Олег Блоцкий). Эпопее Блоцкого «Владимир Путин» публицист Владимир Прибыловский резонно посоветовал дать более подходящее название — «Владимир Россиянбаши», поскольку книга написана исключительно в духе туркменского культа личности, а журналист Дмитрий Быков предложил переименовать самого автора трилогии в Блоцкого-Поцелуева.

Другие книжки про Путина написаны в том же спектре хвалебных красок, которыми писатели и журналисты разрисовывают наше «белое пятно» в зависимости от своих надежд, устремлений и заказа политтехнологов. Есть, к примеру, книжка про Путина-патриота «Спасет ли Путин Россию???»), вот так, с тремя вопросительными знаками. Ее автор Ю. Козенков увидел в Путине наследника Сталина и тщетно надеялся, что Путин, тишком прокравшись в Кремль, одолеет-таки жидомасонов и поднимет над Спасской башней черно-бело-золотой триколор. Но если Козенков написал книгу про Путина-патриота, то Вадим Печенев так же страстно и убедительно вывел на своих страницах Путинадемократа, озаглавив свое творение тоже вопросом «Владимир Путин — последний шанс России?». Печенев узрел в своем герое иные — демократическо-либеральные устремления — «авторитаризм (желательно просвещенный) плюс управляемая демократия».

Образ Путина как героя спецслужб, мужественного, неподкупного и решительного, наваял в политическом боевике «Президент» Александр Ольбик. Путин лично возглавляет антитеррористическую операцию в Чечне и «мочит» там чеченских бандитов из стволов и подствольников всех марок и калибров.

Таков замысел политтехнологов, продолжение мастерской игры в раскраску — Путин на любой читательский, любой политический вкус. Каждый избиратель выберет для себя книжку про того Путина, который стоит с ним на общей идеологической платформе, и успокоится в уверенности, что теперь в Кремле — свой человек.

Про Путина не только написали книги. Сняли художественные фильмы. Правда, пока только про маленького Вовочку. Цитируем журнал «Профиль» от 25 ноября 2002 года: «В Госкино состоялась презентация художественного фильма «Вовочка»: история мальчика, выдумщика и озорника, который приезжает на зимние каникулы к бабушке на дачу, и с его приездом размеренной жизни тихого поселка приходит конец. Создатели фильма режиссер Игорь Можжухин и продюсер Сергей Жигунов аналогии со знаменитым именем отрицают, но в околокиношных кругах поговаривают, что элемент конъюнктуры имел место быть. Вместе с профессиональными актерами в кино снялись губернатор Архангельской области Анатолий Ефремов — в роли рыбака, заместитель председателя Комитета по культуре Государственной Думы Николай Сорокин — в роли участкового милиционера, а лидер группы ДДТ Юрий Шевчук — в роли бомжа-философа. Ясно, что подобный фильм обязательно «преподнесут» президенту в подарок, оттого и прыть губернатора и депутата — когда еще можно попасть на глаза первому лицу в государстве, только и надежда, что в кино про Вовочку.

Особый, весомый вклад в путинославию сделали поэты-песенники. Радиоэфир разнес по городам и весям их угодническую гимнографию. Первым преуспел Владимир Пеленягрэ с группой «Белый орел», спев мужественно-воинственное: «А в чистом поле система «Град», за

нами Путин и Сталинград», лукаво и ловко соединив святое для нас имя города-героя Сталинград с ничем не значащим для народа именем Путин, что вмиг овевало имя Вовочки ветром боевой славы. Стала популярной и песенка группы барышень «Поющие вместе» — простая и незамысловатая, как промытые пропагандой мозги путинского электората:

Мой парень снова влип — Дурные дела, Подрался, наглотался Какой-то мути. Он так меня достал, Я его прогнала, И я хочу теперь — Такого, как Путин! Такого, как Путин, — Полного сил, Такого, как Путин, — Чтобы любил! Такого, как Путин, — Чтобы не обижал! Такого, как Путин, — Чтобы не убежал! Я видела его Вчера в «Новостях», Он говорил о том, Что мир на распутье, С таким, как он, легко И дома, и в гостях, И я теперь хочу Такого, как Путин!

Только не подумайте, что это издевка. Для женского электората Путина это сильнейший по эмоциональному воздействию пиаровский текст. Лишь на первый взгляд он выглядит издевательским и глупым. С точки зрения политтехнологии, в песенке есть все, чтобы влезть в мозги обывательницы навязчивой мыслью — это твой, твой, твой выбор, это мужчина твоей мечты. Танцевальная ритмика заставляет легко и быстро запомнить слова. Сами стишки построены на контрасте — плохой парень и хороший президент. Эта песенка умело убеждает каждую женщину «примерить» Путина к себе и сравнить его со своим благоверным. Благоверный чаще всего «проигрывает» — на нем костюмчик сидит не так красиво, он не улыбается под светом софитов, и, главное, его не показывают по телевизору. Это же самое настоящее заражение женщин любовью к президенту.

В выражении любви к новоявленному чудо-богатырю Отечества самодеятельные творцы не уступают профессионалам. Челябинский студент-юрист Михаил Анищенко на полном серьезе предложил «Песню о президенте»:

Ты скажи мне, Россия, Ты ответь на вопрос:

Почему президенту ты веришь?

И, смотря на него, Ты не чувствуешь слез

И душой за него ты болеешь?

Все плохое уйдет, И вернется рассвет,

Тот, который мы все Долго ждали.

Это наш президент, Это наш президент,

Россияне его поддержали.

Газета «Новые известия» писала, что к этим верноподданическим стихам композитор Олег Ярушин, сын известного музыканта Валерия Ярушина, создателя ансамбля «Ариэль», тут же написал музыку. Сразу же нашелся и певец — солист Челябинской филармонии Павел Калачев, в исполнении которого шедевр записан на лазерный диск. «Через министра налогов челябинца Александра Починка, — развивают тему «Новые известия», — кассета была передана в Администрацию Президента. По версии студента, песня понравилась самому герою и даже попала в комиссию по подготовке гимна, где текст песни назвали самым профессиональным».

Вот еще искренние от души стихи, ведь не заподозришь самодеятельного поэта Владимира Нестерова в конъюнктуре, просто у него, что называется, «крыша съехала» от сверхсильного программирования политтехнологами пламенной любви к президенту, от активного строительства в средствах массовой информации культа Путина:

Владимир Путин — Он Россию возродил,

Объединил умело все народы.

Политик гениальный от природы,

И у него на все хватает сил.

... Владимир Путин — Самый светлый Гений

И самый лучший на планете Человек.

Даже у профессионалов случаются «заскоки» от передозировки политтехнологиями. В песенке «Гулливер» Романа Неумоева и Артура Струкова тема величия Путина раскрывается в духе шизофренического абсурдизма:

Путин! Наш милый Путин!
Ты не Распутин, Но Жанна д'Арк!
Путин! Наш добрый Путин! —
Не лилипутин, но Гулливер!
Он не ходит в кабак,
Уважает собак,
Целый день напролет
Он не курит, не пьет,
Посещает спортзал,
Тренируется в тире,
Террористов гов...ых мочит
Прямо в сортире!

А дальше пошло то, что сегодня называется раскруткой «бренда Путина», за счет которого граждане попросту хотят пополнить свой бюджет. Здесь и выпуск торта «Наполеон» с портретом Путина на коробке, и попытка зарегистрировать сорт помидоров (весом 1,5 кг) под названием «Владимир Путин», и производство значков, медальонов с профилем Владимира Путина — медных, серебряных, золотых, и портреты Путина на коврах, гобеленах, майках, часах и даже на фальшивых денежных купюрах. Конечно же, не обошлось без чугунных и бронзовых скульптур, портретов маслом на фоне Кремля, и даже открылся кафе-бар в Челябинске все с тем же родным именем «Путин». В Питере, на родине президента, его двойник рекламирует ресторанные блюда. Журналист Владимир Прибыловский уверяет, что все блюда в кафе имеют отношение к президенту — шашлык «Вертикаль власти», квас «Кремлевский», коктейль «Когда Вовочка был маленький», сухарики «ВВП».

Песни, гимны, кино, конкурсы, бронзовые фигуры, значки, медали, ордена. — не каждый такой натиск выдержит. И не выдерживают. Девятнадцатилетний Андрей Александрович Волохов из Томска, совершенно запутавшись, где реальность, где виртуальность, сменил свою фамилию на «Путин», отчество — на «Владимирович», и откликается теперь только на них. «Новые известия» уверяют, что новоиспеченный Андрей Владимирович Путин сделал заявление для прессы, сказав, что он «видит в президенте образ идеального отца и постарается воспитать себя идеальным сыном».

//- «Путин — народный защитник»: вхождение в образ — //

Когда политические технологи Путина вышли на финишную прямую президентских выборов 2004 года, приготовили площадку под монтаж декораций, установили софиты, запасли пиротехнику, попробовали актеров второго плана и четко прописали сценарий действия, где главный герой — тот же, сценаристы, режиссеры, и, прежде всего, зритель в роли массовки — те же, то, уже зная стиль, манеру игры всей этой известной публики по прежним спектаклям, можно было предположить, как будет развиваться грандиозное выборное шоу на этот раз. Можно было с большой уверенностью предсказать, что кремлевские шоумены, постановщики гиперспектакля «выборы — 2004» вряд ли откажутся от ими уже однажды найденной и прекрасно воздействующей на зрителя-избирателя фабулы — накануне выборов хорошенько

напугать публику, сконструировать для нее образ врага, против которого восстанет «чудо-богатырь» Путин и защитит свой народ, спасет его от очевидной всем опасности, отведет беду.

Понятно, что технология «Путин — народный защитник», ловко сработавшая в гиперспектакле чеченского терроризма президентских выборов 2000-го года, прежде всего благодаря умелой прорисовке образа «врага народа — исламского террориста», в новых условиях потребовала сюжетных перемен, иначе избиратель, уже однажды обманутый, так и не дождавшийся окончания «маленькой победоносной чеченской войны», сразу бы понял, что его вновь нагло водят за нос. Так что в 2004 году нам уготовили гиперспектакль с новыми вариациями сюжета, но в формате все той же полюбившейся народу сказки про «чудо-богатыря».

К великому сожалению пиарщиков, им не удалось развить до масштабов выборного действия сюжет, идеи которого были опробованы политтехнологами Путина в разгар агрессии США против Ирака. Выборный сценарий «Путин — борец с США, мировой империей зла, мировым захватчиком и поработителем свободных народов» уже в 2004-м имел в России хорошие шансы на удачу. Америка далеко, с Бушем на время можно договориться «разрешите, мол, вас маленько покритиковать», а одно уже обличение Путиным американского засилья в кино и на телевидении, в литературе и в прессе сладким эхом отзовется в душах миллионов соотечественников, презирающих американскую галиматью. Но у этого сценария оказался неожиданный риф. По ходу начавшегося спектакля Буш, отличающийся своим неадекватным поведением, обиделся, а его партнер по сцене Путин искренне сильно испугался. Дело в том, что в начале бомбардировок в Ираке прошли жидкие заказные марши протеста в Москве, и Путин выступил с первыми робкими заявлениями, но на него грубо цыкнули из Вашингтона, и несчастный наш герой долго оправдывался, что его-де Буш неправильно понял. Так что эффектный для российского электората сценарий встретил тогда категоричное возражение Путина, долго потом суетившегося загладить свой неосторожный писк протеста.

Потерпев неудачу в одном, политтехнологи стали проталкивать другой, прямо противоположный сценарий — «Путин — победитель международного терроризма», который предусматривал союз с США и президентом Бушем, имитацию совместной борьбы Путина и Буша с международным исламским экстремизмом. Всем хороша была идея: довольная Америка наблюдала, как Россия покорно следует в ее фарватере, критические поползновения радикально настроенных сил России власти придавили, запретили как экстремистские. Не давая зрителю дремать и скучать, его внимание будоражили постоянным напоминанием «трагедии 11 сентября», чтобы избиратель в панике и ужасе снова возжелал от президента самых радикальных и жестких действий, воспринимая его как спасителя. Напоминания эти были не только словесные, по «странному совпадению» именно накануне президентских выборов, в последний предвыборный год, случились взрыв во время рок-фестиваля «Крылья» (16 погибших), взрыв автобуса с милиционерами в Северной Осетии (3 погибших), взрыв госпиталя в Моздоке (50 погибших), два теракта в пригородных поездах в Ессентуках (48 погибших). Но и у этого сценария оказались серьезные изъяны: во-первых, нас уже пугали терроризмом на прошлых выборах и пуганный электорат догадывался, что угроза терроризма не что иное, как спецэффекты в арсенале политтехнологов, во-вторых, и это главное, американское союзничество не поглянулось десяткам миллионов российских избирателей, чьи голоса рассчитывали заполучить политтехнологи, — «медовый месяц» любви к США у России давно позади.

Но на то кремлевские пиарщики и Яковы, что у них товара всякого. Кремль уже давно примеривался, обкатывал сценарий «Путин — защитник страны от олигархов». Олигархов сначала символизировали отдельные одиозные личности вроде Березовского и Гусинского, предусмотрительно удаленные из России со всеми своими награбленными миллиардами. На время выборного шоу для «оживляжа сценарного действия» к ним был удачно присоединен

Ходорковский, к тому времени увлекшийся настолько, что стал намекать на свое возможное участие в президентских выборах 2008 года. Больше никого не тронули, хватило шума, поднятого вокруг Ходорковского и «Юкоса». Сценарий же «Путин — борец с олигархами» хорош еще и тем, что в нем подспудно таился намек на противоборство Путина с еврейским засильем. Избирательную массовку усиленно подталкивали к мысли, что такова «тайная доктрина» Путина, и часть националистически настроенных избирателей охотно заглотнула наживку, в наивном восторге побежала голосовать за Путина.

Выборы 2004 года прошли с триумфом для нашего героя. «Всенародная любовь», взошедшая на компосте политических технологий, удобренная административным ресурсом, то бишь циничной возможностью фальсификаций, расцвела на ниве, где прежде вылололи всех хоть скольконибудь опасных для Путина соперников и конкурентов, да еще протравили ту выборную ниву «гербицидами» в виде компромата, шантажа и прямых угроз тем незванным «сорнякам», кто посмеет высунуться. Но уже скоро появился на горизонте времени мираж новой президентской кампании — 2008 года, и старую песню затянули на новый лад.

В россыпи сценариев выборного шоу преемника Путина предлагались очень рискованные авантюры, но, ничего не поделать, власть стоит свеч. К примеру, было перспективно действие «преемник Путина — защитник народа в беде». Но для развития такого сюжета требовалась катастрофа, стихийное бедствие, техногенное крушение со многими жертвами, где преемник Путина мог явиться во всем блеске спасителя, сострадальца, разделяющего с народом общее горе. Повторить бы гениальную сцену Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова, который, будучи во главе Правительства, ничего не сделал, чтобы предотвратить катастрофу страны, но его благодарно помнят и любят за одну-единственную слезинку, так хорошо и так вовремя скатившуюся по щеке премьера на развалинах Спитака во время армянского землетрясения. Однако, если «слезинку преемника» заказать можно, однако стихийное бедствие на то и стихийное, его к выборам не закажешь, а техногенная катастрофа, если и будет задумана пиарщиками, еще неизвестно чем обернется, может стать угрозой и для самих властей. Ведь и так газеты сумрачно размышляли: «После черного августа 2000 года, с терактом на Пушкинской, с гибелью экипажа атомной подводной лодки «Курск» и пожаром на Останкинской башне, ситуация стала напоминать первые годы горбачевщины: трагедия «Новороссийска», Чернобыль, авария подлодки «Комсомолец», взрыв газопровода под Уфой. Вернулись тяжкие предчувствия». Вот почему сценарий со стихийным бедствием или катастрофой у пиартехнологов припасен на самый крайний случай.

Опасен, непредсказуем по своим последствиям и другой сценарий, давно написанный и во времена Ельцина уже запущенный в постановку, но тогда же снятый с проката, как слишком рискованный. Кремлевским сценаристам он тоже руки жжет, и хочется, и страшно. Может, его как-то вмонтировать сюжетом в другую постановку, уж больно хочется — «преемник Путина — борец с русским фашизмом». Конечно, если бы президента избирали не в России, а в Израиле, лучшего сценария не придумать, вот бы где могли аплодисменты сорвать, но для России он становится крайне опасным, русское самосознание грозно выросло, и запускать сценарий борьбы с русским фашизмом, значит только подталкивать русский гнев против инородческой власти и против преемника как выразителя ее воли. А так хочется. Так руки чешутся.

Конечно же, грандиозное выборное шоу могло бы получиться в 2008 году из сюжета «преемник Путина — борец с наследием Ельцина», тем более что разыгрывать такой спектакль стало возможно лишь с кончиной Ельцина (и он скончался, следует заметить, весьма кстати). Эффектно и красиво могли бы списать на него весь путинский провал двух президентских сроков. Родная нынешней кремлевской челяди «семья» Ельцина не пострадает, «успеет» унести из страны и ноги, и деньги. А борьбу с покойником пиарщики преемника назвали бы борьбой за

обновление России. Но даже для борьбы с покойником «чудо-богатырю» нужна воля, где ж ее взять, это не гексоген и не тротил, не погрузишь, не привезешь.

На чем же остановились пиартехнологи, разрабатывая стратегию выборов преемника Путина Медведева? Они избрали простенький, незатейливый ход представить Медведева наследником Путина, то есть почти родным, практически сыном — малый рост и по-детски примитивные реплики Димочки с телеэкрана это впечатление усиливали. «Царь-батюшка» Путин, возивший с собой наследника, представлявший его то на саммите глав СНГ, то на совещаниях глав администраций государства Российского, то во время переговоров на международном уровне, — вот что было главной находкой Сурковых с Павловскими в 2008 году. Весьма недорого, и, главное, населению очень доходчиво внушают: наследник делает на властном поприще первые самостоятельные шаги под отеческим приглядом «папаши» Путина. Народ мог воочию убедиться по телевизору: получается у наследника, папа доволен! Многим даже хотелось Димочку по головке погладить, такой славный мальчик, так старается папе помочь оправдать его отеческую заботу. Путинская практически отцовская привязанность к Димочке заразительно передавалась телезрителям, и они с удовольствием любовались мальчиком, такой маленький, а уже сколько умеет!

Помните, чем увенчались выборы наследника? Васильевский спуск, ликующая толпа согнанной из всех учебных заведений Москвы молодежи, натужно улыбающийся Путин ведет к сцене малыша, назначенного им во временные держатели царственного трона, как когда-то во временные правители Ельцин привел за ручку его самого. И все бы замечательно сложилось, если бы толпа, беснующаяся на площади по случаю массового принятия горячительных напитков, не заорала, приветствуя Медведева, несколько громче, чем шумела при виде Путина. Темное облачко зависти и ревности к Димочке коснулось бледного чела дорогого Владимира Владимировича. Технология «Царь-батюшка и его наследник» была срочно упразднена. Пиартехнологи Путина принялись подыскивать хозяину не обидный для него новый имидж.

//- «Тандем» — находка для премьера — //

Итак, в 2008 году Путин, повинувшись Конституции и требованиям Соединенных Штатов, нехотя уступил правящее кресло младшему по званию, изобразив его наследником своего царствования. На этом игра в наследники была закончена. Четыре года, пока Путин станет дожидаться новой возможности воссесть на правящее седалище, требовалось не уронить его престиж, сохранить иерархию, где бывший президент оставался бы в главной, а не подчиненной роли, каковую ему отводил статус премьер-министра. Политтехнологи должны были решить сложнейшую задачу выставить второе по Конституции лицо в государстве в роли первого, не умалив при этом значения уже существующего первого лица.

Это означало, что Путина нигде и никогда нельзя было показывать отчитывающимся перед Медведевым или получающим от него поручения, как требовала нормальная совместная работа президента и премьера. Это подразумевало, что Путин не должен пребывать в толпе свиты Медведева на торжественных мероприятиях и приемах, а ему по чину надлежало быть именно в рядах челяди. Это предполагало, что Путин не должен держать речь одновременно с Медведевым, ибо тогда, согласно статусу, его выступление должно идти вслед за выступлением президента. И это не из-за того, что обидно и завидно быть вторым тому, кто уже привык быть первым. За четыре года правления Медведева гражданам мог понравиться тихий, хоть и нервный мальчик, увлеченно играющий в компьютерные игры, по-детски развлекающийся твиттером и айфоном. За четыре года избиратели могли привыкнуть к тому, что Путин — не первое лицо, и

начать искать на роль Президента России какое-то иное, более подходящее и умом, и волей, и ростом, и внешностью. И вот тогда-то был найден блестящий выход из положения. Имя ему — тандем.

Технический термин тандем означает «расположение однородных устройств на одной оси». Наиболее известным из всех вариантов тандема для обывателя является двухместный двухколесный велосипед, на котором оба сиденья равноудалены от колес, где каждый из крутящих педали равно зависит друг от друга, и если падают на крутой дороге седоки-велосипедисты, то непременно вместе, а если летят к цели, то обязательно вдвоем. В тандеме любой сбой согласованного рулежа ведет к крушению, но в то же время, что особенно ценно, успешность деятельности рулевого-президента оказывается невозможной без рулевого-премьера. Тандем устроил Путина тем, что ему не было теперь нужды постоянно подчеркивать свое превосходное над Медведевым положение. Ужтандем-то гораздо легче превратить через четыре года медведевского президентства в простой одноместный велосипед, отвинтив лишнее седло. Это же не трактор с прицепом, каковым обычно представляется гражданам президент, буксирующий за собой премьера, министров и прочую дворовую челядь.

Как же заработала технология тандема, нацеленная на то, чтобы сохранить культ личности Путина, не сильно превознося культ личности Медведева? Средства массовой информации ежедневно предоставляли множество сюжетов конструирования тандема, и сложился целый церемониал прохождения этих сюжетов по каналам телевидения. Зрители без перерывов на праздники и выходные увлеченно наблюдали телесериал из жизни тандема.

Наши велосипедисты ежедневно являлись перед зрителями, в самых разных ракурсах демонстрируя неустанную работу на благо родины и навязчивую заботу о процветающем государстве. При этом сначала шел рассказ про одного седока тандема — Медведева, затем, неукоснительно, про другого — Путина. Строго соблюдался содержательный баланс сюжетов. Если Медведев встречался с учителями, то Путин в тот же самый день — с врачами. Если президент ублажал доярок или слушал кукареканье петухов на птицеферме, то премьер-министр спускался к шахтерам или поднимался к строителям. Если Медведев обещал выдавать за второго ребенка материнский капитал, то Путин сулил ветеранам окончательное решение квартирного вопроса. Если Медведев шушукался с бизнесменами, то Путин совещался с учеными. Наконец, если президент куролесил с танцорами, то Путин пробовал голос с певцами.

Всякий прибывший в Россию глава великой державы непременно имел аудиенцию как у Медведева, так и у Путина. И это непременно показывали по телевизору, убеждая зрителей, что все в тандеме поровну, все напополам — и ответственность, и значимость, и решение вопросов. Если Медведев давал пресс-конференцию, то спустя некоторое время на вопросы корреспондентов отвечал Путин, и журналисты замеряли, кто из них дольше проболтал перед публикой. Если устраивались телемосты народа и премьера, то вслед за ними таковые же виртуальные каналы общения народа и президента демонстрировались публике, уже привыкшей наблюдать за ежедневными выездами рулевых тандема, словно забывших, что у них есть сложнейшие обязанности по управлению огромной страной, которые требуют кропотливой работы в тиши кабинетов, многолюдных совещаний и сосредоточенных экспертиз. Эти двое «пиар-спортсменов» вместе с бандами тренеров-политтехнологов настолько увлеклись саморекламой и соревнованием друг с другом, что совершенно забыли про договоренности о тандеме. Каждый в ходе телевизионных состязаний в популярности словно рулил уже собственным одноместным велосипедом и с азартом оглядывался на соперника, норовя переехать тому дорогу.

Путин и Медведев при этом почти никогда не встречались на экране, а если и требовалось убеждать народ в любви и дружбе президента и премьера, чтобы развеивать время от времени

просачивающиеся в народ слухи о разбалансировке тандема, то это были картинки с горнолыжного курорта, где дорого и ярко одетые главы шествовали нога в ногу на слаломный спуск, или праздничный концерт, где они отчужденно сидели рядышком, не глядя друг на друга, или военный парад, где они разваливались в креслах, кто кого вальяжнее, и скупающе разбегались взглядами поверх голов марширующей армии.

В азарте соревнования дело доходило до откровенного стриптиза: Владимир Владимирович рискнул появиться на публике раздетым до пояса якобы на приеме у врача районной больницы, которому он пожаловался на некие боли в плече после тренировки. Известное дело, бригада кремлевских врачей, следующая за Путиным по местам его президентской славы, мало чем может помочь в таком щекотливом вопросе. Пока обомлевший от возложенной на него ответственности районный врач вяло мямлил похвалы не сокрушимо никакими тренировками здоровью Путина, телекамеры с пристальным интересом скользили по голому торсу премьера, вызывая в воображении миллионов одиноких женщин, являющихся прилежными избирательницами, целые вихри запретных чувств. Медведев на ответный симметричный шаг не решился — торсом не вышел, телесами пышноват. Так что в этом сражении тандема счет был в пользу Владимира Владимировича.

Изнурительная гонка отнимала много сил. Каждый из участников состязаний втайне надеялся, что соперник первым выдохнется, изнемоет или свалится в кювет и не домчит до финиша — 2012 года, когда расштатившийся тандем можно будет с облегчением выбросить на свалку. Пока изрядно надоевшие друг другу партнеры исподволь готовились к этому моменту, их наставники-имиджмейкеры примеряли им наиболее выигрышные личины-маски.

Дмитрий Анатольич натягивал белые перчатки демократа и правозащитника, угождая международной общественности расследованием дела Магнитского и сокращением тюремных сроков Ходорковскому. В пику Путину дозволил пятипроцентный барьер прохождения партий в Госдуму и принял в Кремле либерального олигарха Прохорова, возглавившего «Правое дело», критикующее Путина. Борясь с бациллами тоталитаризма, которыми, по мнению либералов и Запада, заражен премьер Путин, Медведев объявил курс на «десталинизацию» сознания. И Сталина в средствах массовой информации принялись с ушлым рвением клеймить палачом и людоедом, неслышно намекая на возможность возвращения истории на диктаторские рельсы.

Владимир Владимирович, напротив, прикидывал на себя жилетку богатого и щедрого хозяина, готового решить деньгами, вынутыми из практически собственного кармана, каковым ему представляется государственный бюджет, любой вопрос, будь то уничтоженные пожаром дома, недостроенные из-за преступных растрат больницы или упавший от ветхости мост. Это затыкание слишком откровенно зияющих дыр в разрушенном дотла государстве политтехнологи гордо наименовали «режимом ручного управления», присвоив Путину первенство в изобретении столь уникального метода. А еще премьер-министр успевал делать щедрые подарки стране и народу, осчастливившая нас то зимней Олимпиадой в субтропическом Сочи, то чемпионатом мира по футболу.

При этом население уверяли, что деньги на зрелища дадут исключительно инвесторы, и поэтому на хлеб всем будет хватать бюджетных средств.

А пока сменяют друг друга на экранах президент и премьер-министр, народ живет своей, отдельной от них нищей и неподъемно вздорожавшей жизнью, размышляя, закончится ли когда-нибудь этот сумасшедший виртуальный рулеж.

Экранный галдеж об обоюдных достижениях президента и премьера преследовал еще одну долгосрочную цель: и того и другого необходимо срочно увести от ответственности за творимые в годы их властвования разрушение государства и вымирание народа. И Путину, и Медведеву совсем не хочется, чтобы разруху и обнищание связывали с их именами, и ее не связывали, но только средства массовой информации. Население, напротив, начало избавляться от миражей, которые навязали нам политтехнологи.

Согласно данным последнего опроса Института социологии Российской Академии наук «Двадцать лет реформ глазами россиян», проведенного в марте — апреле 2011 года, большинство граждан России (около 70 % опрошенных) считают, что можно и нужно было избежать осуществленной в 1990–2000 годах «шоковой терапии». «Истинная цель реформ, по мнению большинства респондентов (60 %), состояла не в скорейшем преодолении экономического кризиса, а в интересах как самих реформаторов, так и стоявших за ними общественных групп, стремившихся к переделу в свою пользу бывшей

социалистической собственности. Именно этими целями во многом объясняется и свертывание возможностей влияния общества на принятие политических решений. Социально-психологическое состояние россиян характеризуется ростом чувства несправедливости происходящего, стыда за нынешнее состояние страны, собственной беспомощности повлиять на происходящее. Естественным следствием этого выступает и быстрый рост среди россиян чувства агрессии». Исследование показало низкую долю тех граждан России, кто считает, что живет нормально, — около четверти опрошенных. Главными проблемами респонденты назвали низкий уровень жизни и отсутствие социальных гарантий по болезни, старости, безработице и инвалидности. Среди потерь, которые лично им принесли реформы, безусловным лидером стала утрата уверенности в завтрашнем дне (около 60 %). Довольство эпохой Ельцина — Путина — Медведева высказали лишь 10 % жителей страны. При этом 41 % респондентов согласились с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа». Опрос показал, что русские проявляют небывало высокий уровень солидарности и мобилизации. 82 % русских никогда не забывают о своей национальности. В общей сложности 88 % русских идентифицируют себя со своим этносом, 81 % — с людьми такого же вероисповедания. 15 % русских считают, что «Россия должна быть государством русских людей». Еще 31 % уверены, что у русских должно быть больше прав, поскольку у них и больше обязанностей».

Знаменательно изменившееся в обществе отношение к чеченским войнам: в 2001 году первую чеченскую войну одобряли 33 %, а вторую, которая тогда была в разгаре, — 56 %. В 2011 году однозначно против обеих войн высказались 90 % респондентов. Из-за того, считают авторы исследования, что в обществе возникло сомнение, кто же вышел из этих войн победителем.

Целых 40 % отвечавших на вопросы убеждены, что путь, по которому движется современная Россия, ведет страну в тупик. Больше половины опрошенных (54 %) полагают, что экономика России потеряла динамизм и отставание нашей страны от ведущих держав мира нарастает.

«Результаты нашего социологического опроса свидетельствуют о делегитимизации власти, несмотря на все успехи, — утверждает, несмотря на боязливые оговорки, один из авторов исследования профессор Наталья Тихонова. — В российском обществе сегодня ситуация утраты надежд. Растет чувство страха, несправедливости происходящего. Это порождает агрессию. 74 % респондентов уверены, что люди их национальности проиграли в ходе реформ. 60 % опрошенных испытывают время от времени желание всех перестрелять». При этом заметим, что число тех, кому стрелять ни в кого не хотелось никогда, снизилось с 54 % в 2001-м до 28 % в 2011 году.

Об объективности этих данных свидетельствует то, что в опросе приняли участие 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений территориально-

экономических районов России. Опрошенные представляли основные социально-профессиональные группы населения.

Итак, к 2012 году стало ясно, что у культа безликой личности есть очень опасные изъяны, всплывающие неожиданно и катастрофично. Раскраска «белого пятна» завершилась. Угрюмыми красками безысходности или пробуждающейся агрессии нарисовали граждане свои представления о жестоком и циничном ВВП, о недомерке и недоумке ДАМе, которых из осторожности быть осужденными за развенчание культа безличностей окрестили такими вот аббревиатурами.

А вторая чеченская «победоносная» война стала бесконечной кавказской бойней, в которую вверг страну в 1999-м преемник Ельцина, и народу окончательно ясно, что никакой Путин не защитник страны от кавказского терроризма, если платит дань Кадырову и культивирует русское рабство в Дагестане.

Техногенные катастрофы, аварии и бедствия многократно возросли, и спасителем от их нашествия не стали ни Путин, ни Медведев, со своим «ручным управлением» не способные снять с должности ни одного преступного менеджера.

Нищета и вымирание, очевидные каждому по собственной семье, городу и деревне, бросаются в глаза рядом с бесящимися с жиру олигархами, перед которыми лебезит «тандем». Не пролезла и технология «царя-батюшки со наследником-цесаревичем»: золото и роскошь их дворцов и яхт на фоне умирающих сел и деревень вызывают лишь глухую народную ярость.

Вместо славословящих сладкую парочку гимнов и вдохновенных стихов умножаются ядовитые анекдоты и безжалостные обличения. Вместо уважительной надежды на то, что Путин или Медведев еще себя проявят, — презрительная критика «жуликов и воров». Новые обещания и посулы «тандема» становятся теперь лишь болезненным напоминанием о старых, неисполненных заверениях о грядущем процветании.

В отличие от Сталина, культ которого был, но, как говорится, и личность была, путинский и медведевский культы возводились политтехнологами при полном отсутствии ЛИЧНОСТИ, это два радужных мыльных пузыря, вот-вот готовые лопнуть, мгновенно и бесшумно или громко, с канонадой. Чтобы спасти положение, чтобы хоть немного продлить нарядное сверкание этих пузырей, к новым выборам населению предложили новую, но отнюдь не оригинальную технологию увода Путина и Медведева от ответственности перед народом — технологию смены вывески.

Партия власти «Единая Россия» — любимое детище Путина, лидером и практически отцом которого он являлся, партия, которая с готовностью усыновила Медведева и беспрекословно принимает все людоедские законы, им предложенные, а, следовательно, это и его политический ресурс, — стала в представлении бесправных и беспомощных избирателей «партией жуликов и воров», похищающих у народа не только собственность, но и власть. Это действительно так.

Вот примеры из списочного состава Совета Федерации. Два сенатора Левон Чахмахчян и Игорь Изместьев за решеткой. Один — за взятку, другой — за организацию убийства. Уголовным прошлым грешат многие сенаторы. Бывший заместитель министра финансов Андрей Вавилов — фигурант целого ряда финансовых скандалов, тут и махинации с гособлигациями на сотни миллионов долларов, и авантюра с индийским долгом, и много еще чего. Сенатор от Карачаево-Черкесии Ратмир Айбазов отсидел за изнасилование. Сенатор от Архангельской области Владимир Рушайло в свое время, будучи министром внутренних дел, заложил коррупционную систему в МВД, его ближайший помощник, его правая-левая рука Александр Орлов, скрывшийся от правосудия в Израиле, по-прежнему находится в федеральном розыске. Сенатора Владимира Слуцкера связывают с убийством генерала ФСБ Трофимова. Сенатор от Магаданской области — фигурант уголовного дела о мошенничестве. Сенатор от Амурской области Амир Галлямов

замешан в грязной истории с автомобилем ценой в миллион долларов. Продолжать можно до конца сенаторского списка. И вряд ли так уж беспочвенны слухи о продажах сенаторских кресел. И цена известна — от пяти миллионов долларов. Вполне по силам нынешним сенаторам, десятая часть которых по рейтингам журнала «Финанс» являются миллиардерами.

Высший орган законодательного собрания страны в обществе называют сборищем миллиардеров, бандитов, лоббистов, спортсменов, но только не авторитетных, уважаемых людей. Официальная статистика говорит о том же. Вот откуда пришли нынешние сенаторы: из бизнеса — 49 человек; из структур федеральной власти, МВД, Министерства обороны, Министерства по налогам и сборам, Министерства финансов, ФСБ — 34 человека; из структур региональных властей, отставные руководители регионов, региональных парламентов — 46 человек; 4 человека из спорта. Последних взяли «на усиление футбольной парламентской команды».

С таким партийно-криминальным багажом накануне выборов надо было что-то делать, но совсем отказаться от него боязно, ибо нынешняя охлократия и есть та социальная база, на которую опираются наши правители. Светлая идея пришла в голову пиарщикам Путина: поменять вывеску на клетке. «Единая Россия» — этот гнилозубый, но кровожадный крокодил официальной политики, пожравший всех своих конкурентов, должен предстать перед избирателями в виде «Народного фронта», этакого благородного льва, готового отважно броситься на защиту народа от всяческих притеснений со стороны алчной олигархии. Этому новообразованию срочно потребовалась всенародная поддержка, которую легко организовали в столице и на местах, и сотни общественных организаций поспешили засвидетельствовать себя перед Путиным метастазами «фронта». Правда, не обошлось без сбоев в разрастании раковой опухоли «Народного фронта». Функционеры Совета ветеранов Забайкалья в Чите радостно заявили, что вливаются в ряды «Народного фронта», а вот отделения этого Совета в разоренных дотла забайкальских городках и поселках отказались подчиняться фронтовой мобилизации. Председатель Союза врачей Рошаль, объявляя о вступлении своей организации во «Фронт», неуклюже оправдывался перед коллегами: «Так нам удастся хоть что-нибудь получить от власти». Но в общем и в целом власть с подхватными средствами массовой информации сделали вид, что народ валом повалил во «фронт», создавая Путину якобы совершенно новую социальную и партийную базу политической поддержки.

//- Дворцовый переворот как «выбор народа» — //

Вот и пригодился опыт рискованных «прыжков через стол», опробованных Павловским и Сурковым на заре путинского правления. Более точно трудно назвать дворцовый переворот, осуществленный командой Путина, не решившейся рисковать своим благополучием ради какой-то там демократии и конституционной законности. Россия вступила в эру несменяемой власти Путина, которая может продлиться по меньшей мере двенадцать лет.

Ничего не скажешь, хитер Путин, сумевший обставить Соединенные Штаты, которые требовали от него ухода, обхитривший Конституцию России, которая запрещает правителю сидеть на троне больше двух сроков подряд, кинувший и нас, избирателей, терпеливо надеявшихся, что рано или поздно этот беспредел закончится мирно и добровольно.

Случившуюся перемену декораций кто иронично, а кто всерьез называет то рокировкой, то новой конфигурацией тандема. Политтехнологи теряются в догадках, как удалось договориться двум седокам тандема поменяться креслами, члены партии «Единая Россия» ликуют, что гарантированно проблагодевают очередные двенадцать, а то и больше лет. И мало кто знает,

как трудно, как невероятно тяжело далось Путину с Медведевым сохранить конструкцию «тандема» — этого уникального инструмента преодоления конституционных гарантий избирательных прав для вечного собственного пребывания у власти.

Обратимся к хронике дворцового переворота, приведшего нас к досрочным выборам Президента России.

Соединенные Штаты Америки, запретившие Путину идти на третий срок, были категорически против его возвращения и в 2012 году. Администрация США очень рассчитывала на второй срок Медведева, прежде всего потому, что коррупционные схемы работы Путина с европейскими лидерами, а, проще говоря, подкуп Шредера, Берлускони, Саркози, Меркель, делали неэффективным влияние на этих деятелей самих Соединенных Штатов. Европа, которая научилась коррупции у России — опасна и ненадежна для США. Чтобы осадить европейских лидеров, которым понравился «стиль работы» Владимира Владимировича, его щедрость и готовность поделиться накопленным опытом, США затеяли предвыборные договоренности с Медведевым в расчете, что он переберет Путина на выборах 2012 года.

Медведеву заранее создали электоральную, финансовую и идеологическую базу в лице партии «Правое дело» во главе с миллиардером Михаилом Прохоровым, для чего пришлось потеснить Гозмана со стоящим за его спиной Чубайсом, верным сторонником Путина. Денежки Прохорова потекли в партийную кассу «Правого дела», миллиардер стал смешно и неубедительно озвучивать лозунги избавления народа от нищеты и рабства, Медведев с надеждой приподнял поникшую было головку, завидев на горизонте очертания второго президентского срока. И даже начал делать первые политические заявления: «Если это будет необходимо для моей страны и для того, чтобы сохранить тот курс, который был сформирован в последние годы, то я для себя абсолютно ничего не исключаю, в том числе и участие в этих выборах», — сказал Медведев в интервью норвежской газете «Афтенпостен» буквально в начале сентября 2011 года.

Но рано радовались сторонники президентства Медведева. Если у Медведева целью нового президентского срока было всего лишь продление безответственно сладкого властного бытия, то у Путина и его команды главной задачей виделось продление собственной жизни. Ведь Гаагский трибунал, как форма расправы с неудобными для США правителями, маячит страшилищем перед глазами всякого действующего властолюбца. Судьба Каддафи заставляет по ночам вертеться подушку под головой.

Из технологических средств команды Путина самым ярким стало учреждение «Народного фронта», в который не мытьем, так катаньем впахнули все возможные в стране общественные организации, изображая уже опробованный прежде солидаризм. В противовес либеральному «Правому делу» Путин буквально затащил туда упирающихся государственников и даже националистов типа Рогозина, надеясь этими популярными идеями перебить прохоровскую риторику о нищете и рабстве. Но «Народный фронт» оказался слабоват в агитации за великого Владимира Владимировича, его деятели в прославлении Путина выглядели вяло и неинициативно. Требовались иные — выигрышные, яркие ходы. Продажа контрольного пакета государственных акций российских нефтяных компаний британским, американским корпорациям летом этого года — чем не ход конем на выборном поле? Мы предполагаем, что такова плата за третий срок Владимира Владимировича. Россия потеряла государственные нефтяные активы, но это сущие пустяки по сравнению с таким всенародным счастьем, как снова лицезреть на российском троне Владимира Владимировича.

Так что к Администрации США подобрали тот же коррупционный ключик. Деньги, всемогущие деньги, волшебная нефть из наших родных скважин и на этот раз обеспечила русскому народу нескончаемую радость быть с Путиным вечно. После того, как долгожданная

отмашка на третий президентский срок пришла из-за океана, начались окончательные внутренние разборки со ставшим совершенно не опасным путинским соперником Медведевым.

Первым делом наголову разгромили партию «Правое дело», в которой силами чубайсовских ставленников, типа Гозмана, учинили переворот прямо на съезде. Партия «Правое дело» как политический ресурс Медведева развалилась, Прохорова с позором изгнали из либеральных вождей. Президент Медведев оказался без поддержки и опоры, один как перст, покинутый либеральными денежными тузами, охаянный мелкой либеральной сошкой, кинувшейся подьедать прохоровские миллионы, влитые в партийное строительство «Правого дела».

Ну и что оставалось делать Дмитрию Анатольевичу после того, как он остался гол как сокол не то, что без войска, без единого солдатика, и против него, одинокого и брошенного, оцетинились всеми административными ресурсами «Народный фронт» с «Единой Россией»? Оставалось только одно — сдаваться до схватки. Капитулировать перед противником, до зубов вооруженным телевидением, финансами, круговой путинской порукой. И Медведев сдался, сложив к ногам Владимира Владимировича штандарты и знамена, преклонил послушно колени, принеся клятву верности, при этом не очень будучи уверенным, что добровольный вассалитет поможет.

Подданство и покорность Медведева Путин принял. Оставалось затвердить все это в общественном сознании. Для чего 24 сентября 2011 года и был созван съезд «Единой России».

О, что это было за потрясающее действо! Каков размах, масштаб спектакля, сколь многочисленна массовка, как могуча служба безопасности! Такого страна еще не видела. Это было, как писала газета «Уолл СтритДжорнал», публичное отречение от престола Медведева с передачей властных полномочий Путину.

Действительно, этот предвыборный спектакль стоит того, чтобы войти в историю дворцовых переворотов яркой, сочной, красочной картиной. Специалисты по оформлению интерьеров, готовившие форум «Единой России», приложили массу усилий, чтобы политическое действо не стало похожим на съезды Коммунистической партии Советского Союза. Традиционную трибуну президиума и ту убрали. Получилось нечто вроде гигантской студии телевизионного ток-шоу. Но от аналогий со съездами КПСС все равно никуда не деться: те же единогласные голосования, тот же четкий сценарий мероприятия, та же зачистка от споров и дискуссий. И десять тысяч сторонников партии, присутствовавшие здесь, тоже до боли напоминали съезды КПСС.

Оба тандемщика появились в зале после того, как с ободряющими короткими речами перед делегатами выступили борец Александр Карелин, изобразивший русскую силу, склонившую перед властью покорную голову, актер Владимир Машков, нанятый талантливо сыграть пламенную любовь народа к правящей партии, депутат Екатерина Лахова, выразившая преданность Путину всех до одной российских женщин, шахтер Александр Каминский, представитель рабочего класса, сымитировавший полную солидарность и согласие с принимаемыми партией и правительством решениями.

Съезд стал настоящим бенефисом Владимира Путина. Он самолично вел священнодействие. Продуманным контрастом выглядели выступления Медведева и Путина. Речь неудачливого наследника и поверженного конкурента была краткой и практически лишенной конкретики. Чего стоят его уклончивые высказывания: «Мы достигли тех результатов, которые мы хотели достичь». Или вот еще одно такое же скользкое: «Сегодня огромное значение имеет решение тех проблем, с которыми сталкиваются наши граждане». Словом, Медведев превзошел всех в умении сказать об успехах своего президентства и путинского премьерства так, чтобы ничего не сказать:

«Все, что необходимо, мы должны делать, именно сейчас, прямо сейчас, для того, чтобы не потерять достигнутого, шаг за шагом добиваться наилучших результатов для того, чтобы наши

граждане жили в лучшей, великой стране».

Обширный доклад Путина, напротив, описывал массу мероприятий по борьбе с кризисом, сулил снижение налогов, рост пенсий и прочие благодеяния практически для всех слоев населения и, главное, рост средней зарплаты до 32 тысяч рублей! По ходу выступления Путин фактически дал указание депутатам Госдумы в течение всего одной недели принять поправки в налоговое законодательство. После этого у миллионов телезрителей не должно было остаться никаких сомнений по поводу того, кто в действительности руководит страной, борется с кризисом и является подателем благ.

Так съезд «Единой России» одним махом разрешил ключевую интригу российской политики. На пост президента в 2012 году вернется Владимир Путин. Дмитрию Медведеву обещано кресло главы правительства. «Мы уже обо всем давно, еще несколько лет назад договорились», — сообщил премьер, имея в виду вопрос о президентских выборах 2012 года. И раскрыл еще один секрет: «У нас в последние годы сложилась практика, в соответствии с которой предвыборный список «Единой России» возглавляет президент. Считаю, что не нужно эту традицию нарушать», — предложил Путин. «Это поднимет авторитет партии и обеспечит ей ожидаемую и честную победу», — добавил он. После долгих и продолжительных аплодисментов, переходящих, как на съездах КПСС, в овацию, на трибуну поднялся Медведев. «Я считаю, что было бы правильно, чтобы съезд поддержал кандидатуру председателя партии Владимира Путина на должность президента страны», — как-то вымученно проговорил фактически свергнутый глава государства. Зал единороссов опять стал по-коммунистически бурно хлопать. А президент Медведев жалобно попросился возглавить правительство, заявив, что готов в кабинете министров заниматься практической работой по модернизации страны.

Итак, у народа в очередной раз не спросили, хочет ли он голосовать за Путина, который уже давно «договорился» о результатах выборов с Медведевым. «Уверен, что «Единая Россия» победит и, опираясь на общенародную поддержку, Дмитрий Анатольевич Медведев сможет создать новую эффективно функционирующую управленческую команду, возглавит правительство Российской Федерации для того, чтобы продолжить работу по модернизации всех сторон нашей жизни», — поставил перед фактом всех премьер Путин.

Дворцовые интриги успешно завершились дворцовым переворотом. Без нас, без избирателей кремлевские долгожители порешили, кто будет теперь президентом, а кто премьером, кто обязательно победит на выборах, а кому туда и соваться нечего. Да и зачем спрашивать избирателей, если их уже давно никто ни о чем не спрашивает? Ну, кто будет спрашивать быдло, которое из года в год обманывают, фальсифицируя результаты на избирательных участках, а оно молчит и покорно терпит преступные фальсификации. И слушает пустые речи о результатах, которые власть хочет достичь, и верит вранью о повышении зарплат до 32 тысяч рублей.

//- Провал технологии самовосхваления — //

Технология самовосхваления стала для Путина одной из ключевых. Народу без зазрения совести втолковывается, что в стране происходит экономический подъем: «Премьер-министр России Владимир Путин заявил, что в России нет второй волны кризиса. Такое заявление глава правительства сделал на инвестиционном форуме «ВТБ Капитала» «Россия зовет!». По словам Путина, сейчас экономика находится на подъеме. И хоть этот подъем долгий, но нагнетать ситуацию не стоит, — добавил премьер».

Что же это за долгий такой подъем в России, если только за один год доля российских

бедняков выросла на два миллиона человек. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в целом по России за I полугодие 2011 года составила 21,1 миллиона человек, в то время как в I полугодии 2010 года число таких граждан составляло 19,1 миллиона.

Что это за такой удивительный подъем экономики страны, если наряду с ростом доли бедных отмечается и общее сокращение численности населения России. Согласно данным того же Росстата, численность людей, живущих в России, к 1 августа 2011 года сократилась на 79,4 тысячи человек, и составила 142,8 миллиона человек. За аналогичный период 2010 года наблюдалось сокращение численности населения на 65,6 тысячи человек. При этом за январь — июль 2011 года в России снизилось число новорожденных в 74 регионах страны. А еще за последние три года Россию навсегда покинули 145 тысяч ее граждан. В Росстате застенчиво отметили, что миграционный прирост компенсирует естественную убыль населения на 43,1 %. То есть наши умершие русские граждане замещаются смуглявыми выходцами из Китая, Средней Азии и Кавказа. Поэтому провал смертности и составляет всего 79,8 тысячи человек. Каков же он на самом деле? Смертная яма, в которую пала Россия, продолжает чудовищно разверзаться, поглощая сотни тысяч

русских людей, в то время как «наш милейший Путин» наслаждается радостями тронного бытия: Сочи, горные лыжи, водные мотоциклы, вилы, яхты, дворцы, праздные разъезды по миру, по городам и весям России, где его встречают светящиеся от счастья граждане, у которых, как странно! жизнь абсолютно удалась — и жилье, и больницы, и дороги, и зарплаты — замечательное, блистательное благоденствие. И все это телевидение назойливо показывает горюющей, нищей, распроданной и растерзанной стране. Любуясь хорошо поставленной картинкой российского житья-бытья, Путин уже самолично, как пальму в кадке, вылелеивает культ своей личности.

Вот интервью Владимира Владимировича Путина руководителям трех федеральных телеканалов, данное в октябре 2011 года. Цитирую дословно: «Говорят: вот вернутся скоро брежневские времена, застойные. Ну, во-первых, в советские времена и даже в начале 90-х, я не хочу, чтобы это выглядело как огульная критика, — было много и позитивного. Но я что-то не припомню, чтобы послевоенное советское руководство, лидеры советские послевоенные, так же интенсивно работали, как это делаю я, или действующий Президент Медведев Дмитрий Анатольич. Что-то я не припомню. Они не могли и в силу физического состояния, и в силу непонимания, чего надо делать. Может, и шевелились бы, только не понимали — что, и не было воли, чтобы это делать». Вы только вслушайтесь, вы только вдумайтесь, что он несет! Получается, что Сталин, Хрущев, Брежнев, Косыгин, Устинов, да все, кого ни возьми из властных структур Советского Союза, Политбюро ЦК КПСС, Правительства СССР, выведшие страну в мировые лидеры, в супердержаву, все они, по заявлению Путина, были ленивы и нерасторопны, не понимали, что надо делать в стране, и не шевелились, потому что «воли у них не было».

То ли дело Владимир Владимирович с Дмитрием Анатольичем — и воля, и расторопность, и понимание, — все на экране. Такого масштаба бахвальства в истории не припомню, в литературе, да, там таких персонажей хватает, начиная с Хлестакова. Вот как откликнулись российские граждане на упоенную путинскую бесстыдную похвальбу своими «трудовыми успехами». Приведу лишь высказывания воспитанных людей, не употреблявших нецензурную лексику: «Сталину некогда было по стране кататься и мордой в ящике торговать!», «Мы сейчас под вашим руководством проживаем все то, что наработали руководители СССР после войны. А он не замечает!», «Да вы хоть галопом скачите вокруг своих кресел, а толку от вас — ноль!», «За

20–30 лет их правления количество русских в России из-за отрицательной демографии уменьшилось на 20–30 миллионов. Нацисты столько не смогли в войну убить. Гитлер и то лучше», «Опять одна лапша!», «А он ведь нацелился еще 12 лет на галерах провести», «Бесплатная медицина, жилье, образование, продукты без химии, санатории и до бесконечности. Да, совсем чувство реальности потерял. При Отце народов такое называли «головокружением от успехов» и давали лагерей», «Они шевелятся! Усадьбы себе строят, на великах катаются, на рыбалке, в Сочи на море, песенки в ресторанах распевают, пляшут. Ботексы себе колют».

Путинское хвастовство заставило задуматься многих, что же он наработал? Крупные российские госкорпорации по воле Путина получили миллиарды бюджетных средств, наши с вами миллиарды. И что? По оценкам экспертов, в ходе строительства железных и автомобильных дорог, возведения небывалых торговых центров, реставрации уникальных памятников архитектуры в России разворовывается как минимум пятая часть казенных денег. Порой в карманы нечистых на руку, зато приближенных к Кремлю компаний, уходит половина бюджета национальных мегапроектов, о которых так много и вдохновенно вещает Кремль.

Подобные проекты, как правило, курируют или президент, или премьер, и денег на них официальная Москва не жалеет, ибо знает, что делает и имеет волю это делать, в отличие от послевоенных советских лидеров. К примеру, в строительство Центра исследований и разработок в подмосковном Сколково в 2011–2015 годах Правительство инвестировало 3,2 миллиарда долларов, в подготовку зимней Олимпиады в Сочи в десять раз больше – 32 миллиарда долларов, а на саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) уже потратило ориентировочно 9,6 миллиарда долларов. Делим эти громадные суммы пополам, да пятой части их хватит, чтобы ахнуть: «Да уж, Путин знает, что делает!». В качестве типичного примера воровства, потрясшего бы воображение любого послевоенного лидера, приведем строительство дороги Адлер — Красная Поляна протяженностью всего 48 км. Как подсчитало российское издание Esquire, за потраченные на нее 7,3 миллиарда долларов эту трассу можно было выстелить сантиметровым слоем черной икры или щедро покрыть 22-сантиметровым слоем фуа-гра — это паштет из утиной печени, если кто из голодных российских налогоплательщиков не знает.

Если всерьез сравнивать восстановление из руин СССР после войны и так называемое «восстановление» России после развала СССР, то вот объективные факты и цифры. Европа по территории уступает России, а протяженность железных дорог у нас меньше в три с лишним раза. Аэропортов также почти в три раза меньше. По протяженности автомобильных дорог мы проваливаемся на фоне Бразилии, Китая, Индии. Но все эти железные и автомобильные дороги, аэропорты — советское, а не путинское наследие. В быстроразвивающихся странах Азии, в том числе КНР, ежегодный объем вложений в дороги и аэропорты достигает восьми процентов ВВП. В России же еще только планируется увеличить такие вложения с 3,5 процента ВВП в 2007 году до 4,5 процента к 2015 году. Да и те будут раскрадены.

Или, скажем, обладателей технологий в авиастроении в мире можно сосчитать по пальцам одной руки, но Россия при всей мощи, которая существовала в советское время в авиастроении, выпустила лишь недавно один новый гражданский самолет, и то вместе с итальянцами и французами. Даже Бразилия, где вообще не было авиапромышленности, смогла ее создать, а путинская Россия — только уничтожить и разорить созданное.

Как и по остальным показателям, касающимся знаний и технологий, путинское время — провальное. В России вузов, имеющих общемировое признание, меньше, чем в Бразилии, и значительно меньше, чем в Китае, не говоря уже о США и ЕС. Если же взять защиту патентов, то в 2008 году их было защищено в России 507. А японские компании защищают их по сто штук в

час. Вот наработки и заслуги Путина, хорошо знающего, что делать, в отличие от нерасчетливых советских послевоенных лидеров, положивших силы, жизнь на восстановление фабрик и заводов, на запуск первого спутника спустя лишь 12 лет после Великой Отечественной войны, на создание ядерного щита для СССР, на рождение наукоёмких технологий, на создание высочайшего образовательного уровня.

Сегодня мы тоже первые. Только ныне Россия лидирует в мире по количеству детских самоубийств, по употреблению героина, по экономическим преступлениям, по числу брошенных родителями детей, по количеству аборт, по потреблению алкоголя, по числу мигрантов, по смертности от заболеваний сердца, по дорожным авариям, по убийствам и грабежам. А еще Россия лидирует в мире по продаже нефти, газа, леса, других природных ресурсов, опережает все страны по числу наживающихся на ограблении народов России миллиардеров.

Технология самовосхваления, к которой подтолкнули Путина его кремлевские советники, с треском провалилась. На каждую цифру мнимых успехов гигантские цифры реальных потерь и утрат. Похвальбу и саморекламу пришлось спешно сворачивать. «Мордоделы» принялись лихорадочно искать, перебирать и опробовать последние предвыборные маски-шоу для Путина.

Прежде всего, пиарщики вспомнили давнее 2004 года изобретение — технологию «Путин стал другим». Тогда эта уловка поспособствовала президенту, собиравшемуся на второй срок, откреститься и отчураться от провалов собственного четырехлетнего правления. Но теперь за спиной Путина шел черной дырой двенадцатилетний провал политики, именуемый крахом России и геноцидом народа, и политтехнологам предстояла нелегкая задача заставить избирателей закрыть глаза на эту смрадом и безысходностью дышащую пропасть.

//- Черные ходы во власть — //

Генеральной репетицией протестного антипутинского голосования стали выборы в Государственную Думу 4 декабря 2011 года. Народ готовился «завалить» на этих выборах партию «Единая Россия» — рупор путинской политики и по совместительству клуб российских миллионеров и миллиардеров.

Но и запутинцы готовились действовать с циничной наглостью. Кремль заранее спустил всем думским партиям проценты голосования, которые они получают в результате выборов: 52 процента — «Единая Россия», 18 процентов — КПРФ, где-то по 15–12 процентов — ЛДПР и «Справедливая Россия». Утром 5 декабря Центральная избирательная комиссия России обнародовала свои результаты выборов в Государственную Думу. Явка составила 60,2 %. «Единая Россия» получила 49,54 %, КПРФ -19,16 %. «Справедливая Россия» — 13,22 %. ЛДПР — 11,66 %. Не преодолели барьер «Яблоко» — 3,3 %, «Патриоты России» — 0,97 %, «Правое дело» — 0,6 %.

Как был достигнут этот до головокружительной точности совпавший с предварительными планами Кремля результат? Приведем свидетельства наблюдателей: «У меня на руках официально и правильно оформленный протокол участковой избирательной комиссии 1701 в Москве, где я работал наблюдателем. Я сам был до конца подсчета и отвечаю за результаты. Вбросы, если и были, то минимальные. Вот РЕАЛЬНЫЕ результаты:

КПРФ — 285

Единая Россия — 271

Справедливая Россия — 218

Яблоко — 167

ЛДПР — 133

А вот какие результаты на своем участке я увидел сегодня на сайте ЦИК:

Единая Россия — 662

КПРФ — 295

ЛДПР — 133

Справедливая Россия — 118

Яблоко — 67

Это значит, что по сто голосов списали с «Яблока» и «Справедливой России», прибавили их «Единой России» и вбросили партии власти еще двести дополнительных голосов».

Все главные махинации на этих выборах были проведены не на избирательных участках, а в так называемых территориальных комиссиях, где наблюдателей меньше, договориться с ними легче, можно и подкупить, и утратить, и именно там состоялось переписывание протоколов голосования в пользу «Единой России».

Вот почему подлинные цифры голосования, где «Единая Россия» не дотягивала до 30 процентов, к вечеру выборного дня стремительно вырастали, приближаясь к искомому числу в 52 процента.

В ряде же областей «Единой России» не удалось набрать и трети голосов. В Ярославской области за партию власти проголосовали лишь чуть больше 29 % избирателей при явке в 49,43 %. В Иркутской области — 30 процентов за партию власти. В Сергиево-Посадском районе Московской области «Единая Россия» в среднем набрала по тридцать процентов голосов. Ее уверенно опережала КПРФ. В Забайкальском крае первое место вообще сначала занимала ЛДПР. Схожие ситуации наблюдались в Свердловской и Архангельской областях. Но эти провальные для «Единой России» цифры, поступавшие в первые часы после выборов, неожиданно превращались в более округлые и весомые конфигурации, приближающиеся к искомому 52 процентам.

В противовес «крамольным» русским краям и областям национальные республики показывали ошеломительные результаты при высочайшей явке граждан на избирательные участки. Речь идет о Мордовии (явка — 90,58 %, показатель «ЕР» — 92,13 %), Туве (70,68 %, 85,29 %), Чечне (93,31 %, 99,48 %), Дагестане (78,64 %, 91,55 %), Ингушетии (72,72 %, 90,96 %).

Чудеса наблюдались и в Москве. Поразительны результаты голосования на избирательном участке в МГУ. За партию «Единая Россия» здесь проголосовали 362 человека, за «Яблоко» — 475 человек, за КПРФ — 778 человек. В это же самое время в той же самой Москве в психиатрической больнице им. Гиляровского за партию «Единая Россия» проголосовали 93,14 % избирателей. Верно поется в знаменитой ныне песне «Наш дурдом голосует за Путина», и только за Путина, ибо на этом участке голоса избирателей получили еще лишь «Справедливая Россия», набравшая 6,07 % (23 голоса), и ЛДПР — 0,79 % (3 голоса). Остальные партии получили 0 % голосов.

По законам суровой статистики выходит, что интеллект страны поддерживает коммунистов и яблочников, а психбольные — исключительно «Единую Россию». Посмотрите, какое удивительное сходство за кого голосовать, у психов Москвы с гражданами республик Дагестан и Ингушетия. Такая же картина наблюдается, кстати, во всех следственных изоляторах страны. Там тоже единодушный порыв отдать голос за «Единую Россию». Как в дурдоме и в Чечне. А вот под Московский университет подравняли себя моряки Северного флота. Бунт военных моряков начался с экипажа подводной лодки, уходившей на учения с военно-морской базы Гаджиево, из-за того и голосовавшей досрочно. «Единой России» подводники отдали всего лишь пять процентов голосов. Военные с базы Западная Лица тоже проголосовали досрочно, и там «Единая Россия» набрала крохотные 10 процентов голосов. Практически как в Московском

государственном университете. Дагестан с Мордовией, Тува с Чечней, психиатрические больницы и тюрьмы, где содержатся подследственные, жизнью, устроенной им партией власти, абсолютно довольны. А вот ученые МГУ и моряки Северного флота вкупе с коренными русскими регионами — почему-то нет.

Результат, полученный партией власти на этих выборах, оказался настолько мал, что дотянуть его путем фальсификаций до 52 процентов никто не решился. Боялись народа, который мог повалить на улицы. Весь выборный день Москва жила на осадном положении, усиление милиции, ФСБ было феноменальным. На площади Революции разогнали националистов, сотню ребят избili и рассовали по воронкам. В понедельник, следующий после дня выборов, Кремль оцепили, к стенам и башням никого не подпускали, автобусы ОМОНа бдительно караулили сердце столицы. На Триумфальной площади число арестованных перевалило за триста.

Партия власти праздновала победу. Вот только все почему-то забыли, что на выборы не пришло 40 процентов избирателей. Это наши русские люди, которые не нашли своих лидеров в ручных, утвержденных Кремлем думских партиях. Ни одна партия в дебатах, в программах не ставила остро и жестко русский вопрос, ни один из лидеров оппозиции, не говоря уж о «тандеме», не обещал защитить гибнущую государство-образующую нацию. Русский вопрос замяли, затерли, зажевали, замолчали. Власть и оппозиция сделали вид, что его попросту нет. А он есть, и он ставится сегодня во многих умах и душах.

Итак, всеми правдами, а больше неправдами, партия власти набрала для себя 49,9 процента голосов, дала малость коммунистам, сильно потретила идейно и кровно близкой «Справедливой России», приподняла цифры у ЛДПР.

Закономерен вопрос: что это было — победа или поражение Путина, репетирувавшего этими выборами свой новый прорыв во власть?

Зарубежные СМИ расценили 49,5 процента партии власти как поражение: «Голосование на выборах в Государственную Думу 4 декабря стало голосованием о доверии премьер-министру РФ Владимиру Путину — такого мнения придерживалось подавляющее большинство зарубежных СМИ. Несмотря на победу партии власти, результаты выборов показали, что россияне устали от человека, руководившего страной последние 11 лет, и дальнейшее политическое будущее Путина выглядит не столь безоблачным.

«"Единая Россия", правящая партия Владимира Путина, потеряла доверие миллионов россиян», — так писала 5 декабря британская *The Daily Telegraph*. По сравнению с предыдущими парламентскими выборами, на которых единоросы набрали 64 процента, нынешний результат издание охарактеризовало как «серьезную кровопотерю». Агентство Reuters отметило, что выборам навредила рокировка Путина с Медведевым: «Многое указывает на то, что избиратели чувствуют себя обманутыми в связи с решением Путина поменяться с Медведевым», — пишет агентство, добавляя, что еще 12 лет президентства Путина являются для россиян «удручающей перспективой». В связи с этим авторы ожидали, что «возвращение премьер-министра в Кремль может быть сопряжено с неожиданными трудностями. Граждане России начали думать, что Путин засиделся во власти». Из всех западных изданий наиболее апокалиптически по отношению к будущему Путина и «Единой России» оказалась настроена именно *The Washington Post*: «Еще несколько месяцев назад это казалось немыслимым, но ореол неуязвимости вокруг партии Владимира Путина начал рассеиваться», — заявляли вашингтонские журналисты. «Россияне начали уставать от человека, который доминировал в российской политике на протяжении более десяти лет», — писала *The Associated Press*, осторожно отмечая, однако, что вряд ли что из-за этого у него возникнут трудности с возвращением на пост президента. Тем не менее, — заключает агентство, — результаты выборов показали, что популярность «Единой России» неуклонно сокращается, поскольку партия все

больше воспринимается как представитель интересов коррумпированной бюрократии».

Чем же Путин ответил на народный протест, высказанный голосованием? Он сказал, что будет продолжать следовать избранным курсом, так как его поддержало большинство избирателей. И где же это большинство? Явка на выборы составила 60 процентов. Из этих 60 процентов за партию власти проголосовало 49 процентов, то есть меньше половины явившихся, что от общего числа избирателей составляет меньше тридцати процентов. Где же тут большинство? Так ведь и это большинство сфальсифицированное!

Какова же была перспектива стремительно теряющего голоса и популярность Путина в президентской гонке?

Только массовая безудержная фальсификация, только вбросы, карусели, подлоги, переписывание протоколов. Причем эта фальсификация должна была стать повальной, чтобы достичь громадного отрыва Путина от конкурентов. Такова еще одна технология удержания власти захватившими трон. Она состоит в том, что кандидат в президенты может быть уверен в своей победе, но он все равно должен манипулировать выборами, чтобы не просто победить, а победить с огромным отрывом. Вспомним российские выборы 2004 года: популярность Владимира Путина делала его победу очевидной. Но в 2004 году была осуществлена крупномасштабная подтасовка голосов на целых 10 миллионов, то есть на одну пятую. В результате отрыв Путина от его соперника оказался огромен: 49 миллионов голосов против 9 миллионов. Нечто подобное политтехнологи устраивают с выборами в современных Нигерии, Замбии, Йемене.

Каковы же причины, которые заставляют властителей пускаться в массовые фальсификации? Огромный отрыв кандидата, демонстрирующий его силу и власть, облегчает победу на следующих выборах. Заметьте, «сила и власть» в данном случае не означают легитимности. Население знает, что кандидат мухлюет. Его выигрыш не гласит о его легитимности или о популярности, народной любви. Его выигрыш говорит только о его силе — подавлять, мухлевать, запугивать. Это приводит к апатии среди населения и рождает в обществе ощущение того, что голоса избирателей ничего не значат и голосовать не имеет смысла. В результате во время следующих выборов кандидату понадобится меньше усилий, чтобы победить. А честный и совестливый человек просто не пойдет на выборы, потому что будет считать их бессмысленными. По подсчетам социологов, основанным на опросах избирателей в 56 странах мира, люди, которые не верят в честность выборов, ходят на них значительно реже, чем люди, уверенные в том, что выборы честные. Подобная апатия распространяется не только на избирателей. Она охватывает всех значимых участников избирательного процесса: финансистов, бюрократов, политиков, которые выбирают, в составе какой партии им баллотироваться.

И выбирают, конечно, подавляющую всех силу властителя. Так рождаются узурпаторы, ведущие страну к краху.

Вторая причина фальсификаций на выборах в том, что победа с большим отрывом и сопряженная с ней угроза силы способствуют ослаблению оппозиции и облегчают процесс управления. Вспомним Бориса Ельцина. В 1996 году он лидировал на выборах с ничтожным отрывом, и его «слабая» победа с небольшим перевесом активизировала оппозицию. С другой стороны, взглянем на Путина. Бывшие оппозиционеры сразу же после выборов 2004 года потянулись в его команду, продались. Многие до сих пор успешно изображают оппозицию, находясь под полным контролем Кремля.

Репетиция президентских выборов Путина в виде думского плебисцита показала, что черные ходы во власть стали узкими и тесными, и протиснуться в них постылому правителю вместе с его командой поделщиков будет нелегко, тем более что времени на раскрутку новых

выигрышных личин для Путина оставалось категорически мало.

Решились на рискованный шаг — срочно слепить из Путина образ общенационального русского лидера, тем более что сорок процентов избирателей, которые не пришли на думские выборы, — это были те русские, что не нашли в избирательном списке свою русскую партию, от малейшего намека на которую было зачищено российское политическое поле. Именно им надо было навязать образ Путина как выбор русского народа.

//- Последний рывок на трон — //

По истечении двенадцати лет правления пиартехнологи Путина опробовали массу всевозможных технологий его воцарения и сохранения на президентском стуле. Но для последнего рывка во власть на новые двенадцать лет предстояло спешно изобрести ключевой, особо выигрышный прием обольщения народных масс.

Проект «страх передоранжевой революцией» был разработан в России довольно давно, еще в 2005 году политтехнолог Глеб Павловский предложил использовать стойкую народную неприязнь к либералам-демократам, раздув угрозу их возвращения во власть при поддержке и покровительстве столь же ненавидимой народом Америки. Уже тогда опробовали первые шаги по негативной «раскрутке» российских либеральных лидеров, прошедших школу «оранжевой революции» на Украине, — Немцова, Шендеровича, Киселева. Суть проекта состояла в том, что средства массовой информации начинали голосить об оппозиции к власти, якобы сильной, мощной, многолюдной, а потому особо опасной под предводительством подлейших персонажей, изрядно навредивших России и продавшихся Америке и Западу. Причем если о настоящих русских лидерах и вождях российские СМИ всегда тщательно умалчивали, то либеральных оппозиционеров пиарили громко и звучно, со всеми черными подробностями их биографий распродавцов России и русского народа. Народная память вмиг восстанавливала картину былой беды, затеянной этими самыми «врагами народа», и судорожно вцеплялась в кандидата Путина как единственного спасителя от возвращения страны в лихолетье девяностых.

В 2005-м этот сценарий не понадобился, потому что и сам Путин тогда еще довольно стойко ассоциировался с Ельциным и его поделщиками — Немцовым и Собчаком, у которого был в подручных. А в 2012 году все уже как-то успели подзабыть, что Путин торговал Россией в лихие девяностые не хуже Немцова и Собчака, просто был слишком маленькой сошкой и не на виду. Пришло время использовать в предвыборной игре шулерскую козырную карту, давно припасенную Павловским.

Сразу же, как по мановению руки, наступила в России смута. Смута — это когда муть перед глазами, и не видно горизонта, и не понятно, куда двигаться, и не веришь никому из вожаков, мутных, как самогон, заговаривающих зубы, как цыгане. Смута! Непроглядная муть, вязкое тесто из слов и лозунгов, которое замесила власть, выпустив многоликих демонов из демократического ада. Тут тебе и либералы всех шерстей, тут и коммунисты с капиталистическим мурлом, тут и олигархи с человеческим лицом, и все зовут за собой, все агитируют за свое счастливое завтра, куда обещают непременно довести уставший верить им народ.

В декабрьские дни 2011 года в Москве прошли митинги протеста против нагло сфальсифицированных властью думских выборов. Их было много, этих митингов. И самое главное, они были многолюдные. Впервые в России на Болотную площадь разом вышло 60 тысяч человек. Доконали людей, достали, довели до ручки! Но странно, что эти митинги почему-то не запрещали, их даже рекламировали, показывали по телевизору народный протест!

Официальные организаторы — так называемые либералы, получившие от властей «добро» на мероприятие, прекрасно осознавая, какая мощная живая сила соберется на Болотной в первый после выборов выходной день, фактически заманили протестные легионы в «котел», стиснутый ледяными жилами Москвы-реки. Развертывание народного наступления на Охотный ряд, Лубянку и Красную площадь было здесь заранее обречено на поражение, поскольку все пути отсекались мостами.

Это продуманное действие было организовано уже негативно раскрученными властью и ее средствами массовой информации Немцовым, Касьяновым, Рыжковым и прочими либералами, и внезапно оказалось, что десятки тысяч граждан явились участниками, а фактически заложниками «оранжевого» митинга. Именно поэтому протестное движение было превращено в толпу, замерзшую, уставшую, опустошенную, настолько опустошенную, что ничего не стоило ее с легкостью рассеять. И надо признать, что со своей задачей немцовы-шендеровичи-касьяновы-рыжковы справились гораздо лучше дубинок и водометных машин.

Ораторы в своем большинстве напоминали парад нафталиновых марионеток Ельцина, которым было плевать на свист и мат, в их сторону летящий с площади. Они отбывали номер, с готовностью демонстрируя перед российской властью, что вот уже ухватили революционную удачу за хвост и возглавили русский народ, требующий перемен.

А в это время за сценой под покровом полицейского оцепления, в тишине от людских глаз проходила обычная тусовка участников и гостей «мероприятия». Здесь прогуливался Сванидзе, шастала Маша Гайдар, пыхтел правозащитник Лукин, презрительно из-за угла сцены разглядывал народное море Гудков. Подавали горячие напитки, шла степенная беседа о либеральных перспективах России.

Но люди — люди не расходились: никто до конца не верил, что колоссальное усилие собраться такой могучей массой было напрасно. Ведь завтра каждый мечтал проснуться в другой стране. Так жгучие ожидания перемен за четыре часа усилиями либералов-тусовщиков выморозились улицей и политической пошлостью ораторов. Толпа, тяжелая и раздавленная, рассосалась по метро и кабакам, мечтая согреться.

Кто же возглавил протестующих на Болотной площади? Те, кто первыми заваривали в начале девяностых кровавую похлебку русского геноцида — Немцов, любимый пасынок Ельцина, Касьянов, бывший любимый премьер-министр Путина, Сванидзе — рупор ненависти к русскому народу во все либерально-демократические ельцинско-путинские времена. Глядя на них, здравомыслящие русские люди с изумлением восклицали: «Да нет же, нет, это не наши вожаки, это чужаки. Будем искать других!»

Зачем искать?! Есть такой вожак и лидер! Путин возглавит поход против ненавистников России с Болотной площади. Такую идейку и подсунули избирателю в четком соответствии со своим сценарием хитроумные кремлевские политтехнологи. Вот почему все предвыборное словоблудие Кремля и лично Путина стало с той поры военно-маршевым, патриотично-наступательным, боевым.

Агугт подоспел и ответный митинг, как военное ополчение вопреки наступающему на Москву либерализму, — уже 12 декабря, в день Конституции, на него вышли члены «Единой России», их тоже много — 15 тысяч. Как гласили инструктивные письма «Единой России», по десять человек было прислано от каждой организации Москвы. Действительно, чем не ополчение, практически 41-й год, битва за Москву. И лозунги боевые: «Страну не отдадим!» Правда, настроение этой толпы было не очень боевым. Люди шли бодро, женщины кокетливо хихикали в объектив видеокамеры, мужчины недовольно отворачивали лица, студенты ребячливо махали флажками, гастарбайтеры, которых присылает мэрия, кривили угрюмые улыбки. Первое ополчение запутинцев вышло комом: если толпа на Болотной была спяна

протестным духом, то здесь все люди блуждали как бы сами по себе, вроде погулять вышли. Пятидесятилетний мужик с намозоленными руками, одетый просто, даже бедно, затесался среди стайки юных девиц из движения «Наши». Его спрашивают журналисты: «Вы тоже из «Наших»?» — «Да», — важно кивает он, плохо соображая, что годами не вышел. — «А кого вы знаете из вождей «Единой России»?» — донимают его журналисты. — «Никого не знаю», — пожимает плечами митингующий сторонник «Единой России».

Выступления на заказном властном митинге были карикатурно боевые, но кто на митингах готов размышлять о содержании речей? Особенно выделялись милитаризмом высказывания лидера Федерации независимых профсоюзов России Михаила Шмакова, который заявил, что профсоюзные организации поддерживают политику кандидата в президенты Владимира Путина, в таких словах: «Сегодня мы вновь говорим, что наша Конституция работает, — сказал Шмаков, — и дает нам право жить и защищать наше социальное государство. Наш выбор, наша поддержка Владимиру Владимировичу Путину». Ключевое слово защищать многократно звучало с трибуны кремлевского митинга, программируя на военный лад сознание многомиллионных масс, припавших к телевизору. Задавая риторический вопрос «Кто сегодня против Путина?», Михаил Шмаков обличил врагов Отечества, с которыми чудо-богатырь Путин, поддерживаемый «Народным фронтом», поведет беспощадную войну: «Олигархи, владеющие большинством средств массовой информации — газетами, телевидением, радио!» Мало кто вспомнил тогда, что в России уже давно все СМИ верно служат власти и Путину и действуют только по указке Кремля. А олигархи, те, что рыпнулись было фигурировать самостоятельно, давно в тюрьме или эмиграции. Но это было совершенно не важно. И впрямь, какое отношение имеет выборная кампания Путина к действительности? Да никакого! Изначально был расписан сценарий спектакля, недаром в главы выборного штаба Путина поставлен кинорежиссер Говорухин, а в подручных у него опять-таки кинорежиссеры Михалков и Кургинян.

Почему именно военный клич «оборона Москвы и России» стали прорывной технологией последнего похода Путина во власть? Да потому, что все другие технологии были исчерпаны, а уговоры народа проголосовать за Путина натыкались на справедливый отпор: «За двенадцать лет ничего для людей не сделал, значит, и ждать нечего». Но вот военная година, внешний враг, иноземные полчища, посягающие на родное Отечество, — это же совсем другое дело! Русский человек способен забыть личные неприязнь и обиду, если опасность грозит его Родине. На это и была сделана Кремлем циничная ставка.

//- Крах технологии «Путин стал другим» — //

Действительно, истошный вопль «Путин стал другим, он будет настоящим патриотом, он проведет настоящие реформы, он сделает жизнь народа еще краше!» звучал в каждом доме чуть ли не из утюгов и рукомойников, это отработывали свои немалые сребреники политтехнологи, газетчики, телевизионщики, чиновники, но простому люду в собственном быту легче всего было сравнить слова Путина с его делами, чтобы вновь не попасть на крючок путинско-олигархической диктатуры на очередные двенадцать лет.

Вот Путин объявляет о своем достижении: средняя зарплата по стране достигла тридцати пяти тысяч рублей, правда, спустя месяц оговаривается — тридцать две тысячи рублей, правда, потом статистические публикации вносят аккуратную поправочку — 22 тысячи рублей. Народ изумляется высоким цифрам собственного достатка, но каждый думает: «Я-то почему нищенские деньги получаю? ну, это, наверное, у нас на предприятии (в нашей больнице, школе, библиотеке, на фабрике, стройке, электростанции.) вороватое начальство, а страна-то

благоденствует. Двадцать две тысячи! — на них не оголодаешь. И ребенка, хоть одного, да прокормишь».

Но сколько-нибудь думающий избиратель глядит в статистику, не в предвыборную, а в официальную, уточняет средние зарплаты по отраслям: «И где здесь обещанные 22 тысячи?»

Вот они, официальные цифры зарплат в разных отраслях России, там, где, как утверждал кандидат в Президенты Путин, у нас зарплаты выросли до небес, и это убийственные цифры:

— в сельском хозяйстве и лесной промышленности средняя зарплата в 2011 году составила 5 тысяч рублей, в 2012-м возросла до 5300 рублей;

— в производстве пищевых продуктов средняя зарплата как была, так и осталась 12 тысяч;

— в текстильном производстве — 11 тысяч;

— в обработке древесины — 6 тысяч.

Так, может быть, в тяжелой промышленности и на вредных химических производствах труд ценится выше? В тяжелой металлургии — это горячие цеха, литье, — средняя зарплата 14 тысяч рублей, на химическом производстве и того меньше — 12 тысяч! И это, повторяю, при официально заявленных 22 тысячах средней зарплаты по стране. Не дотягивает и строительство — здесь средняя зарплата 17 тысяч,

Не обнаруживается в официальной статистике и сумасшедшего роста зарплат учителям и врачам, который был так помпезно разрекламирован Путиным. В образовании средняя зарплата — 13 тысяч рублей, в медицине — 15 тысяч. И вновь до средних по стране 22 тысяч ох как далеко! Торговля тоже не приносит обещанных доходов — здесь средняя зарплата 12 тысяч.

Так кто же получает в России зарплату, обещанную и подписанную кандидатом в президенты Путиным, который говорит, что главное для него, «нового другого Путина» — это реальные дела по улучшению жизни российских граждан?

Добыча полезных ископаемых — зарплата 27–30 тысяч рублей. Транспорт и связь — 33 тысячи рублей. Финансовая деятельность — 40 тысяч рублей. Военная безопасность — 2528 тысяч рублей. И такая же средняя зарплата — 25–28 тысяч в органах государственного управления, у чиновников.

Не соврал Путин. Повысил среднюю зарплату, и она действительно стала 22 тысячи, а то и выше, но не у всех, а только у тех, кто выкачивает из русской земли наши природные ресурсы. Зарплата повышена тем, кто вывозит природные ресурсы за рубеж, кто обслуживает и охраняет эти предприятия, кто обеспечивает и проводит грабительские сделки. Эти работники нужны, полезны системе, а остальных-то зачем кормить, поить. Пусть вымирают.

И ведь ясно, что простому люду при Путине — и былом, и новом — ничего не остается, кроме как вымирать. Фиксированный набор потребительских товаров и услуг стоит в России 9 тысяч рублей, минимальный набор продуктов питания оценивается в 2419 рублей. Средней зарплаты крестьянина хватает лишь на то, чтобы не умереть с голоду. Средней зарплаты учителя, врача, продавца, текстильщика, металлурга, строителя не хватает, чтобы прокормить семью из двух человек! Целые отрасли нищих людей, такие как культура, где главный научный сотрудник и доктор наук получает 15 тысяч рублей, — это же нищенское пособие, на которое невозможно вырастить ребенка. Путинские власти подталкивают нас к вымиранию, организовав дело так, что есть полезные для мирового сообщества сферы производства и управления, где работники будут и должны получать достойную зарплату, а есть бесполезные для мирового правительства отрасли нашего русского хозяйствования, где работники будут и должны вымирать сами собой, отрасли будут и должны как бы самоуничтожаться, и тем самым освобождать землю для более выгодных мировому сообществу особей и производств.

Кто как не Путин за минувшие двенадцать лет организовал нам это медленное всенародное вымирание? Этот здоровый вопрос пресекал все попытки пиар-технологов и их наемников

убедить народ, что «Путин стал другим». И уже мало кто продолжал зачарованно верить его рекламным походам по школам, больницам, фабрикам, шахтам.

И как не задуматься было народу об итогах правления Путина? Исследования Института социологии РАН 2011 года показывали, что 59 % населения России — бедняки, средний класс — всего 6 %. Но по меркам западных стран, к неблагополучным слоям населения у нас в России относятся 94 % граждан. Критериями для определения достатка был взят среднемесячный доход на одного члена семьи. Чтобы попасть в категорию бедных, нужно иметь менее 5 801 рубля на человека, малообеспеченного — 7 562 рубля, относительно благополучного — от 14 363 рублей в месяц. Считайте сами, куда вы попадаете при таких подсчетах, если конечно, вы работаете не в банке, не в Газпроме, не в РЖД, не в полиции.

В России сложилась страшная для государства ситуация, которую социологи называют «работающая бедность»: когда человек работает не покладая рук и не может прокормить ни себя, ни семью. Российская бедность не сокращалась никогда за эти двенадцать лет. К концу первого полугодия 2011 года число находившихся за чертой бедности и у черты бедности, фактически — нищие, по данным Росстата, выросло по сравнению с аналогичным периодом 2010 года — с 13,5 % до 15 %.

Каков он, работающий российский бедняк путинской эпохи: средний его возраст 47 лет, тогда как среднему представителю среднего класса — 42 года, а среднему богачу — всего 33 года. Наивысшая концентрация нищеты среди молодежи в рабочих поселках: там 25 % людей младше 30 лет — за гранью и на грани бедности, в крупных городах их — 16 %.

Если брать социальные классы, то наибольшая концентрация бедности сосредоточена среди рабочих — 63 % рабочего класса бедняки и нищие. Сегодня рабочая специальность автоматически означает попадание в нищету. Очень велико число лиц с высшим образованием среди бедных — 27 %.

В Западной Европе человек, имеющий легальный заработок, не может попасть в бедняки. Интересно также и субъективное восприятие бедности в России и Европе. В рамках исследования «Евробарометр-40», задавался вопрос: есть ли в вашей местности люди, оказавшиеся в состоянии бедности? В целом по Европе 34 % респондентов ответили, что таких людей у них нет. В России же лишь 4 % заявили, что рядом с ними нет бедных.

Этот же опрос показал, что в Европе люди чаще всего ответственность за бедность возлагают на самого человека. 57 % опрошенных ответили, что виной попадания в стан бедняков — алкоголизм и наркомания, вторым ответом была «длительная безработица» -54 % (разрешалось давать несколько ответов). В России же основной причиной стали «невыплаты зарплаты на предприятии» — 47 % (в Европе этот вариант ответа отсутствовал как немыслимый). Далее шли ответы «болезнь, инвалидность» (37 %), «недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению» (37 %). Это позволило социологам сделать вывод, что основная причина появления бедности в России — не лень русского народа, как нам пытаются внушать, а экономические факторы и состояние рынка труда. Говоря простым русским языком, политика Путина, приведшая к вымиранию населения.

Не поверили граждане России, что «Путин стал другим». Не помогли ни повышение зарплат и пенсий, ни отсрочка с января по июнь повышения квартплат, ни сдерживание до выборов роста цен на энергоносители.

Люди отчаянно искали выход иной, кроме как на всероссийский погост имени кандидата в Президенты России В.В. Путина. И находили такой выход — не верить Путину и не выбирать его в президенты, блокировать незаконную президентскую кампанию, поставив под сомнение «всенародную избранность» опостылевшего Владимира Владимировича.

Военная риторика вкупе со сценарием «оборона «Москвы и России от внешнего и внутреннего врага» стали единственным выходом из катастрофически шаткого положения кандидата в президенты Путина, ибо только «военная угроза» могла хоть на время сплотить вокруг него доверчивую и послушную телевизионную массу.

Чтобы окончательно обозначить американско-либеральную угрозу, власти дали возможность народу собраться на проспекте Сахарова, куда вышло уже сто тысяч человек. Либералы, щедро проплаченные Чубайсом, подготовились к мероприятию основательно. Белые ленточки, воздушные шары, дорогая озвучка, шикарная трибуна. Митинг на Сахарова собирали «Эхо Москвы», «Московский комсомолец», «Новая газета», «Русская Служба новостей», «Комсомольская правда», телеканал «Дождь» и еще несметное количество каналов и газет. Большинство из них — послушные марионетки в руках режима Путина, и смешно было ждать оппозиции к кормильцу от его собственных слуг и прихлебателей. Но вдруг они, пусть и на коротенький миг, но встали к нему в оппозицию! По чьему приказу? Американский след в собирании митинга старательно обозначало радио «Свобода», не упускавшее ни единого штриха из частной и общественной жизни Немцовых, Рыжковых, Навальных и Удальцовых. Проспект Сахарова, по мысли кремлевских политтехнологов, должен был показать расстановку сил в грядущей «обороне Москвы и России», должен был изобразить нашествие врагов на мирных и честных добропорядочных граждан, жаждущих процветания России под руководством Владимира Путина. И это замечательно удалось.

Изумленная публика, собравшаяся на проспекте Сахарова, увидела на трибуне весь цвет путинского окружения далекого и недавнего прошлого: не только уже примелькавшиеся Рыжкова, Немцова, Касьянова, но и Кудрина — бессменного путинского министра финансов, Ксению Собчак — путинскую любимую крестницу, Ирину Ясину — дочку ельцинско-путинского министра экономики, Льва Пономарева и Сергея Ковалева, ельцинских правозащитников обиженных евреев и чеченов. Их речи долго и назойливо транслировали по телевизору, убеждая ошеломленных избирателей: «Вот кто хочет падения Путина! Вы что, вместе с ними, с этими врагами России? С этими друзьями Америки, получающими инструкции от посла Соединенных Штатов? А если вы не с ними, значит, вы должны быть с Путиным, который даст им отпор!».

Обратим внимание на характерный факт: на проспекте Сахарова националисты готовили захват трибуны, чтобы дать слово представителям русского народа — Борису Миронову и Сергею Бабурину. Пятьдесят тренированных молодцов попытались расчистить дорогу в толпе и были встречены и отброшены державшим либералов в бережном кольце отрядом. Федеральной службы охраны! Вот кто оберегал трибуну «врагов будущего Президента» — личная охрана будущего Президента!..

Следующая сцена этого спектакля в масштабах нашей несчастной страны должна была продемонстрировать отпор игрушечному, нарисованному в кремлевском сценарии американско-либеральному врагу.

4 февраля в Москве прошли два митинга — за путинский и оппозиционный — на Поклонной и на Болотной площадях, по которым развели русских людей. Развели в буквальном смысле слова, потому что на каждом из митингов было около ста тысяч человек. Но развели русских людей и в фигуральном, символическом смысле этого слова, когда два нерусских человека — Сванидзе (грузинский еврей) и Кургинян (армянин) с экрана телевизора призвали русских поддержать каждый свою нерусскую сторону. Это очень точное для состоявшегося

действия слово — РАЗВЕЛИ. Развели — это когда человеку указывают сразу два пути, и оба отвратны. И внушают ему: хочешь — не хочешь, а надо выбирать одно из двух зол. И никто не обмолвился о третьем пути — о русском пути. Стоит лишь о нем заговорить, как тебя снимают с выборов, шельмуют или замалчивают, обзывают фашистом или патологическим ненавистником Путина.

4 февраля в оппозиционном протестном шествии с Калужской площади на Болотную площадь было не менее ста тысяч участников. Это не были сторонники Немцовых, Рыжковых или Навальных. Нет, это люди, которые понимают всю преступность действующей власти и готовы протестовать против нее хоть с чертями типа Немцова и Навального. Лишь сто человек в этой огромной массе было ангажированных, купленных либералами — сторонники миллиардера Михаила Прохорова. Тоненький ручеек каких-то ошипанных дамочек, потертых старичков, бодрых молодок с белыми шарфиками, на которых пропечатано «Михаил Прохоров», продирались сквозь колонну националистов, осыпаемые насмешками и глумливыми вопросами, сколько стоило их присутствие здесь с дешевой рекламой миллиардера. Старички сердито прятали глаза, молодки раздраженно отбреживались, что работают бесплатно, дамочки нагло и с вызовом шипели: «Фашисты!» Была еще небольшая, с полтысячи компания «яблочников», каждый из которых держался за свое белое пораженческое знамя двумя руками, наверное, чтобы не отняли. Остальные пришли сюда сами, без команды, отвергая, отрицая, ненавидя путинский режим. Режим лжи, продажности, презрения к народу, режим жесточайшей эксплуатации народа и, что омерзительнее всего, режим наглого вранья, что жить при Путине стало лучше и веселей. Людской поток, двигавшийся на Болотную, растянулся от метро «Октябрьская» до набережной — несколько километров плотной и хаотичной людской массы. Она была неорганизованная, каждый шел сам по себе, каждый был одиночка, бросивший вызов своей робости, семье, которая уговаривала его поберечь себя, начальству, которому могли донести полицейские, если вдруг дело дойдет до проверки документов. И лишь пятитысячная колонна русских националистов шла организовано и четко, бросая в толпу, в милицейское оцепление, бежавшим по бокам зевакам жесткое требование, резавшее уши либералам-организаторам: «России — русскую власть!». Но средства массовой информации как бы не услышали этот лозунг, они мусолили другой, либеральный клич оппозиции — «За честные выборы!». Нам-то, русским, какая разница: честно или бесчестно будет выбран Путин или Немцов. И тот, и другой грабители, разорители русской земли, убийцы русского народа. Какими бы трижды честными ни были предстоявшие выборы, но вся система власти такова, что истинно русский человек, действительно способный спасти народ от порабощения и уничтожения, пройти во власть не может, его убирают уже на самых дальних подступах к выборам. Так при чем тут честность выборов, если бессовестна, не честна сама система власти. Лозунг «За честные выборы!», который мусолили либеральные оппозиционеры и с готовностью, будто по договоренности с ними, подхватили кремлевские политтехнологи, был мошеннический пиар-ход, отвлекавший русский народотподлинно назревших требований «Правительство и Путина — под суд!», «России — русскую власть!».

В тот же день на Поклонной горе собрались сторонники власти, ряды которых набирались административно-командным путем. Перебежчиков из оппозиции там было мало, но административного ресурса хватило, чтобы картина получилась внушительной. Впрочем, людей, внезапно почувствовавших симпатию к Путину из одной лишь антипатии к либералам, старательно уговаривали, что митинг на Поклонной собирается не за власть. Кургинян просто горло сорвал, вопя, что он против власти, но, орал Кургинян, еще больше он «против оранжевой революции». Однако, явившись туда, люди могли воочию увидеть, что лозунги на Поклонной были все запутинские, многие люди пришли не добровольно, они были собраны, а то и согнаны с предприятий, по разнарядке, под угрозой увольнения или сокращения. Руководителей

подразделений Сбербанка, начальников отделов и заведующих обязали идти на Поклонную под угрозой увольнения. Московская энергетическая компания принудила своих сотрудников идти на Поклонную, обещая им премию в пять тысяч рублей.

Разглядывая ораторов на Поклонной, люди с изумлением узнавали в них весьма уважаемых, порядочных вроде бы персонажей. Их появление в путинской выборной кампании на ключевом ее этапе не случайно. Это был, что называется, «засадный полк власти», долго не выдававший своей привязанности к Путину. Вот Сергей Кургинян, почему именно он призвал народ на Поклонную гору на запутинский митинг? А с ним известные своей критичностью к режиму Доренко, Проханов, Шевченко? Именно потому, что эти люди многие годы выказывали себя рьяными противниками Путина. Кургинян весь прошлый год вел со Сванидзе передачу «Суд времени», где клеймил антинародный ельцинско-путинский режим. Вел себя как честный, порядочный человек. Доренко возглавил радио «Русская Служба новостей», где в радиоэфире высмеивает ужасы путинизма, Проханов двадцать лет возглавляет оппозиционную газету «Завтра», которая в принципе всегда была против режима. Шевченко на НТВ ведущий острейших передач. А еще Пушкин, что вольнодумствовал на телеканале ТВЦ против власти. И вдруг! Вдруг все эти люди возопили: «Путин — наш Президент! Путин — спаситель Отечества! Путин — наше будущее! Либеральный враг не пройдет!» А циничная Ксения Собчак, ненавистный Сванидзе, дочка ельцинского министра Ирина Ясина, путинский премьер-министр Касьянов, путинский министр финансов Кудрин, путинский миллиардер Прохоров стали, наоборот, Путина ругать и клеймить. Какое сумасшествие в головах народа. Честные и совестливые, как нам казалось, люди, которым мы доверяли, говорят теперь, что черное — это белое. А ненавидимые нами гады и недавние поделщики Путина, которых мы знаем, как исключительно людей тьмы и зла, оказываются белыми?!

Так шаг за шагом осуществлялась технология последнего рывка Путина во власть. Суть ее такова. Народ сводят с ума перекодировкой добра и зла. Явное и неприкрытое зло обещает то, о чем народ мечтает, а добро, в котором мы всегда были уверены как в непререкаемом добре, зовет нас голосовать за бесов. В головах возникает дьявольская путаница. Людям трудно сразу поверить, что Кургинян — это многолетний наемник Путина, и исполнял по телевизору всего-навсего РОЛЬ абсолютного добра в противовес давнишнему певцу путинского режима Сванидзе, которому зло и играть не надо, он сам — живое воплощение зла. Но еще труднее представить, что Ксения Собчак, Кудрин, Прохоров, Рыжков РАЗЫГРЫВАЮТ свои роли противников Путина. Ибо такого цинизма русская душа представить не может. Мы слишком искренний народ. А ведь они именно разыгрывали перед народом спектакль под названием «война либералов с Путиным», ибо всем им деваться некуда. Для них всех режим Путина — это единственная форма существования, любое русское протестное действие сметет их с лица земли, поэтому раз поручили роль, то надо ее исполнять. Хоть разорвись. И либералы исправно играли роли, заданные им путинскими политтехнологами. И представляли перед ошеломленным народом — так называемый «противник путинских реформ» — бессменный творец этих реформ министр финансов Кудрин, якобы антагонист Путина богатей Прохоров, который именно благодаря Путину устал еще богаче, крестница Путина Ксения Собчак, которая без Путина не сгодились бы и на роль питерской девушки по вызову. Всем им дали телевизионный эфир, где они доходчиво доносили до народа, как и за что не приемлют путинский режим. И такую же телевизионную трибуну дали Кургиняну с Прохановым, чтобы те убеждали народ, что, хотя лично они не за Путина, но Путин — это меньшее по сравнению с либералами зло.

Решающую «битву за Россию» в Кремле назначили на 26 февраля 2012 года, когда либералы должны были замкнуть людским кругом Садовое кольцо, это действие показывали уже вяло, делая акцент на том, что оппозиция смята и раздавлена.

Запутинцев же собрали в Лужниках, где их лично благословил на бой сам Владимир Владимирович. Это самое «благословение», по циничному замыслу пиарщиков, должно было всю Россию поднять на «священную защиту Отечества». В приготовленной спичрайтерами речи Путина воззвание к войне довели до исступления и истерики. В ход пошли даже хрестоматийные строки Лермонтова на Бородинскую годовщину «Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали, и умереть мы обещали.». В Лужниках, конечно же, никто умирать не планировал, ни Путин, ни его снова согнанный со всех концов России электорат, но трансляцией этой военно-патриотической риторики страну еще раз зарядили программой войны с американо-либеральным врагом, жаждущим захватить Родину. Страну вновь загипнотизировали командой — только вместе с Путиным отстоим Отечество. Тем более что сразу после путинского призыва умереть грянула в Лужниках песня группы «Любэ» «Батяня-комбат», которая вживила в подсознание российских плохо соображающих простаков образ Путина-полководца.

Политтехнология «война с врагами Родины, борьба с оранжевой революцией» увенчалась путинским успехом. В день выборов, когда голоса еще не подсчитали, когда обработали всего 25 процентов бюллетеней по всей стране, Путин и его команда спешно согнали «митинг победителей» на Манежной площади. «Мы победили!» — кричал с трибуны торжествующий Путин, исполняя роль товарища Сталина на Параде Победы. И слезы катились у него из глаз. Слезы от стылого, пронизывающего ветра, что гулял по Красной площади, предвещая грядущий бунтопамятовавшегося русского народа.

//- Оживут ли мертвые души избирателей Путина — //

Президентские выборы 2012 года состоялись, окончательные и бесповоротные. Путин прорвался во власть на очередные двенадцать, или на шесть лет, а может быть, на год-два. Последний рывок во власть куплен дорогой ценой: всего пятнадцать процентов населения сознательно и убежденно голосовали за Путина. Это те, у кого жизнь при Путине удалась, а народ и Родина их не волнуют. Тридцать пять процентов голосов электората получены самым циничным путем — путем телевнушения и телегипноза, путем развязывания военной истерии и искусственного нагнетания страха перед «оранжевой угрозой». Но пятидесяти с небольшим процентов голосов было бы Путину слишком мало для уверенной победы, которую невозможно было бы заподозрить в подтасовках. Требовался солидный перевес, чего всегда прежде добивались политтехнологи Путина, чтобы психологически подавить противников громадностью народной поддержки. Для этого власти пришлось пойти на фальсификации — карусели, приписки, «мертвые души», вбросы. Таких фальшивых избирателей набралось тринадцать с половиной процентов.

Да, Путин победил на последних для себя выборах. Но имеет ли он ту всенародную поддержку, о которой нам талдычат его прихлебатели. Пятнадцать процентов жрущих Россию негодяев останутся при Путине, лишь пока ему ничего не угрожает, фальшивые голоса карусельщиков в расчет не идут, это «мертвые души», они не смогут защитить своего избранника по причине отсутствия, а те тридцать пять процентов безумцев и простаков, обдуренных и облапошенных, глупых и боязливых, словом, тридцать пять процентов подверженных внушению людей, из-за этого теряющих здравый смысл, они скоро очнутся, оглядятся, опамятуются, почувствуют себя нагло и цинично обманутыми. И Путин вновь останется при своих призрачных пятнадцати процентах поддержки. А что там заготовлено у кремлевских пиарщиков, чтобы в очередной раз надуть этот воздушный шарик под названием «Президент В.В. Путин»?

Технологические ресурсы, с помощью которых из Путина делали Президента России,

практически исчерпаны. Повторять их заново нельзя, у народа хорошая память, да и образ дорогого Владимира Владимировича — рулевого, спасителя, полководца, кормильца, царя-батюшки, дзюдоиста и горнолыжника — просто надоел.

Кому-то подобные разработки выборных технологий по созданию культа личности при полном отсутствии личности покажутся безумными, но разве прежние выборы, выделка президентов Путина и Медведева из никого — не безумство? А разве не безумство электорату по-прежнему верить в очередную имитацию личности президента, состряпанную кремлевскими политтехнологами в виде культа для поклонения, разве не идиотизм считать, что навязанный нам великий никто чудесным образом выведет страну из тупика? Мы убедились, что Путин и Медведев — это всего лишь продукты политических технологий, грязных технологий, так в учебниках по «публик рилейшн» называют технологии обмана избирателей. И потому ждать доброго для России от культа безличности, надеяться на такую безличность, тем более видеть в ее избрании «волю народа» и подчиняться ей — вот где настоящее безумство.

notes

Карл Густав Юнг (1875–1961) — швейцарский психолог и психиатр, основатель одного из направлений глубинной психологии — «аналитической психологии».